ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

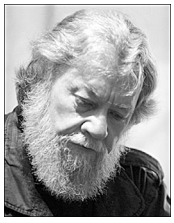
НИЖНИЙ НОВГОРОД

NIZHNY NOVGOROD 2(61)/2025

Василий ДВОРЦОВ
Москва
4

Александр ЛОМТЕВ
Саров
79

Андрей ОГИЛЬКО
Луганск
92



Владимир Алейников
Коктебель
97

Эльвира КУКЛИНА
Нижний Новгород
102

Светлана ЛЕТЯГА
Набережные Челны
107

Александр ОРЛОВ
Москва
110

Елена ГОФМАН
Ленинградская обл.
114

Андроник РОМАНОВ
Москва
129

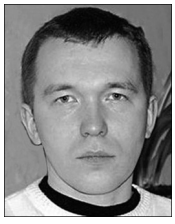
Ольга КОСОВА
Кстово
133

Сергей НОЧЕВНОЙ
Ангарск
139

Алиса СТРЕЛЬЦОВА
Нижний Новгород
147

Епископ Геннадий (ГОГОЛЕВ)
Алма-Ата
155

Наталья СТРУЧКОВА
Нижний Новгород
160



Андрей РУДАЛЁВ
Северодвинск
173

16+

В НОМЕРЕ

Проза

Василий ДВОРЦОВ
СЧАСТЬЕ. *Повесть* *4*
Александр ЛОМТЕВ
ДЯДЯ ВАСЯ И ДРУГИЕ
Хроники одного двора в секретном городе С. 79
Андрей ОГИЛЬКО
ДЕВОЧКА 92

Поэзия

Владимир АЛЕЙНИКОВ
О ЧЁМ ЖЕ ТЫ ВЕДАЛ ПОД ВЕТРОМ СЕДЫМ?.. 97
Эльвира КУКЛИНА
СОВЕРШИМ ТРИДЦАТЬ ТРИ ОБОРОТА... 102
Светлана ЛЕТЯГА
НИЧЕГО, ЧТО ПОД НЕБОМ – КАМНИ... 107

Проза

Александр ОРЛОВ
КОГДА МЕНЯ НЕ БУДЕТ 110
Елена ГОФМАН
ДЕВОЧЕК БИТЬ НЕЛЬЗЯ 114
У ЛОШАДИ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КРОВЬ 119
НЕ ЧАЮ ВЫПИТЬ ЧАЮ... 126
Андроник РОМАНОВ
ДЖЕКПОТ. 129
Ольга КОСОВА
ОБИДА. 133
Сергей НОЧЕВНОЙ
СТАРЦЕВ ПОСОХ 139
ГУРЬЕВЫ ПЕРЕХАЛИ ЖИТЬ К МОРЮ 143
Марина ПЕТРОВА
ТВОИ СЛОВА. 145
Алиса СТРЕЛЬЦОВА
РЫБА. 147

Поэзия

Епископ Геннадий (ГОГОЛЕВ)
СКРИПКА 155
Наталья СТРУЧКОВА
ЕСЛИ НЕЖНОСТЬ, ТО БОЛЬ И НЕ В СЧЁТ.... 160
Дмитрий УНЖАКОВ
РОСЕ ПОД СТАТЬ 165

Стихи по кругу

Валерий МАККАВЕЙ 168
Никита БРАГИН 168
Лариса БУХВАЛОВА 169
Кселена ЛИТВИНОВА 169
Владимир ЛЕБЕДЕВ 170
Валерий РУМЯНЦЕВ 170
Яков ШАФРАН 171
Лев ПИРОГОВ 171
Андрей ДЕМЕНЮК 172

Публицистика

Андрей РУДАЛЁВ
Из книги ПРОКЛЯТЫЙ ГЕРОЙ
Роман «Санькя» Захара Прилепина в контексте эпохи 173

Литпроцесс

Вера СЫТНИК
«ВСЯ ПЛАНЕТА И ЕСТЬ ЕДИНЫЙ ВЕЛИКИЙ ХРАМ...»
О повести Виктора Кустова «Вестник» 224
Евгений ЭРАСТОВ
КРОШКИ ВОЛШЕБСТВА
О поэзии Евгения Чигрина 234

Проза

Василий ДВОРЦОВ

Родился в 1960 году в Томске. После окончания Молчановской районной школы переехал в Новосибирск, учился в медицинском институте и художественном училище. Работал в различных городах СССР театральным художником, оформил более 50 спектаклей. В 1983 году стал реставратором и художником Русской православной церкви. В его активе 400 авторских икон и картин по всей стране, росписи двух храмов в Сибири.

Автор книг прозы и поэтических сборников, многочисленных публикаций в литературных журналах. Председатель Совета по прозе Союза писателей России. Член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, Совета экспертов Патриаршей литературной премии им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Живёт в Москве.

СЧАСТЬЕ

Повесть

1

О смысле жизни удобнее всего думалось после ужина. Пока Люська помыла посуду, разобралась с холодильником, перекладывая «на завтра» что-то из морозилки в основной отдел, сменила полотенца и подготовила мусор к выносу, хрустко замяв скопившиеся за неделю пластиковые бутылки, Алексей Александрович автоматически, без вкуса выкурил на заставленном пропылёнными стульями, тумбами, коробками и мешками балконе сигаретку, окончательно убедив себя в том, что всё не случайно. Всё.

Даже то, что городок его несладкой жизни назывался Счастье – Щастя, тоже наверняка промыслительно. Что в своём окончании прояснится неизбежно. Или в окончании его, Алексея Александровича.

Точно об этом же он думал и тогда, в четырнадцатом, глядя в такое же малолунное, розовеющее с восточного края июньское небо над непривычно ещё вдруг почерневшим, посечённым страхом городком, когда после неожиданно короткого, но жёсткого боя его оставили повстанцы.

Тогда в полночь кемпинг на въезде в Счастье захватил взвод региональной теробороны под командованием самой Надежды Савченко. А дальше полусотня из двадцать четвёртого батальона «Айдар»* плотной автоколонной пронеслась сквозь город до выезда в сторону моста,

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

где началась уже жёсткая перестрелка, продлившаяся до утра. Обидно было донельзя – если б не инвалидность, вряд ли бабы уговорили бы его всю ночь просидеть меж ними на полу под буфетом, сдвинутым к кухонному окну от возможных залётных пуль или осколков. И потом, слушая отдаляющиеся куда-то за канал перемётные перестрелочные всплески, гранатные, миномётные бахи и рыки бронетехники, Алексей Александрович уговаривал и уговаривал себя: всё, всё не зря, в конце концов всё будет справедливо, только это не просто, не линейно. И правда вернётся, обязательно вернётся.

Первым делом командир батальона айдаровцев*, бывший комендант «Самообороны майдана» Сергей Мельничук** приказом сместил главу Живлюка, растерянно метавшегося меж приказами из сепаратистского Луганска и из промайданного Лисичанска, и назначил военную администрацию с опорой на местную казачью Академию «генерала» Ткаченко. Населению объяснили, что это вынужденная и временная мера, поскольку «правоохранительные органы коррумпированы, а гражданская власть работает неэффективно». Но «Айдар»* вскоре перебросили под Луганск, где при попытке лобового штурма столицы самовозглашённой республики батальон сильно потрепали. А после затяжных боёв у луганского аэропорта айдаровцев* и вовсе отвели для переформирования в Северодонецк, где в первый раз попытались растворить в десятой отдельно-штурмовой бригаде.

Сменившие теробороновцев бойцы девяносто второй бригады ЗСУ первое время особо не наглели: никто ведь не понимал, что такое АТО, надолго ли и чем кончится. Более того, армейцы активно демонстрировали максимальную обособленность от гражданских. К тому же как ветеран Афгана комбриг Виктор Никалюк привёз свои бизнес-интересы и с мистячковыми атаманами из ментов и казаков в дружбы не играл. Местные в ответ попытались подловить его на организации масштабной контрабандной торговли с луганскими сепаратистами, в том числе и оружием. Однако следственная группа как-то неловко подорвалась на фугасе, и дело замялось.

Первое время по восточным регионам ориентация власти переменялась в зависимости от прогноза погоды. Граница ещё не сформировалась, и на памяти счастьинцев остался дерзкий диверсионный рейд с того берега с попыткой захватить в плен «казачьего генерала», славно, что Ткаченко успел выпрыгнуть в окно и убежать в лесопосадки. Но удары правопорядку прилетали и с тылу: последним местных атаманов напугал самовыдвиженец на промежуточные выборы шестнадцатого года харьковчанин Андрей Лесик, который призывал ректорат к «украинско-русскому миру»! Пришлось скинуться на то, чтобы вызванное киевское СБУ арестовало наглого «москаляку». Собранный из селян добровольческий батальон особого назначения милиции порядка не добавил – так, пугал алкашей и обкуренную молодёжь. Да, уже при реорганизации милиции в полицию в Счастье спустили тоже офицера-харьковчанина из армии Максима Кокшарова, который сгоряча обещал народу прекратить взяточничество и хамское отношение служащих МВД. Но, подёргавшись в одиночестве, через год вернулся на контракт с армией и где-то пропал.

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

** Внесен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

Несмотря на наполнение военными, всё равно улицы города заметно опустели. К шестнадцатому году из тринадцати тысяч жителей в Счастье осталась едва ли половина. Позакрывались мелкие магазины, аптеки, бытовые мастерские, детсадики. Вокзальная площадь теперь функционировала как рынок, на котором больше слушали, меньше говорили. Слушали-смотрели и по квартирам, как по телевиденью Киёв страшно лякав Москве европейской «реакцией» и обещал блаженства от совсем скорого уже вступления в ЕЭС. Для чего Верховная Рада с кулачными потасовками голосовала за тотальную десоветизацию, народные академики разоблачили искажения москалями «прекрасной та геройичной украйинськойи истории», а эстрадные звёзды вот так запросто звали молодёжь «резать русню».

Но то взбудораженная майданом столица. Местные же власти, оборонясь бетонными блоками, через утяжелённую бронежилетами, разгрузками и касками охрану призывали к спокойствию и благоразумию – мол, всё-всё устаканится. А кого, собственно, надо было призывать? Буйные и дерзкие сбежали и засели за Северным Донцом, неугомонные утекли на запад, так что в городке остались, может быть, и недовольные, но тихо согласные. Только когда в городок вернулись два взвода «Айдара»*, мэрия провела наказную десоветизацию: для начала свалив памятник Ленину, Комсомольскую улицу переименовали в Спортивную, Советскую в Центральную, Ленина в Каштановую, Ворошилова в Радужную, а Чапаева в Цветочную. «Десоветизация» получалась ещё та – как раз при Советах их Счастье сравнивали с Незнайкиным Цветочным городом. Тогда юным Винтикам-Шпунтикам, Кнопочкам-Пилюлькиным и прочим коротышкам это очень льстило.

Хотя основные части ЗСУ, прибывавших в зону объявленной президентом АТО, базировались в Лисичанске и Северодонецке, Счастью тоже перепало: тугие спирали колючей проволоки обвили-обозначили «вийскови объекты» – штабы, склады и гаражи, особо охранялась ТЭС, да пустующий детский сад теперь был занят под казарму. Военное командование и гражданская администрация в конце концов вступили в договорные отношения, и самостийный «Айдар»* оттеснился на въездные-выездные блокпосты. Более того, при участии ОБСЕ появилась «международная договорённость» об обустройстве стационарного контрольно-пропускного пункта на закрепившейся границе. Пока утверждались план и бюджет, уже прошла вербовка ткаченковских козаков в погранцы – «зарплата без задержек, полный соцпакет».

И понемногу городок привыкал, прилаживался к новому режиму погранично-прифронтовой зоны: свет горел, вода текла, администрация что-то решала, несла службу милиция-полиция, почта, банки, школы, больница-поликлиника, кое-что из предприятий, и, главное, Луганская ТЭС, продолжали работать. Плюс появились новые околовоенные и приграничные подработки.

Из-за переизбытка теперь мужского населения над женским не затихала жизнь вокруг кафешек и пивнух, осекаемая только комендантским часом. И вот загадка: ладно б колы розлывный «наполэон» та пыво з ракамы спожывалы зэсэушныкы, но откуда лишние деньги у местных безработных? Какие-такие у них околовоенные приработки? Мародёрство? Обслуга? В чём и чем?..

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

Гарными квитками распустился до того чахоточный «бизнес» Алексеевой соседки по лестничной площадке Ксюхи Панько – «салон красоты Кэ энд Пэ». Ну, цирюльни. Наискось от салона, как раз в бывшем детском саду, расположилась казарма девяносто второй бригады. Молодцэвати лэйтэнанты и брави сэржанты с утра до вечера в очередь натирали много повидавшие кожзамовые кресла, почти ежедневно поновляя крутые полубоксы, площадки и фрейды. Ошалевшая от счастья Ксюха в свои критические сорок переименовалась в пани Касеню и перешла в львивьску мову даже у себя на кухне.

Ремучастку Алексея Александровича армия тоже подкинула давно невиданную халтуру – заказ на перемотку двух сотен трансформаторных якорей для дизельных двигателей броневиков «Kozak». Так что смена теперь растягивалась на двенадцать часов. И тогда он, трудно убегая от нагоняющих южных сумерков, смешно подпрыгивал, как Паниковский из «Золотого телёнка», дабы не пришлось прятаться по закоулкам от патрулей.

Шестнадцатый год их семья встречала под телевизор, без гостей. Хотя бутылка шампанского и курица с заливным, оливье, мандарины с «Коркуновым» на столе, как полагается, отметились. Понятно, что Алексей Александрович и Юля всю радость праздника сосредоточили на дочурке: Люська, которой через неделю исполнялось десять, заранее напридумывала семейный спектакль, распределив-раздав родителям роли каких-то профессора Альбуса Дамблдора и профессорши Минервы Макгонагалл, а сама, надевая-снимая очки без стёкол и меняя голос, перевоплощалась то в мальчика Гарри Поттера, то в девочку Гермиону. Алексей Александрович быстрее заучил роль, нежели имя своего героя Дамбил… Дамблдора. То ли дело – Минерва. Хотя её фамилию он не смог даже произнести. Все постоянно махали волшебными палочками и творили чудеса. Понарошку. Ну, как бы. А главное – пока с досадными запинками и потешными импровизациями представление двигалось, невидимый русский Дед Мороз подложил под детскую подушку синюю козочку, альбом для девочек «Мои секреты» с наклейками и спортивный костюмчик.

Пробежала бойкая и пышная южнорусская весна, за которой навалилось безжалостно палящее, месяцами безоблачное лето, облегчённое дождиками очень неспешащей в тот год осени…. Запылённые каштаны и пирамидальные тополя с жестяной листвой меж редко расставленных трёх-пятиэтажных домов, полопавшийся от жары асфальт и выгоревшие до серости клумбы. Все, кто и когда мог, выбирались пройтись-погулять по набережным двух огромных прудов-отстойников теплоэлектростанции, а если искупаться? Для этого нужно было выезжать на Чистенькое озеро. Но это только по выходным, семьями. А в такие мутные времена лучше бы большими компаниями… Так что охлаждающего, с дождливыми ветрами, октября Счастье едва-едва дождалось.

Гражданская война, яростно прогремев по угольно-шахтовым югам, их район, в общем-то, пощадила. После нескольких стычек оба берега Северного Донца прокопались рядами кривых траншей, укреплёнными блиндажами и дотами, а единственный сохранившийся мост на въездах глухо забаррикадировался бетонными плитами блокпостов и настороженно заминировался. В окопах и по-за окопами одинаково вооружённые

советским оружием и экипированные советским же камуфляжем, советскими касками и бронежилетами недавние одноклассники и друзья, вдруг отказавшиеся друг от друга родственники и взаимопроклятые кумовья стали напряжённо чего-то ждать, изредка перестреливаясь и перекидываясь минами, да, пользуясь непогодой, делать мелкие диверсионно-разведывательные вылазки для острастки недавних, отказавшихся и проклятых.

Конечно, Алексей Александрович не мог знать, как оно там, в центральной Украине и Прикарпатье, но тут, в восточных регионах, на его глазах политические предпочтения делили народ на три примерно равные части: перши упорото заклыкалы за Европу, другие упирались за Россию, третьи держались тилькы за сэбэ. В затяжном затишье первыми обрели былое громкоголосие радетели того, шо Украйна не Россия. У них теперь любой бытовой конфликт на рынке или в поликлинике легко превращался в «политическую пропутинскую провокацию». Особенно пришлось осторожничать в словах, когда в город на смену туземному приблатнённому «Айдару»* с запада подтянулись культурно-свидомые «Правого сектора»*. Они открыли свой штаб в опустевшем офисе «Аэрофлота», вывесив над дверями гигантские красно-чёрные знамёна, в библиотеке создали «Культурную крепость» с центром гражданской активности, в давно разорённом пионерском лагере организовали для старшеклассников двухнедельные военно-спортивные сборы и двадцать четвёртого августа провели по Центральной улице марш в поддержку захыста украйинськой мовы. С народными песнями, с декламированием стихов Тараса Шевченко. Подростки к ним тянулись как зачарованные.

Далее правосеки* очень демократично, согласно народным наказам поменяли местных чиновников из былых «Батькивщины» и «Партии регионов» на членов новоявленного «Народного фронта». А вот «фронт» уже сам, по бойовому гучно, с хлёсткими разоблачениями местными газетами «Счастьенские вести» и «Жовтневка» в коррупции и превышении полномочий, сместили городских начальников милиции, пожарной части и санэпидстанции, выявили коллаборантов среди учителей школ и лицеев, даже среди преподавателей училища профессиональной подготовки работников милиции и ПТУ на Чистеньком озере. Тогда-то и. о. городского головы стал Александр Богиня. Мгновенная народная реакция не имела авторства: «жили под Богом, проживём и под Богиней».

В девятнадцатом году в Счастье прошли первые после девятилетних недоумений выборы президента Украины, и наконец-то торжественно, в присутствии иностранных наблюдателей и корреспондентов, на мосту открылся долгожданный пропускной пункт через границу. Ну как есть в Европе: с электронной выдачей пропусков, с комнатой матери и ребёнка. И казалось бы, всё теперь устоялось, опять как-то можно жить. Глядишь, и АТО отменится…

Но пока одни минские соглашения сменялись другими, пока Америка, Англия, Франция и Польша клятвенно обещали Украине всемерную помощь на случай любой обиды от Москвы, именно тогда по Европе волнами покатились какие-то супермасштабные учения. То НАТО с Польшей, то России с Беларусью, и каждый раз на границе опять ста-

* Террористическая организация, запрещенная в России.

новилось тревожно. Лишь ничем не смущаемые служащие ОБСЕ на красивых белых джипах переезжали по мосту от ЗСУ к Народной милиции и обратно, чуть брезгливо выслушивая обе стороны о нарушениях режима тишины: «один взрыв, один пролетевший неопределённый боеприпас, две вспышки дульного пламени, пять осветительных ракет, двенадцать очередей из автоматического стрелкового оружия»… Ну кто, что, а главное, кому предъявлял здесь какие-то претензии по несоблюдению какого примирения? Мелочь на мелочь. Тут Крым Москва отдавать не думала, а Киев, по переговорам с Америкой и Англией, то шёл, то не шёл на особый статус Донецка и Луганска.

Оскомина от большой и дальней политики доводила «мелочь» до тошноты. На работе, в гаражах и за кружкой пива разговоры у мужиков с мировой политики и «европейского украиноцентризма» неизбежно сворачивались в витчызняну социальность. Это ж слепому видно, что многообещающая Европа бесплатным салом делиться совсем не спешит, а вот ридна коррупция – туточки, никуда не делась. Хоть и поменяла партийность. И после столичных майданов дви тысячи чэтвэртого и чотырнадцятого рокив остались-залышилыся местечковые родство-кумовство, чванство и злобная завистливость – городской бюджет и прибыльную торговлю делили всё те же, как и при Советах, и при Кучме, и при Порошенке*, семьи. И ментовское самодурство со взяточничеством имело прежние фамилии. Короче, никакого обновления местному суспильству политические перемены не донесли. Взрослым многое можно перетерпеть, однако жаль было детей и молодёжь, чьи лучшие годины выпадали на это проклятое «перетерпение».

Как и в городке, терпеливая жизнь продолжалась и в подъезде их четырёхэтажной хрущёвки: обе квартиры наверху по-прежнему стояли пустыми, жившая напротив Алексея Александровича махонькая и сухонькая бабулька Татьяна Марковна всё так же ходила в свою церковь, на втором этаже вечно вспаренные Платон и Галинка от зари до зари безуспешно утихомиривали своих четверых беспричинно орущих и визжащих мальцов, а пани Ксеня перебивала детские запахи ароматами офицерского парфюма. На первом три раза в неделю гнали горилку и в остальные дни сами её потребляли давно не сидевшие за мелкое воровство братья Цвяхи.

Если б не жена, потерявшая с банкротством своей транспортной компании хлопотную, но столь ей нравящуюся должность делопроизводителя, Алексей Александрович также совершенно смирился бы с происходящим. И дело же не в деньгах, которых всегда мало, а в том, что супруга затосковала. Словно что-то выпало, потерялось вместе с десятью годами сложнейшего бумаговращения с непрестанными ЧП и форс-мажорами из-за человеческого фактора. Теперь Юлия тяжело спала до полудня, а с трудом поднявшись, бессмысленно медленно шаркала по дому в незапахнутом сине-чёрном шёлковом халате поверх застиранной ночнушки. Перестала не только краситься, но и поновлять причёску у Ксюхи. На все вопросы через паузу выдыхала едва слышные «да» и «нет». А главное – это почти никогда ранее от Юлии неслыханное «пускай», которое своей повторяемостью даже дочку пугало. Люська, придя из школы, к матери теперь не приближалась. Зато когда возвращался

* Росфинмониторинг включил Петра Порошенко и его сына в список террористов и экстремистов как объединение.

с работы отец, от него буквально не отлипала. О, эти обнимашки с шёпотом о том, что за день произошло в школе и дома: в школе опять новый учебник об истории украинцев на мове, а дома к маме заходила баба Таня Марковна, зазывала её в церковь, и Люське дала скуснейшую пастилку. Так и шептала с причмокиванием – «скуснейшую». Аж у Алексея Александровича самого во рту сладко-кисло становилось.

Было время, когда Алексей Александрович только самодовольно хмыкал, слушая за спиной мужицкие подколы, порой даже по грани терпимого, – чем он, хромой сорокадвухлетний старик, смог заманить, но главное, чем он удерживает молодайку, младше себя на двадцать лет. И ведь не дурнушка какая-то, очень даже заметная. Особо эта тема сверлила карщика их смены Мишку-Шкалика, мелкого, черняво-цыганистого живчика, женатого уже пятый раз, но наверняка опять ненадолго:

– Да он колдун, буха-муха, колдун! А как иначе? Любой, буха-муха, может молодую сговорить, а вот дальше? Тыр-пыр, цветочки-конфетки, комплиментики, от них любая на-на, а потом? Буха-муха, конкретно психологическое рабство, типа сектантства. Есть такая сексуальная магия. Саныч, ты где ей обучался? У кого? Чё молчишь? Клятву, поди, давал о молчании. Ну, хоть пару поз покажи, только пару, баха-муха. Кто кому как?

Стоило им где-то пересечься – в курилке, столовой, раздевалке, как всё у Шкалика сползало на это – «чем ты её держишь»? Один раз на доставшего своей дятловостью Мишку он было закусился, сгрёб, сдавил недовеска за ворот, но каким-то чудом удержался. Долго мыл руки, недоуменно разглядывая себя в зеркале: пятый десяток разбил, пора поумнеть.

Через десять лет Мишка сгинул страшно – под выстрелами огнемётчика-нацгвардейца, когда в марте двадцать второго Шкалик попытался на своей баклажановой «четвёрке» вывезти из Северодонецка по объявленному русскими гуманитарному коридору троих детей и двух жён последних браков. Все шестеро сгорели заживо. Все.

Конечно, Алексей Александрович, выслушивая версии своей мужицкой власти, как ни старался, не мог равнодушничать. Немножечко, но самохвалился. Право, завидуйте, завидуйте: да, хромой, да, не молод. Хотя накручивать лишнего тоже не надо: Юлия младше его только на шестнадцать лет, а не на двадцать. Ну да, действительно, вашим вниманием очень даже не обижена. Но разве кому-то стоило объяснять, что «секрет» их семейного лада состоял в том, что это не он её «держал», а она его. Надо ли было это объяснять, и кому надо?

По окончании школы Юлия три года безуспешно пыталась поступить в Харьковский национальный медицинский университет. Совершенно правильная, почти отличница, настоящая славянская красавица с сильными формами, рослая, белокожая, с лет сто уже немодной, тяжеленной косой, гордо откидывающей совершенно античную голову, казалось, не должна была встречать противления ни в чём. Любые обстоятельства должны были растрескиваться и осыпаться под несуетным взглядом, но вот поступить на со школы вымечтанную детскую терапию у неё не получалось. Видимо, так её воспитали родители-колхозники, или же врождённая романтичность виновата, но Юлия совершенно искренне не догадывалась, что в мире есть злость, грязь, подлость, низость. Уж тем более извращения. И что они – грязь, низость и извращения – не прощают красоту и чистоту. Ей даже не делали неприличных предло-

жений, даже не намекали на взятку или что ещё, а просто, если могли, обрубали всякие её намеренья. Назло, со зла. От зла.

После третьей неудачи на экзаменах, Юлия не вернулась в Передельское к родителям, а задержалась у очень престарелой тётки в Счастье и по соображениям географической близости устроилась на ТЭС. Место для ничего не умеющей девушки нашлось на их ремучастке: вести график выхода на работу, выписывать и закрывать наряды, принимать заказы на инструмент и расходники.

Алексей Александрович с первого дня, совершенно без задней мысли, стал покровительствовать новенькой, незаметно для Юлии пресекая ещё только затеваемые вокруг неё шутки, очень даже не всегда милые. Ведь юная красавица с первой же минуты попала в центр мужского внимания, а так как команда у них трудилась, гм, пёстрая – кто-то с реальным тюремным стажем, кто-то просто блатнящийся, так что, кабы не авторитет Саныча, девчонку очень могли обидеть.

Юлия, даже не подозревая о не раз уже опробованных, подленьких ловушках и засадах, как-то сразу почувствовала на себе заботу крупноголового и тяжелорукого, невозмутимо-степенного сильного человека. И при встречах, иной и десять раз на дню, всегда спешила светло-солнечно улыбнуться как совершенно своему. Ответно у Алексея Александровича по груди расползалось тепло. Становилось сердечно светло оттого, что кто-то точно так же, без всяких-яких подтекстов, ему рад. Давно он такого не переживал. Давно.

Через две недели Юлия остановилась у его верстака и, забавно смущаясь, спросила: не найдётся ли у Алексея Александровича время подремонтировать у тётушки перекосившуюся и насмерть заклиненную входную дверь? Так как домик второй день не закрывается, тётушка очень боится. Ну, или пусть Алексей Александрович подскажет – к кому можно обратиться за помощью?

Зачем к кому-то? Вечером они пили чай в пропахшей кислым тестом и айвовым компотом крохотной кухоньке старой, с округлыми окнами, мазанки, явно пережившей ещё Великую Отечественную. Да, точно, тётушка помнила немецкую оккупацию, крепко помнила, как перед отступлением фашисты заняли их домик, выкинув мать с пятью детьми на залитую дождями улицу. «Мы выкопалы яму, застэлылы та пэрэкрылы очэрэтною соломою з плавней. Та то ненадовго, русские швыдко прыйшлы, й мы у хату повэрнулыся». Некогда крупная, ширококостная, а теперь высохшая, согнутая в поясной поклон, черносливно сморщенная тётушка из-за толстенных линз внимательнейше рассматривала Алексея Александровича. Так неотрывно беззастенчиво вглядываются в собеседника не только слепые, но и давно не имевшие общения с незнакомцами одинокие люди.

– Ты, добрый чоловик, одружэный? – Тётушка прислонялась почти до касания.

– Был женат. Теперь вольный.

– Чому?

– От глупости. И моей тоже.

Юлия сморщила нос, извиняясь за вопросы. Но Алексей Александрович упредил:

– Пять лет уж как попрощались. Даже не больно.

– Пишла?

– Ушла.

– До иншого?

– Да.
– З дытыною?
– С сыном.

Сделав какие-то выводы, старуха отвалилась. Теперь она с тем же приближением вслушивалась, почти внюхивалась в щебет Юлии, наскоро рассказывающей про родителей, школу, университет, про то, как позапрошлой зимой, до начала майдана, поработала в профилактории Луганской ТЭС, а в прошлую зиму – в передельском сельском детсаду. Со скрипом стула поворачиваясь на сто восемьдесят градусов, старуха точно так же вглядывалась-внюхивалась и в неспешные, через паузу, рассудительные комментарии к Юлиным историям Алексея Александровича.

По опустошении большого вербилкинского фарфора заварника и заметном уменьшении горки овсяных оладушек выяснилось, что в доме уже три года не работает старинная, ещё ножная швейная машинка «Зингер». Что-то там заело, не прокручивается. А ещё хозяйка давно уже не пользуется перегоревшей электродуховкой. Договорились на ближние выходные, так как для машинки и плиты требовался другой инструмент.

Со следующего дня Юлия и Алексей Александрович отчего-то старались встречаться как можно реже, издалека придумывая, как им проще разойтись-разминуться на дорожках ремучастка, – когда появилось внутреннее, общение внешнее стало необязательным, почти лишним.

А потом Юлия пригласила его в кино. Оказалась тупая американская стрелялка, да ещё переозвученая на мову. Зато как они веселились, комментируя увиденное и услышанное. И ещё она попросила сопроводить её в Лисичанск для передачи кому-то наличных: тётушка накопила с пенсии плюс продала соседям свой давным-давно заброшенный огородный участочек и теперь через дальнюю родню посылала деньги в Глухов, своему бестолковому онуку Миколе, который собирался эмигрировать в Канаду. Почему туда? Бог весть, наверное, бежит из-под следствия. Или от бандитов. Родня роднёй, но никогда же не виданная, поэтому Юлия, ну, немного осторожничала. И совершенно правильно – лихое время многих перевернуло-перекрасило.

В суетно-деловом после их сонного Счастья Лисичанске они в удовольствие погуляли по пышному золотоосеннему парку позади местной Рады, пока окончательно не промёрзли на вроде и не сильном, но непрерывном восточном ветерке. И тогда-то Алексей Александрович уговорил-усадил Юлию за столик в кафе.

Комплекс «У оленя» расположился прямо над поросшим орешником и акациями обрывом – Лисичьим яром, под которым широко, до неявного горизонта расстилалась пойма Северного Донца. Осенне низкое небо блеклой серостью налегало на притуманенный, но всё равно восторгающий цветностью ноябрьский ландшафт. Развёрнутая серость облачности узко отражалась серостью напряжённо кривящейся, покрытой пупырышками мелких волн реке.

Беззащитно-бесстенная дощатая площадка с двумя десятками пустых пластиковых столиков под зрительно тяжёлой, какой-то китайской, пагодной крышей, продувалась от реки куда сильней, чем аллеи парка. Конечно, шашлык, кофе и миндальное пирожное – не идеальная вкусовая гармония. Но от вина или пива Юлия отказалась решительно. Не борщ же предлагать девушке! Минут десять молча ждали заказ. Воробьи садились на столик, заглядывали в лица ёжащихся, по самые

уши прячущихся в воротники людей, угрожающе чирикали с требованием честной делёжки. Наконец молоденький армянин с ненужной заботливостью неспешно расставил тарелки, выверил расположение завёрнутых в салфетки вилок и ножей. А вот кофе был в бумажных, под пластиковыми крышками, стаканах. Юлия и Алексей Александрович уже совершенно бесчувственными пальцами похватали парящие слюноточивым духом шпажки с, увы, немного пересушенным мясом и подгорелым луком.

– Вы женитесь на мне?

К такому вопросу не подготовишься. Даже если в самых запретных, самых невозможных мыслях что-то об этом и крутилось, но не так, не в такой форме!

– Вы же хотите на мне жениться?

Да что эта девчонка себе позволяет! Алексей Александрович неосторожно крупно глотнул обжигающий американо.

– Как и все.

Его шутка не попадала, хотя взрослый, уважаемый товарищами по работе, самодостаточный во всём, даже в чистом холостяцком быту, мужик обескураженно пытался найти выход из того позорища, в который его обрушила молодайка. Ну что эта девчонка себе позволяет!

– Так женитесь!

Ей бы сейчас встать на одно колено и подать ему обручальный перстенёк.

– Алексей, я этого тоже хочу. Пожалуйста, женитесь на мне.

Да, понятно, что потеря работы лишь частично объясняла-оправдывала депрессию Юлии. Слом внешнего режима завершил, сделал видимым долгое невнятное крушение внутренних опор её мировоззрения – ей приходилось признавать – признаваться! – что в жизни зло не просто присутствовало, но его было куда больше, чем мог вместить её разум, тем паче принять. Увольнение лишь завершило обрушение действительно порой поражающей Алексея Александровича наивностью картины мира.

А первым и, пожалуй, так и оставшимся главным подломом основ Юлиной наивности стала потеря связи, какой-то безумный разрыв с родителями.

Вот что селюкам давало вступление в ЕЭС? Какая-такая Европа их у себя ждала? Но вышедший на пенсию тесть от телевизора не отходил, каждый день с восторгом узнавая то, что, оказывается, «москали вид нас прыховувалы». Вдруг даже проболтался, что два его дяди по матери служили у нимецькии полиции и потом у Сыбири строк тягнулы. Борци за волю! Некогда тесть, как все его соседи-гречкосеи, только футбол смотрел да областные новости, но с началом первого майдана, а особливо после того, как с очередной попытки «Партия Украины» Ющенки-Тимошенко всё же звалыла бандюка Януковича, словно кто-то в него вселился, как чем старый заболел. Ещё и тёщеньку заразил. А ведь она-то была много мудрее свого чоловичэнько, хотя даже восьми классов не окончила. С четырнадцати лет вышла работать на совхозную ферму, помогать овдовевшей мамке кормить-тянуть младших.

Деды смаковали даже то, что свою дочку воны назвалы як смилыву Юлэньку Тимошэночку, которая, будь она президентом, не сдала бы Крым! Которая вот так и бросила в лицо Путину: «Я подключу все свои

связи, подниму весь мир, как только смогу, для того, чтобы, блин, от России не осталось даже выжженного поля!».

Понятно, приезжали «молодые» в Передельское всё реже, а последние три года вообще только на дни рождения. Ужинали с неизбежной ночевой. Но даже тогда тесть едва досиживал до конца застолья, а потом, когда укладывались по смежным комнаткам спать, нарочито громко – хотя как бы только жене – обзывал зятя «путинским агентом».

Алексей Александрович как мог уходил от политических тем, пытался даже легко отшучиваться, вроде бы к месту цитируя «Свадьбу в Малиновке»: «Чует мое сердце, что мы накануне грандиозного шухера» и «Тридцать пять лет тебе говорю, Гапуся: не спеши! Потому как непонятно».

Однако от последнего получалось только хуже. К «агенту» добавлялись «ждун», «зрадныk» и «колорад». Под поглаживанием чуть не плачущей Юлии приходилось и это терпеть, хотя телевизионная дурь стариков очень даже провоцировала на ответку. Ладно бы древние укры – тут выдумывай во все стороны, но чем перед совхозниками оказалась виноватой советская власть? Всё ставилось с ног на голову: всем сельским неурядицам зачинщиками были Ленин и Сталин, понятно, во их всех бедах корились Хрущёв с Брежневым. «Свобода слова», «Говорыть вся Украина», «Стосуеться кожного» – киевские политические ток-шоу азартно пересказывались, как семейные хроники. В какой-то момент оказалось, что деды даже про голодомор помнили, хотя родились после Второй мировой.

Юлия, разделяя мужнюю позицию всетерпения и ценя его самообладание, но уже нескрываемо мучаясь, воспринимала всё более шизоидный разрыв с родителями. Иногда во дворе или на летней кухне пыталась тихо увещевать свою матинку, но та только губы поджимала. Почему старики их от себя так отпихивали? Отчего, отчего вдруг? Из-за Крыма, в котором никто из них ни разу не был?.. Или из-за Валерия Болотова, за чьи вразумительно социалистические убеждения Алексей Александрович посмел заступиться?.. Вопросы без ответов, без убеждающих ответов. Люська, по малолетству не ища причин, просто сердчишком чувствовала эту ярящуюся нелюбовь к папе и маме. И по-своему пыталась родителей защитить, капризничая у дедов по любому поводу. Выбрыкивалась и убегала даже от дежурных прощальных поцелуев «ридненькой онучечкы».

Какое-то время от обескураживающего беспричинностью расхождения с до недавнего самыми дорогими, самыми родненькими батькамы, Юлю спасала хлопотливая работа. И тут банкротство транспортной компании… «Да», «нет», «пускай»… А может, ещё что? Или кто?.. Нет, нет, она не стала бы скрывать!

Пробудило Юлию письмо от старшей сестры Вероники из Германии, из Кёльна. Наверное, смешно писать и получать письма в конверте с погашенными марками в двадцать первом веке. И, конечно, у них проходили общения по скайпу, не частые, но раз в пару-тройку месяцев точно. Тогда на два часа квартиру заполняли громкие, стрекочущие звуки высокого женского голоса. Вероника, надо отдать должное, никогда даже не приближалась к политике. Алексея Александровича забавляло, как она своими бабско-бытными мелочами и наивно-девичьими мнениями-сомнениями, с дефиле-показами купленного и перепадшего в дар от хозяйки, возбуждала встречную азартность Люськи. Племянница от-

ветно бахвалилась сделанным на уроках труда, а также обновками, отложенными на вырост. А тётя Вника щедро хвалила золоторукую племянницу, звала в гости, обещая показать аквапарк и музей шоколада, однако неконкретно, тоже «на вырост». Юлия же бесстрастно внимала трескотне сестры, редко давя из себя «да» или «ладно», послушно уступая место перед экраном дочке, уморительно наивно ищущей комплементов за показ обновлённых игрушек, красных туфелек, гребешков со стразами, клеёных салфеточек и пластилиновых морских коньков.

Но вот надо же, именно бумажное письмо пробило растянувшуюся почти на год пелену морочного бесчувствия. Несколько дней Юлия не расставалась с часто исписанной крупным прыгающим почерком бумажкой, подседая где ни попадя, и погружённо, полушёпотом перечитывала и перечитывала фрагментны от начала, из середины, с концовки. Читала, читала и буквально на глазах наполнялась былой силой, разворачивалась-распрямлялась прежней самоуверенностью. Глаза вновь заблестели, голос обрёл опору. Пока, наконец, субботним вечером, с подмогою восшедшей в восторженность Люськи, подкрасилась в свой привычный «орех».

Алексею Александровичу возрадоваться бы и возвеселиться, но, нет, сердце отчего-то ущемила тоска. Провидчество близящейся беды. Его беды. Как раньше говаривали: «кошки на душе заскребли». Почему кошки? Почему не одна, а сразу несколько? Уходит время, уносит смыслы, а чувство сути остаётся – вот и скребут, именно скребут. Кошки царапают душу.

Предчувствие оправдалось. Пришло и другое письмо.

За новогодним, девятнадцатого року, столом «Коркунова» уже не было, как и шампанского с заливным. Вишнёвая наливка, «батончики». И винегрет вместо оливье. Когда отзвучало «Щэ нэ вмэрла Украйины и слава, и воля … Гей-гей, браття мыли…», удивительно за это лето вытянувшаяся, вже не дытына, а дивчына Люська тоже чокнулась с родителями яблочным компотом: «С Новым годом, с новым счастьем»! Алексей Александрович вдруг поперхнулся. Счасть….

Когда он вернулся за стол, промокая лицо зелёным полотенчиком, его затаённо ждали. Дочка явно уже была посвящена в тайну, которую сейчас предлагалось узнать и ему.

– Я еду в Германию. Пришло приглашение на работу в Кёльн, сиделкой в дом инвалидов и престарелых. Сестра застолбила вакансию в персонале для славянских пациентов. – Юлия попыталась втолкнуть ему в мокрые пальцы толстый жёлтый конверт со множеством одинаковых марок.

– Когда? – единственный его вопрос за эту ночь.

– Мама едет в Германию! Мама едет в Германию! К тёте Внике! А Кёльн – это большой город? – Люська прыгала и кричала, не давая Юлии убедительно изложить логику своего решения начать новую жизнь, принципиально новую. Юлия поедет на разведку, всё там осмотрит, освоится и заберёт их. Они переедут. К ней, туда. Здесь ведь уже никого ничего не держит. Ни для кого здесь уже ничего нет. Только умирание. Вымирание. Больше здесь не осталось никаких надежд. И совсем уже шёпотом: неужели Алексей и вправду думал, что она не узнает про то, как у Платона и Галинки их Ванечку обкуренные айдаровцы* изнасиловали?

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

Алексей Александрович конверт так и не взял. Вытирал и вытирал зелёным старым полотенчиком давно уже сухие руки, пока полотенчико не прорвалось.

– Мама едет в Германию! Мама в Германию!!

Вначале Юлия выходила на связь каждый день. Пришли два перевода по двести евро – нужно было что-то поменять в гардеробе быстро растущей дочери. Потом начались пропуски. По два дня, по три. По неделе. Алексей Александрович знал, когда Люська, прождав весь вечер у компьютера, закрывалась на задвижку и беззвучно плакала в подушку. Наутро обида за предательство матери перебрасывалась отцу. Вечная боль подростков: «родители не понимают». Они ничего не понимают! – потому что уже не помнят страхов, не помнят своего ужаса перед неизбежным, необратимым взрослением. Чего бояться им, уже давным-давно взрослым?.. Алексей Александрович, раскладывая утреннюю овсянку по пиалам, делал всё, чтобы не заметить пухлости покрасневших век, не услышать дерзостей на грани хамства. И потому главное утром – не позволить к дочкиной обиде приложить свою.

Ведь его подушка тоже знала то, о чём никому и ничему другому он никогда и ни за что не доверился бы. Его подушка тоже знала про страх. Слышала самый приглушённый в мире скулёж, немое мычание от боязни. Боязни потерять дочь – того, что места в «совершенно новой жизни» ему не найдётся, Алексей Александрович ни секунды даже не сомневался. Потерять дочь. После того, как он уже потерял сына…

Темы общения дочери и матери: погода, цены на обувь, успехи в учёбе, цены на масло, чем пообедали.… Разрывы меж сеансами видеосвязи становились всё длиннее, теперь общались хорошо если раз в неделю. Когда Люси не было, Алексей Александрович не подключался. А дома по вечерам дочка теперь отсутствовала часто.

Договор был один, но жёсткий: до комендантского часа. Никаких ночёвок у подружек, даже с субботы на воскресенье, – нынче не то время, чтобы доставлять неудобства чужим людям. Так почти и получалось.

Бросая курить, Алексей Александрович попытался отпустить бороду, однако по скулам щетина обильно засеребрила, пришлось терпеть никотиновую ломку без отвлекающих моментов – он ещё отец, а не дед.… В прощёлкивании каналов телевизора на экране мелькнула какая-то ведьмообразная экстрасенша: «Во сне собака – символ верности, а кошка – предательства». Вот оно, вот почему «кошки скребут душу».… Кстати, поэтому-то не «собаки душу кусают» и не «козлы бодают»....

Хотя какое предательство?! Нет, всё всегда, изначально и до конца, было по-честному: «Вы же хотите на мне жениться? Так женитесь – я тоже этого хочу»… А теперь не хочу. И это не каприз, это решение, решение выстраданное, выболенное… . Нет, Юлия не предала их, для предательства нужно второе дно, подлость, тайная, скрываемая корысть, а она всегда искренна, она всегда проста, цельна, где-то аж по границе человеческого и… зачеловеческого. Не ангельского, конечно, но… именно зачеловеческого. И Алексей Александрович это знал, знал же с первого дня их знакомства, с самой первой минуты, как увидел и услышал: Юлию никогда и ни в чём не сможет обвинить её совесть. Юлия говорит и делает только то, что вправду думает, только во что свято верит. Вот теперь она начала новую жизнь, свою совершенно новую. И совесть её не обвиняет – не в чем! Но отчего же тогда бунтует

совесть Алексея Александровича? Ему, ему-то почему стыдно?.. Ведь когда-то он и сам такого желал, такой же свободы в решениях, в действиях. В желаниях. «Вы же хотите на мне жениться»… Но разве может немолодой инвалид позволить себе такую свободу…

Люся позвонила утром:

– Пап, мы с Лекой до вечера потусуемся в «Клубке». Обедай сам.

Лека – Лена Кобзарь, одноклассница и лучшая подруга, «Клубок» – выделенные для старшеклассников три комнаты на футбольной базе «Заря». Хотя девчонки только в восьмом, но из-за старшего Ленкиного брата, весной уже выпускника лицея, их туда впустили. Кто выделил помещение? Счастьинское управление министерства культуры, молодёжи и спорта. Чем там занимались? Все спортом, многие фольклором, кто-то литературой или кино. По крайней мере, никаких наркотиков и алкоголя, почти никто даже не курил. На территории «Зари» точно. Ради такого и Алексей Александрович тоже решил бросить: пустые шприцы на улице никого давно не удивляли, подростковое пьянство с драками, грабежами, насилием уже тоже перестало шокировать. А тут – спорт, песни и стихи. Какое-то лотерейное родительское везение.

Воскресный день, когда ты один, тянется… трудновыносимо. С утра отмочил-отскоблил заляпанную за неделю газовую плиту, за чаем дождался, пока стиралка закончит полоскание и отжим, аккуратно развесил на балконе бельё. Телевизор тупо мельтешил сериалами и криминальными новостями. Алексей Александрович начистил к ужину кастрюльку картошки-моркошки, залил до поры водой. Что ещё? Позвонил бывший сотрудник их ремучастка, а с недавнего пенсионер Николай Матвеевич Теплов, они неспешно поговорили о здоровье, о ремонте стартера тепловского «опеля», вспомнили о пиве в «Шинкарке», но согласились, что погода к прогулке не располагает. И правда, зарядивший с рассвета мелкий дождик почти беспрерывно занудно постукивал по заоконным отливам, лужи перед домом понемногу ширились, и разномастные автомобили, воскресно редко припаркованные вдоль тротуара, грустно блестели безклёвными поплавками.

Алексей Александрович постоял на пороге Люськиной комнаты. Повздыхав для самоуспокоения, вошёл – дочка очень не приветствовала вторжения в её жизненное пространство. Никогда не раскладываемый диван-книжка с идеально застеленной постелью, стол с раскрытым ноутбуком меж аккуратных стопок книг, альбомов, тетрадей. Винтажный эсэсэровский красный торшер, который Люська реквизировала из бывшей родительской, а теперь его спальни-кабинета. Окно за жёлтыми жалюзи, обои старые, розовые с ещё детскими динозавриками из мультиков. И по этим, из детства, обоям вразброс наколоты плакаты-постеры уже молодёжной тематики: рокеры, байкеры, Эйфелева башня. Героев «Гарри Поттера» сменили герои «Властелина колец».

Люська, Люсенька. Вытянет ли он? Похоже, хрупкое перемирие с Москвой, тянувшееся уже почти семь лет, заканчивалось. Хитрущий боров Порошенко* тормозил и путал как мог всё и всех, вялотекущая полувойна его бизнес в обеих странах вполне устраивала. А вот нынешний скользкий крысёнок Зеленский, похоже, не представляет, в чём разница между кетчупом в кино и кровью в реальности. Последние два-три года все, кто только мог, ездили из Счастья на очень даже

* Росфинмониторинг включил Петра Порошенко и его сына в список террористов и экстремистов как объединение.

неплохо оплачиваемые министерством обороны фортификационные работы с возведением бетонированных глубинных блиндажей и дотов, с рытьём и оборудованием долговременных траншей. Кому что объяснять – не зря ж такое бабло в землю зарывают. Да и сами ЗСУ на глазах менялись, множились контрактниками, усиливались техникой. В районе счастьинского жэдэ вокзала развернули мощную автобазу на сотню разномастных автомобилей, на площадке яслей «Ивушка» поставили зенитную батарею из двух «Буков», а в гостинице «Северский Донец» заселились польские и английские советники. По утрам их предводимые бэтээрами джиповые кортежи с помпезным гаишным миганием и покрякиванием разъезжались по ближним воинским частям, а вечерами украинские захысныки устраивали своим верным союзникам бурные пирушки с подвозимыми из Лисичанска «девочками» и прочим.

Люська, Люсенька... Вытянет ли он? Защитит ли?.. Может, всё же надо было ему надавить на мать, чтобы забрала дочь к себе, и на дочь, чтобы попросилась к матери… Надавить, перешагнув через свои амбиции и обиды, через принципы. Но теперь-то рассуждать нечего. Да и, если честно, тогда Алексей Александрович очень даже самодовольничал, не потакая, а… попуская Люськиной протестной дерзости. Ну, а куда девалась его самодовольность теперь? Хотя бы самооправдание?..

Одно дело – ребёнок, и совершенно другое – подросток, да ещё девочка. Скоро девушка. Совсем скоро…

– Папа, я же просила не заходить в мою комнату без меня!

Алексей Александрович, застуканный за нарушением своего слова, вздрогнул, в задумчивости даже не услышав, как Люся открывала входную дверь.

– И вообще не заходить!

Люська швырнула рюкзачок под стол, демонстративно не снимая мокрой куртки, припала на диван.

– Ну, чего тебе?

– Обедать будешь?

– После.

Алексей Александрович неловко развернулся, качнувшись, шагнул на выход. Но левая нога предательски зацепила угол полуоткрытой двери, так что, вцепившись в косяк, он едва устоял. Выровнялся, виновато ссутулившись, вышел.

Люська прыжком пересекла комнату, захлопнула за отцом дверь. Дёрнула задвижку. Как же её всё бесило! Заходит, шарится как у себя. А ведь обещал! Никому верить нельзя. И от Леки она такого не ожидала, ну никак не ожидала: отказаться от совета с лучшей подругой ради понтов! Отказаться от дружбы. А как иначе? Можно подумать, Лека не понимает, что Олег-Ярило выказывает внимание малолетке только для того, чтобы подразнить свою Багиру. Можно подумать, двадцатисемилетний атлет и совершенный красавец, имеющий боевые награды, будет всерьёз отвешивать комплименты тринадцатилетней пигалице! Ладно бы Томагавк с Клином или Капер, которым по семнадцать. Да и то у них глаза только на старших завёрнуты, все их дурацкие разговоры – у кого какой номер бюста.

На самом-то деле, Ярило относился к подругам очень даже одинаково. Продуманно одинаково. Всегда с добром, равно мягко улыбался, даже если просто здоровался или доверительно вкрадчиво рокотал сво-

им пробирающим до солнечного сплетения баском, когда поручал очередные задания. И никогда не разделял, обращаясь к ним только вместе, по клубным позывным – Арья и Санса. Вот и в последний раз, две недели назад, когда задание наконец-то пришло уже совсем авторитетное:

– Арья и Санса, Родина ждёт подвигов от своих героев. И героинь. Друзи, вы готови?

– Завжды готови!

Непростой Ярило специально усадил их рядышком, чётко напротив – для честного старта, и доверяюще равно – ни сантиметра правее или левее – чуть приклонился через стол:

– Вам необходимо собрать по пять персональных дел зрадныкив, по пять досье на врагов украинского народа. Для сайта «Мыротворець». Это ваше испытание, вашэ выпробування для вступления в члены Клуба. В рыцарство нашего ордена.

Так же продуманно легко откинулся, как бы давая свободу для реакции.

– Понимаете, как всё серьёзно? Ошибки не допускаются – ведь в ваших руках человеческие судьбы. Надо точно доказать, что они враги. Не просто какие-то там, чем-то недовольные ждуны, а активные шпионы в пользу Москвы. Или агенты влияния. Даже возможные диверсанты. Пусть для чужынцив мы только «Патриоты Украины», но для посвящённых наш Клуб – частица «Трызуба»*. И потому наша главная задача – национальная защитная деятельность. То есть мы защита чести и достоинства украинской нации, в любых условиях всеми доступными методами и способами. Особенно сейчас – когда неизбежна большая, всеевропейская война, нужно зачищать родину от пятой колонны. Но, повторю: ошибки у нас не допускаются. Вас, конечно же, перепроверят, но вы умницы, сами всё продумаете, просчитаете. Итак, понимаете, какая на вас возлагается ответственность державой-нацией? И вы справитесь. Обязательно справитесь. Потому что в вас верят.

Ярило встал, развернулся во весь рост, и девчонки вытянулись перед ним.

– Слава Украйине!

– Гэроям слава!

– Ну, вперёд! Верим в вас.

На «истории Украйины» новенький учитель, уже не молодой, но до смешного тонконогий и тонкорукий, когда что-то рассказывал, впадал в пафосный восторг, смешно закрывая глаза и закидывая набок чубарую голову, за что сразу получил призвысько «Пташка»: «Незалэжнисть Украйины, враховуючы, що Республика виробляе пьять видсоткив свитовой продукцьии, а ии насэлэння складаэ всього нуль-висим видсотку насэлэння Зэмли, означае пидвыщення добробуту кожного громадянына... Украйина на пэршых мисцях в колышньому СРСР з выробныцтва на душу насэлэння зэрна, цукру, мьяса, рослынной олйи, молока, чавуну, стали, прокату, труб, вэрстатив и другого, отжэ, пры розумному господарюванни у нас будэ хлиб, и до хлиба, и сусидам що запропонуваты». «Слава Украйине!» – «Гэроям слава!».

А вот на уроке «украинской мовы» зачёт по «Концепции гуманитарного развития Украины на период до 2030 года» почему-то сдавали на русском! У Люськи жирная пятёрка: «Украина будет строить общество, главным в котором станет человекоцентризм, достижение наивысших

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

степеней свободы личности, создание равных возможностей для гармонического развития человека и гражданина…». «Поддержка и популяризация культуры титульного этноса – основа стабильного развития Украинской державы-нации».

«Слава Украйине!» – «Гэроям слава!». По украинской литературе «на выбор» предлагалось несколько тем для сочинений. Вроде как заявлялась свобода, но Люське учителка выдала демонстративно конкретно «Про насыльныцьку русыфикацию». Ещё и постояла, нависнув над партой с каким-то вызовом в глазах. Мол, кое-что знает, но до поры молчит.

«Слава Украйине!» – «Гэроям слава!» Уже желтеющие и синеватоновые фотопортреты погибших «гэроев АТО» провожали школьников по коридору первого этажа до самого выхода. Два крайних героя – их выпускники. А сколько одноклассников погибло на том берегу Северного Донца? Одинаково учились, по одним учебникам, одними учителями. Одни фильмы смотрели. Книжки одни и те же. Фамилии украинские и русские вперемешку. Сейчас стреляют друг в друга…

Мовой в школе их пичкали уже четыре года: «У мамы мыло, мама мыла раму» – звучит совершенно одинаково, только «ы» да «и» пишется по-разному. Четыре года все предметы преподавались на украинском, русский стал теперь «иностранный». Хотя дети-то знали, что и в учительской зачастую переходили на русский. Так что «напысаты твир» в две-три страницы – не проблема. Проблема – о чём? И как раньше учились? До интернета? Где тогда узнавали про указ Петра Первого о запрещении книгопечатания на украинском языке «У тысяча симсот двадцятому роци»? А ещё указ Екатерины Второй о запрещении преподавания на украинском языке в Киево-Могилянской академии. В тысяча семьсот шестьдесят первом. Она же и гетманство отменила, и Сичь на Азовское побережье выселила. Как, реально, можно было жить до Яндекса?! Где хранились все эти «запреты»? Нашлось даже предписание министра внутренних дел Валуева тысяча восемьсот шестьдесят третьего о прекращении издания религиозных книг и учебников на украинском языке из-за поддержки украинскими националистами националистов польских. А вишенка на «завэршэння твору» – указ Александра Третьего о запрете употребления украинского языка в госучреждениях, народных школах и произнесения на нём церковных проповедей!

Хватит двух страниц. Ведь если честно, сама Люська не видела в русском языке никакой особой угрозы нации. Спиваты писни на мове, конечно, красивее, а вот разговаривать реально удобно на русском.

Почему? Люська и не сомневалась, что украинцы сверхнация, настоящая белая раса, истиные индоевропейцы, у которых полуфинны и полутатары москали всё покрали – и религию, и язык, и культуру. Знала, но, если по чесноку, даже «обязательные к прочтению» донцовские книги «Национализм»* и «Московська отрута» на мове едва-едва одолела. А ведь если б они были на русском, то куда большее количество людей их бы прочитало…Украинцев и в России много.

А так даже ей, имевшей по украинскому языку и украинской литературе только пятёрки, приходилось про себя переводить: «Украйины, якой прагнэмо, щэ нэма, алэ мы можэмо створыты ии в нащий дущи. Украинци бэз илюзий, усвидомлюють, що попры Дэкларации та Акты, мы живэмо в окупований ментально чужым элэмэнтом наший Батькивщыни. И тэ, що вона наша, а нэ ихня, – повынни видчуваты мы и

* Экстремистский материал, распространение которого запрещено в РФ.

воны…» – «Украины, к которой стремимся, ещё нет, но мы можем создать её в нашей душе. Украинцы без иллюзий осознают, что несмотря на декларации и акты, мы живем в оккупированной ментально чужим элементом нашей Родине. И то, что она наша, а не их – должны чувствовать мы и они... пока мы не взрастим в себе страстного желания создать свой собственный мир из внешнего хаоса, пока “малороссийскую” нежность не заступит у нас затрагиваемая любовь, пока теоремы – не станут аксиомами, догмами, “стыдливость” – не обернется в “брутальность”, а беспозвоночное “народолюбие” – в агрессивный национализм, до тех пор не станет Украина нацией».

А может, дело вовсе не в языке? А в том, что Люська как-то не готова расстаться с нежностью и стыдливостью? И ей надо поработать над своей брутальностью и агрессивностью? Она вытянулась перед зеркалом, придала лицу нужную гордую суровость, вскинула ладонь от сердца в небо «Слава Украйине!» – «Гэроям слава!». Во, совсем другое дело. Справжня дочка украинськои нации. И учительница литры так бы угрожающе не пялилась. Наверное, из-за отца, тот, похоже, опять не проявил патриотической активности на родительском собрании.

«Собирание информации – обретение власти». Вот узнаёшь нечто про человека, нечто такое, чего он не хотел бы никому рассказывать, и – хоп! – этот человек у тебя в кулаке. Интересно, до сего Люська как-то и не вникала. Думала, типа власть – она, это, принуждение. Когда кого-то в чём-то заставляют не спрашивая. А оказалось... Ладно, и про кого же Люська точно знала, что они за москалей? Первый круг поиска – школа. Учителя и родители. Однако здесь они могли с Лекой очень даже пересечься. Все знали, как на каждом уроке капал ядом на украинскую историю географ Никита Миронович. И что у Сашки Леркова родители за советскую власть открыто топят – типа тогда всё было слаще. И у Верки Персиковой предки тоже совки. И у Вовки Динеки. А у Ольги Кибы дед вообще в райкоме партии или комсомола работал. Короче, только их класса хватило бы на десять досье. Но эти же имена принесёт и Лека.

Другое поле – знакомые родителей, с кем они работали, к кому ходили в гости. И соседи. Правда, по первым будут сложности с адресами и телефонами и подробностями жизни – год и место рождения, где учился, служил. Может, начать с точно известных ей адресов и дат рождения? Как раз кого среди маминых подруг и папиных друзей Люська хорошо, с самого раннего детства, знала, они, ну или почти все, и против Майдана поставалы, и за советскую власть агитировали. Некоторые даже за российскую империю. Путина уважали. Сейчас замолкли, боятся, но внутри точно те же зрадныкы.

Петренко (в девичестве Пунька) Вера Николаевна, родилась в Счастье, в 1980 году. Окончила школу № 2, раньше № 46, затем ПТУ № 54 по профессии «повар-технолог». Замужем за Петренко Николаем Афанасьевичем, 1979 г.р., шофёром. В ходе опроса Центра Разумкова в марте 2011 года заявила, что считает НАТО угрозой для Украины. Ходила на митинги «Русской весны». С 7 по 14 июня 2014 года носила еду сепаратистам до их изгнания из Счастья. 9 мая 2017, 2018 и 2019 годов клала цветы к братской могиле Советской Армии. Говорила знакомым, что завидует жителям Крыма, которые сейчас живут под Россией. Верит, что Донбасс, Харьков и Одесса рано или поздно тоже будут русскими. Адрес, телефон...

Аника Анна Степановна, родилась в Горловке в 1940 году. Живёт в Счастье с 1970-х. Одинокая пенсионерка, работала нянечкой в детском саду. Постоянно торгует на центральном рынке сельхозпродуктами. В июне 2014 года носила еду сепаратистам. Каждый год 9 мая ходит к захоронению солдат Советской Армии с цветами. 7 ноября – к постаменту бывшего памятника Ленину. Говорит знакомым, что в Советском Союзе жилось «честно» и «хорошо», а сейчас у власти «бандеровцы», которые всё воруют и врут. Говорит, что надо призвать русских, и они вернут «хорошую жизнь». В Свято-Екатерининской церкви пропагандирует молиться за Московского патриарха. Адрес...

Варин Артур Георгиевич, родился в Воркуте в 1970 году. В Счастье с 1991 года после службы в Советской Армии прапорщиком. Хозяин мастерской по ремонту бытовой техники. На пророссийских митингах против майдана бывал с марта 2014-го. 9 мая с 2014 по 2019 годы, надев георгиевскую ленту, ходил к месту захоронения солдат Советской Армии с цветами. Постоянно критикует президентов Украины Порошенко и Зеленского, обвиняет главу города Александра Богиню в коррупции. Говорит, что Российская и Белорусская армии разобьют все армии НАТО вместе взятые, и, если начнётся большая война, русские захватят Киев и дойдут до Львова, который отдадут Польше. Жена Мила Тиграновна, бухгалтер на фирме мужа, три дочери в Харькове, Николаеве и Ростове. Адрес, телефон...*

Цигульская (в девичестве Шкиль) Вера Михайловна, родилась в Старом Айдаре в 1988 году. После окончания Луганского медицинского училища работает фельдшером скорой помощи. В Счастье приехала с мужем строителем в 2008 году. Муж Олег Олегович Цигульский активно выступал на митингах «Русской весны» против Евромайдана. В июне 2014 года вступил в вооружённое ополчение сепаратистов, блокировал городскую управу, а после освобождения города частями ЗСУ, сбежал в Луганскую область, оккупированную пророссийскими бандформированиями. Дети – сын и дочь школьники. Адрес, телефон...

Теплов Николай Матвеевич, пенсионер. Родился в Петропавловке в 1958 году. Ветеран Афганистана. 1990–2014 годы работал слесарем-механиком на ТЭС. 9 мая каждого года ходит к месту захоронения солдат Советской Армии с цветами. Считает украинцев и русских одним народом, а украинску мову не языком, но диалектом. Говорит, что желание Украины вступить в НАТО приведёт к войне с Россией, которую Россия легко выиграет. Хвалит Путина как самого дальновидного политика. Жена Полина Сергеевна, пенсионерка. Дочь Елена живёт с мужем в Харькове, сын Пётр служит офицером в армии Беларуси, есть внуки. Адрес, телефон, номер машины...

* * *

В детстве-юности у Алексея Александровича не то что своей комнаты, даже заветного уголка не было. Жили они в Макеевке, где родители,

* Росфинмониторинг включил Петра Порошенко и его сына в список террористов и экстремистов как объединение.

естественно, работали на шахте имени Бажанова: отец в забое, мама в столовой. Вначале они с младшими братиком Ромкой и сестрёнкой Леночкой спали в проходной комнате вместе со старой-престарой прабабкой Фелей, а когда та померла, почти сразу родилась ещё одна сестрёнка Иришка. Тогда Алёшку, уже десятилетнего, перевели на ночёвки в кухню. К старинному деревянному ларю приставляли сначала одну табуретку, затем две. Постель поутру сворачивалась и пряталась под родительскую кровать, встречно откуда доставался портфель с учебниками и тетрадями. Уже перед самым окончанием Алёшкой школы отец получил от шахты трёхкомнатную квартиру в новейшем пятиэтажном доме. Переезд из почти завалившейся саманной хатки отмечался как бригадный праздник. Даже машину не брали – отцовы товарищи все вещи на руках перенесли. Мебель принципиально купили новую, лёгкую, светло-блестящую. И огромный цветной телевизор «Рубин». А ещё папина бригада подарила новосёлам городницкий фарфоровый сервиз на двенадцать персон.

Братьев и сестёр расселили по небольшим, но отдельным комнаткам. Но только-только они с Ромкой разложились-расположились – динь-динь-динь! – последний звонок и экзамены. Выбор будущего как старший и потому образцово показательный сын Алексей на последний день не откладывал: ещё с восьмого класса твёрдо решил стать лётчиком. Так что документы поехал сдавать в Кировоградское лётное училище гражданской авиации.

В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году конкурс среди абитуриентов оказался каким-то фантастическим, и резали на приёмных безбожно. Сдав физику и математику на «пять» и «четыре», русский Алексей запорол, совершив в сочинении две фактические и четыре грамматические ошибки, плюс не уложился по времени. А ещё выданные перлы, типа «создавая образ Мересьева, Борис Полевой показал черты, присущие светским людям» и «летать Мересьеву на костылях было очень трудно, но он, превозмогая боль, научился», закрывали небо наглухо. На год точно. То есть на все три: полгода поработать до восемнадцати, потом два отслужить в армии. После которой, кстати, будут льготы, и тогда поступить куда реальнее.

Отец пристроил в свою бригаду. Несовершеннолетним в шахту спускаться не полагалось, но ученик машиниста подземных установок со специализацией на насосной станции после четырёх месяцев стипендии переходил на зарплату. А как только Алексею отметили день рождения, его стразу же перевели на конвейерную линию. Тоже со стажировкой, конечно.

Первый спуск стал для него последним. Когда происходит взрыв метана и угольной пыли – это очень заметная трагедия, гибнут десятки людей. Но а когда из-за горного удара обрушается кровля на небольшом участке – чаще всего этого как бы и не замечают. Вроде как такое случается и на улице: оторвётся сосулька или фрагмент подкрышной лепнины и в человека попадёт. Ибо такое чрезвычайно редко, статистически маловероятно. Так что инженер по технике безопасности не виноват.

К своему «бобику» они шли «одиннадцатым номером», то есть споро шагали по тоннелю, растянувшись цепочкой. Ну зачем Алексей заглянул в левую выработку, когда ему велели не отвлекаться от общего маршрута?! Вроде как там блеснуло зелёными искрами. Вроде какие-то глаза. Он только хотел удостовериться…

Копившееся десятилетиями километровое давление в секунду обрушило мелко растрескавшийся над ним пятиметровый пласт породы, словно дождавшаяся добычи мышеловка схлопнулась.

Первое, что, очнувшись, увидел Алексей, было чернильное до блеска лицо отца. Отец что-то кричал, широко открывая такой красный на чёрном рот, но звуки не пробивались сквозь плывущий волнами звон. Несколько налобных фонарей в такт звенящим волнам раскачивали пылевые протуберанцы, и его самого несло, качало, несло, несло…. А потом пришла боль.

– Дык поди он с Шубиным нэ прывитався. Шубин новичков и такто нэ очень дужэ, а коли они нахамят, караэ видразу. Чого нахамят? Та хоть новой спецовкой похвалятся. Треба, как спецодежду получишь, видразу макнуть ёё в канавку, шоб Хозяина не дразнила. – Сосед по больничной палате хрипел вроде как шёпотом, но с таким присвистом, что слышно было по всему коридору. – Шубин, он такой, гиршый домового, к нему подмазываться надобно, коли хочешь в забое прописаться.

– Просто не нужно родне вместе работать. Всегда не к добру, – в полный голос басил другой сосед. – Знал же Лександр, и на фига сына в бригаду взял?

– Зовсим молоденький. Каково-то за счастьем теперя гоняться-то? Нынче девки стервы, им во всём здорового подавай. Без жалости.

Алексей же, отвернув лицо к выкрашенной до середины синей масляной краской стене, молча трясся, на сотый раз выслушивая неловкие соболезнования. Всем этим сказкам про подземного хозяина Шубина он ещё в детстве верить перестал. Но и явно обвал не случайность. Всё, всё не случайно. Не случайно – ведь это он сам как дурак выбрал тему на экзамене, решив писать сочинение про Мересьева! Ещё и в конце добавил: мол, хотел бы повторить подвиг безногого лётчика.

Спасибо хирургу, донецкому профессору Ресновскому, ногу ему сохранили. Но ни в колене, ни в стопе она с той поры не гнулась. Захотел повторить подвиг безного…

* * *

«Социал-националистическая партия Украины считает Российское государство причиной всех бед на Украине. В отличие от украинцев, психология и традиции которых создавались на протяжении тысячелетий, россияне ещё не сформированная нация, подавляющее большинство так называемых русских – вчерашние угро-финские племена, народы Урала и Сибири, кочевники монголоидного происхождения, поэтому для россиян так характерен национальный нигилизм, который является деструктивным для народов с традиционной культурой. ...В связи с перспективой массовой деградации людей, целых народов, мы являемся едва ли не последней надеждой белой расы, человечества вообще…. Нам решительно надо сепарироваться от северо-восточного соседа. И это не только потому, что он агрессивен, может захватить нас, а прежде всего потому, что вносит в нашу жизнь и психологию народа качества, отличные от европейских ценностей».

Люська откинула всё поновляемую и поновляемую в клубе «обязательную к чтению» сшивку статей, потянувшись, добавила громкость – «Окэан Эльзы» исполнял её любимую «Холодно»:

Холодно…
Як бы нэ було и
Як нэ болила б твоя любов,
З кым нэ вэла б вийну,
В тоби я втоплю свою вэсну.
Боязно, як бы нэ було
Тоби дэсь опивночи
Сам-на-сам,
Знай, всэ одно знайду
И тэбэ,
Выпъю свою вэсну!..

Похоже, Лека Кобзарь от своих сердечных грёз просто с катушек слетела – принесла аж девять досье. И непростой Ярило разрешил ей потереться о свой рукав. Пока читал, Лека извиваясь, как бы заглядывая через плечо и указывая на что-то пальчиком, только на колени ему не залезала. Смешно было смотреть. И противно. После сдачи задания, они бежали на спевку, а горячечная от счастья Лека всё рассказывала и рассказывала, как, собирая материалы, ходила в гости к Кибам, Лерковy и Динеке «уроки учить». Как раскручивала их родителей на разговоры против Украины, а те старались! Умора!

Ой у лузи чэрвона калына похылылася.
Чогось наша славна Украйина зажурылася.
А мы тую чэрвону калыну пиднимэмо,
А мы нашу славну Украину, гей, гей, розвэсэлымо!

Рано лысеющий регент хора Мыкола-Гопак махал руками, требуя полной отдачи. Не имея наследно-природной возможности отпустить оселедец, Мыкола всегда приходил в клуб в аутентичной, роскошно изузорной, некогда, наверно, белой вышиванке, за последние годы до тошноты прокисшей уже историческим потом. Похоже, Гопак не только сорочку никогда не стирал, но и сам исторически не мылся. Поэтому к нему ближе, чем на два шага, никто не приближался. Однако слухом и голосом природа наделила его сверх меры, и для их клубного ансамбля «Сичовый стан» Мыкола представлялся спустившимся с неба богом, которому спивакы внимали, как дикари с островов Банаба и Мамануто сверкающему доспехами испанского конквистадору.

Ой у поли яройи пшэныци золотыстый лан,
Розпочалы стрильци украйинськи з москалямы тан,
А мы тую ярую пшеныцю выбэрэмо,
А мы нашу славну Украйину, гэй-гэй, розвэсэлымо!

Лека, отдавшись лирическому настроению, перекрикивала всю сопранную группу, явно сползая с темпа. Стоявшие рядом дивчины стихали, с тревогой глядя на регента, который всё более округлял глаза, интенсивными взмахами пытаясь вернуть хор в анимато. Но через минуту сдался:

– Гэть! Гэть! Йды звидсы! Я ж сказав – гэть!!

Люська чуть заметно улыбалась низкому заоконному солнцу.

Но, честно говоря, неадекватной истерикой Гопака Лекины проблемы в тот день не закончились. По окончании репетиции Люська пулей

влетела в туалет и чуть не воткнулась в спину Багиры. Эффектно затянутая в чёрную блескучую кожу жгучая брюнетка, кандидат в мастера спорта и призёр различных республиканских и европейских соревнований по женскому многоборью, как-то действительно по кошачьи-пантеровски гибко развернулась, резанув прищуром зелёных глаз:

– ?.. А, и ты здесь! Окей.

Люська хотела было выйти, но разглядела за чёрно-блескучим контуром жавшуюся в углу меж окном и кабинками Леку. Багира театрально вернулась в позу доминирующего хищника, играющего полуживой жертвой. Накаченные бёдра и икры длиннющих ног красиво распирали эластичную лайку, тонкая талия и сильные покатые плечи, крепкая шея, подпирающая маленькую круглоухую головку с короткой стрижкой. Каждый раз, пересекаясь с Багирой в клубе или где в бутиках, тринадцатилетняя Люська въявь проницала, что есть «роковая женщина». Такая сразу сводит с ума. Всех. Наверное, даже слепых.

– Тебе, площица, вздумалось на моих нервах поиграть? С чего?

– Я не играла.

– «Не играла»?!

– Правда, не знаю, о чём вы…

С подшага, Багира, без размаха, скользем снизу вверх, влепила пощёчину сморщившейся, зажавшей ладошками уши Леке. И та покорно заскулила. Именно покорно.

– За что? Чего я сделала?

– Ты, вша мелкая, ещё спрашиваешь?

Вторая скользящая пощёчина почти сбила завизжавшую уже в полный звук Леку.

– Не бей! Не бей её! – Неожиданно даже для себя Люська прижалась к спине Багиры, обхватила её за талию и рывками потянула от Леки. – Не смей…

Потеряв на мгновение равновесие, Багира сделала назад пару шажков, но, винтом подсев, вывернулась, освободилась от девчонки и – ладонью в лицо – толчком отправила её под умывальники. Лека, продолжая оглушительно визжать, попыталась проскользнуть к выходу, но, получив кулаком в солнечное сплетение, осеклась и молча присела на корточки.

– Слушать сюда, комашкы. Запомнили с первого раза: в клуб ни ногой. И от меня прячьтесь везде. Даже в кустиках. Увижу – смерть или инвалидная коляска.

Чуть смочив и отряхнув острые пальцы, Багира поправила кокон надо лбом, самодовольно поиграла взглядом с отражением. Покачивая идеальным задом, очень, очень неспешно процокала к двери:

– Смэрть або инвалидный возык.

Ещё недавно Арья и Санса, а теперь опять Лека и Люська, после дверного хлопка переглянулись – одна с кровоточащим носом, другая с расцарапанной губой. И несдерживаемо горько разревелись. Каждая о своём.

В пятницу, как бы случайно, возле их пятьдесят шестой школы тёрлись Томагавк с Клином.

– Салют.

– Салют.

– Санса, ты чего запропала? А дэ Арья? Чому у Клубок не ходытэ? Чого на мобилку нэ видповидаеш?

Вопросов могло бы быть и больше, но Люська отрезала:

– Багира запретила.

Всего-то два слова. Томагавк с Клином переглянулись, одновременно втянули головы в плечи. И отвалили.

– Я всё решила: только пандемия пройдёт, в Испанию уеду. – Лека, как всегда, легко верила в то, что говорила. Не думала, а верила.

– Почему в Испанию? Мы же английский учим.

– Сразу же, как школу закончим, уеду. Прикинусь немой, мне даже пособие по инвалидности дадут. Мама сделает справку.

– Почему в Испанию?

– Ни дня здесь не задержусь. Всё обрыдло. Достало. Буквально всё.

С чем не поспоришь, так с этим. Иной раз тоже сорваться бы куда… Люська поправила рюкзак, оглянулась – и замерла: жерделы зацвели! Справа во дворе старое-престарое дерево огромным прозрачным куполом накрыло деревянную с бетонными отворотами скамейку и облезло-красную «ракушку» гаражика. Белая с розоватым оттенком, мелко-пузыристая пенка залепила сотни и тысячи ещё безлиственно голых веточек, замерев полупрозрачной невестиной фатой, взметнувшейся и зависшей на фоне бледно-голубой глади апрельского неба.

– А ты к матери в Германию поедешь? Наверное, тоже классно, когда есть к кому поселиться. Только я хочу, чтобы никого, вообще никого знакомого! Чтобы ни перед кем не кланяться. Не отчитываться. Всё сама.

– Никуда я не поеду. – Бело-розовые лепестки с толстыми, утяжелёнными пыльцой, жёлтыми тычинками. Вот такая она, весна в их Счастье.

Як нэ болила б твоя любов,
З кым нэ вэла б вийну,
В тоби я втоплю свою вэсну.
Знай, все одно знайду
И тэбэ,
Выпью свою вэсну!..

А потом опять объявили жёсткий карантин. Первая чрезвычайная ситуация с ковидом была в марте. Тогда напугали всех до жути: Китай, Америка, Италия – по телевизору гробы, гробы. Костюмы как у космонавтов. Большие города по вечерам патрулируют машины с громкоговорителями. У них-то в Счастье особо не полютовали, только маски заставили везде носить. И в магазинных очередях стоять друг от дружки подальше. Школы и библиотеки было закрыли, но … Но ТЭС не остановишь, и таможню тоже. И вода всегда нужна. И продукты, и мусор вывозить. Даже стричься. Особенно вийськовослужбовцям. Так что через две недели старшеклассники опять начали нормально учиться. Потом малыши. И вот опять двадцать пять, снова придётся получать уроки по телефону – аж до двадцать второго мая.

Алексей Александрович пригорбился над недопитым стаканчиком, двумя кулаками подперев голову, протянув негнущуюся левую ногу вдоль стола. Люську вдруг резануло: какой батя уже старенький! Седина подступила к самой макушке. Присела рядом – от него свеже пахнуло табаком. А ведь практически бросил, больше пяти месяцев продержался.

– Ты не на работе?

– Отпросился.

– Случилось что?

Алексей Александрович распрямился, виновато отодвинул водку подальше к тарелке с застывшей картошкой.

– Люсь, а ты можешь меня с мамой связать?

– Что случилось-то?

– Поговорить надо.

Он смешно кособочился, морщил лоб и прятал глаза, но, понимая, что дочь не отстанет, тяжко выдавил:

– Я в больнице был. Вчера вечером избили Николая Матвеевича. Жена, тётя Поля, звонила, просила зайти… Он в травматологии, в искусственной коме.

Теперь Люська не знала куда смотреть.

– Голова, почки. Колени перебиты. Позвоночник повреждён. Железными трубками били.

– А мама при чём?

Алексей Александрович вдруг взял её руку, подтянул поближе, осторожно, как птенчика, накрыл второй ладонью:

– Люся. В городе опять националисты. Айдаровцы*. Я… мы можем оказаться следующими. – Её пальчики попытались вырваться, но нежность мгновенно налилась тяжестью. – Послушай, с Николаем Матвеевичем не случайно – три дня назад напали на Веру Цигульскую, помнишь её? Сбили с ног прямо у подъезда, распинали сумку с продуктами, пообещали удавить газом вместе с детьми. Все в этих шапочках-масках – в балаклеях, что ли. Ну да, балаклавах.

– А мама при чём? – И что ей теперь? Что теперь?! Как ему рассказать, как ему объяснить?! «Не случайно». Конечно. Конечно! Это он про физика ещё не знает. И про то, что у Сашки Леркова и Вовки Динеки отцов увозили в Лисичанское УСБУ, а пока их там допрашивали, ночью в квартирах стёкла повыбивали. Люська всё-таки вырвала ладошку. – Ни в какую Германию я не поеду.

Убежать в свою комнату можно, а вот спрятаться нельзя. Она услышала, как отец подошёл к двери. Повздыхал.

– Люся, дай нам с ней поговорить. Просто поговорить.

Это взрослые считают, что уходить от общения бессмыслица. Смыслица, ещё какая! Но батя бубнил и бубнил:

– Понимаешь, люди же рядом были, прохожие. Но ничем не могли помочь, только кричали, но не вступались. Все боятся, это же вернувшиеся айдаровцы*… Просто какая-то ещё одна пандемия, зараза сумасшествия! Цигульские же наши знакомые, очень хорошие знакомые… С Верой твоя мама вместе в роддоме лежала, они вас с Витенькой вместе и в парке выгуливали, и в одну поликлинику водили. Пока они на Цветочную не переехали. Да и потом Вера к нам в гости уж раз в месяц точно. И мама к ней ходила. С тобой, кстати, помнишь? А с Николаем Матвеевичем мы вообще двадцать пять лет на одном участке проработали. Продружили. Так что вполне и я в ихнем поле зрения. На этом, на «Миротворце». Люсь, может, ты посидишь недельку дома? Я позвоню в школу. Пока полиция с этими случаями разберётся. А в школе только обрадуются – ведь пандемия.

Люська не выдержала его смирения, распахнула дверь:

– Ты так сильно злякався?

– Мне-то чего? Они тебя могут обидеть.

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

– Да кто «они»?! Ладно, вечером постараюсь вас заскайпить. После восьми. Но запомни – в Германию я не поеду.

Картинка выровнялась не сразу – видимо, Юлия выбирала задний фон поэффектней. Наконец перестало болтать. И звук теперь почти совпадал с движением губ. Юлия в черной водолазке сидела спиной к окну, в котором близко виднелась соседняя девятиэтажка. Понятно, ей хотелось, чтоб контровой свет не позволял разглядеть насколько она изменилась. Было только заметно, что располнела.

– Привет.

– Привет. – Алексей Александрович поперхнулся.

– Сразу скажу: здесь слабый интернет. Медленный. И дорогой. Вообще всё очень дорого – sehr teuer. Жильё, транспорт, социальная страховка. А ещё налоги на всё: сколько зарабатываю, столько и трачу.

– Да, у нас тоже инфляция всё съедает. И там живёшь в панельном доме?

– Да, как здесь многие. Евростандарт – tafelbauten: квартира в две комнаты, мебельный комплект. Кухня с газом. Газ дешевле электричества. Зима здесь не самая холодная. Летом, конечно, кондиционера не хватает, но так у многих.

– Что с работой?

– Контролёр на упаковочном конвейере.

– Ты же была сиделкой?

– Сиделкой? Нет, я давно не сиделка, не Krankenpflegerin. Ну, да-да, натюрлих, мы с тобой почти три года не общались. Я уже дважды поменяла работу и место жительства – wohnort. Сейчас живу в Корвайлер, это спальный район. А работа в Леверкузен, на фабрике «Фарма» – fabrik «Pharma». Приходится ездить через Рейн, очень дорогой транспорт, sehr teuer. Два часа туда, два часа обратно. Но сейчас jetzt ist die Covid-Pandemie, пандемия – нужно держаться любой возможности.

– Да, столько проблем. Может, вернёшься в Украину? Не говорю: опять в Счастье, просто в страну. Можно так же работать и снимать жильё в Харькове, Днепре. Да хоть и в Киеве.

– Нет смысла, надо переезжать в Канаду.

– В Канаду?

Картинка зависла: искорёженное гримасой лицо, размазанная в движении рука. Алексей Александрович ждал и заодно прислушивался: где дочь? Можно ли переходить к главному? Похоже, с кем-то болтает по телефону на балконе.

– Говорила – здесь интернет слабый.

– Юлия, прости, должен спросить: что ты думаешь о Люсе? О её будущем?

Юлия, конечно же, ждала. И сразу посыпала заготовленное:

– Она здесь не поступит в школу, нужен язык, на курсах как минимум год потеряет. И это дорого. Teuer. Немцы повёрнуты на языке, да ещё здесь сильный диалект – кёльш. Давай я вышлю для неё одежду, подскажи какой сейчас размер. Пуховик, спортивный костюм, платья, брюки всё natuerliches: хлопок, лён, шерсть. Это единственное в Германии дёшево, при том что очень качественно. И обувь.

– Хорошо. Я понял.

– Остальное – жильё, транспорт, учёба, я не говорю развлечения – дорого. И еда очень невкусная.

– Я понял. А как сами немцы?

– «Немцы»? По-разному, для них главное – язык. Английский не признают, без Deutsche Sprache ни квартиру не сдадут, ни на работу не примут. Хотя в Кёльне из полутора миллионов жителей – четыреста тысяч мигрантов. Целые районы мигрантов – Порц, Мюльхайм, Леверкузен тоже. В основном турки и арабы. Негры. Много итальянцев, ну, ещё хорваты, черногорцы, словаки. Конечно украинцы. Но эти жлобы западенские даже для своих никогда никаких скидок.

Связь вновь прервалась. Опять искорёженное лицо, размазанная рука. И Люся где-то близко, Алексей Александрович не слышал, но чувствовал, что дочь совсем рядом. Хотя вроде её нет. Вроде всё, как договаривались: они поговорят с мамой тет-а-тет, это будет откровенная беседа взрослых людей. Собственно, оставался один, но именно «взрослый» вопрос. Ответ на который был вполне ожидаем. Однако…

– Прости, можно спросить?

– Натюрлих. Никаких секретов.

– Ты… не одна?

– Да, у меня есть бойфренд. В Европе это норма – семья очень дорого, sehr teuer. Зовут Сабир, он из Йемена.

– Она даже не поинтересовалась – может, ты тоже хочешь жениться? Не спросила – всё пофиг. Ну какая с ней откровенность? Папа, она же лесной эльф! Холодная. Самоуверенная. Самодовольная. Даже больше – она Трандуиль, король эльфов Лихолесья. Хоть и женщина. Да от этого она ещё страшнее. Папа, ей всё, всё вокруг фиолетово. Все мы пофиг. Важен только покой. Её внутренний покой.

Ради вот таких редчайших минут Алексей Александрович мог бы годами терпеть самые вздорные, самые несправедливые придирки подростковости, обвинения в косности, толстокожести и «неврубании». Ради вот таких минуток признания в беззащитности, в нужде отцовой его неколебимости, неподвижности, неразумения, в его чугунности. Пусть, пусть бьёт своими кулачками его в грудь, в плечо, в живот. Пусть. Совсем же небольно.

– Папа, не отдавай меня ей! Не отдавай!

Рыдания перешли в тонкий прерывистый скулёж. Он осторожной ладонью оглаживал трясущийся затылок, другой рукой нашаривая в кармане давным-давно забытый там носовой платок.

– Я передумала: поеду в Италию. Язык звучный, как наш.

– Так ты же глухонемая будешь?

– Только немая. И то поначалу. А потом случится чудо, и я заговорю. Нет, запою! Выучусь оперному пению и поступлю в Ла Скала:

У любви, как у пташки, крылья,
Её нельзя никак поймать.
Тщетны были бы все усилья,
Но крыльев ей нам не связать.

У Леки по щекам непрерывно катились слёзы, но она их не вытирала, даже не жмурила глаза. И кричала на весь парк:

– Любовь! Лю-бовь!! А когда стану знаменитой европейской певицей, приеду на родину. К тебе. Пригласишь на чай?

– На кофе. С пиццей.

– Пиццу я тебе из Италии привезу. А с тебя чай с розовыми лепестками.

Лека крепко обняла подругу, горячо зашептала в самое ухо:

– Люся, Люсенька! Я беременна. От Олега.

– Ярилы?!

Лека ещё сильнее сжала объятия:

– Олег денег дал и телефон в Северодонецке. Для операции. А я боюсь.

– Лека, Лекачка, милая моя. – Теперь не отпускала Люська. – Ты-то чего? Чего сама-то?

– Уеду, потом уеду, куда глаза глядят….

Их Республиканскую улицу, до окраинно частных хат, в основном составляли двух-трёхэтажные, толсто штукатуренные по кирпичу, подслеповато мелкооконные дома послевоенной постройки да с десяток четырёхэтажных хрущёвских панелек с разномастными прилепками балконов. Неремонтируемые с распада Союза, уже необратимо облезлые и потрескавшиеся дома стыдливо прятались за пышную южную зелень разросшихся белых акаций, одичавших вишен и лысоватых пирамидальных тополей. А на задних дворах, обуюченных хозяйственными луганчанами, меж сарайчиков, заносились друг перед дружкой самые разнообразные клумбы и грядки, теснились ухоженные яблони, айвы, сливы и жерделы.

Дом, в котором прошла почти вся его семейная жизнь, точно так же старел, слабел с Алексеем Александровичем. Это была одна из первых в Счастье панелек, в которую они с женой Галиной внесли новорожденного Саньку. А потом два года каких-то нелепых споров, каких-то ненужных придирок. И непонимание навсегда: зачем Галина, уходя, вылила в аквариум керосин?.. Умершие, слипшиеся скалярии и меченосцы….

А потом в его уже семь лет как холостяцкий быт ворвалась Юля. И на балкон из дворовой песочницы уже весело что-то кричала Люсенька-Люська.

– Саныч, это, тормозни, – из-за распахнутых створок окна первого этажа на прогнувшийся жестяной слив вывалился младший из Цвяхов. – Здорово.

Алексей Александрович осторожно протиснулся сквозь колючие стебли роз, чтобы пожать протянутую худющую волосатую руку.

– Здорово. – За младшим в окне появился и старший. Две полуголые копии кощея-бессмертного трудно различались лишь сюжетами густых татуировок.

– Приветствую.

– Саныч, это, базар есть.

Братья одновременно сделали по длинной затяжке и вдавили окурки в подоконник.

– Тут, это, мусора нарисовались. Не менты, а, это, эсбэушники. По всёму будынку шмонали. Рыли, кто на помойку прапор правосеков* выбросил. И книжки. С картинками. О Бандере. И об этом, о Мыколе Сциборском.

– Нашли?

– Пока нет. Грозили – ещё прихрявкают.

Алексей Александрович, неспешно переводя взгляд с одного на другого, ждал.

---

* Террористическая организация, запрещенная в России.

– Ты, это, мужик трушный. В уважухе. Только за дочкой присматривай. И Татьяна Марковна – камень, старуха правильная. А вот, это, Ксюху до поры ничем не раздражай. В натуре, даже подмажь чем, по мелочи. Мозгов у курвы нет, может, это, сдуру чего вякнуть.

Они ещё раз пожали руки, и братья скрылись в мрачной глубине своей квартиры.

В подъезде жилыми оставались теперь четыре квартиры: беда накрыла Платона и Галинку. Пагуба. Когда айдаровцы* изнасиловали семилетнего Ванечку, родители подняли шум, какой только смогли. Кроме заявлений в городскую милицию, районную и военную прокуратуры, понятно, никак не загоравшимися желанием найти и наказать преступников из местного нацбата, они обратились в киевский офис генерального прокурора. Даже написали новоизбранному тогда президенту Порошенко**. Результат прилетел шеломлящий: Платона и Галинку увезли в психиатрическую больницу в Изюме, а всех четверых детей передали под опеку общественной гуманитарной организации «Билый янгол». Когда через год «шызофрэникив» отпустили, разузнать что-либо о судьбах ребятишек было как бы и не у кого: «компания турботы про сырит и бэздомных дитэй “Билый янгол”», как пробили по своим блатным заточкам братья Цвяхи, формировалась строго по корпоративному принципу – только из бывших сотрудников правоохранительных органов, поэтому для любых властей была неприкасаема. Особо даже не скрываемая деятельность организации – изъятие малолетних детей из семей жителей в основном восточных областей Украины, для ну почти узаконенной продажи за границу. Продажи кому? Для чего? Страшно и спросить… Кого на органы, кого в сексуальное рабство.

Когда тормозящие мышление препараты перестали действовать, Платон и Галинка отравились газом.

* * *

– Алексей Александрович? Латников?

Наперерез из-за сентябрьски зарыжевшей акации вышагнул высокий, худющий, с какой-то разноцветной бородкой парень в неразглаженно новой, слишком широкой для него сине-клетчатой рубашке и сизо-засаленных армейских шароварах. Плюс рыжие стоптанные до предела, сморщенные берцы. Первое же определение – дезертир.

– Я…

– Здравствуйте. Меня к вам ваш сын послал. Александр.

– Саша? Александр?

– Ага. – Парень затравленно зыркал по сторонам светло-серыми глазищами, правая щека то и дело дёргалась, растягивая рот в косую улыбку.

– Он… где? – Заоглядывался и Алексей Александрович.

– Ранен.

– Где?!

– Не кричите. Здесь, рядом.

– Веди! Ну?

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

** Росфинмониторинг включил Петра Порошенко и его сына в список террористов и экстремистов как объединение.

Парень словно в воздухе растаял. Алексей Александрович едва успел заметить, как шелохнулись ветки ивняка около бурого металлического сарайчика с давно отключёнными от электролинии трансформаторами. На задней стене сарая один лист железа по низу проржавел и был отогнут любопытствующими мальчишками в поисках чего-либо пригодного для игр или цветного лома. Парень ещё сильнее оттянул лист, подождал, пока в щель протиснется Алексей Александрович. Сам остался снаружи, присел, прижимая отогнутое.

– Саша? – Рассмотреть ничего не получалось. В глазах плыли и лопались цветные пузырьки, после яркого света душная полутьма казалась густой кисельно непроглядной взвесью, а раскалённое солнцем железо резко усиливало запах потревоженной пыли и какой-то тухлятины.

– Саша! – Больно ободравшись о свисающий с потолка моток сталистой проволоки, Алексей Александрович припал к растянувшемуся под бетонным фундаментом трансформатора кокону, который скорее почувствовал, нежели увидел. – Сын…

На ощупь голова и грудь сына обжигающе температурили.

– Сын.

Куртка и брюки мокрые – пот? кровь? Руки и ноги целые.

– Пить…

– Что? Ах, да, да! – Алексей Александрович не мог оторваться от своего счастья. Просит пить! Воды, где взять воды? И как звать того парня в клетчатой рубахе?..

От седьмой квартиры на четвёртом этаже у Алексея Александровича были ключи. Но эта квартира располагалась на одном стояке с Ксюхиной, которая пусть и на втором, но любое открытие крана, спуск бачка унитаза – сразу же услышит. Пришлось взламывать дверь восьмой. Как же беззаботно жили советские люди! – тоненькое дверное полотно, легковерный замок. Получилось почти незаметно: чуть защепившаяся трещинка на коробе да пара вмятин от выдавливания язычка.

Плотно задёрнутые коричневые шторы, хлипкие дээспэшные столы и кровати «типа ГДР», такие же лёгкие стулья под кипами слежавшейся одежды и белья, прикрытых клеёнками. Модная некогда красно-белая клетчатая кухня. Чутко рефлексировали на передвижения света жирнополированные шкафы и застеклённые полки с книгами. Даже вся посуда на местах. Только воздух тяжёлый – энергетики Кузачёвы выехали на заработки в Казахстан ещё в девяносто девятом, думали ненадолго, даже на продажу квартиру не выставляли. Им, конечно, за неуплату давно отрезали электричество, но вода и отопление оставались в общей системе.

– Пап, всё в адеквате: нас на «основах здоровья» учили голову бинтовать. И ноги. Главное, что крупные сосуды не задеты. А то, что где-то подзагноилось – марганцовкой подсушим. Пощиплет, но не смертельно. Зелёнка у них, торр, засохла. И наша тоже. Надо купить.

Люська, неузнаваемо повзрослевшая в эти три часа, лихорадочно металась по кузачёвской квартире, словно вспоминая, на каких полках хранились простыни, где подушки-одеяла, а где градусник, вата и намертво просроченный аспирин. Конечно же, не вспоминала – не могла вспоминать, но у неё всё находилось. Принесла наверх кипяток, хлеб, помидоры и пересохшую тюльку. А дома встречно замочила в ванне, щедро засыпав «колором» заскорузлый солдатский камуфляж, трусы

и майки. Сдерживаясь от признания в том, как до онемения руки прихватило сердце, Алексей Александрович с благодарностью следил за её стремительными перемещениями. Доченька… сын… Господи, какое счастье. Какое счастье.

Александр перестал трястись, затих под двумя одеялами. А умытый и даже выбритый парень, которого звали Евгением, сидел за застеленным старыми газетами столом в хозяйкином, смешно коротком, махровом зелёном халатике и ел, ел, ел. А потом уснул. Его, уже почти не дышащего, едва довели до кровати.

Люська собрала все шкурки и косточки от солёной рыбы в полиэтиленовый мешок, завязала, чтобы не пахло. Хотя, конечно же, было поздно – амбре от тюльки уже крепко наполнило нежилую квартиру, а открывать форточки они не смели.

– Пап, а можно я завтра в школу не пойду. Тебе-то на работу обязательно.

Какая она чудо, его Люська. Его Люсечка.

– Надо бы пойти. Этот, как его? Евгений, он же до утра выспится?

– Наверное, выспится.

Алексей Александрович не мог оторваться от под горло укрытого пустым пододеяльником сына, осторожно разглаживая льняные складки над сошедшимися на груди руками. Распухшее, с черняками вокруг щёлок слипшихся глаз, бело забинтованное «шапочкой» с подвязанным подбородком лицо Саши жутковато походило на лицо младенца в чепчике. Две недели небритого младенца.

Евгений вдруг громко всхрапнул, и вмиг подскочившая Люська затрясла его за плечо:

– Тихо! Тихо ты, кощей несчастный!

Кощей. Смешно, как точно! Отец и дочь переглянулись и хмыкнули.

– Люсь, иди домой. Я подежурю. Пока… твой кощей не проснётся.

– А чего это «мой»?

Алексей Александрович, продолжая улыбаться, трудно встал, сделал свои хромые полтора шага и приобнял. Поцеловал в тёплое темечко:

– Ты моя умница.

И Люська не задичилась, не вывернулась, как бывало. Замерла, затаилась в телячьей нежности.

– Ступай. Уже совсем утро.

– Папа, а ты его сразу узнал? Пап, сразу? – Подчиняясь лёгкому толчку, она демонстративно разочарованно вздохнула и медленно отступила в прихожую. – Вот только как увидел? Вы же двадцать лет… Он же тогда совсем маленьким был. Сколько? Два годика или меньше?..

Не дождавшись ответов, она опять глубоко вдохнула-выдохнула, осторожно приоткрыла дверь на площадку. Прислушалась: в четыре часа все в их подъезде должны сладко-сладко спать. Должны…

Евгений резко сел, очумело заоглядывался, натягивая на грудь покрывало.

– Тихо! Тсс!! – Алексей Александрович замахал руками – не дай бог, тот закричит или чем громыхнёт:

– Евгений, тихо! Всё хорошо. Вы в безопасности, вы у нас. Сейчас половина восьмого, мне пора на работу. Подежурь пока, в два часа зайдёт Люся. Принесёт поесть. На кухне в кастрюле кипячёная вода.

И хлеб. Сразу не съедай, старайся понемногу. Кран лучше не открывать. Смывай унитаз только, ну, сам понимаешь.

– Спасибо. Понимаю. Что с Сашей?

– Спал. Пропотел. Я сменил покрывало. Главное, что б не застонал. Пои его почаще, но, опять же, по чуть-чуть. Продолжит температурить, дай аспирин и анальгин. Дочка, если что, сменит повязки. Поможешь.

– Спасибо. Понял.

– Ну, всё, до вечера.

– Спасибо.

На работе, дабы чем себя не выдать, Алексей Александрович отговорился необходимостью назревшего ремонта сверлильного станка. Ещё эсэсэсэровский, «Булат 59082 а» безотказно трудился на их участке аж с семьдесят седьмого, но время своё берёт – забил подшипник. Забаррикадировавшись от любопытных и доставучих промасленными обтирочными ошмотьями, Алексей Александрович неспешно выбивал-вывинчивал прикипевшие за сорок три года болты. Через пару часов о нём окончательно забыли, и он позволил себе не сдерживаться. Слёзы щекотали нос, и ведь не утрёшься – руки почти по локти в масле и эмульсии. Губы сами по себе то растягивались улыбкой, то сжимались куриной гузкой. Да. Представить только. Это только представить…Какое счастье.

* * *

Александр и Евгений познакомились в специальном военном лагере под Барвенковом. Две сотни добровольцев, переходящих на контракт из числа мобилизованных в Харьковской и Сумской областях, кроме украинских офицеров и сержантов – ветеранов АТО, в основном из добробата «Азов»*, приняли к обучению английские и канадские инструктора. Подавалось это как особая удача, ведь их два батальона готовили не для массовых пехотных штурмов в приближающемся блицкриге по освобождению от сепаратистов Донецка, Луганска и Крыма, а как элитный спецназ. С окладом для рядовых в тридцать тысяч гривен. А если что боевое, то помножат на два. Выбор был: либо тупо тянуть срочку, либо на два года законтрактиться и призаработать.

Желанные гривны курсанты отрабатывали по полной – ведь что такое разведка и диверсионные операции? – кроме каждодневных преодолений полосы препятствий и огневой подготовки с натовским стрелковым оружием и птурами, тактики полевого и городского боя, первой медицинской помощи и азов управления западной бронетехникой курсанты изучали минное дело, причём с секретами изготовления взрывчатых устройств из подручных материалов, рукопашный бой с бесшумным снятием часовых и взятием пленных, а также координацию диверсионной операции с помощью планшета. И управление различными дронами. Им даже читали лекции о методах психического давления, вербовки и использования соцсетей для организации беспорядков.

Кохання-кохання з вэчора до рання –
Як сонэчко зийдэ, як сонэчко зийдэ
Козак в похид идэ…

* Запрещенная в России террористическая организация.

О, особая украйинська писня – Javelin FGM-148. Это же совершенство американской научной мысли: инфракрасная головка наведения – выстрелил и забыл. Система «мягкого пуска» с воспламенением маршевого двигателя на безопасном расстоянии, так что можно стрелять пригнувшись и сидя, можно даже из закрытых помещений. Самообучаемые алгоритмы распознавания целей, удерживаемых в тепловизор, и, главное, при скромном калибре в 127 мм боеприпас огненной струёй преодолевает «все известные динамические защиты» любого танка в мире. А ещё «Джавелин» возможно использовать для поражения низко и медленно летящих ударных вертолётов. «Кохання-кохання з вэчора до ранння» – Москву чэкае загыбель, ох, ганэбна: придётся им расстаться со всей оставшейся после СССР бронетехникой и авиацией. «Козак в похид идэ» – при том, что цена одного комплекса с шестью зарядами начинается от шестисот тысяч долларов, дружня Украина получает их вид Всэсвитньойи повэлытэлькы совершенно бесплатно! God bless America!

Кормили нормально, но хронический недосып через месяц выключал на занятиях реально. Их второму отделению помогало то, что Евгений неплохо знал английский, и потому можно было переспрашивать и уточнять непонятое, а так-то за семьдесят дней сделать всерьёз из селян, рабочих, студентов и офисного планктона разведчиков-диверсантов – даже не смешно. Если, конечно, твой противник не средневековый бармалей в тапочках и с кремнёвым мушкетом.

Из общей зелени выделялись упоротые нацики, фанатично верившие в своё духовно-генетическое превосходство над «руснёй». На таких щиро свидомых паны сержанты и офицеры опирались в деле «повышения уровня морально-психологического состояния и боевой мотивации», через стукачество вычисляя недостаточно патриотичных. Выявленным не палаючым патриотам назначали дополнительные физические нагрузки, а по достижении определённой степени затравленности за энную сумму предлагались медикаментозные стимуляторы. Да, метамфетамин. Или же отсев в стройбат, где пашут ещё жутче и забесплатно, а кормят вполовину. И уголовников там тоже половина.

Евгений Донченко и Александр Латников – «Дон» и «Санчо» – сошлись и потому, что их шконки в палатке стыковались, и потому, что оба были свежедипломированными филологами из Харьковского и Киевского педагогических. Оба будущие преподаватели – английского и украинского. Да ещё и оба фанаты-геймеры, способные часами толочь о третьей версии «Ведьмака», о саундтреках к «Метро» и «Чуме-невинности».

Конечно, сувори сержанты что могли, то делали, чтобы хлопцам служба мёдом не казалась. Но отличный английский возвёл Дона под покровительство отставного лейтенанта первого класса второго батальона Королевского Канадского полка Коннора Брауна. Через неделю Браун не представлял своё пребывание в Украине без личного переводчика. А вскоре и Санчо сделал карьеру, став помощником писаря, так как ридну мову, на которой велось штабное делопроизводство части и за которую новобранцы клялись героически умереть, уроженцы левобережья знали, гм, «в пределах».

Имея опыт войны в Афганистане, уже пенсионером Коннор Браун готовил рейнджеров в Грузии, как-то слишком легко частично перебитых, частично взятых в плен русскими десантниками в порту Поти. Так что противостояние русским для королевского лейтенанта стало делом

чести. А «честь» для канадцев не пустой звук. Вот поэтому Браун по окончании своего курса по тактике и координации диверсионной операции, убывая в новый лагерь где-то на польской территории, поделился радостью – ну, или слил информацию? – что через три недели выпускников школы, и прежде всех их второе отделение, добившееся лучших показателей в стрельбе и минировании, ждёт подвиг – диверсионные рейды в тылы сепаратистов. Конверты с приказами уже получены, и будут вскрыты в час Х.

Срочная служба в армии вроде как не обязывала принимать участие в АТО, да ещё в качестве диверсантов. Не потеряв рук и ног, преодолеть пристрелянную линию фронта с минными полями, пулемётными дотами и снайперскими засадами, прикидываясь мирными свинопасами, миновать блокпосты и патрули, чтобы таки подорвать ЛЭП или водопровод и получить высшую меру в ДНР или ЛНР – такое в двадцать четыре года как-то не планировалось. От слова «совсем». Однако про конверты узнали не только Дон и Санчо – свидомые вдруг массово возбудились. И офицеры, и сержанты, и рядовые. Показательно жёстко, с увечьями, айдаровцы* отфигачили подпивших халявного самогончика у кумов и потому вовремя не вернувшихся в часть троих глуховцев. Изобличили в русофилии и через суд сдали в дисциплинарный батальон просто поперечного характером слобожанина Шляка. Видимо, для особлывой ломки «любимчиков» Дона и Санчо свидомые взяли их на ночное копание могил для зрадныкив Батькивщыны. Копание с примерением размеров ям на себя. С остальными провели личные и колэктывни розмовы в пищеблоке, бане, оружейке, в курилке и за туалетом, после которых на столе начальника школы пана подполковника Степана Буряка выросли стопы рапортов о патриотичном желании принять участие в антитеррористической операции на Донбассе. Понятно, что среди прочих были зарегистрированы и рапорты Евгения Донченко и Александра Латникова.

Это было не уже обыденное вымогательство старослужащими денег или отбирание телефонов. Даже не послеотбойное знущання над холопамы вид панив ради садистского удовольствия сильного от унижения слабого. Это был гон. Тупой гон на смерть.

Чья идея? Кто исполнитель?.. Массовое отравление с госпитализацией девятнадцати служащих в гарнизонной военной прокуратуре постарались замять, для чего всех выписывающихся раскидывали по различным частям. Через четырнадцать дней жесточайшей диеты, от которой молодому организму умереть было естественней, чем от самой кровавой диареи, Дон, Санчо и ещё трое несостоявшихся диверсантов получили предписание после трёхдневного отпуска явиться для продолжения службы в распоряжение управления инженерно-строительной ротой 128-й отдельной горно-штурмовой бригады в Попасной.

Лучшего случая для зрадничества не представить – трое суток воинского перевозочного документа! Тикай в любом направлении! Ведь в том, что прямая и полноценная война с Российской Федерацией начнётся в весьма обозримом будущем, сомневающихся не оставалось. И что нацики погонят всех мобиков под русские танки и самолёты, им уже объяснили. Погонят на смерть – ради кого? Чего? Олигархов? Свидомства? Ради евро-гейских ценностей? Или просто назло русским?..

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

Безумие множилось чернейшим юмором: самих щирых арийцев под русские танки толкал откровенный еврей. «Дэмократычно обраный» клоун. Блин, хэроям сала! Кошерного, блин. Ну, задерёмся мы на Россию – и чого? Клоуны, понятно, как всегда разбегутся, а вот куда потом дрессировщикам, акробатам и прочим каштанкам? Украинский цирк, уже годами поджигаемый бандеровскими факельщиками, швыдко раздувался дымом готового к взрыву воздушно пузырящегося купола, а на арене под бандуры и волынки всё скакалы и скакалы радые, що воны нэ москали.

Зрадныки решили разделиться: трое на запад – в Молдову, Венгрию или Словакию, двое на восток – Луганск или Россию. Где кого хватятся. Или схватят.

* * *

– Ты говоришь «два годика». Нет, куда больше. Я когда смотрю, как в каком-нибудь кино она говорит ему о своей беременности, а он удивляется – не верю. Не понимаю такой глупости: ведь зарождение новой жизни всегда как заря. Солнце ещё не скоро, а вокруг уже светает. Облака розовые. Ветерок с востока. И птицы стихают. Как может восход быть неожиданным? Глупость. И про Сашу, и про тебя я знал с самых первых дней вашей… да, жизни! Которая только для совсем чужих невидима.

Люська, насупившись, внимательно рассматривала свои разноцветные ногти. Она, кстати, и цвет волос поменяла – стала чёрная, как грачонок. И глаза теперь каждый день подводит. Всё, девушка.

– Пап, а как ты… эту нашу жизнь видел? Живот рос?

Алексею Александровичу опять кольнуло в межреберье: ну не отцу о таком с дочкой говорить. Не отцу.

– Меня этому моя бабушка учила. Есть глаза у головы, а есть у сердца. Головное зрение – нужное для тела, для организма: что съесть, где спрятаться. А сердечное – кого полюбить, кому довериться. А кого чураться.

– Классное словцо «чураться».

– Бабушкино. Запомнилось.

Теперь они с Люськой слушали и слышали друг дружку даже на расстоянии. Он на работе, она в школе, а связывающая их тайна, опасная тайна, словно перешёптывалась их сердцами. Мысли о Саше и Жене. О сынке и кощее.

Хотя какая уж тайна? Вчерашним вечером в дверь тихонько поскреблись. Алексей Александрович вмиг охолодевшими пальцами повернул барабан замка. И облегчённо выдохнул, увидев в полумгле лестничной площадки крохотную фигурку под сползающим с головы серым полушалком.

– Татьяна Марковна?

– Визьмы, цэ варэння з айвы, а це закаткы з баклажанив и пэрцив з цибулэю. И пидэмо, забэрэш пивмишка мукы. Самий мэни не пидняты.

– Татьяна Марковна!

– Ты чого? Оц, я ж, Льоша, памятаю щастя твое – як ты з колясочкой гуляв. З пляшэчки по годынах свого сыночка годував. Памятаю, и як мало не помер, колы воны вид тебэ втэклы. Годуй свого Сашка, мэни в радисть – мои-то онуки казна-де в Росийи. В Караколе.

– Татьяна Марковна…

Старушка тоже блеснула глазками. Но, подманив жестом к себе, строго наказала:

– Оц. А про Службу безпэкы не хвылюйся: я, гришныця, йим казала, що в квартыри Платона та Галынки писля похорону прыбыралася, ну й знайшла прапор з кныжками. Та й выкынула з иншым мотлохом. Просты, Боже, збрэхала.

Татьяна Марковна… Нэнька Тетяна Маркивна…

Медленно выходящий из отёчности после перелома носа Саша продолжал температурить. Голову уже разбинтовали, оставив пару пластырей, на плече и рёбрах тоже раны засыхали толстыми коростами. Но ноги…. Правая, ладно, хоть и раскарябаная почти до паха, понемногу рубцевалась, требуя лишь обработки перекисью и зелёнкой, а вот в левой стопе глубоко засела щепа, и гной выступал при малейшем движении. После двух мучительных попыток вытащить осколок, Алексей Александрович решился на приглашение Веры Цигульской. Фельдшер скорой помощи наверняка сталкивалась с подобными травмами. И человек она свой, свехнадёжный.

Вера Михайловна пришла через два часа. Высокая, полная, с тяжёлой грудью и почти мужскими плечами. Гладко зачёсанная, с незакрашенной проседью, гордая голова с высочайшим, в пол-лица, лбом, чёрная роговая оправа на несоразмерном маленьком и кругленьком носике, ярко алые широкие губы:

– Почему без масок? Короновирус никто не отменял.

Жестами велела придвинуть стол, накрыть его чистой простынёю:

– Где руки помыть?

В её рюкзачке помещалась целая амбулатория.

– Кипяток где? Люся, принеси чайник. Скорее.

Люська послушно пошла к двери, но на пороге, как бы сама себе, однако достаточно громко, прошептала:

– Сама без маски.

Через минуту после укола Александр размяк, ровно задышал, скинув направо голову. Вера пощупала пульс – начали!

Из разреза за комьями гноя обильно потекла розовая сукровица. Щепка, зацепив ахилл, пробила хрящ, закрывающий голеностопный сустав, и упёрлась в пяточную кость. Небольшая – не более трёх сантиметров, она никак не хотела выходить, пришлось опять применять скальпель.

Алексей Александрович отступил и осел на стул. Женя и Люська, послушно по глаза залепленные синими марлевыми масками, продолжали ассистировать. И если Женя исполнял все приказы размерено аккуратно, то Люська, неотрывно всматриваясь в шунтируемые и зашиваемые раны, двигалась какими-то рывками, часто путалась – подавала не то, что просили, роняла окровавленные тампоны. На окрики только сводила брови и вновь роняла или подавала не то.

– Всё. Алексей Александрович, принимайте работу.

Алексей Александрович смотрел на Веру с каким-то благоговейным ужасом – она ещё и шутит…

– Повязку на стопе менять в сутки два раза, утром и вечером. Остальные через день. Здесь стрептоцидовая мазь. Это ибупрофен. Я загляну в субботу. – Лоточки, коробочки и пакетики возвращались в рюкзак. – Конечно, идеально бы ему побыть недельку-другую в стационаре. Поставить капельницу. Но мы живём в неидеальном мире.

– Вера. Михайловна. Ты просто гений. Мы всю жизнь благодарны будем. Чем сможем…

– Я просто на своём месте. Как и вы.

– Знаешь: всегда наша семья – это твоя семья. – Алексей Александрович, смешно раскачиваясь, перетаптывался, не решаясь отойти от как-то серьёзно спящего сына. Хорошо, что Евгений уже помогал Вере с попаданием рук в рукава.

– Я знаю. Взаимно. Люся, забыла спросить: как учёба? – Не дожидаясь вялого «нормально», закинула рюкзак, резким движением расправила складки длинного серого плаща на животе и бёдрах. – Всё. Я пошла. Звоните-пишите.

На столе остались окровавленные клочья ваты и марли, бумажные обёртки бинтов, использованные шприцы. И коробка амоксициллина.

– Погоди! Я провожу. – Алексей Александрович, смешно подпрыгивая, бросился догонять. – Погоди. На пару слов.

– А ты чего при Вере Михайловне так зажалась? Обида какая-то? – Евгений, аккуратно собирая в «сильповский» пакет оставшийся после операции мусор, уже привычно за эти дни чуть-чуть подтрунивал над Люськой. – Чем же она перед тобой виновата?

Люська спиной ощущала это царапающее самодовольно-самовлюблённое пощипывание энциклопедистом-интеллектуалом подростка-недоумка. Даже не поворачиваясь, хорошо представляла противненькую кощеевскую ухмылочку. Быстро же он освоился, всего неделю назад только глаза пучил и щекой дёргал. Тоже хотел быть очень несчастным и раненым. И немного контуженным.

– Это я её обидела. Я виновата.

– Ого? Так, значит, в тебе и совесть есть?

– А в ком её нет? – Люська решилась обернуться и встретить, парировать взгляд взглядом.

– Ну… в маленьких девочках. И кошках. Кошечках. – Кощей театрально просительным жестом протянул пакет с мусором. – Вынесешь?

– Ты во всём прикалываешься?

Ага, такого он не ожидал. Люська почти вырвала пакет.

– Я через два часа загляну. Брат к тому проснётся?

К слову «брат» Люська пока не привыкла. Поэтому выговаривала почаще. И каждый раз получалось как-то излишне акцентированно, через усиление. Ведь, кроме прочего, «брат» ей, оказывается, он ещё и не «родной», а «единокровный», потому что только по отцу. А если бы по матери, то был бы «единоутробный». Брат. Братец, братишка, братик, братка... Нет, сердце пока не отзывалось. Его просто жалко. То сильно потеет, в полубреду раскидывая одеяла, то мёрзнет, аж зубами стучит. И молчит, молчит. Быстро выхрипит вопрос или просьбу и опять молчит. Другое дело – Кощей, вот уж точно как родной, с ним сразу получалось чесноково, без фальши.

И на отца было приятно смотреть, как тот милотно размяк, увидев, что у до недавнего единственной, неделимо обожаемой доченьки к павшему как гром среди ясного неба единокровному брату нет ревности. Той особой, непреодолимо детской, завистливой ревности. Ну да, Люська тупила, испытывая естественный страх перед новизной своего статусного положения в их… семейной системе: теперь она, младшая, должна покровительствовать старшему. Однако, если припомнить, то, бывало, и батя не всегда мог обойтись без её забот.

А так даже страшно представить, чего брату с Женей пришлось пережить. Через что пройти. Первые дни, точнее – вечера, долгие, за полночь, Алексей Александрович буквально выпытывал всё, что получалось выпытать без физического насилия. Евгений вначале жался, дозировал инфу, но потом его прорвало. И про простую дедовщину, и про непростых нациков, и про натовских инструкторов.

* * *

Вначале у прибывших в школу «потенциалов», которых «купцы»-офицеры набирали по разным частям после курса молодого бойца и принятия присяги, брезжила иллюзия, что можно как-то приспособиться, прижиться, не смешиваясь со свидомыми. Но продержалась она недолго. Опять начались ночные измывательства, и теперь к сержантам прибавились рядовые ветераны АТО. Слом произошёл, когда всем в обязательном порядке показали заснятое на айфон видео с сжиганием заживо пойманного на блокпосту «сепара». В ночь перед этим весь лагерь слушал крики пытаемого. Так нацики добились беспрекословной подчиняемости, даже натовцы теперь с ними заигрывали.

Были и смешные истории – о жадности покровительствующего Александру-Санчо сэра лейтенанта Коннора Брауна, которая обернулась непрестанными конфликтами с ещё более жадным начшколы паном подполковником Степаном Бурячком. В конце концов, каждому из них стукачи доносили о числе банок тушёнки, блоков сигарет, банок пива и комплектов нижнего белья «у злодия пид кроватью». Причём пану подполковнику докладывали и о том, что сэр лейтенант для преступного обогащения использует свою мужскую харизму и шарм иностранца в отношении зампотылу пани Арины Бурячки. Как писарь, Женя-Дон редактировал и печатал рапорты шановному пану бригадному генералу Тимофею Цыбульцу о должностном несоответствии сэра инструктора. Усугублялся драматизм – или комизм? – ситуации тем, что ко всякому рапорту полагался конвертик. О, как же этот убыток возводил Бурячка, ну просто в кратное бешенство!

Счастье они вначале не планировали. Думали доехать по железке до станицы Луганской и там, по обстоятельствам, переправляться через реку в ЛНР, где на шахте Сорокино под Краснодоном у Евгения жили отцовы деды – Сергей Трофимович и Анна Петровна Донченки. Если б всё получилось, то они какое-то время там прокантовались. До выяснения возможностей и понимания перспектив – понятно же, что дезертирам предстояла проверка в службе безопасности, прежде чем им выдадут какие-то документы. Паспорт республики или вид на жительство? Говорили, что на Донбассе уже выдавали и российские паспорта. Вот если бы да кабы… Александр мечтал поискать себя в Москве. Или в Санкт-Петербурге.

На вокзале едва отбрехались от патруля – уже второй день отпуска, а когда же они намереваются явиться в предписанную часть? «Послезавтра»… «к невесте»… «оружия нет»… «гривен тоже»… Ночевали в заброшенном домике на крайней улице Шевченко. Старались не засветиться, осторожничали, даже поужинали холодным, но разве от местных что скроешь?.. Часов в пять утра послышался звук приближающегося на скорости автомобиля, и они побежали через уросший многолетней крапивой огород к тальникам и ивам, тянувшимся

по-над крохотной речушкой. На противоположном берегу которой темнел уже настоящий сосновый бор.

Проваливаясь меж кочками, чуть ли не на четвереньках перебрались через заболоченную пойму к лесу. Отдышались. Встали и тут же легли: впереди меж соснами, под развесами маскировочных сетей бугрились брустверы окопов и капониров с горбами бэтээров под маскировочными сетями. То есть, согласно всем правилам обустройства укрепрайона, Евгений и Александр лежали на минном поле под прицелами дозоров. И солнце взошло уже достаточно, чтобы под его всё прибывающим теплом лёгкая дымка поднялась над речкой и, разрываясь на крохотные розовые клочки-облачка, неспешно вознеслась в светло-голубое небо, безжалостно обнажив в необдуманно примятой траве лёжку двоих дезертиров.

Менять положение приходилось как в самом замедленном кинопрокруте – поворачивались только когда нижняя часть тела окончательно леденела. О том, чтобы отползти назад, нельзя и думать – если салоеды, нарушая устав караульной службы, слушают музычку или покуривают травку, это замечательно, но кто знает, какие здесь выставлены датчики движения? На десять метров? На тридцать? Зафугасят, не спрашивая команды, и мама не горюй.

Аист подошёл вплотную, долго рассматривал замерших зрадников то одним глазом, то другим. И, не найдя для себя никакой пользы, молча пошагал к воде.

Ближе к полудню в укрепе началась суетня: расчехлённые бронемашины с полчаса потарахтели, потом два или три бэтээра взревели и в клубах дыма выкатились из укрытий.

– Авось? – Всё в том же максимальном замедлении, прошаривая и протыкивая перед собой ножами каждую травинку и бугринку, отползли в тальник. Спасибо сэру Брауну за науку.

Речушка рано или поздно где-то должна была впасть в Северский Донец. Её и держались, по мере возможного. «Возможного» в смысле – обходя по самому краю зарослей тальника или камыша леденящие кочкастые заболоченности. Пока не упёрлись в выходящее из станицы шоссе, перегороженное бетонными укладками блокпоста. Рядом с поникшим государственным прапором тоскливо свисало красно-чёрное полотнище правосеков*. Попытались отойти от жилья, но за поворотом на перекрёстке дежурил бэтээр с дремавшими под акациями в ожидании обеда зэсэушниками. Как назло вокруг широко и обзорно расстилались поля мелкого, под грудь, подсолнечника.

Над самыми головами пролетело два вертолёта. Судя по всему, плотность армейцев здесь была уже реально фронтовая. И просто наугад нашаривать брод под прицелами с обоих берегов не стоило. Стоило как следует осмотреться. Ибо в том лесу, что темнел за дорогой и за которым должна была протекать размежёвывающая захысников и сепаратистов река, явно вообще засидка на засидци. И опять же, все подходы обязательно заминированы.

Они тоскливо наблюдали, как по шоссе изредка прошмыгивали легковушки. Машины тормозились на блокпосту, пассажиров строили и долго проверяли, явно вымогая какую-нибудь мелочь. Да-с, заготовленный план ночного перехода через линию фронта даже для выпускников диверсионной школы ничего общего с реальностью не имел. Де-

* Террористическая организация, запрещенная в России.

журящему возле бэтээра дозору подвезли на синей с белой полосой «буханке» обед. Стало ещё тоскливее.

Вот тогда-то Александр-Санчо и рассказал Евгению-Дону о своём отце в Счастье. Которого он не помнил, ибо мать с сыном сбежали, когда Санчо едва исполнилось два годика.

– Она мне несколько версий выдавала. Две правдоподобные. Даже одна – мол, влюбилась в какого-то турецкого перца. Я его тоже не помню, он скоро исчез. Потом, уже через три или четыре года, она вышла за дядю Диму и отказалась от алиментов. Тогда мы с отцом окончательно потерялись.

– Что, так вот совсем-совсем?

– Совсемее не бывает.

– Но хоть звать-то как знаешь? Имя-отчество. И адрес?

Четыре раза пугающе резко хлопнуло – где-то близко отработала батарея стапятидесятидвухмиллиметровых гаубиц.

– Где-то в пределах километра. Похоже, прямо из станицы лупят. – Дон приподнялся на колени, быстро заоглядывался сурком. – Так ты адрес отца знаешь?

– Ну, знаю.

Санчо помолчал, сколько смог. Потом выдохнул в землю перед собой:

– Адрес знаю. Но там ли он? Примет ли?..

Припавший рядом Дон затараторил:

– Примет. Если всё ещё на месте – примет. Не на бутылку просим. Правда, ну если б какая надежда была – я на тебя бы не давил. Да и сейчас не давлю... Однако понятно же: нам без проводника соваться к реке – вполне осознанное и хорошо спланированное самоубийство. А там, в Счастье, тоже пограничный пункт. Значит, есть контрабандисты. За деньги, если не перевезут, то подскажут где и как.

– Что мы им предложим?

– Чего-нибудь у служивых стырим. Гранаток ящичек, ботинки или ещё чего там.

– Миномёт, маленький – восемьдесят два мэмэ, на лом сдать.

– Тоже мысль. Интересная. Главное, цель проставлена: заробыты на хабар. Не зря же нас натовцы на диверсии учили. Только как ты отца сейчас узнаешь?

* * *

На третьи сутки антибиотики начали действовать. Саша перестал гореть, пару раз подолгу поспал. И наконец попросил поесть. Алексей Александрович, все эти ночи спавший на полу около постели сына, сам счастливо почмокивая, помог ему попить-похлебать из пиалы куриного бульона с мелко нащипанными кусочками грудки. Вытирал сыну полотенчиком подбородок и руки. А свои глаза рукавом.

Евгений за это время тоже попритёрся. Научился совершенно бесшумно, перешагивая скрипучие доски, передвигаться по квартире, не трогать занавески. Почти перестал панически замирать на каждый звук в подъезде. А главное, смирился с тем, что пришлось бросить курить. Пока позволял дневной свет, Евгений читал: очень даже приличную хозяйскую библиотеку украшало полное собрание Достоевского.

Алексей Александрович забегал к себе домой только вечерами, занося продукты, купленные по дороге, и рано утром – умыться-побриться

и чего там пожевать перед выходом, опять же, на свою ТЭС. Хозяйство полностью легло на Люськины плечи. Плечики. Готовка и стирка теперь на троих мужиков. Первое время она раздиралась меж любопытством и стеснительностью – ведро с мочой должно было унижать беспомощного парня. Но – какой он? Ведь рассмотреть брата получилось не сразу: привели, точнее – притащили его ночью и в первое утро её допустили на десять минут – перевязать изрезанно-исцарапанную распухшую голову. После того, как у самих не получилось.

И всё же она верила: он красивый. Пусть невысокий, но такой атлетичный. Наверное, спортом всерьёз занимался. Чёрные вихры над широким квадратным лбом, кудрявящаяся бородка, как у Садко. И неожиданно синие глаза. Люська их тоже не сразу рассмотрела: вначале только гнойные полоски слезились меж чернушечной опухолью. Вообще, первое впечатление – грязь, гной и тяжёлый, тошнотворный запах от совершенно чужого человека. Только после того, когда папа и Евгений его отмыли да раз пять переодели, тогда только она смогла рассмотреть и убедиться – да, брат красивый.

Когда темнело, и чтение становилось невозможным, Алексей Александрович и Женя беседовали. Они даже наработали особые тихие-тихие голоса, не шёпот, с обертонами, но в кухне или прихожей уже не слышные. Саша теперь почти не уплывал сознанием, лежал, слушал, но практически не вмешивался. Даже если обращались к нему, старался отделаться улыбкой или сведением бровей в знак согласия или протеста. Иногда выдавливал из себя несколько слов излишне осторожным шипением. Интересно, а он пел? Поёт?

От Люськи взрослые почти не секретничали, однако она тоже предпочитала роль сторонней слушательницы и, отключив в айфоне звук, гуляла по интернету, примостившись с подтянутыми ногами на покрытой пледом банкетке в прихожей у входной двери. Типа как на дозоре-атасе. Шухере. Вахте. Хотя в их подъезде жизнь протекала без каких-то изменений, всё так же ковидно и приграничено затаённо. Татьяну Марковну разве только специально можно было увидеть-услышать. Ну, иногда к Цвяхам, громко хлопая и барабаня, заваливали со своими делами бывшие подельники и нынешние собутыльники. Да ещё по субботним вечерам пани Касеня приводила из казармы очередного брутально подстриженного кавалера. Тогда – да, музыка и танцы до утра. Зато наверху в эту ночь не таились.

* * *

Возвращались вдоль железной дороги двое суток. С долгими передышками. И воровством с огородов. Крайних. Хотя, что там оставалось кроме зимних яблок? Морковка, топинамбур и тыква. Удачно миновали Кондрашевскую, повиднелись: слева хуторки Транзитный, Тепловский, справа – Артёма и Петропавловка. Оставался Огородный, и за ним – вот оно, Счастье. Щастя.

– В Огородном пёс к нам пристал. Здоровенный, белый. Мы сами-то с голоду готовы были уже деревья грызть, а он совсем шкура на позвонках. Главное – величиной с белого медведя, с таким вообще нигде не спрячешься. Пытались прогнать, грозили чем могли, но эта сволочь только хвостищем машет и уши прижимает. И прётся за нами не отставая. – Евгений классно, практически наощупь плёл из найденных в шкафу нескольких моточков цветной проволочки браслеты. Люське

уже четыре подарил. – Блокпост обошли удачно, но под самый рассвет. Решили перекантоваться в пустой бензоколонке, знаете – на въезде? Там всё оборудование растащили, окна побили, но по крайней мере стены кирпичные, крыша и даже двери железные остались. Правда, приваренные. Через оконный проём перевалили – внутри ничего, кроме стёкол и, пардон, какашек, нету. Всё в хлам раздолбано. Из каких-то останков столов и стеллажей соорудили лежак, чтобы не на кафеле мёрзнуть, затаились, только животами бурчим. Так этот наш Умка ослабел настолько, что запрыгнуть не смог, зато встал лапищами на подоконник и скулит в полный голос. Скулит, аж подвывает. Что делать? Ладно, втащили, думаем – хоть теплее будет. А блохи вроде как людей не кусают.

– Кусают. Но не собачьи, земляные. – Алексей Александрович шухнулся к Саше: – Сынок, тебе в туалет? Я помогу. Нет? Погоди, накидку поправлю.

Евгений держал паузу: спешить всё равно некуда. Алексей Александрович вчера ходил к своему другу Николаю Матвеевичу. Перетолковали. Друг обещал через ветеранов Афгана поискать варианты с переходом границы. Очень хорошая мысль – есть же среди ветеранов и таможенники, есть и контрабандисты. Знать, и маклаки, посредники меж ними, тоже. Конечно, переход, если получится, будет только для Евгения, Саше ещё восстанавливаться и восстанавливаться. «Ещё»? О чём разговор? Евгений прекрасно понимал, что прятать Латниковым двоих в разы опаснее, так что незачем множить риск. Как и сомневаться в том, что «получится», не нужно: должно получиться, обязательно. Обязано.

Проснулись Санчо и Дон от того, что Умка зарычал. Надо же, как к заброшенной АЗС подъехали машины, они проспали, а вот от самого тихого рыка вскочили. За окном, прямо перед ними на бетонированную площадку возле раскуроченного фундамента бывшей раздаточной колонки из сдвинутой двери камуфлированного микроавтобуса повыпрыгивало несколько человек. Точнее – четверо выпрыгнули, а двоих скинули. Чуть в отдалении, освещая происходящее фарами, еле слышно урчал невыключенным двигателем неразличимого цвета кроссовер. Умка, отжавшись к задней стене, топорща холку, то ворчал, то подскуливал, но понятливо тихо-тихо. Саша нежно поглаживал его лоб и нос, готовясь, если что, придушить.

Скинутые лежали недвижно, связанные-стянутые по рукам и ногам красным скотчем. Заклеены у них были и рты – намотано прямо вокруг голов, через затылок. Всё ярко-красным в фарном освещении скотчем. Спрыгнувшие, как и подошедшая пара из кроссовера, прятали лица за балаклавами. Одеты были как-то одинаково, все в чёрное.

Из подошедших одна – женщина. Или, скорее, девушка – стройная, в блёстко обтягивающих длинные ноги кожаных лосинах. Её спутник, массивный, плечистый, выше остальных почти на голову, что-то по-командирски говорил выстроившимся перед ним спрыгнувшим.

– Украйина – понад усэ!

Лежавших волоком подтащили к фундаменту с разобранными останками раздаточных колонок. Усадили рядом, плечо в плечо.

– Слава нации!

Командирски говоривший передал ближнему выпрыгнувшему поднятый до того вверх пистолет.

– Смэрть ворогам!

Выпрыгнувшие стреляли в выкинутых по очереди. Каждый по два раза.

Зиг-хайль! Зиг-хайль! Зиг-хайль!

От выстрелов Умка запаниковал. Затрясся, тыча своим огромным носом в пол, и неожиданно вырвался из-под рук Саши, в два прыжка подлетел к окну. Прыгнул. Но, захлёбно визжа, повис животом на подоконнике, царапая стенку когтями задних лап.

Поймав пулю, пёс судорожно подёргался и замер. Александр и Евгений стали плоскими как фанера. Как бумага для принтера. Один… три… девять брызнувших цементом фонтанчиков. В окна стреляли не приближаясь, поэтому, кроме попорченной штукатурки, урона не наносили. Всё?.. Всё?.. Кажется…. Минуты отсчитывались височным пульсом.

Ну за каким Александр полез посмотреть: что там? Евгений, мысленно перечисляя синонимы к слову «полоумие», давал и давал отмашки отступать в воняющий непросохшей мочой пустой закуточек с нелепо торчащим из стены деревенским умывальником.

Трупы замотанных скотчем по одному оттащили к давно лишённому крышки люку подземного бензохранилища. Посталкивали в гулко всхлипывавшую жижу. Разошлись по машинам. Кроссовер сдал назад, развернулся, затемнив площадку с микроавтобусом. Да и микроавтобус вроде как выдвинулся к трассе, когда в окно влетела граната.

– А патрули? Да ведь и блокпост рядом? – Алексей Александрович спросил после паузы, какое-то время упихивая, втесняя в сознание непомещающееся.

– Судя по прапору на блокпосту «Правый сектор»* и стоял. – В разговор вдруг вошёл Саша. – Это их фирменный стиль: красным скотчем жертвы связывать. Значит, сами правосеки* бедолаг порешили. И патрулям отбой дали.

– Деваха классная, фигуристая стерва, до сих пор в глазах. – Евгений попытался разгрузить тишину. – Видно, что альфа, такая всех вокруг под собой держит. Панна-панночка. Как бы Солоха, только в возрасте Оксаны. Или Ганны. Стопроцентно гоголевская ведьма. Под такой любой козак под небо поскачет.

Он вздрогнул сильнее, чем Алексей Александрович и Саша, когда, забытая всеми, Люська хлопнула дверью.

Дождь, зарядивший с раннего утра, то затихал до мельчайшей, висящей-качающейся меж домами и деревьями взвеси, то вновь набирал силу, плотно и громко барабанил по оконным откосам. Усиления сопровождались порывами ветра, и тогда скрипы старого тополя, навалившегося на крышу бывшего магазина «1000 мелочей», становились отчаянно жалостными. Осыпанные последними, уже не цветными, а просто бурыми листьями тротуары и протяжные, зло рихтуемые ледяными каплями лужи проезжей части редко-редко тревожили одинокие, прикрытые зонтиками прохожие – точнее пробегающие, и столь же случайные, наоборот, неспешно осторожничающие легковушки. Счастье по-осеннему вымачивало и выдувало, разнося, раздвигая и разряжая контакты с возможной передачей ковида. Из-за которого даже просто почихать-покашлять второй год было опасно – закупорят без права переписки,

* Террористическая организация, запрещенная в России.

и месяц доказывай, что то обычная ангина. Порывы ветра и дождь, холоднючий дождь по-над почти пустынными улицами. Все несчастливо оказавшиеся под осадками бежали, спешили, ехали и ползли откуда-то и куда-то, проклиная необходимость выбираться в такую собачью погоду из квартир, контор, школ и цехов или же идти в эти самые конторы, цеха и квартиры.

Из ворот проходной, зажатой меж двухэтажных административных корпусов «Луганськой ТЭС», толчками выдавливались и, дробясь, разбегались и разъезжались привычными маршрутами отработавшие в первую смену. Кому в частный сектор, кому в центр. Оставшиеся концентрировались, сбивались под не покрывавшей всех крышей автобусной остановки, откуда ветер выносил табачный дым и неугомонные жиночи скрыкы. Все заворожённо смотрели направо, откуда должен был появиться автобус. Алексей Александрович, подняв воротник и пригорбившись, одиноко мок в сторонке: в последнее время у него появилось какое-то агрессивное нетерпение к табаку. Мок, то нагибаясь и разглядывая мусор в луже под ногами, то задирая лицо к небу, где за спиной, позади громады зданий электроблоков, три высоченные трубы от середины терялись-таяли в низко ползущей мутно-серой облачности. Ползущей и истекающей моросью.

Сын. Сынку… Саша-Александр. Александр Алексеевич Латников. Как же он похож на свою мать. Такой же ладный, чернявый. А глазища синие-синие. Алексей Александрович представлял их встречу по-разному: то вот встанет мальчуган на пороге, а за спиной кающаяся мама. Или подросток напишет письмо, он ответит, и сын приедет на каникулы. То совсем парень…. До встречи с Юлей и рождения Люсеньки сын был совершенно неотъемлемой частью сознания. Что бы ни приключалось, что ни происходило – всё оценивалось как бы с основной, его, отцовской точки зрения – логично, практично, правильно ли? И с дополнительной – а как это понимает Саша? – честно ли это, справедливо, не стыдно ли? Да, да, точно так! Сын всё время был усилением отцовской совести. Был со-вестником. Как поступить? Что подумать? Из чего выбрать? – Рано или поздно сын явится, и тогда придётся отвечать, и не только за всё сделанное, но и только задуманное, за выбранное по своей воле или под понуждением. Отвечать перед сыном. И вот это время пришло…

Когда появилась Люся, разве сына стало меньше? Нет, ни в коем разе! – один пищащий, писающий и самый дорогой на свете комочек новой жизни не перекрыл, не заменил прежнего, писавшего и басящего, нисколько не заменил такого же бесценного! Просто отцово сердце стало как бы больше. Пожалуй, именно так: сердце стало больше.

Сын. Саша-Александр…. В эти дни впервые Алексей Александрович реально, не на словах, захотел на пенсию. Нет, не для отдыха, которым насыщался за неделю-другую, а чтобы бросить работу насовсем. Как-то вдруг он опротивился прежней жизнью. Стало невмоготу доброжелательно здороваться и с теми, с кем здоровался каждое утро уже двадцать пять лет, и с кем здоровался только полгода, интересоваться совершенно вдруг такими далёкими, такими не касающимися его проблемами, наперёд зная про эти проблемы уже двадцать пять лет или один год. Сама рефлективность его работы, до красивого автоматизма доведённая последовательность действий слесаря-ремонтника шестого разряда по дефектации, разборке, сборке, ремонту и регулировке механизмов простого оборудования – вдруг из своей красивости стала нудой. Как танец старика – всё правильно, всё точно, но… не дышит.

Гул высоковольтных проводов, пение угольных печей, ревение работающих станков, как и запахи горячего металла и угольной сажи, машинного масла, слаженность, единый ритм движений и даже мыслей сотен людей, завязанных единым делом, – то, без чего его день ранее был просто невозможен, непредставим, теперь ненужно давило. Жизнь потеряла заряд. Жизнь стала былой. И новой не желалось.

Просто отдохнуть, подправить здоровье, эмоционально восполниться? Хм, Алексей Александрович на памяти пять раз проходил медкурс в профилактории. Тоска для непьющего и негулящего. Ну не настолько он любил своё тело, чтобы жить спортом и банями. А ещё два раза жена уговаривала съездить к Азовскому морю. Пару дней было интересно…. Алексей Александрович не только не понимал отпуска, но порой, особенно в плохую погоду, едва выдерживал в безделье даже выходные. Не было у него для них хобби. По молодости он этого даже стеснялся – человек без интересов. Но рыбалка, путешествия – куда с его хромотой? Музыкального слуха Бог не дал. Книги тоже вызывали странную, не такую как у всех, реакцию – он слишком глубоко сопереживал прочитанному: литературные герои прописывались и жили, активно жили в его мыслях, а сюжеты накрепко врастали в сердце. Так что одного романа хватало на несколько месяцев, а то и на год. Единственно – слесарное дело свело с таким же фанатом винтиков-шпунтиков – с Матвеичем. Гвардии старшим сержантом сто двадцатого истребительного авиационного полка Николаем Матвеевичем Тепловым. Героическая молодость которого восполняла негероичность молодости Алексея Александровича. Субботами-воскресеньями они разбирали и собирали сначала старый «запорожец», затем такой же неновый «опель астру» Матвеича, наслаждаясь своим пониманием жизни механизмов, чувством возможностей материалов. Вариации рассказов про авиабазы в Баграме и Шиндане не только не приедались, а даже утверждались каждый раз новыми зримыми подробностями уже не представляемых, а узнаваемых картин и панорам Афганистана, пока не стали его собственными воспоминаниями. В мельчайших деталях военного быта, со всеми товарищами по оружию – лётчиками, механиками и заправщиками, ротой обеспечения. Поварами и медперсоналом. Вот такие ветеранские воспоминания лишённого из-за родительского произвола быть «обязательно только шахтёром», обделённого возможностью совершить нечто героическое. Своё героическое.

И вот столько жданное: сын явился. Сын. Саша-Александр, Александр Алексеевич…. Чем же отвечать перед ним? Тем, что честно работал, работал и работал и ничего другого в его жизни не приключалось. Ни подвигов, ни приключений. Ни талантов с открытиями. Но ведь и предательств не было. Только работа.

Отец. Батя…. Не таким он представлялся Александру. У мамы хранилась только одна фотография, не выброшенная ради беззубо смеющегося пухляшки на огромных ладонях. Однако на ней отец был только нерезким контуром.

В раннем детстве Саша, объяснимо, не воспринимал неполноты семьи. Три отчима, которых он послушно называл «папа», ничем таким не запомнились. Ни хорошим, ни плохим. Дежурные поглаживания по темечку, сюсюканья и подарки от каких-то неуютно холодных дядей, и дальше всё те же одинокие часы рисования и мультиков. Более в память запали чрезмерные проявления материнской ласки – меж и после

«пап». Уже в школе впервые кольнула, а потом и поселилась напостоянную тонкая тоска-зависть к бахвальству одноклашек «а мой папа, а мой, мой». «Мама, а где мой»?

Вообще «отцы и дети» – это про отцов и сыновей. Не про отцов и дочерей. «Матери и сыновья» – тоже совсем-совсем иное. Как и «матери – дочери».

Самое тяжкое время человека – его подростничество. Кто я? Какой я?.. Почему я? И почему не я?.. Самосознание, самоосознание проклёвывающейся личности – самооценка «я» через выход, вычленение из «мы» семьи, через отстранение от «мы» стайности, даже отторжение привычно ближних и дальних. И отсюда страх, страх перед неотвратимо надвигающейся взрослостью, где «я» и «мы» навсегда и во всём. Юношеский страх потери права на ошибки, права на безответственность. Ну почему, почему во всех временах и землях инициация во взрослость через прохождение унижения, через преодоление боли и страха столь одинаково обязательны? Подростничество – полоса препятствий с избиением, охота в одиночку на льва, пожирание Бабой-ягой, немота, темнота, поношения… Инициация в личность – смерть детства порождением взрослости…

Смерть не может быть добровольной. Она обязательно вызывает протест.

Протестуны тоже сходятся в свои общины, или сводятся, контролируемые уголовной средой с наработанными путями – кого пустить по наркоманскому, кого по уркаганскому. Почему уголовной? Уголовники – те, кто не смог преодолеть страха своей смерти, своей боли, и потому способен убивать, мучить только других. Всех, только не себя. Что там Достоевский с его одиноко сомневающимся «право имеющим», тут «крутым», «рисковым пацанам» взрослые и сильные сразу и доходчиво предлагают «открыто» смотреть на мир: если государство криминальное, если общество подло морализирует только в пользу богатых, то людям нужны свои, не государственные законы и понятия! Банда – вот защита подростка от собственной личности!

Об этом Саша узнавал не только в ВК или Ютубе, но и на улице. Про дерзкий гоп-стоп мажоров у ночного клуба «Радмир» сообщали все харьковские телевизионщики. Сашку повязали случайно, он ведь как совсем малолетка только стоял на стрёме. Отболтался от ментов сам, типа «ващще не при делах», за что получил от братвы уважуху.

Второй привод в милицию уже сопровождался реально блатной героикой. Да, мать «замусорилась» и плакала в кабинете следователей, плакала в кабинете начальника отделения. Ей поверили «в последний раз». Так и получилось – в последний. Инсульт… Три года медленного-медленного умирания. Александра от детдома спасла спортивная гимнастика, куда его направила классная руководительница Ирина Владленовна. Именно её старший брат – заслуженный тренер УССР Пётр Владленович Ткач, стал и учителем по спорту, и учителем по жизни. Проводником-сталкером, мудро прошедшим рядом и властно проведшим Сашку через инициацию в мужчины. С обязательным преодолением унижений, страхов и боли.

* * *

Александр, Евгений и Люська сидели за подпирающим подоконник квадратным кухонным столом, соревнуясь в бесшумности кручения

ложечками в разномастных керамических кружках. Низко подвешенные на тесьме белые задвижные шторки закрывали окно до середины, оставляя видимыми давно оголившиеся макушки яблоней с несколькими крепко держащимися бледно-золотыми шарами. «Жар-птиц ждут». Вдруг повалил снег. Забыв осторожность, они все трое прильнули к стеклу: огромные белые хлопья густо заполнили всё пространство меж небом и землёй – серым небом и чёрной землёй, хлопья кружились, качались, играя, перемешивались, не спеша упасть и растаять. Браво, Чайковский – снежинки и вправду танцевали.

– Женя, а ты веришь? Бог, по-твоему, есть?

Вопрос, однако. Евгений обернулся – может, к кому другому перекинуть? Но и Саша вкололся, вцепился в него ещё матовыми глазами. Справа-слева – ага, брат и сестра поймали его на расслаблении и зажали – ну прямо настоящая семья. Прайд на охоте.

– У меня есть.

– А вообще? По чесноку?

– У меня есть. Ты, наверное, тоже хочешь? Своего Бога иметь.

Люська, прижав палец к губам, прислушалась к звукам в подъезде. Ага, разговаривавшая с кем-то по телефону пани Ксения наконец-то зашла в свою квартиру. Чего-то она сегодня рано.

– Конечно, с Богом же легче. Всё объяснимо. – Люська осторожно присела на табурет. Не могла же она теперь просто уйти с опустошёнными судками, теперь она честно-законно может хотя бы полчаса ещё посидеть с «ребятами», пока не получит удовлетворительного ответа. Наверно, нужно было только о чём-то попроще спросить, а тут даже Саша напрягся, хотя и отвалился спиной к стене.

– Легче. – Евгений тоже присел, протянул свои тощие ноги далеко под стол. Подпёр ещё чуть-чуть подрагивающую щеку кулаком. – Особенно если с Богом не торгуешься. Типа умеешь постоянно не считаться «ты – мне, я – тебе». Просто надо знать, что мир упорядочен. Логичен. И гармоничен.

– А война? Несправедливость? Богу зачем они?

– А это уже к людям. И к демонам.

– Зачем зло?

– Низачем. Оно бессмыслица. Бог задаёт промысел, смысл всему, а отказ от этого промысла есть бессмыслица. Грех, по-простонародному. Поэтому наша жизнь, смысл нашей жизни в преодолении этой бессмыслицы, этого зла. По-другому, без этого преодоления, без борьбы со злом жизни нет. Как её нет в кристалле. Или в механизме. Хотя в механизме, возможно, и есть.

Евгений даже было привстал, но снова обмяк:

– Абсолютная гармония – уже смерть. Человек сотворён с тягой к её, совершенной гармонии, достижению, при том, что она недостижима. Сложно?

– Поняла. Как Ахиллес, что за черепахой гонится. А нация для тебя что?

– Я русский.

– Я украинка.

– Скакала?

– Прыгала.

– И я тоже. Проходит, когда взрослеешь. Хотя стыд остаётся.

Саша тоже тревожно заглянул в Люську. А Евгения несло:

– Пойми: нет никакой украинской нации, есть народность. В чём разница? Нация создаёт свою собственную государственность, а главное, свою оригинальную культуру. Вот украинцы тысячу лет живут меж поляками, русскими, венграми – а государства нет! Ничего подобного той же Чехии. Оторвали кусок от Советского Союза, и то всё разворовали, продали англосаксам. А рядом есть тысячелетнее русское государство, есть русская культура. Более того – есть русская цивилизация. Только русская нация смогла создать и такую великую культуру, и государство на полмира. Один Ломоносов на триста лет всю мировую науку перекрыл. А ещё Чайковский, Серов, Менделеев. Наше надутое украинство – пошлая окраинность, инфантилизм. Обрезок от русского ума. И сердца. Тоже русского, тоже великого. Пойми это, почувствуй красоту величия русского мира. Размах. И повзрослей. Вот я вчера у Достоевского вычитал. – Женя подвинул к себе раскрытую книгу. – Прежде как-то всё мимо проходило, пролетало даже. Я ведь больше в романах за сюжетами следил, а сейчас ну прямо в душу ткнуло. Наконец-то повзрослел до понимания «Дневника писателя». Вот послушай, хотя бы на потом: «Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться вперёд. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают.

Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, “имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени”.

Долго, о, долго ещё они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нём, – коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии. Нынешнюю, например, всенародную русскую войну, всего русского народа, с царем во главе, подъятую против извергов за освобождение несчастных народностей, – эту войну поняли ли наконец славяне теперь, как вы думаете?..

О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут всё величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации».

– Ты только представь, что это написано почти полтора века назад! И ведь не на Луне, а здесь книга стояла. И кто её в этой квартире прочитал, кто услышал? Даже не развёрнута, страницы слиплись. Я – и только вчера…

– Ненавижу русских, – не соглашалась Люська на роль смиренного выучня.

– Понятно. А вот русские не умеют ненавидеть.

– Они нас всё время принижали. Не давали жизни. Свободы.

– Во-первых: всякое действие есть противодействие. Зачем им это самое «всё время»? Не просто же так, подумай за что, почему? Есть причины. Второе: кого «вас»? Ты не малёк в стайке – отвечай за себя. Тебя лично кто принижал? На самом деле ты ведь просто боишься. Себя саму. Боишься быть русской. Точнее – стать русской. Тут же нельзя просто так стать, тут труд нужен, над собой труд. А ты глаза жмуришь, совершенно как ребёночек. Правильно, русскость – это же огромная ответственность. Твоя – личная – перед всеми – ответственность.

Саша вдруг засмеялся. Сначала тихо-тихо, потом посильнее, сотрясаясь. Попытался сдержать себя, глотая звук и сжимая грудь и плечи скрещёнными руками. Пока, в конце концов, не задохнулся, не захрипел, страшно выкатив глаза и багровея. Пришлось Евгению подхватить его под мышки и отвести, положить.

– Простите… простите… – слёзы быстро прокатывались по щекам и терялись в отросшей бороде. – Простите.

Люська принесла влажное полотенчико, подсела на край кровати.

– Тю, ты чего, братик? Чего, милый?

– Простите: я вас ненавидел. Дурак, дурак! Простите меня. И отца. И тебя ненавидел. Заранее… Сестрёнка…

– Что ты, милый? Не говори такого. Не говори, пожалуйста.

Теперь рыдали оба. Сжимая переплетённые пальцы, толкали, отталкивали друг друга и прижимались.

Евгений вернулся на кухню и, зажав ладонями уши, читал вслух: «России надо серьёзно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своём славянском значении и в своём особом славянском призвании в среде человечества.

Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя её в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит – Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство. Будут даже и такие минуты, когда они будут в состоянии почти уже сознательно согласиться, что не будь России, великого восточного центра и великой влекущей силы, то единство их мигом бы развалилось, рассеялось в клочки и даже так, что самая национальность их исчезла бы в европейском океане, как исчезают несколько отдельных капель воды в море. России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае. Разумеется, сейчас же представляется вопрос: в чем же тут выгода России, из-за чего Россия билась за них сто лет, жертвовала кровью своею, силами, деньгами? Неужто из-за того, чтоб пожать столько маленькой, смешной ненависти и неблагодарности? О, конечно, Россия всё же всегда будет сознавать, что центр славянско-

го единства – это она, что если живут славяне свободною национальною жизнию, то потому, что этого захотела и хочет она, что совершила и создала всё она»…

«Напротив, весь этот век, может быть, придётся России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинутся. После разрешения Славянского вопроса России, очевидно, предстоит окончательное разрешение Восточного вопроса. Долго ещё не поймут теперешние славяне, что такое Восточный вопрос! Да и славянского единения в братстве и согласии они не поймут тоже очень долго. Объяснять им это беспрерывно, делом и великим примером будет всегдашней задачей России впредь»…

Он даже не заметил, когда перед ним встала-застыла Люся. Отнял от ушей ладони, преувеличенно вопрошающе вытаращил глаза на трогательную в своей угловатости девочку-девушку. Которая сейчас только что утешила, совсем по-взрослому, даже по-матерински властно успокоила-убаюкала старшего брата. Вот такая она… мудрая. И чудная. Оба ударения правильны.

– Женя, а когда ты устроишься, там устроишься, – сообщишь?

– Обязательно.

– Мне тебя ещё поспрашивать надо.

– Конечно надо. Через вай-фай спишемся?

– Не забудешь?

– О Счастье-то? Да разве о нём забывают? Это же Счастье. Счас-тье!

2

Сходила Люська на вечеринку. Сходила на свою голову.

Нет, конечно, Максим Ткаченко не какой-нибудь гопник или, там, наоборот, лузер – и из семьи хорошей, и учится прилично. При ней даже не матерится. И симпатичный – рост выше среднего, блондин. Кожа, конечно, бугрится, но это же проходит. У самой тоже то там, то сям прыщик закраснеет. Возраст, гормональная перестройка. Наверное, в Яндексе самый популярный вопрос о кремах для молодёжи. Если уж к чему и придираться – так это к тому, что какой-то он, ну, несамостоятельный. Вроде и умный, а чуть-чуть тормозной. Ещё и трётся в компании придурошных Яшки-Биля, Вовки-Крюка и Вовчика-Серого – Биляченко, Крюкова и Сергеева.

Вот уж махновцы, реально с головой не дружат. Сколько их Люська помнит, столько они в чём-то замешаны – то на районных соревнованиях помахаются не с теми, то в химклассе пожар учинят, то директору портфель с дорогими дипломами зелёнкой зальют. Посмолить, бухнуть – это с шестого класса. Музыка – хип-хоп и рэп. Прикид босяцкий. Приколы тоже дебильные. Вечное «дай позвонить, дай затянуться, дай куснуть». Все знали, что они уже попадались на прошарках пустующих квартир и домов. Причём попадались не полиции, а серьёзным мародёрам, что вообще-то чревато. Но им как-то сошло. А уж чужие велосипеды! И крали, и отнимали. Какое-то пристрастие к технике. Один раз даже школьный трактор угнали. И ночью завалились в канал, хорошо что не очень глубоко. Их тогда именно отец Максима отмазывал, он же в следственном отделе работает. Потому что колония тогда конкретно засветила: дебилы при задержании ещё и здорово гаишникам похамили.

Короче, почему-то Максим с ними водился.

В их девятом классе уже многие встречались. И Люська даже чувствовала лёгкую статусную ущербность от отсутствия своего бойфренда – девчонки всегда жёстко дробились по интересам, а тут как бы и вовсе разошлись на «уже» и «недо». Вот, блин, счастье – очутиться в кругу толстушек и ботанов! Ботанок.

Поэтому когда Люська заметила-почувствовала демонстративно долгие тоскливые взгляды с параллельной парты, пришло облегчение: Макс не только внешне интересный, но и в математике и физике прёт, как танк. Папа в органах, мама в горсовете. Многие в их классе о таких взглядах только бы мечтали. И потому сразу зазавидовали.

И Люська нисколько даже не удивилась, что первой свою зависть выказала Лека! Это при том, что сама ещё недавно встречалась с парнем из пятьдесят шестой. И повыше, и поблондинистей. Прикинут топово. Если у Леки с ним что-то закосячилось, то за каким злость на подруге срывать? Да пошла бы она! Пусть поостынет.

Да, многие о таких взглядах бы мечтали. Но какой-то особой гордостью Люську не надувало. Что мешало? Да то! Типа «подвернулся случай», и ты теперь не в списке толстушек и ботанок. Но мечталось как-то по-другому, другого. Хотелось выбирать самой, и не головой, а чувством, встречным чувством. Хотелось своей любви, а не потому, что… Да! Как в «Окэане Эльзы»:

Хочу напытысь тобою сыльно, шалэно
Ты стала для мэнэ хлибом-водою, хлибом-водою.
Хочу напытысь тобою, бачыты як
В нэби сонцэ встае над головою, над головою…

Как же быстро по школе разносится инфа: долгие взгляды с параллельной парты изменили отношение не только их класса, но и параллельного, и даже младших. Респекты ей теперь выказывали и ботаники, и отморозки. Даже учителя изменили обращение: разговаривали, ну, осторожнее, без унижающих подколов. Причём все равно зауважали и Люську, и Макса.

Изменения окружающих требовали изменений и от неё. Каких? А всяких, в том числе и в причёске. Где Люська прочитала, что волосы хранят память? Типа если хочешь нечто забыть – подстригись. Просмотрев все доступные сайты, она выбрала «пикси». Прикольная программа: на своё фото примеряешь разные стрижки. Точняк, «пикси»! Нужно будет ещё и покраситься в брюнетку. Кстати, и маникюрный лак тоже тогда чёрный, что весьма проблемно в школе. Там только розовый не оспаривают.

Соседка пани Касеня, бывшая тётя Ксеня, а для некоторых «уголовных элементов» просто Ксюха, назначила во вторник время в своём салоне, и вот – Люська даже сама собой залюбовалась: объёмный лифчик с толстым поролоном, лимонная майка с Че Геварой, светло-голубые стрейчевые джинсы – когда она явилась в парке потусить у сухого фонтана, не только Макс заалел, но даже его кенты Яшка, Вовка и Вовчик прижали свои матюгальники.

Вот после этого и сходила Люська на вечеринку. На свою голову.

Алексей Александрович в очередной раз, и как всегда окончательно, убедил себя в том, что всё на свете не случайно. Всё, всё промыслитель-

но. Ну на самом деле, чем и кому можно было уплатить за переправу Евгения через реку? Свои, счастьинские, за такое даже не заговаривали: ладно бы старика или женщину. А тут дезертир – значит, прямо попасть под интерес не погранцов или прокурора, а сразу СБУ. И вот, когда что-то очень-очень нужно и одновременно когда всё совершенно тупиково-безысходно, тогда оно, как всегда – вдруг, и складывается! Правда, такое случается только когда, ну правда, совсем безысходно, когда полный абзац. Алексея Александровича хоть и трясло, то сердце, то живот тянуло, а всё равно не отчаивался. Тыкался, щупал. Рисковал, конечно. А вот – пришло само, без его планов и комбинаций. Всё, всё промыслительно.

Друг, дружище Николай Матвеевич позвонил точно за минуту до выхода на работу. Алексей Александрович уже шнурки завязал и, выправляя дыхание, напоследок прохлопывал карманы синей куртки-робы: пропуск, проездной, деньги, мобильник… Зазвонил домашний, пришлось пройти в кухню. Николай Матвеевич даже не поздоровался, хрипанул сразу:

– Лександрыч, после смены зайди. Жду очень.

И отбойные гудки.

День тянулся и тянулся. Вокруг мелькали люди-тени, его пытались втянуть в какие-то разговоры, ему передавали какие-то просьбы начальства… проклятые тиски замяли корпус трансформатора… На обед Алексей Александрович не пошёл, но от этого время не ускорилось. Опять люди-тени, опять просьбы и разговоры… Только пульс стучал, стучал в обильно потевших висках.

– Лександрыч? Заходи. Хорошо пришёл, вовремя. – Николай Матвеевич тщательно, на полные обороты закрыл три замка стальной двери. – Выключи там газ, вода кипячёная, только подогреть.

Алексей Александрович даже осмотрел свои пальцы – настолько на кухне Тепловых всё всегда стерильно. Полина Сергеевна замечаний не делала, но и не скрывала гримасы боли, когда, не дай бог, на её столе появлялась капля с мокрой ложечки. Или крошечка от печенья на полу около ножки стула.

– Я Полину на рынок отослал. Поэтому давай сразу к делу.

Николай Матвеевич, в чёрном махровом халате поверх светло-серого спортивного костюма, сильно раскачиваясь на негнущихся ногах, просеменил к плите. Алексей Александрович отодвинулся к окну.

– Чай зелёный заварен. Или по капельке?

– По капельке.

Сам хромающий, Алексей Александрович с особым пониманием смотрел, как из-за травмированных коленей Николай Матвеевич двигался забавно, как какой-нибудь пингвин. Забавно, если не знать почему. Кроме колен, ему тогда повредили позвоночник, так что он теперь почти не сидел – стоял или лежал. Алексей Александрович тоже не садился, неловко замер около окна. Вообще страшно стоять в рабочей куртке посреди тепловской кухни, своей сияющей белизной напоминавшей операционную. Но…

– Представь: вчера имел долгую и доверительную беседу аж с комбригом девяносто второй. Целых шесть минут. – Николай Матвеевич идеально ровно разлил желтоватую перцовку по стограммовым гранёным стаканчикам, ещё эсэсэсэровским. – Никалюк Виктор, тоже наш, афганец. Вот же волчара.

Они чокнулись и выпили.

– У него кроме прочего разбитый мост под охраной. Слышал же, как его наши пытались от контрабанды отжать. Отбился тогда на раз. Ну, я ему начал было втирать – вот, мол, надо пацана на три дня за кордон справить, а потом встретить. Мол, очень нужно хлопчику з ридной мамкою побачытыся. Так Никалюк даже дослушивать не стал. Глянул волчьи и рыкнул поперёк: «Две тонны». Потом, правда, проявил уважение, объяснил – тысяча долларов туда, тысяча обратно. С гарантией, что с той стороны стрелять не будут. Обратно вроде как нам и не надобно, но про то лучше чужим не знать.

Николай Матвеевич приподнял открытую бутылку, подождал, пока Алексей Александрович сообразит поставить опустошённый стаканчик рядом с его.

– Хорошо, что молчишь. Молчи и дальше. Я всё сам уже решил. Сам. Машину я теперь водить не могу. Да и если война с Москвой развернётся всерьёз, её всё равно отнимут. Мобилизуют какие-нибудь теробороновцы.

Они опять тихонько чокнулись.

– Будь здоров. Значит так: я нашенского «опелька» отдаю Никалюку. Молчи! Вернётся твой хлопец, тогда вернёт долг. Если ж вдруг не доживу – ну, Полине деньги ещё больше пригодятся. А если не вернётся… я сам всё решил.

Друг, дружище Николай Матвеевич. Если бы умел, Алексей Александрович рассказал бы, самыми громкими стихами поведал бы – какое он испытывает восхищение этим, искалеченным заново народившимися нацистами, ветераном, этим, забавно похожим на пингвина, настоящим великаном, настоящим русским человеком. Человечищем. Что в любом положении, при всех обстоятельствах, всегда побеждает зло. Если бы умел…

Люська даже на минуту не смогла впасть в атмосферу дури, которая заполняла квартиру Марийки Кывы, их одноклассницы. Не только квартиру, но и подъезд старого двухэтажного барака тёмно-красного кирпича, и длинную самодельную скамейку с нависшей над ней ивой. Соседи, похоже, отсутствовали даже в ближних домах, так как выдержать такой тяжкий рок было нереально. Но, с другой стороны, а кто бы посмел возмутиться тем, что молодёжь отмечает День захысныкив и захысныць Украйины?!

Музыкальный центр запредельными децибелами сотрясал дым, неспешно, толчками выдавливаемый танцующими под Hell:on и Morphine Suffering в распахнутые окна. Подъезд слащавил недавно выкуреной анашой, а за скамейкой под протянутыми до земли ивовыми косицами, похоже, вообще располагалась общественная уборная. Не помогло пиво, принесённое Максом, – слишком всё вокруг было чужим и все были чужими. Хотя, наверное, половина из как бы празднующих захысныков здесь если не из их класса, то из их школы. Да и остальные не приезжие. Но как же они изменились – может, по отдельности каждый не вызывал бы у неё столько неприязненного отторжения, пусть и в таком тусячном прикиде-гриме, но собранные вместе…

Милитари являлось дресс-кодом вечеринки: кто пришёл полностью в натовской униформе, кто только в макияже. Смесь огородной бузины и дядьки в Киеве иногда очень даже забавляла: какой-нибудь укороченный розовый топик, мини-юбочка с пайетками и старые грубые берцы. Или хлопковый голубой пиджачок с жёлтыми грибоч-

ками и – бандана, толстенная, как тюрбан. Красные легинсы, майка-тельняшка и – наверное, отцовская лётчицкая фуражка. Парни почти все в тактических перчатках без пальцев. А уж нарисованные татуировки с трезубами, рунами и свастиками! Даже Макс, в белом поло и кепочке для яхт-клуба, словно Артур Грей, ищущий Ассоль, отдал дань теме армейскими брюками и высоко шнурованными чёрными кедами.

Они притулились в простенке между окнами – тут хоть как-то дышать было можно.

– Люсь, ты чего такая? – Из разноцветно мигающего дыма вынырнула Лека, вся из себя буро-зелёная, даже в волосах вплетены маскировочные ленточки. Как бы не понарошку отжав Макса, обняла, прижала губы к уху: – Расслабься, здесь классно. Я сегодня с Гансом.

– Какая я? Где классно?

– Здесь обалдеть! Европа! – Леку за руку оторвал незнакомый парень, и они исчезли в мутной толпе прыгающих и орущих под хрипящую чесотку Hell:on:

I’ve seen it all
For thousand times
You scream for the walls
Those your dying cries.

Макс откуда-то опять принёс баночки с пивом. Открыл, сдувая под ноги обильно полезшую пену. Люська ответно стукнулась донышком и сделала вид, что пригубила. Ну, конечно, пиво не впервой, просто здесь всё напрягало. Макс, правда, молодец, не давал повода испугаться, успевал заслонить и оттереть давящих, но… всё было слишком агрессивно.

You will not escape
Cause you are my friend
I will give you new shape
Of ashes and send.

Визги и свист по окончании трека.

– Макс, тянись сюда! Давай-давай, блин! – Конечно, Яшка, Вовка и Вовчик, куда без них.

– Я на секунду.

Люська кивнула.

– Я сейчас.

– Угу.

Вновь появилась Лека:

– Ты чего кислишь? Пивка позволь. – Глотнула так, что пена пошла носом. – Блин! Да ты пожадничала!

– Это ты пожадничала.

– Ладно. Давай я тебя чуток подкрашу. Не шевелись.

Лека выловила в сумочке грим, и пальцами нанесла на левую щёку Люськи жёлтую и синюю полоски. Отстранилась, одобрительно щурясь:

– Во, теперь местная. Хотелось бы ещё, да ладно, а то твой не узнает.

Взревели-взвыли электрогитары, и Лека опять растворилась в запрыгавшей толпе.

«Твой».

Распаренные одноклассники Чика, Тата, Ероха и Николь честно попытались утянуть Люську в общие скачки.

Твой.

Промелькнула Лека с прилипшим к спине Гансом.

Твой…

Понятно, что Максу налили. Он смущённо дышал в сторону, глаза в пол, только чего там. Люська подхватила под локоть, сильно потянула:

– Пойдём во двор.

Мой.

Скамейку под осыпающейся рыжей ивой занимали хлопцы и дивчины из выпускного двенадцатого. Они, тесно склоняясь к чему-то невидимому за их спинами, хохотали как сумасшедшие, заражая недоуменно глупыми улыбками проходящих.

– Это над чем прикалываются?

– Скорее над кем.

– Да уж.

Совершенно нежданно тротуарную дорожку перекрыли Томагавк с Клином. Чёрт, блин. Их только не хватало.

– Хайль, Санса! Сто лет не виделись. – Оба в чёрных спортивных костюмах, оба со свежими оселедцами.

– Сто лет. – Люська пыталась плечом отжать Макса. Похоже, тот не совсем врубался, даже пытался подышать на вставших поперёк.

– Арья тут? Кликни, будь добра. Не охота в чужу тусню соватыся.

– Очень нужна?

– Инакшэ нэ шукалы б. На телефон не откликается.

Умная же она, Люська. Аж сама собой залюбовалась:

– Макс, плиз, вызови Леку. Скажи – Клин и Томагавк её ждут. Из клубка, она знает.

Макс не только лицом, но и фигурой изобразил недовольное недоумение, но, молодец, промолчал и очень неспешно повиновался.

– Твой?

– Мой.

– Внук Ткаченко? Дид наш чоловик. А чого онук в клуб нэ ходыть?

– А вы всё там же?

– У нас зараз багато новых хлопцив.

Люська скорой перекидкой взгляда отбивала нагловатое рассматривание.

– А ты пидросла. Ничого соби стала. – Как бы два молодых пса сошлись над выгибающим спинку и страшно пучащим глазёнки котёнком. И пока не решили: придавить или пройти мимо?

– Будэш уси дванадцять рокив вчытыся? Або куды на профэсию?

– В медицинский колледж хочу.

– До ладу.

За спиной на скамейке продолжали истерически ржать уже до захлёбов. Отойти бы к ним.

– А вы в армию пойдёте?

– Мы вжэ в армии. У терыториальний оборони.

Что бы спросить ещё.

– А как Мыкола-Гопак? Скучаю по нему. В школе такого хора и близко нет.

Клин и Томагавк неожиданно захмурели, закосясь, переглянулись. Томагавк откинул растопыренными пальцами чуб:

– А ты нэ знаеш? Вин сыльно хворив на ковид. Ликувався в Днипри. Там и залышывся.

– Тэпэр там у филармонии хором кэруе. Шкода його. Хорошый був рэгэнт.

– Да, вспомнила! Прошлой осенью заболел. Значит, уехал. Жаль.

– Вильный козак. И хор там вэлыкый.

О чём ещё? Не о Багире же… Ну наконец-то Макс.

– Лека сейчас подойдёт. Мы будем нужны? – Ага, включился, кто перед ним.

– Без лишних ушей обойдутся. Пока? – Люська тянула Макса, вдавливая ногти ему в ладонь.

– Свободны. Слава Украйини!

– Героям слава.

Молча прошли минут пять.

– Друзья у тебя.

– У тебя тоже… придурки.

– Зато не нацики.

– Они такие придурки, что даже не нацики.

Низкое уже солнце мягко слепило сквозь оголяющиеся ветви. Каштановые вперемешку с тополёвыми листья под ногами недовольно хрустели и скрипели. А ещё верная примета осени – синички. Городок переполняла задиристо-звонкая перекличка всему любопытствующих жовто-блакитных лесных дикарей.

– Ты с дедом дружишь?

– Конечно. Дед настоящий козачина. Генерал. А ты со своим? Своими?

– А мы, как мама в Германию уехала, с ними больше не общаемся.

– Совсем?

– Совсем. Деды на отца постоянно наезжают. По любому поводу грызут.

– Странно. – Макс вне тусовочного окружения смотрелся в своём белом яхт-клубном поло и капитанской кепочке… вызывающе. Кстати, Люська тоже забыла раскраску с лица стереть. Хорошо, что улица совершенно пустая.

– Что странного? Твой отец со своим отцом дружит?

– Дружит. Дед вообще у нас авторитет. Говорю же – козак.

– А ты чего не козакуешь? У тебя шашка есть? Или нагайка?

– Всё есть. Но я о море с детства мечтаю. Поеду в Мариуполь, в академию.

– Вау. Теперь вижу.

Листья под ногами недовольно хрустели и скрипели. Пока не подошли к Люськиному дому. Ну, вот, теперь полагалось целоваться.

И после этого у Макса просто крышу снесло.

Ну реально: он совершенно съехал – от него невозможно было отделаться. Макс караулил её возле школы, поджидал в магазине, в библиотеке. И ладно бы просто бродил вокруг дома, часами топтался под окнами, но он даже и в подъезде сидел. Теперь, чтобы проскочить к брату и вернуться в квартиру, приходилось проявлять чрезвычайную осторожность.

Отец принёс с работы наушники, и Александр пытался смотреть телевизор, с брезгливостью отжимая кнопки. По всем новостным каналам перетирались американские сообщения о «необычных перемещениях

военной техники» вдоль российско-украинской границы. Интересно, а когда хохлики в октябре бахвалились «первым успешным применением» беспилотного летательного аппарата «Байрактар» против гаубицы под Донецком, то на что рассчитывали? А целью следующего удара «Байрактара» вообще стала нефтебаза в самом Донецке. А ещё ЗСУ заняли находившуюся в серой зоне Старомарьевку. И для чего провоцировали? «По данным наблюдателей ОБСЕ, режим прекращения огня стал нарушаться в два раза чаще». Дальше – больше: «наблюдатели Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине сообщили о передвижении военной техники ЗСУ». Участниками политических шоу наперебой пересказывались публикации западных СМИ о том, что Россия снова стягивает дополнительные войска к украинской границе. А генсек НАТО послал России «чёткий сигнал с призывом сократить напряжение, избежать любой эскалации на Украине и около Украины». Но подталкиваемый НАТО и ЕЭС дальше ком только нарастал: «глава МИД Украины Дмитрий Кулеба призвал Париж и Берлин готовиться к возможному “военному сценарию” действий РФ на украинском направлении. В конце ноября начальник Главного управления разведки Министерства обороны Украины Кирилл Буданов* заявил, что Россия сосредоточила более девяносто двух тысяч военнослужащих и системы баллистических ракет малой дальности “Искандер”».

Большая война леденяще близко дышала в лицо. Отец и сестрёнка – как и все в Счастье – спешно делали запасы соли, сахара, муки, круп, макарон, масла.

Рассечки на руке и рёбрах затянулись, стопа тоже стала подсыхать, но в бедре, похоже, остался какой-то осколок – при напряжении из дырочки начинала струиться чёрная венозная кровь. Александр старался скрывать последствия, промакивал туалетной бумагой, замывал, пряча окровавленные клочки разорванной простыни на самое дно помойного ведра…

Лобовые боли от контузии понемногу отступали, и, чтоб отвлечься от заразительной истеричности дебильно радостных, в предвкушении обильных жертв, новостей, он начал читать. Первым открыл, конечно же, «Дневник писателя» Достоевского, в котором Женька для него даже несколько закладок сделал. Но Александр решил сам пропахать дневник, о котором, честно, раньше и не подозревал, с первой страницы по последнюю:

«…Вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, то есть мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать “Гражданина”… Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные персты перед собою, почтительно склонив головы. Главноуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление… Заключив прекрасными словами: “Иди, редактор, отныне ты можешь

* Внесен в России в список террористов и экстремистов.

есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести", третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом… князь Мещерский дал бы полновесную взятку».

Почему Китай? Ага: «Мы тот же Китай, только без его порядка».

Забавно, как через «Дневник» оживали, становились вполне людьми священные коровы истории литературы – Герцен, Белинский, Чернышевский… И ещё открытие – об этом, об этих именах можно говорить с отцом. Который если и помнил о таковых, то явно ещё со школы. А потом ведь и не читал ничего. Но при этом логику мышления и поведения Герцена или Чернышевского мог проследить и точно охарактеризовать. Почти теми же словами, что и Достоевский. Как? Интуитивно или по-бытовому опытно, по аналогии с поведением своих соседей, сотрудников? Ответ обескуражил простотой и убедительностью: люди либо добрые, либо злые. Это главное в человеке – насколько он сердечен. А уж как кто образован, умён, смел, честен или там наследно богат – всё вторично, третично. Не так важно. Первое же человеческое определение и его важнейшее мерило: способность любить, то есть способность пожертвовать собой. Кстати, по отцу, животные точно так делятся на домашних и диких – по предрасположенности к бескорыстной любви.

А что отец думает о матери? Его, Сашиной, матери… Она могла, умела любить? Ведь доброта её даже к сыну была какая-то… по временам.

Конечно, вопросы в отсутствие Люськи. И как же Алексей Александрович ждал, как давно ждал этого разговора! Ждал задолго до встречи с сыном – да, пожалуй, все эти двадцать лет. Конечно, за это время довод менялся, но не принципиально. Скорее, укреплялся от сомнений к убеждённости. Убеждённости, особенно теперь, когда его оставила и вторая жена. Нет! Не его – Юлия оставила дочь.

– Меня любить невозможно. Сам видишь – инвалид. А ещё и без каких-либо дарований. Это, говорят, со временем уважение приходит, если приходит. А вначале влюблённость нужна. Как керосин для розжига. А как в меня влюбиться?

Александр молча смотрел на отца – вот опять удивил. Ладно бы какой верующий, которому предписано другую щёку подставлять.

– Инвалидность, она не просто увечье, она – способ жить. Понимаешь: жить без приключений, без риска. Без героики. – Алексей Александрович растирал ладони, его даже чуток потряхивало от озноба. – Какая женщина может влюбиться в такого? В серого. Я сейчас чётко вижу: ко мне прислонялись, за меня прятались от проблем. В трудную минуту. Но эти минуты проходят. Они рано или поздно проходят. И тогда женщина клянёт себя за слабость. За испуг. Клянёт и наказывает.

– А ты что?

– А я должен оставаться тем, кем был. За кого прятались.

– Ты согласен прожить вот так – нелюбимым?

Алексей Александрович, откинул голову, щурясь, прислушался к звукам из подъезда. Александр ждал. Ждал.

– Почему «нелюбимым»? Так никто не может. И я любим. Дочкой. Соседями. Товарищами. Может, и ты меня полюбишь. А женщины… сейчас, в моём возрасте, всё не так больно. Для счастья достаточно вас – тебя и Люси. Я счастлив – люблю вас и очень даже надеюсь на взаимность.

Отец вышел посмотреть – не пришла ли Люська? Ещё и этот её кавалер чудит.

«Дневник» раскрылся на: «…Россия окажется сильнее всех в Европе. Произойдёт это от того, что в Европе уничтожатся все великие

державы по весьма простой причине: они все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных, своих пролетариев и нищих… А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине… Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался развратy стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более верна чистому поклонению идее, служению идее. В жажде высшего образования она проявила серьёзность, терпение и представила пример величайшего мужества».

Гм, Фёдор Михайлович, всякий раз удивляет эта непереводимо странная русская похвала: мужчине – за то, что он заматерел, а женщине – за её мужественность.

* * *

Чтобы как-то осадить Макса, Люська вступила с ним в торг. Хорошо, они вместе встретят Новый год, но за это Макс расскажет всё, что узнает у отца про «дело» её соседей Платона и Галины Купченко. Да, Макс помнил, как отец, тогда только-только перешедший в следственный отдел, рассказывал матери на кухне, думая, что Максик уже спит. Отец рассказывал про то, что Платон и Галина даже ночевали на скамье у их офиса. Жалко их было до невозможности, но Купченки обвиняли тех, кого обвинять никак нельзя. Невозможно.

Через два дня Макс пришёл в школу с ссадиной во всю левую щёку. Отец?.. Люська сама едва дотерпела до окончания уроков. Шли некоторое время молча – пока растворились во дворах и проулках все одноклассники. На пустой детской площадке они, не сговариваясь, сели на низенькие качели. Макс никак не мог оторвать взгляда от забора.

– Это тебя отец? – Люська жалела совершенно искренне.

– Нет. Мама.

Вообще вулкан! Да рассказывай же!

– Я на папу наорал, мы… а она… сеткой.

Разговор сразу пошёл не по Максову плану. Отец сначала изворачивался, мол, давно было, всё забыл. Потом заподозрил – это для Латниковых? Они же соседи. «Да, соседи. Имеют право знать, что случилось». – «Право, конечно, имеют. Но зачем сейчас, когда всё уже в далёком прошлом». – «Что ты прячешь? Может, именно теперь знать надо. Мне тоже». – «А ты вообще перебьёшься». – «Тогда у деда всё узнаю». – «У деда?! Да это он как раз всё и прокрутил».

Пятница, полшестого. В тихом административном здании автомобильного колледжа Макс подёргал бронзовую ручку двери с табличкой «Дырэктор». Ещё раз кивнув в сторону что-то равнодушно жующей старушки-секретарши Виры Мыколайивны, вышел на крыльцо. Дождь прекратился, но ветер холодил уши, забираясь за ворот и в рукава. Во дворе пусто, даже не помнится, когда такое было. Только казённый директорский «японец» у гаражных ворот.

– Денисыча ищешь?

Из-за приспущенного стекла старенького «паджерика» выстрельнул окурком дедовский водитель Богданчик.

– Ага.

– Он с главой на хутор поехал. Банька-рыбалка. Сегодня вряд ли найдёшь.

Тридцатилетний Богданчик – людына красыва тэатрально: под фли-совой камуфляжной курткой-карго тёмно-красная вышиванка, опоя-санная широченным кожаным поясом, смоляной оселедец до плеча, усы тоже знатные. Козак. Вот только мовой не владел.

– Может, ты мне подскажешь? – Макс пожал руку выпрыгнувшему на асфальт Богданчику, в восхищении даже потрогал мельхиоровую пряжку пояса. – Ох ты! Старинный?

– Не, новодел. Но качественный, варёная кожа. А что ты хотел узнать?

– Понимаешь, квартира пустует, сдать бы. А что приключилось с хозяевами, непонятно. Может, у них родственники есть.

– Про кого ты?

– Да, помнишь, отравились газом. Платон и Галина Купченки.

– А, эти. В прошлом году. Не знаю точно, но вроде их никто не хоро-нил. Так что родственников не должно быть.

Что бы ещё похвалить? Макс, ступив на порожек, заглянул внутрь:

– Классный у тебя музон. «Панасоник»?

– Он самый. Шесть колонок и в багажнике низкочастотник.

– А чего Купченки травануліс? Мутная какая-то история.

Богданчик многозначительно откинул пятернёй оселедец.

– Ещё какая мутная. У них же перед тем сына украли. Через три дня нашли изнасилованного. Твой батько только-только следаком пришёл служить, ну, и проявил рвение. Нарыл даже свидетелей – дед и бабка Сы-роватых. Они видели, как суки мальчишку в машину закинули. Да только та машина айдаровская* была. Неприкасаемая. Твой дед тогда твоему отцу приказал дело замять. Мол, мы, козаки, с тероборонщиками сами разберёмся. По нашим понятиям. А иначе бате твоему могли не только карьеру сломать, но и вообще. Фугасы на дорогах повсюду лежали.

– Разобрались?

– Не успели, айдаровцев* за Луганск бросили. Мы бы их повесили. Зато эти, Купченки, не угомонились, аж до Киева добрались. До ген-прокурора. Ну, их тогда в психушку и спровадили.

– А что свидетели?

– Это ты у бати спроси. – Богданчик понял, что болтнул лишнее, но долго молчать не получалось. – Мы бы точно повесили. Денисыч до последнего этих пидонов в зоне видимости держал. У него, сам зна-ешь, агентура и на том берегу. Даже в России.

– А чего ж не повесили?

– Говорю, они под луганским аэропортом сгинули. Зато пришлось Купченок усмирять. Пришлось припугнуть. Хотя им надолго не хватило.

– Как припугнуть?

– Ну, в лес отвезти. С мешками на головах.

Слово не воробей. Богданчик, злясь на себя, заскочил в машину, из-лишне сильно хлопнув дверцей:

– Всё, бывай. Мне на заправку надо.

Макс застал отца в его домашнем кабинете-библиотеке за чисткой пистолета. Семнадцатый Glock составлял мечту всех его знакомых – мощный и лёгкий, с чуть укороченным стволом в сравнении с девят-надцатым и магазином на пятнадцать патронов. Пистолет в Украине официально распределялся только по спецподразделениям.

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории России.

– Папа.
– Да?
– Давай закончим разговор.
Отец молча закончил протирку и начал сборку.
– Папа. Я ведь не отстану.
– А чего ты хочешь? Зачем тебе этот… разговор.
– Я тебя хочу уважать.
– Даже так? – Пистолет лёг в кобуру. – А до этого… ты меня не уважаешь?
Макс прижался затылком к двери: мамы вроде поблизости не было.
– Пап, ты не заступился за людей. У них ребёнка изнасиловали. Они к тебе пришли, а ты не заступился.
Отец сложил в чехол-коробку маслёнку, ветошь, развинченный шомпол. Задвинул ящик стола.
– Про тебя говорят, что ты замял дело, выключил свидетелей. При твоём попустительстве заявителей запугивали – в лес с мешками на головах возили. Довели до сумасшествия. Детей отняли и тем толкнули к самоубийству. Как мне с этим жить? Папа, как с этим жить?!
Отец медленно встал, глаза в пол, желваки вздулись. Шагнул к двери, но Макс заступил ему дорогу.
– Папа…
Отец поднял лицо, теперь он смотрел поверх головы сына:
– Это тебя твоя сучка на меня натравила?
Макс вскользь ткнул кулаком отцу в лицо. Тот схватил сына за горло, скруткой завалил на диван, придавил до хрипа.
– Сучка! Сучка! Натравила…
Ногами они сбили стул, подставку с цикламеном. На мебельный грохот в комнату влетела мама и стала хлестать борющихся мокрой сеткой.

– Ты только правильно пойми: я не боюсь отца, он мне вообще теперь никто. И плевал я. Но мама. У неё нервы. И правда, она руки на себя наложит. Из-за нашей этой… Люсь, короче, давай будем пока пореже видеться. Пока она не успокоится. Только честно: ты не обижаешься?
Кто обижается? Вот смешной. Главное – пусть мама успокоится.

* * *

Двадцать второй год Алексей Александрович встречал с сыном. Дочь впервые пошла на вечеринку к одноклассникам. Предварительно была проведена дерзкая операция по Сашиному перемещению с четвёртого этажа на третий. Шампанского в мужской компании не предполагалось, торта тоже. Зато Люська перед уходом сотворила аж четыре «отступных» салата – оливье, селёдку под шубой, капустный – с черносливом и мочёными яблоками и чесночно-бобово-майонезный. Договорились о контрольных звонках в одиннадцать, полпервого и в три.
Разговоры за столом только о войне. То, что она поспела, ни малейших сомнений не оставалось. В конце декабря в Счастье зашла и разместилась семьдесят девятая отдельная десантно-штурмовая бригада, поддерживаемая тяжёлым вооружением – машинами радионаблюдения, РЗУ, танками и «Градами». Из территории ТЭС получился военный городок с целым парком колёсных и гусеничных броневиков. Несколько ракетных расчётов поставили около вокзала. На въезде-вы-

езде блокпосты усилили постоянно дежурящими бэтээрами и возвели дополнительные окопы с дзотами.

Телевизор захлёбывался угрозами в адрес России. Пугали её все – от США и Великобритании до Румынии и Эстонии. В Раде прозвучало заявление министра обороны Украины Резника о стопроцентной «вероятности масштабной эскалации со стороны России» на Донбассе в конце января. Эксперты подсчитывали – на сколько недель у москалей хватит советских запасов ракет и снарядов, вспоминая русский позор в крохотной Чечне.

Смелость депутатов никак не складывалась со скользкостью США и НАТО – признавая ситуацию вокруг Украины главной угрозой безопасности Европе и продолжая заявлять об «ужасных последствиях» для России в случае её агрессии, Запад давал понять, что вооружённым путём защищать Киев не станет. Более того, агентство Associated Press, со ссылкой на информированный источник, сообщало, что высокопоставленные чиновники в госдепартаменте США довели до Зеленского, что «Украина не может рассчитывать на членство в НАТО в ближайшее десятилетие». Это точно был блеф для Путина? Иначе ведь разгром украинской армии дело двух-трёх месяцев. Инструкторы и «Джавелины» принципиальной роли в серьёзных полномасштабных боях не играли.

«Резать русню» спрытно выходыло в вышиванках перед видеокамерой, а вот под авиаударами… Одно понятно, что Бисмарк писал не для Парубиев*, Юрашей и Ляшко**: «Я знаю сотни способов вытащить медведя из берлоги, но ни одного, чтобы загнать его туда обратно. Не дразните русского медведя».

– Сынок, как бы оно не повернулось, я очень хочу, чтобы вы с Люсей не расставались. Сам видишь: мне с ней сейчас трудно, возраст у неё такой. А вы сможете понимать друг дружку. Так что за вас.

– За всех нас, папа. За нашу семью.

– За наше счастье.

* * *

Первого февраля две тысячи двадцать второго года, в ходе визитов на Украину премьер-министров Великобритании Джонсона и Польши Моравецкого, стало известно о том, что Лондон, Варшава и Киев намерены объявить о создании политического союза, цель которого – «усиление региональной безопасности». Шестого февраля газета The Mirror сообщила об отправке на Украину более сотни британских спецназовцев для передачи опыта украинским военным. Восьмого февраля премьер Борис Джонсон сообщил, что изучает возможность отправки истребителей Typhoon и кораблей для «защиты Юго-Восточной Европы». О поставках Украине вооружений также объявили другие страны НАТО. Эстония сообщила о намерении передать Киеву ранее полученные от США комплексы Javelin, а Латвия и Литва, с согласия госдепартамента США, переносные ЗРК Stinger. Чехия направила на Украину более четырёх тысяч артиллерийских снарядов калибра сто пятьдесят пять миллиметров. На общем фоне выбивалась Германия, где глава

* Бывший секретарь Совета национальной обороны и безопасности (СНБО) Украины Андрей Парубий объявлен в розыск российским МВД.

** Олег Ляшко внесен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

МИД ФРГ Бербок заявляла: «Германия традиционно занимает сдержанную позицию по вопросу продажи оружия в конфликтные регионы». Одиннадцатого февраля в НАТО приняли решение расширить число многонациональных воинских контингентов в тридцати странах Европы, прежде всего в Болгарии, Словакии и Румынии, в дополнение к боевым группам, базирующимся в Польше, Эстонии, Латвии и Литве.

В конце концов президент США Джо Байден, в ходе видеоконференции, предупредил союзников из Евросоюза и НАТО о том, что согласно его данным «Россия готова вторгнуться на Украину шестнадцатого февраля». И тут же госсекретарь Энтони Блинкен объявил о временном переводе посольства США из Киева во Львов. За американцами и англичанами своих граждан покинуть Украину призвали власти Австралии, Бельгии, Германии, Греции, Израиля, Иордании, Ирака, Канады, Кувейта, Латвии, Литвы, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Северной Македонии, Финляндии, Черногории, Эстонии, Японии и Южной Кореи – всего почти сорока европейских, ближневосточных и азиатских государств.

Когда от твоего городка с оставшимися семью-восемью тысячами жителей до линии завтрашнего фронта восемьсот метров, новости из телевизора звучат совсем по-иному, чем если бы до моста с блокпостами было б километров пятьсот или тысяча. Люська после новогодних каникул на учёбу выходила раз через раз. Зато они с отцом, Татьяной Марковной, братьями Цвяхами и даже при участии пани Касени начали готовить подвал под возможное убежище. Алексей Александрович по частям принёс с работы и свинтил чудесную разборную печку-буржуйку. Вывели в окошко трубу из оборванного водостока, натаскали-напилили дров, спустили пару столов, пяток стульев. Цвяхи добыли где-то огромный толстого пластика еврокуб под воду. Керосин, свечи. Чтобы не разорять квартиры – вдруг опасения излишни? – диваны и кровати оставили до поры на местах. Мужики сколотили вдоль проходной стены нары. Лагерный опыт подсказал необходимость оборудования туалета поближе к выходу. Почему не в конце подвала? Проветривается лучше, выносить ближе и чужим входить неповадно.

А вот в соседних подъездах и дворах с убежищами не спешили. Может, оттого, что там народу жило побольше – труднее было сговариваться. Хотя энтузиасты-то есть всегда и везде.

Кстати, энтузиазм лучше бы не выказывать. «Москальских ждунов» рыли и местная полиция, и опять прибывшие в Счастье эсбэушники. Ну и теробороницы с козаками. При том, что в школах, банках и в аптеках постоянно муссировали тему эвакуации, никто никуда вроде как не спешил. Просто подчистую разбирали продукты, памперсы и свечи. Более того, в заявленное Байденом военное шестнадцатое февраля с ранья по всему городку, согласно президентскому указу «О неотложных мерах по консолидации украинского общества», развесили жовто-блакытни прапоры и в девять часов по всем учреждениям, воинским частям, больницам и учебным заведениям прозвучало:

Щэ нэ вмэрла Украйины и слава, и воля,
Щэ нам, браття молодии, усмихнэться доля.
Згынуть наши ворожэнькы, як роса на сонци.
Запануэм и мы, браття, у своий сторонци.

Москали опять не напали.

Однако ровно через неделю, двадцать третьего, на выездном блокпосту задолго до рассвета уже сбилась разномастная очередина из легковушек, внедорожников, микроавтобусов, грузовичков – с военными номерами пропускали первыми. За семьями офицеров ЗСУ, полиции и пограничников из Счастья вывозили своих жён и детей чиновники. Замыкали колонну политические активисты.

А перед этим, вечером двадцать второго, в дверь Латниковых поскребли-постучали. Макс! Весь облеплен снегом – неужели через всё Счастье пешохал?

– Люсь. Э… здравствуйте, – мелко кивнул застывшему в тёмном проёме кухонной двери Алексею Александровичу.

– Здравствуй.

– Я… можно? Люсь, выйди на минутку.

– Зачем? Сам раздевайся. – Алексей Александрович не уходил, но и оставлять дочь демонстративно не собирался.

– Да, проходи. – Люська непонимающе жалобно взглянула на отца.

– Да, ладно. Я только сказать. Предупредить: завтра эвакуация.

– И что нам с того? Мы никуда не бежим.

Макс сморщился, но вдруг заговорил в полный голос, почти закричал:

– Завтра эвакуация. Русские войска уже в Луганске. Сюда идут агрессоры. С танками, с ракетами. Надо уезжать! Нельзя оставаться. Нельзя! Что ли вы не понимаете?

Алексей Александрович осторожно вздохнул и посмотрел на дочь. Люська ответно тоже вздохнула.

– Вы на самом деле тупите? На самом деле? – Макс вернулся на сипящий полушёпот. – Вчера меж Москвой, Донецком и Луганском установлены дипотношения. Путин от сенаторов официально получил право на использование войск за границей. Если завтра не эвакуироваться… всё.

Не дождавшись ответа – нужного ему – ожидаемого им! – ответа, съёжился, скривился и длинно отмахнул рукой:

– Я предупредил. Сами решайте. Предупредил.

* * *

Двадцать четвёртое февраля. Сиренный вой с ТЭС перекинулся на вокзал и администрацию, откликнулся на пожарных гаражах. А канонада уже накрывала Счастье всё учащающимся грохотом. Мягкие хлопки прилётов и жёсткие ответки вскидывали стаи низко мечущихся голубей. Плоскую серость неба подпёрло несколько столбов чёрного дыма. По их Республиканской туда-сюда промчалась колонна из четырёх бронемашин с трепещущим прапором на последней. Видимо, какой-то начальник отдавал последние приказы.

Заговорщицки, как-то даже сердечно переглядываясь, соседи стаскивали в подвал коробки и сумки с продуктами, тюки с постельным и тёплой одежды, стаскивали дружно, с каким-то почти восторгом. Выброс знобящего адреналина, накопленного в последние дни ожидания что «вот-вот», перебивал страх «вот и на» едва ли не до улыбок.

Через час протянутая сверху времянка пару раз мигнула и погасла. Немного посидели в темноте, прислушиваясь к происходящему снаружи. Кроме своих – Татьяны Марковны, Цвяхов, Ксении, Люськи

и Алексея Александровича – в убежище собрались соседи из второго подъезда: Анна Петровна с тремя детьми – двумя дочками-школьницами первого и второго классов и совсем мелким, лет четырёх, Стёпочкой, пара пенсионеров Петриченко, бессемейный слегка дураковатый Грицко, одинокая же учительница биологии из колледжа Римма Витольдовна с какой-то суперэлитной кошкой и хоть и заселившиеся уже больше года, но до сих пор ни с кем не здоровавшиеся молодые Сергей и Ольга. Они, кстати, притащили и кровать с негнущимся новым матрасом, и самые большие чемоданы. Даже у многодетной Анны Петровны вещей было поменьше.

Первый близкий взрыв оборвал все отвлекающие разговоры серьёзностью происходящего. Звук получился как от ударившей рядом молнии – не бахнуло, а страшно треснуло, словно небо разорвало. Стены содрогнулись, меж потолочных бетонных плит посыпался мусор. В сразу наступившем молчании тихонько заплакал Стёпочка. Мать не утихомиривала малыша, она как-то перетрагивала, по очереди перещупывала всех троих детей и на плачь мелкого специально не реагировала. Люська подметнулась к Стёпочке, подхватила невесомое тельце, прижала к груди.

Ещё раз прилетело где-то рядом, ещё раз тряхнуло с осыпями пыли…

Часа через два немного поутихло. Разрывы сместились куда-то к берегу.

Зажгли свечи. Мужики были отправлены к выходу, а оставшиеся без тоже курящих Ксении и Ольги женщины естественным образом разделились по направлениям обустройства быта: Люська, Татьяна Марковна и Петриченко взялись за готовку, Римма Витольдовна, Анна Петровна с дочками и примкнувший к ним Грицко принялись раскладывать по нарам пледы, одеяла и подушки, распределяя спальные места.

Отцова печка разгорелась удивительно быстро и почти не дымила. Люська, которую посадили на чистку картофеля, моркови и лука, залюбовалась огненными бликами, игриво разбегавшимися по стене и потолку, – живой огонь для жителей многоквартирника всегда экзотика. Самая большая, десятилитровая жёлто-эмалированная кастрюля пошла под щи со свежей капустой и консервами. На второе разопрелая греча с луково-чесночной подливой, ну и чёрный компот из сухофруктов – классика общепита. В подвале теперь пахло жильём.

Обедали, из-за дефицита посадочных мест, в три смены и с ежеминутными похвалами поварам. Очень даже искренними. Хотя канонада продолжалась, дети и Люська никак не могли настроиться на серьёзность, всё время переглядывались и перехихикивались. Вообще строгими, даже хмурыми, сидели только Ксения и Римма Витольдовна. Остальные переживали приключение вполне оптимистично.

Захваленные поварихи принялись планировать меню на следующие два-три дня. А на самом деле, сколько дней и ночей придётся провести в подвале? Кто бы знал. Вокруг аэропорта воевали четыре месяца. Провели перепись продуктов – на неделю хватит точно. Сложнее получалось с мытьём посуды – никто не захватил средства. А ещё выяснилась нехватка ложек и кружек. Нужно было вернуться в квартиры, добрать. И необходимо спустить ещё матрасы да и всю тёплую одежду – если отключился свет, значит, по всей улице не будет воды и отопления. Тогда дом к утру начнёт выстужаться. И начнёт с подвала – окошки можно, конечно, ещё чем заткнуть-занавесить, но никакой буржуйкой такой объём не протопишь. Даже если топить круглосуточно.

– И тазик! И ведро прихвати! И соду. – Петриченко провожала мужа, отправляемого с другими мужчинами за восполнением выясненных недостатков, до самых ступеней. Ей и самой очень хотелось взглянуть на оставленное жильё, но тогда начался бы хаос неуправляемости. Раз решили, что пойдут одни мужчины, значит, решили….

Алексей Александрович сразу же прохромал-пропрыгал на четвёртый этаж. За пазухой тяжелел целлофановый пакет с ещё тёплой кашей.

– Саша, как ты тут?

– Нормально. Взгляни, – сын поманил его к окну. – Снаряд попал точно в магазинчик. В щепки разнёс.

– Это аптека.

Алексей Александрович старался не смотреть, как сын неловко ел кашу прямо из целлофана. Воды в кранах не было, батареи отдавали последнее тепло.

– Ты не переживай. Я переночую. Побольше навалю. Пальто надену. Хуже бывало. Переночую. Люся не сильно испугалась?

– Даже удивительно, нет. Я оставлю ключи от квартиры.

– Зачем? Если подожмёт, приду в подвал. Как будто с улицы. Как бы чужой. Предупреди Люсю, чтобы не проболталась.

К вечеру на три часа дали свет.

В ночь ракетные и артиллерийские взаимообмены стихли, зато стала слышна недалёкая автоматно-пулемётная перестрелка. Чтобы экономить свечи и дрова, которых безопытно сожгли за день почти половину, легли пораньше. Но заснуть, понятно, никто долго не мог. Закутавшись с головами, лежали молча, только девчонки-школьницы, не реагируя на замечания матери, перешёптывались и перешёптывались, то и дело поочерёдно выбегая с ярким фонариком под лестницу «до ветру». От стен несло сыростью, усиливая почти выдавленный днём запах подвальной гнили.

За полночь, когда сон понемногу всё-таки стал размягчать, отключать сознание перенервничавших за первый день войны людей, братья Цвяхи молча ушли. Кто не заснул, слышал, как недовольно скрипнула пружиной подъездная дверь. Дело воровское. Натура волчья.

Пугающе близкие разрывы разбудили задолго до рассвета. Хлопок! Второй! Третий! Четвёртый! – совсем-совсем рядом. Тэсовская сирена взвыла и тут же затихла. Ответно по луганцам полным зарядным пакетом проревела зэсэушная ракетная установка. Тоже откуда-то по соседству.

– Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое; победы православным христианом над сопротивная даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство. – Негромкий голосок Татьяны Марковны своей убеждённостью и такой вот в этот момент нужностью перекрывал нервные женские вскрики и детские всхлипы. Вроде и договаривались об экономии, но зажгли сразу пяток свечей. И, блестя белками глаз, все одномоментно оглядывались на то, как от воздушных ударов разом подпрыгивают одеяльные нарезки, закрывавшие поперечные подвальные оконца.

Алексей Александрович и Сергей из второго подъезда рванулись к выходу, словно сговорясь. Сергей толкнул металлическую дверь, набрав полную грудь воздуха, шагнул на улицу.

– Ты куда?!

– Машина! Посмотрю, что с ней.

Алексей Александрович запрыгал наверх, перебрасывая негнущуюся ногу через ступеньки – «саша-саша-саша-саша»… Второй этаж, третий… «саша-саша-саша»…

Этот разрыв Алексей Александрович не услышал, а увидел: как в каком-то замедленном видео оконная рама влетала в лестничную площадку, одновременно распахивая створки и просекая всё пространство сотнями лопающихся и тысячами дробящихся стеклянных осколков. Убыстряясь, обломки рамы и осколки стёкол опадали, бились о стены и пол, ответно подскакивали, искристо рассыпаясь по ступеням и улетая в лестничный проём. И наступила слепая тишина – внешняя тишина, такая маслянисто-чёрная, от которой красный пульс становился внутренне слышимым не только в висках, но и в горле, в груди, в руках – «саша-саша-саша»…

– Папа… Папа!

Алексей Александрович с трудом осознал, что это его несут, его тащат по ступеням вниз. Сознание вспышками прояснялось, но физических сил, чтобы как-то отреагировать – запротестовать или помочь, – не находилось. Только слабое осознание – его несёт сын.

А в подвале стоял вой. Жуткий, женский и детский, переходящий в визг вой: после разрыва перед самым домом, Ольга выбежала вслед за мужем и принесла его ногу. Петриченки и Римма Витольдовна с трудом отняли, завернули в покрывало. Но дети видели. И теперь на каждый уличный хлопок в подвале отвечали вспышками крика.

На появление Саши с Алексеем Александровичем на спине среагировали только Люська и Татьяна Марковна. Завалили на крайний лежак, пересиливая вой и рыдания, понимали более по губам: «Что с ним?» – «Оглушило». – «Ранен?» – «Просто контузия». – «А кровь?» – «Так, царапины».

– …Радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю, и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата.

Люське даже показалось, что Татьяна Марковна опять улыбается. Наверно, так падал мятущийся свечной свет.

– Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

Канонада не редела, только приближалась или удалялась. Через час, после трёх таблеток люминала, Ольга позволила положить себя. Кружком возле засыпающей собрались, тихонечко перешёптываясь, Ксения, Римма и Татьяна Марковна. Анну Петровну, попискивающе перетягивая одеяло, облепляли дети, а к ногам жался трясущийся под слишком великим для него негнущимся пуховиком и натянутой до носа вязаной женской шапкой Грицко. Чета Петриченок отстранённо перебирали вещи, переставляя громко шуршащие пакеты.

Алексей Александрович тоже уже сидел, сидел меж сыном и дочерью. Господи, вот оно, его счастье. Вот оно.

Появились Цвяхи.

Им бросились наперебой рассказывать о происшедшем. Посмурнев, братья вынесли страшный свёрток на двор: «После похороним».

Разожгли печку – надо бы хоть какой-нибудь кашицы сварить. Римма звонкой струйкой нацедила из бака воды. Только когда затрещали щепки, так же, как и вчера, разбрасывая по стене и потолку свои быстрые рыже-огненные блики, все почувствовали – насколько же в подвале холодно. А до этого как-то даже пар изо рта не замечали.

– Так, Саныч, то и есть твой сын? – Курили поднявшись в тамбур подъезда. Алексей Александрович, братья Цвяхи и Ксения, у которой так тряслись руки, что ей вставили в губы уже зажжённую сигарету.

– Он.

– Я, в натуре, сразу догнал. – Старший Цвях ухмыльнулся. – Вижу: пацан колченогий, ну весь в отца. Левая хромота у вас наследная?

– Генетика у их! – подхватил младший.

Алексей Александрович даже голову вжал от неожиданно прыснувшей за спиной, а потом задохнувшейся кашлем-хохотом Ксюхи.

– Ну очень приметно.

– Тож не родинка на заднице.

– Хорошо, Саныч, только по мужской линии передаётся.

Алексей Александрович развёл руками и сам хихикнул:

– Хоть что-то общее. Не уши, не нос – хоть так.

В подъезд через вынесенные ударной волной окна заносило вонь жжёной резины. Ветер на разные лады посвистывал, скрипел сорванными отливами, катал по лестничной площадке опустошённый цветочный горшок, даже дёргал дверь на чердак. Вниз к людям слетел очумелый взъерошенный воробей. Доверчиво запрыгал под ногами, жалобно заглядывая карей бусинкой глаза.

– Бедняжечка есть просит. Сейчас я тебе принесу. Сиди, пока кошка не видела. – Ксения аккуратно пригасила половинку сигареты о стену и спустилась в подвал.

– На перекрёстке КамАЗ армейский горит. Но, мы прошарили, жмуров нет. – Старший Цвях прижался лицом к дверной щели. – Ого, кто-то прёт. Контуженный, чо ли.

– Где? – пристроился и младший. – Точняк дурка. Прямо посерёдке канает.

– Сюда?

– Не. Мимо.

– Я один заметил? – Алексей Александрович поискал куда бросить окурок. – Ксения-то опять на русский вернулась?

– Адекватно реагирует на трансформации среды.

Надо же, какие у них словечки!

Судя по ослаблению интенсивности артиллерийской перестрелки, на улице уже смеркалось. Проснувшуюся Ольгу женщины поддерживали в продолжении плача. Они в очередь рассказывали друг дружке свои трагические истории, а её хором просили не сдерживаться. Мужчины, кто не хромал, совершили быструю вылазку за пополнением запаса дров и теперь сосредоточенно пилили и кололи заборные доски и бруски. Девочки на нарах играли с Римминой кошкой, рядом Стёпочка катал машинку. Три широко расставленные свечки света давали достаточно. Да и попривыкли, так что перемещались ни на что, в общем-то, не натыкаясь. Единственно, что тревожило – резкое, после выбитых в доме взрывом окон, похолодание. В углах под потолком заискрился иней. Если стоять, бетон леденил свозь подошвы. Пришлось отставить

тапочки и переобуться в зимнюю обувь. Хорошо, что все принесли свои термосы.

Не участвовавшие в экспедиции по разбору деревянных сарайчиков, Алексей Александрович с Сашей сходили наверх за кроватью и матрасом. Смешно увидеть себя как бы со стороны: отец и сын одинаково хромают на левые ноги. Действительно смешно. Только Люська не оценила. А может, позавидовала их столь близкой родственной схожести? Тоже смешно.

Как же на появление сына Алексей Александрович боялся реакции своих соседей, от которых скрывал его уже четыре месяца! Но выяснилось, что не только Татьяна Марковна всё знала с первых дней, но и братья тоже с глазами. Только приучены лагерным опытом не вмешиваться, если не просят. Так что Ксения единственная в их подъезде даже не догадывалась о занимавших пустующую на четвёртом этаже квартиру дезертирах. Но теперь ей это оказалось по барабану. Более того, ныне она переживала открывшееся как месть судьбы главному мастер-сержанту Петрыку, с которым они так красиво планировали общее будущее. И, после того, как эта сволота даже не стал отвечать на звонки, а не то что не позвал эвакуироваться в Кременчуг к своим родителям, теперь она злорадно чувствовала себя не дурой-жертвой, а даже в какой-то степени мстительницей-партизанкой, соучастницей сепаратистов.

Ложились опять пораньше. Петриченки, соседствовавшие с Латниковыми, засопели первыми. Наверное, за сорок пять прожитых вместе лет они внутренне совершенно срослись и теперь всё время молчали, общаясь лишь взглядами.

Повозились и затихли дети, пригретые Анной Петровной. Ольга и Ксения перешли на такое тихое шептание, что в сравнении с похрапыванием Грицка оно казалось бумажным шорохом. Цвяхи вроде и спали, но не факт, что просто не поджидали своего волчьего времени.

На лёгкий стук во входную подъездную дверь бесшумно поднялись Цвяхи, встал и Сашка, но всё же первой к входу в подвал пошла укутанная в одеяло Люська. А кто ещё? Конечно, могла бы и Римма… Алексей Александрович зажёг спичку и с ужасом увидел прижимаемый к бедру старшего брата короткий АКМС.

Отсветы дико мечущегося за поворотом со сбитой Люськой завесью лучика светодиодного фонарика рассказывали о её борьбе с задвижкой.

Цвяхи застыли по обе стороны входа. Сашка тоже заступил прохождение к жилому блоку с топором за спиной. Лучик полоснул по полу, поднялся и упёрся в подошедшего и Алексея Александровича:

– Папа, это Макс. Макс пришёл. Я как знала. – Люська держала за руку совершенно оледеневшего, недвижно замотанного поверх пуховика в огромный белый шарф одноклассника. – Он с нами.

* * *

Утро опять началось с плотной канонады. Уже в сложившемся режиме по очереди умывались, ходили в туалет. Цвяхов не было. Затопили печку, уместив на ней две кастрюльки с пшёнкой и под чай. Кто-то одевался-обувался, кому-то заплетали косички. Кошка подальше от надоевших детей забралась на проходящие под потолком трубы, внимательно наблюдала за копошащимися внизу людьми.

Макс растеряно перетрясал постель – его разместили на месте Ксении, которая перелегла к Ольге. Что-то искал, искал.

– Как ты? – Люська носком ноги подтолкнула тяжеленые кроссовки. – Не стой босиком, пол ледяной.

– Нормально. Даже тепло. После леса. – Макс растерянно взял протянутое полотенце.

– Умывайся. Скоро завтрак.

Как в подвале появились раздутые бронежилетами, обвешанные оружием, разгрузками с запасными магазинами и гранатами, в непривычных натовских рифлёных шлёмах с налобными, как у шахтёров, фонариками, с замотанными жёлтой изолентой рукавами, сизо-камуфлированные солдаты, первой заметила кошка. Демонстрируя клычки, она предупреждающе зашипела и спрыгнула на плечо хозяйки.

– Всим стояты! Ничого не чипаты!

Первые двое зэсэушников, наставив стволы автоматов в разные стороны, полубегом проскочили в конец подвала. Двое других держали под прицелом замерших в ужасе счастьинцев.

– Дистаты докумэнты. Прэдъявыты паспорты.

Оказалось, что у всех документы при себе, в карманах.

Когда первая пара солдат вернулась, гражданским жестами приказали выстроиться вдоль стены:

– Выйшлы сюды. Сюды. Вышыкувалыся в ряд.

Молчали даже дети. Самый плотный из вэсэушников, почти кубический штаб-сержант прошёлся вдоль жавшихся друг к другу. Слепя лобным фонарём, вплотную вглядывался в гримасно щурящиеся лица.

– Вси тут? Або хто щэ э?

– Все. – Алексей Александрович крякнул, прежде чем выдавить хоть какой-то звук, так стянуло горло.

– Вси з цього будынку? Можэ, хто чужый?

– Я. Я не отсюда. – Ну зачем, Макс, зачем?! Думает, фамилия его спасёт?! Но это же штурмовики, не местные.

– Звидкы?

– Он наш, из Счастья. С улицы Каштановой. Родители эвакуировались, а мальчишка отстал. – Алексей Александрович напрашивался на место старосты.

– Выйты. – Сержант передал Максов паспорт стоящему рядом солдату.

– Ты. – Следующим стоял Александр. – Докумэнт.

– Документы в квартире сгорели. – Саша попытался дружески улыбнуться. – Вчера сгорели. В двадцать первом доме. Снаряд в комнату влетел. Прямо в комнату.

Сержант недвижно светил в лицо фонарём:

– Выйты.

– Пан офицер, он мой сын, сын! Я его отец! Вот, смотрите, мои документы. – Алексей Александрович излишне резко шагнул к сержанту, и стоящий напротив солдат остановил его толчком автомата в пах. Согнувшись, присел. – А у него всё сгорело. Вчера.

– Выйты.

Следующим сержант потянул было из строя Петриченко, но тому в рукав вцепилась жена.

– Выйты. – Несколько мгновений, зло вперясь друг в друга, они дёргали деда туда-сюда, пока сержант не отступил. А вот Грицко не стал дожидаться команды, сам перешёл к мужчинам.

Ещё на раз оглядев женщин, держащих перед грудью паспорта, сержант отмахнул подчинённым:

– Обшукаты всэ. Зброя, наркотыкы, заборонэна литэратура.

Двое солдат начали сваливать бельё и матрасы с лежаков и кроватей. Раскрывать, выворачивать на пол чемоданы, сумки и пакеты. Один, добравшись до запасов съестного, стал скидывать в предварительно освобождённую Риммину дорожную сумку консервы, конфеты, пакетики кофе, пачки сигарет. Женщины, конечно же, заропта-ли. Вначале тихо, потом застыдили в полный голос: стыдоба, ганьба. А ще захысныкы! Тут дети, матери ваши. Дети. Що ж вы робытэ, хлопци? Ганьба! Стыдоба!

Когда возмущение сломало строй, один из солдат передёрнул затвор и дал короткую очередь в бак с водой. Выстрелы в подвале прогремели оглушающе. Звон в ушах, запах пороха – гражданские в ужасе вжались в стену.

– Вы вси тут ждуны. Колорады довбани. Пэрэдавыв бы.

Три пробоины тонкими струйками изливали воду, но на пулевом выходе в задней стенке пластик разорвало. И по бетону, хоть и впитывающему, мгновенно расползлась лужа, в которой, смешиваясь, кружили крупинки гречки, риса, пшёнки. Вслед за кашами из разорванного мешка на пол посыпалась пылящая мука.

– Мама! Мамочка. Я описился! – Корчившийся на руках у Анны Петровны Стёпочка разревелся.

– На выхид. Иншым чэкаты!

Прошлёпав по разлившейся по всему подвалу – в белесых мучных разводах и крупяных островках – воде, мужчины под конвоем солдат, поддерживая друг друга на скользких ступеньках, выбирались на уличный свет.

Пронизывающий низовой ветер мёл по застывшей корке грязного снега белые хлопья сажи – горело и справа, и слева, и впереди, и позади. Чёрные дымы от резины скручивались с серыми деревесными и так, слоисто, неподъёмно, неслись в тошнотворно обжигающем дыхание уличном токе. Отчаянный скрежет вырванного с крыши листового железа упорно прорезался сквозь выбивающую мозг канонаду и трескотню близкого стрелкового боя.

Алексея Александровича, Сашку, Макса и Грицка тычками выровняли под окнами цвяховской квартиры. Зэсэушники на несколько шагов отступили, повыключав фонарики, приняли автоматы на изготовку. Сержант недовольно оглянулся на выбирающуюся из подъезда Татьяну Марковну.

– Я ж сказав: чэкаты! Ну?

– Оц, и що ты мэни зробиш? Я тилькы подывлюся, куды вы ёх повэдэтэ.

– Стара курва, повэртайся!! Швыдко!!

Нужно было знать Татьяну Марковну, чтобы никогда, ни в чём на неё не орать. Махонькая старушонка выпрямилась, как росту прибавила, перекрестилась и – в полный голос:

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его.

И стала крестить солдат:

– Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением …

Сержант подшагнул к выстроенным у стены:

– На колина, сукы! Крычымо: «Слава Украйини!»

Алексей Алескандрович, Сашка и Макс переглянулись, одними глазами, не поворачивая голов. А Марковна крестила уже их:

– …и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю…

– Я сказав: на колина!! Козлы довбани!

Пули закрошили бетонную панель, посыпая крошками головы и шеи несдерживаемо крупно трясущихся то ли от страха, то ли от холода. Пригнувшись, Сашка зло прошипел:

– Блин, давай на колени!

И они попадали:

– Слава Украйини… слава…Украйини…

Татьяна Марковна встала рядом – мужики на коленях, она в полный свой ростик – смотрелись вровень:

– …и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата.

Нет, никто больше ничего не приказывал и не подсказывал – они просто все разом вдруг рухнули, ткнулись лицами в снежно-ледяную, посыпанную пеплом и мельчайшими крошечками угля, царапающую корку. Алексей Александрович, Сашка, Макс, Грицко – все, кроме Марковны. И потому только она увидала, как справа из-за углового дома с гусеничным цакающим грохотом на перекрёсток выкатил танк, резво повернул залепленную брикетами башню, указывая длинной пушкой вдаль улицы. На высоко вскинутой антенне ветер вздувал черно-золото-белый флаг с двуглавым орлом.

– О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки.

Танк рыкнул сизым дымом и веерно послал вдоль улицы длинную-длинную пулемётную очередь.

– Аминь…

Нелепо перебегая от деревца к деревцу, захысныкы ответно стреляли. И валились навзничь, срубаемые крупным калибром.

– Вниз! Быстро вниз! – Алексей Александрович пихал в зады ползущих на карачках молодых, кулаком сталкивал в подъездную темноту.

– А ты? Марковна, чего?..

Она сидела на снегу, склонив на плечико голову. Из-под прижатых к животу пальцев проступила кровь. Совсем немножечко.

Эх! Алексей Александрович рывком поднял, прижал невесомую старушку к груди и, спиной отжимая дверь, протиснулся в безопасность:

– Подсветите! Кто-нибудь! Ступеньки подсветите…

На улице творилось безумное. Стрельба из автоматов и пулемётов слилась в ровное адское кипение. На которое не в такт накладывались хлопки гранат, визг и буханье мелких мин, рявканье пушек. А ещё со стороны отступающей Украины то и дело падали, разрывая небо, ракеты из «Градов».

Наскоро поразобравши постели, все затаились по своим лежакам, зарылись в одеяла и если переговаривались, то самым тихим-тихим шёпотом.

– Максим, ты чего не ложишься?

Макс осторожненько подсел к Алексею Александровичу, наклонился:

– Они же нас только пугали? Они же не стали бы?

– Да, да. Только пугали. Ложись, нужно силы беречь.

– Алексей Александрович.

– Ну?

– У меня же пистолет был. «Глок». У отца взял. Украл. Если бы они нашли, тогда бы… расстреляли?

Алексей Александрович сел. Сжал Максово плечо, дохнул в ухо:

– Пистолет?! Где он?

– Не знаю. Утром не нашёл.

Посидели-помолчали.

– Ладно. Ложись.

К вечеру боевое ожесточение отодвинулось куда-то к кварталам Геологов и Энергетиков. Хотя запоздалые автоматные перестрелки вспыхивали и по соседству. С выходом из страха стало невмоготу терпеть холод – иней, мохнато затянувший весь потолок, искристыми разводами спускался, сползал по стенам прямо на глазах. А встречным льдом зеркалился пол.

– Постой, блин, погоди! – Ксеня окриком тормознула присевшего на корточки перед печью деда Петриченко. Тот обернулся всем телом, держа меж ладоней дрожащую охапочку щепок. – Погоди.

Ксеня осторожно засунула руку глубоко в топку, стараясь не коснуться светлым кашемиром сажи облепившей дверцу. И вытащила что-то, замотанное в грязное льняное полотенце. Поискала глазами и осторожно, чтобы не поскользнуться, пошла к поднимающемуся навстречу Алексею Александровичу:

– Держи. Только не попачкайся.

Даже не разворачивая, Алексей Александрович по весу понял – что в измазанном сажею полотенце.

– Спасибо, Ксеня. Спасибо. За всех.

Сидели около Татьяны Марковны минут по пять-десять. Поочерёдно. С кем-то старушка говорила почти вдохновенно. С кем-то просто молчала. Вставая, все смазывали слезинки. Алексей Александрович и Ольга её поцеловали. Петриченки и Грицко пожали руку. Анна Петровна просто постояла с не отпускавшим её шею Стёпочкой и лепившимися к бёдрам дочками. Даже Макс о чём-то пошептался.

Люська подсунула под одеяло пластиковую бутылку с ещё тёплой водой.

– Погрейся.

Татьяна Марковна, не открывая глаз, пробормотала:

– Да, холодно. Холодно мэни, Люся. Сядь зи мною. Попрощатыся.

– С чего прощаться? Завтра доктора приведём. Вон, слышишь? Стихает. Последних хохлов выбивают. Завтра здесь везде русская власть будет.

У Татьяны Марковны из-под всё так же опущенных век на щёку в два толчка сбежала крохотная слезинка, проведя угольно-грязную дорожку по трещинкам-морщинкам:

– Оц, горэ, горэ гиркэ: росийськи люды росийськых людэй вбывають. Хохлы – тэ ж росияны.

– Да я о том, что завтра доктор придёт. Посмотрит, поможет чем. – Люська сдвинула одеяло, осторожно примостилась на краю.

– Нэ ликаря – батюшку б мэни. Алэ, раз так Бог судыв, тоби сповидаюся.

– Чего это мне?

– Не супэрэчыты. Лышэ слухай. Я – вэлыка гришныця. Вэлыка. Оц, просты, Господи, я два аборты зробыла, двох диток вбыла. Своёх диток. За цэ двое народжэных вид мэнэ пойихалы на край свиту. И онукив я николы нэ бачыла.

Не открывая глаз, Татьяна Марковна поморщилась, на мгновение собрав у висков множество мелких-мелких морщинок.

– Что? Больно?

– Холодно. Алэ цэ смэрть вже поруч. Люся. Заповидаю тоби: николы свойих дитэй нэ вбывай. Николы. Як бы погано тоби нэ було. Всэ пройдэ, якщо Бог допоможэ. Народжуй кого Бог даруе. Жинка, колы страждае народжуючы, вид усих грихив очыщуеться. Усих, усих.

– И предательство тогда простится? И подлость?

– Пидлисть прощэння нэ мае. А зрада й вид дурости бувае.

– Предательство от глупости…. Да, это точно про меня.

– Ще пташок годуваты трэба. Жэртва як и страждання. Звильняють.

– Понимаешь, мне бы тоже не тебе, мне бы бате надо покаяться.

– Вин готовый до цього?

– Я, я не готова. Он-то всегда простит.

Опять Татьяна Марковна поморщилась от боли. Люська тихонько положила свою ладонь на ледяные, маленькие, чёрно-сморщенные временем и трудами пальчики – коготки не пострижены, острые, как у птички. Грела, ждала, когда ту отпустит.

– Тоди розкажы мэни.

– Я хорошим людям большую боль причинила. Я, может, теперь хуже всех, кого ты знаешь, потому что я друзей предала.

– Нэ зи зла? Вид дурости?

– От дурости. Я думала Украину защитить. От русских. Думала, что подвиг совершаю, вот так себя ломая. Понимаешь? Делать злое, даже врагу, даже подонку – не моё. От слова «совсем». А тут решилась: душу сожгу, сердце вырву, но заставлю себя это сделать – ради славы нации. Перешагну через эту свою неспособность. И написала доносы. На папиных друзей.

– Бидна моя! Оц, хто ж тэбе такий дурныци навчыв?

– Научил? Нет, я сама, сама так придумала, я сама всё решила.

– Оц, вона сама. Гордыня яка.

– Да. Сама решила и донесла! На Веру Николаевну, на Артура Георгиевича. На Николая Матвеевича. И на Пуньку, и на Анику. На самых наших близких друзей. Думала, я таким делом русскость из себя вырву, азиатскость. Вырву и другой стану.

– Якою?

– Украинкой.

– Це якою? Кращою в свити?

– Сейчас вижу – дурой. Тупой уткой. Которая себя пантерой вообразила.

Татьяна Марковна молчала. Люська осторожно сняла ладони:

– И как теперь? Как? Теперь хоть вешайся. Боюсь – узнают. Узнают все: они, отец, брат. Всё равно когда-нибудь узнают. Боюсь, злюсь и ненавижу. И себя, и… отца. Отца даже больше ненавижу. Потому что он по-честному русский. Такой вот совсем безответный и добренький –

им каждый помыкает, все его бросают. А он только утирается. И даже не злится. Потому я хотела другой стать. Сильной. Рисковой. Чтоб самой всех бросать. И… как теперь… назад?

– Оц, батько ёй вынэн... Накойила биды, так сама выправляй. Помагай тым, кого образыла. Пидлогы им мый, штаны стырай. Працюй. Словамы сэбэ не заспокойиш. Тилькы справами.

По личику опять пробежала судорога. Коготки зацарапали шерсть одеяла.

– Всэ, моя онучка, йды. Иды, втомылася я. Видпочыну.

Вдруг Татьяна Марковна открыла глаза. А они у неё чёрные-чёрные!

– Пострывай! Одна зи свойимы бидамы не залышайся. З Богом розмовляй. Розмова з ным – щастя. Тэпэр иды.

Ночью Татьяна Марковна умерла. Римма Владленовна встала, подошла поправить ей одеяло, может – дать попить. А Татьяна Марковна уже умерла.

И опять утро начиналось обстрелом. Теперь прилетало только с украинской стороны. По пустынной улице, насколько было видно, практически все их серые четырёхэтажные хрущёвки, и двух-трёхэтажные разноцветно штукатуренные послевоенные дома, и даже прятавшиеся за посечёнными пулями и осколками железными заборами частные хаты безумно смотрели расширенными чёрными зрачками пустых окон. В некоторых зданиях всё ещё дымили закопчённые рваные пробоины, повсюду валялись ссечённые и вырванные с корнями деревья.

Окончания боёв и достойных могил в подъезде ожидали два свёртка.

Вдруг всем захотелось новостей. Общим собранием решили отправить на разведку женщин. К центру Счастья. К администрации. К вокзалу. Куда получится. Мужчины же пусть опять займутся дровами, дом выстыл окончательно – теперь топить нужно не переставая. И необходимо добыть воды. И какой-нибудь еды. И… все замерли… кто-то в камуфляже и с автоматом…

– Здравствуйте! Я верил, вы здесь! Здравствуйте всем.

Женя… Евгений! Дон!! Кощей…

Как же ему хорошо во всём воинском! Какой же он красавец! Люська, визжа, повисла, и хотя в грудь остро давили автоматные магазины, никто бы не смог оторвать её от защиты шеи бронежилета:

– Ты обещал! Обещал! Обещал не забыть наше Счастье!

Александр ЛОМТЕВ

Родился в 1956 году в с. Пуза (ныне Суворово) Нижегородской области. Работал инструктором служебного собаководства, киномехаником, мастером по сложной бытовой технике, электромонтером, корреспондентом газеты. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Как журналист, специализирующийся на горячих точках, неоднократно бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии.

Прозаик, публицист. Автор ряда книг и публикаций в России и за рубежом. Лауреат премий «Патриот России», «Золотой гонг», «Серебряное перо», международного литературного конкурса имени А. Куприна, премии Союза писателей России «Имперская культура» им. Э. Володина.

Член Союза писателей России. Живёт в г. Сарове Нижегородской области.

ДЯДЯ ВАСЯ И ДРУГИЕ

Хроники одного двора в секретном городе С.

Рабочий секретного завода Василий был ранней пташкой и любил раннее утро. Особенно летом. Он не любил автобусной толкотни и на работу на свой секретный завод ходил пешком. Не торопясь. Наслаждаясь свежестью утра и игрой нежаркого еще солнца.

В тот день он как обычно шел знакомой улицей вдоль монастырской луговины, сохранившейся, не застроенной, не тронутой ни советской властью, ни изобретателями бомбы, когда увидел, как по противоположному тротуару почти вровень с ним идет сухощавый человек. Он сразу узнал его – это был академик Сахаров. Но отчего не на машине и без охраны? – удивился Василий, озираясь. Ах, нет, была и машина, были и охранники. Машина, поблёскивая чёрными лакированными боками, ползла по улице метрах в двадцати позади, и тут же шагали два плечистых молодых человека в одинаковых пиджаках и светлых рубашках.

Так они и шли – Василий по одной стороне улицы, а академик по другой. Один раз Сахаров посмотрел в сторону Василия, заметил его и, рассеянно улыбнувшись, кивнул. Василий в ответ приподнял летнюю кепчонку и тоже кивнул.

У милицейского стенда «Они мешают нам жить и работать» Сахаров остановился и внимательно прочитал о нехороших горожанах, которые всем мешают жить и работать. Потом остановился у стенда пожарной охраны, прочитав, где что загорелось и отчего, потом у стенда, на котором вывешивали газету «Правда». Правда «Правду» академик читать не стал. Наверное, за завтраком уже прочитал, решил Василий.

А потом Василий свернул налево, к проходной завода, а Сахаров пошел прямо – к управлению. Больше они никогда не встречались.

Потом, позже, Василию доводилось слышать разные байки про бытовую рассеянность академика. Про то, как оставшись один – жена уехала в отпуск, – он пытался жарить сухие, неотваренные макароны, как приходил на работу в ботинках разного цвета и даже в двух – один спереди, другой сзади! – галстуках. Василий в таких случаях важно говорил: «Не знаю, не знаю, ничего такого я в поведении академика не заметил…»

Неизвестно, вспоминал ли когда-нибудь ту встречу академик Сахаров, вряд ли, а Василий вспоминал ее всю жизнь…

Дядя Вася жил в соседнем подъезде, в двушке на втором этаже. Когда мы познакомились, было ему под шестьдесят, он любил свою работу и рыбалку, боялся заболеть алкоголизмом и свою жену. И хоть был простым фрезеровщиком, но любил выражаться фигурально и философски. По утрам, когда мы время от времени сталкивались в подъезде, он мог взять меня за пуговицу и неожиданно сказать:

– Жизнь просто-таки кишит парадоксами. Например: круглый дурак рождает плоские мысли.

Согласитесь услышать такое от фрезеровщика, пусть даже и самой высокой квалификации, как-то не ожидаешь.

Мы сидели на скамеечке под старым дворовым тополем и наблюдали. По двору, истошно квохча, вперевалку бежала курица, за уворачивающейся курицей веселой припрыжкой нёсся породистый пёс жильца из седьмой квартиры художника Аполлонова, за псом, неловко спотыкаясь, семенил сам Аполлонов, за художником с прутяной метлой мчалась хозяйка курицы Анна Ивановна. Смотреть на это было забавно.

– Вот упрощенный пример нашей жизни, – тоном музейного экскурсовода комментировал происходящее дядя Вася. – Все бегут, много азарта, шума и энергии. Но зачем? На самом деле Джеку курица не нужна, Аполлоныч его покормил, и он сыт. Аполлоныч знает, что Джек курицу не съест, но ему неудобно перед Ивановной. И Ивановна знает, что пёс курицу не съест, но её раздражает интеллигент-художник, который ни хрена не работает, только картинки малюет, а деньги загребает лопатой, и пёс у него мясо жрёт…

Курица, наконец, ухитрилась проскочить в щель под дверью сарая, пёс удовлетворённо гавкнул и побежал спасаться от наигранного гнева хозяина к его жене, а Анна Ивановна, стукнув метлой по дворовой пыли, вроде бы про себя, но так, чтобы слышали все, пробормотала:

– А еще очки носют… тттилигенты…

Двор сонно затих. Мы помолчали. Потом дядя Вася вздохнул:

– Да-а, жизнь тянется до-олго, а пролетает в одно мгновенье…

Дядя Вася и старший научный сотрудник НИИ Ферапонтов, которого на досуге все звали не иначе как Ферапонтыч, дружили. Особенно они любили ходить на рыбалку. Приходили на берег реки, забрасывали удочки и забывали про них. Они пили водочку и интеллигентно разговаривали на разные темы, а иногда даже дискутировали:

– Ах, как же вы не понимаете, на российской почве всегда взрастали и будут взрастать истинные таланты, – говаривал, почитывавший на досуге Ключевского, Карамзина и Розанова Ферапонтов, – сама культурная почва России способствует появлению гениев!

– Ну, почему же не понимаю, – пожимал плечами дядя Вася. – Почва – да, способствует… Говн… навоза в ней с избытком…

За вечерним домино под крики ребятишек, гонявших в пыли консервную банку, дядя Вася рассказал новый анекдот:

– Михаил украл на заводе горсть гвоздей. Григорий на этом же заводе украл двенадцать вагонов с металлом. Вопрос: кто из них депутат Государственной думы?

Ферапонтов выбрал из заборчика домино в ладони нужную костяшку, аккуратно пристроил её к черной в белую крапинку змее на столе и научным голосом сказал:

– Всё в мире относительно: день открытых дверей в университете – это нормально; день открытых дверей в какой-нибудь Бутырской тюрьме – уже несообразно…

Дядя Вася покачал головой:

– Тебя с твоими сухими учеными мозгами, Ферапонтыч, всё время не туда сворачивает. Это же совсем не про то анекдот. Вот послушай еще один. Ленивый крестьянин Иван выращивает помидоры и сдает их оптом по сорок рублей за кило. А трудолюбивый работник Ахмед реализует эти помидоры по триста рублей за килограмм. Вопрос: у кого из них большой черный «мерседес» и красивый дом на Рублёвке?

– Нет, Василий, это ты мыслишь поверхностно, не чувствуя глубинной сути вещей, – всё таким же научным голосом возразил Ферапонтов. – Ведь Иван действительно ленив, он не хочет бороться с Ахмедом за место за прилавком, не хочет торчать за прилавком день-деньской, торговаться за каждый рубль. Он получил свои сорок рублей с килограмма, купил водочки – и свободен…

– А кто тебе ближе, Ферапонтыч? – спросил один из игроков.

– Иван, конечно, – не задумываясь, ответил Ферапонтов. – Но это уже другой вопрос; как я уже и сказал – всё относительно…

Несмотря на вечернее время, было еще жарко и, словно перед грозой, душновато. Спорить не хотелось, и дискуссия увяла…

Дядя Вася вышел из подъезда, когда сумерки выползи из сиреней и доминошники уже доканчивали третьего козла.

– Чо так засиделся дома-то, дядь Вась? – спросил кто-то из молодых.

Дядя Вася помолчал, потом сказал печально:

– Сейчас по телевизору передавали… Оказывается, всего через каких-нибудь семь миллионов лет Млечный путь столкнётся с туманностью Андромеды. И Земле капец. Ужас! Как жить на белом свете, ребята!?

Дядя Вася в одиночестве пил пиво на дворовой скамейке. Домой ему не хотелось, дома была жена, и по телевизору ничего хорошего не показывали. Увидев меня, он вдруг загадочно сказал:

– А ты знаешь, что великий русский художник Левитан родился в бедной еврейской семье?..

И чего только не услышишь за доминошным столом. Вот на днях…

– Ну, тэкс, у нас дублик – «три-три», трешник…

– Так вот, на счет Лох-Несса…

– Да что ты мне толкуешь тут про Неси из озера Лох, ты еще расскажи мне про памирского Етти, ети его… Ты думаешь неизведанное только где-то за горами, за морями? А в соседнем Арзамасе самое

удивительное событие – Аркадий Гайдар? Вот и ошибаешься… Смотри чего ложишь, помухлюй у меня…

– Да я случайно…

– Как же, случайно! Дак вот, жена моего двоюродного брата…

– Кольки что ли?

– Кольки… работает в нашем краеведческом музее. И знаешь, чего они там нашли? Нашли старинную бумагу, в которой рассказывается, что во времена Петра Первого случилась у нас в Арзамасе страшная буря: ветер, град, дождь, гроза… И вот вдруг с неба упал змей! Большой, с головой, как у крокодила, с перепонками вроде крыльев, страшный…

– Живой?!

– Неа, мертвый. Весь город сбежался смотреть на чудовище. Ну, попы завыли, что, мол, дьяволово отродье и надо его сжечь немедля. Но как раз тогда Петр издал указ, что если где что чудесное или несообразное обнаружится, чтоб под страхом смерти не уничтожали, а везли в Кунсткамеру – это музей такой.

– Знаю, знаю, в Питере.

– Опять дублик! «Пять-пять» – начинай опять. Ну вот, служивые люди этого змея измерили, осмотрели и вот тогда эту бумагу, которую в архивах нашли, и составили. Ну, змея натурально заспиртовали в огромной бочке и тихим ходом с попутным обозом отправили в Питер… Ну, ходи, чего ты.

– Ну и что?

– Да ничего. Не доехал змей до Питера. Пропал где-то по дороге. Ходи давай.

– Как же?

– Да так… Я думаю, зря они его в спирте везли. Думаю, где-то по дороге мужики эту бочку распатронили. Выпили спирт. И ищи-свищи…

– Да-а-а… А какая сенсация была бы!

– Ну, и так сенсация. Столько всего в газетах понаписали про этого змея, как бумагу-то эту нашли. Да вот посмотреть бы на него, а – фиг!

– Жалко.

– Ну да… Вот если бы он на Копенгаген упал или на Лондон, может, сейчас бы в музее каком вместе со скелетами динозавров красовался.

– Да, не там упал. Не угадал. Но как же они его пили, спирт из бочки? Я бы после змея побрезговал.

– Ну да, больно ты брезговал в прошлый раз, когда Васильич…

– Ну, это другое дело…

– Ничего не другое. Рыба!

Мы сидели на скамеечке и смотрели, как мужик на спецавтомашине подцепляет мусорный бак, как дёргает рычажки на борту машины и бак поднимается, заваливается, и мусор с грохотом летит из бака в кузов. Мелкий сор и бумажки ветром сносит в сторону от кузова, и дворничиха сердито поджимает губы. Когда мусорщик уезжает, дворничиха начинает мести сор и материться. Матерится она громко – на публику.

– Такое дело, – подает вдруг голос дядя Вася. – Плохой работы не бывает. Профессий плохих не бывает… И произведений не бывает плохих… Литературных или там художественных. Такое дело… Вообще в мире плохого мало. Наций, наций плохих не бывает. И религий…

Люди бывают плохие, вот дело какое… Вот в чем беда…

Дядя Вася и Ферапонтыч скучали над удочками «с самого с ранья». Категорически не клевало. Вода зыбким зеркалом отражала молодой камыш, сонные ивы, стройные сосны, дальше – невесомые облака; утренняя свежесть уходила, и песчаная полоска вдоль воды начала наливаться июньским зноем.

Дядя Вася подобрал с песка старую сосновую шишку, как-то не унесенную половодьем, и обреченно бросил её в воду. Шишка булькнула, и ровные круги пошли по перевернутым соснам, камышу, заставили ожить облака.

– Жизнь – как эти круги на воде, – сказал вдруг дядя Вася, – нужно всё время что-то бросать, чтобы они были. Перестанешь – и нет их, как и не было…

– О-о-о! – помолчав немного, оценил Ферапонтыч. – Да-а-а…

Дядя Вася, вернувшись однажды из санатория, рассказал историю, которая долгое время не давала мне покоя, бередила душу и воображение. В один из евпаторийских санаториев родители привезли сиамских близнецов, сросшихся грудными клетками, а когда срок путевки кончился, не приехали за ними. Бросили. Близнецов усыновил главврач санатория. Он очень полюбил их. И тут выясняется, что совершенно необходима операция по разделению близнецов. Не оперировать – умрут оба. Оперировать – умрет один. Но который?

Чем завершилось дело, дядя Вася никогда не узнал – путевка кончилась, и он уехал. Но неподъемная тяжесть выбора поразила меня; мне было очень жаль доктора, которому предстояло одного из близнецов обречь на смерть.

Один мой однокашник пошел в военное училище. А когда его спрашивали, почему? Отвечал не знаменитым: есть такая профессия – Родину защищать. Он говорил: не нужно принимать решений; тебе приказали – ты выполнил. И все!

Но это, конечно, иллюзия. Жизнь рано или поздно поставит тебя перед выбором, как того врача из Евпатории, и этот выбор придется делать тебе самому…

– Дядь Вась, в чем смысл жизни?

– Жизнь – это разбег перед прыжком в неизвестность.

– Нет, а серьёзно?

– Я на старости лет сделал вывод, что смысл жизни – в поисках смысла жизни. Это один ответ. Другой – в самой жизни, то есть ни в чем. Третий, самый банальный, – в поисках своего предназначения; кто поймёт, для чего он родился, – тот счастлив, впрочем, третий ответ закольцовывается с первым. И еще такой ответ: смысл жизни в том, чтобы старательно избегать думать над вопросом: в чем смысл жизни? Многим это удается... А совсем серьёзно… Жизнь – это разбег перед прыжком в неизвестность.

Из окна на втором этаже донеслось:

– Ну зачем ты цветное вместе с белым положил, скажи мне на милость? Зачем ты вообще взялся, чего не умеешь? Эх ты, статуй гипсовый!

Хлопнула подъездная дверь и к скамейке вышел «статуй» – смущенный дядя Вася.

– Постирать хотел, – пожал он плечами. – Хотел как лучше… Вот правильно ведь, не надо браться не за своё дело.

– Дядь Вась, я тут недавно в книжке прочитал: «Они постоянно ругались, но никогда не ссорились». Эт про вас с тётей Люсей. В молодости ты её, наверно, любил очень, раз терпишь…

– Почему любил? – искренне удивился дядя Вася, – я и сейчас люблю…

– Эх, а что оно такое – любовь? – неожиданно вздохнул щербатый Витёк из третьего подъезда. – Даже и не поймёшь…

– Да чего тут понимать, – махнул рукой дядя Вася. – Вот женщина твоя случайно пукнула, а тебе розами пахнет. Вот тогда – любовь…

Никто не возразил…

Весной в доме поселились новые жильцы. Толстый угрюмый полковник с женой. Полковника с тех пор видели всего несколько раз и то мельком, когда он садился в подъезжавшую за ним машину, а жена уже успела со всеми перезнакомиться.

– Очень активная женщина, – сказал о ней Ферапонтов, когда они вдвоем с дядей Васей курили под старым тополем и смотрели на апрельскую суету грачей. Грачи громко ссорились из-за веток на починку гнёзд, что настраивало на философские раздумья о роли социума в жизни индивидуума. Именно в этот момент к ним и подошла энергичная полковница.

– Так, соседи, пора подумать и о субботнике! – бодро завела она разговор. – Смотрите, сколько хлама во дворе! Я вот думаю, на следующие выходные всех пригласить, – и она помахала листочками с текстом, набранным на компьютере. – Как вы на это смотрите?

– Видно будет, – пожал плечом в ватной телогрейке дядя Вася, а Ферапонтов промолчал.

Полковничиха направилась к подъездам с намерением расклеить бумажки, а мужики смотрели ей в след.

– Какой субботник, – сказал, наконец, дядя Вася, – снег ещё во всех углах, грязь только развозить! Еще недели две ждать надо… – и помолчав, добавил, – недалёкая женщина.

– Да, – согласился Ферапонтыч, – поэтому далеко пойдёт. Вот увидишь.

– А я спорю?

– Знаете, что я вам скажу, – дядя Вася задумчиво выпустил струйку дыма в листья тополя, под которым мы стучали костяшками домино. – Человеческая жизнь – это кот в мешке! Тебе её взяли да и всучили, не спрашивая, не объяснив, что это, зачем, чего с нею делать? Разница только в том, что от кота в мешке отказаться легко, а попробуй откажись от жизни…

– Тьфу, на тебя, – разозлился Ферапонтов, – сидели, ничего такого, и на тебе, думай теперь!

– А ты не думай, – блеснул золотой фиксой в щербатом рту Витёк, – рыба!!!

* * *

Дядя Вася и Ферапонтыч часто спорили. Иногда просто так, ради спортивного интереса, «для тренировки серого вещества», как говорил Ферапонтов. И дядя Вася любил читать, и Ферапонтов был книгочеем. Очередная книга иногда и становилась яблоком раздора. Вот и на этот раз они не могли сойтись в оценке Паоло Коэльо. Дядя Вася говорил,

что книжки у него поучительные и философские. А Ферапонтыч ругал дядю Васю за наивность и сравнивал творчество модного Коэльо с рассказами для детей Льва Толстого. Только для взрослых детей… Дошло до повышенных тонов.

Спор этот происходил в присутствии щербатого Витька.

– Без писателей вообще можно прожить, – посверкивая фиксой, вклинился он в дискуссию, желая примирить друзей. – Вообще непонятно, за что они деньги гребут, за сказочки. Вот без денег не проживёшь, без бабы плохо, а книжки-писатели – тьфу! Нашли о чем спорить.

Ферапонтыч с дядей Васей от неожиданности замолчали, а потом дядя Вася сказал:

– Да ты пойми, неумный, писатели и журналисты, актёры и художники, музыканты, да вообще люди творчества – это витамин для организма под названием Человеческое общество. Без этого витамина человечеству грозит цинга!

– Духовная цинга, – поддержал Ферапонтыч, – понимаешь ты это?

– Да ну вас, – махнул рукой Витёк, – сами ругаетесь, а сами… – и направился к пивнушке.

– Ферапонтыч, ты всё-таки научный сотрудник, – сказал дядя Вася, подходя к доминошному столу под летним тополем. – Так вот объясни мне одну штуку.

– Давай попробуем, – пробормотал Ферапонтов, не отрывая взгляда от шахматных фигур; поскольку столик хоть и был доминошным, но иногда на его поверхности возникала и шахматная доска. – Что за штука?

– Ну, ты знаешь, есть такой феномен – лента Мёбиуса…

– А, да, забавная штука, – оживился Ферапонтов, – лента с одной стороной… казус такой физический…

– Как это – с одной стороной?! – в свою очередь оживился щербатый Витёк, который, несмотря на свою бомжеватую внешность и неистребимую тягу к крепкому алкоголю, любил и неплохо знал шахматы. – Так не бывает.

– А вот смотри, – Ферапонтов оторвал от лежащей тут же газеты длинную узкую полоску, свернул её в кольцо, но перед тем, как соединить края, один край развернул на сто восемьдесят градусов. – Вот теперь у этой ленты одна сторона.

Дождавшись, пока восхищённые фокусом Витёк и болельщики тщательно проверят феномен, дядя Вася продолжил:

– Да, так вот, лента – это ведь часть плоскости? А если мы возьмём не часть, а плоскость вообще? Что будет?

– Как плоскость вообще? – не понял Ферапонтов.

– Ну, лента будет не в сантиметр шириной, а уйдёт в бесконечность. Но раз часть плоскости можно свернуть в ленту Мёбиуса, то и вся плоскость должна сворачиваться. Не может же у части иметься одно свойство, а у целого другое. Вот я и спрашиваю, что будет?

Все с интересом посмотрели на Ферапонтова. Тот долго молчал, потом сказал:

– Надо подумать, – и кивнул Витьку: – ты пока ходи давай, чего рот разинул.

Игра продолжилась, но все видели, что Ферапонтыч мыслью не на доске, глаза его затуманились, смотрели сквозь фигуры, и партию Витьку – впервые за многие годы – он с треском продул.

– Ты, дядь Вась, ему почаще такие вопросики подбрасывай, – улыбнулся во весь свой неопрятный рот довольный Витёк. А Ферапонтов какое-то время сидел задумчивый, от матча-реванша отказался и в конце концов сказал дяде Васе:

– Жаль, я в этой сфере не силён… А вот ты зря в своё время в институт не пошёл. У тебя мозги исследовательские, нестандартно мыслишь.

И все с уважением посмотрели на дядю Васю, а Витёк аккуратно сложил газетную полоску и молча спрятал её в карман своего потрёпанного пиджачка.

– Вот смотри, – дядя Вася развернул газету и зачитал: – «В преданиях местных жителей Большачка – это огромного роста женщина с распущенными волосами, в белых одеждах, которая показывается людям примерно в полдень в одном и том же месте. О том, что предвещает её появление, в народе бытует несколько вариантов…»

– Ну и что? – Я догадывался, что сосед не зря вынес эту газетку, и не ошибся.

– Я её видел.

– Кого?

– Большачку. Хочешь верь, хочешь не верь, но – видел.

Я знал дядю Васю давно и знал, что к мистическим настроениям он не склонен и сам посмеивается над подобными историями. А тут говорил хоть и несколько смущённо, но серьёзно.

– Ты же знаешь, мы деревенские, это отец когда-то в город переехал, на завод устроился, я тут и родился, но с малолетства все лета проводил в деревне. Вот шла жатва. Дядька мой деревенский, отцов брат, на комбайне работал с утра до ночи. А то и ночью. Каждый день бабка давала мне узелок с обедом, и я бежал на дорогу ловить порожнюю попутку. Какой-нибудь шофёр меня обязательно подбирал и отвозил на поле. Иногда по дороге ещё какой-нибудь мальчишка присоединялся. Или девчонка. А потом назад на груженой возвращались – зерном пахнет, пыль из-под колёс…

В узелках у нас что было. Хлеба большая горбушка – ржаного. Реже лепёшка. Яйца, в русской печке печенные, – вкуснятина, это тебе не на газу в кастрюльке… Да, ну, огурцы – или свежие, или солёные, картофелин несколько штук, опять же печёных, бутылка молока, тряпочкой или газеткой заткнутая… Что еще…

– Колбаса, – подсказал я.

– Ты что – колбаса! Колбасу в те поры в деревне и по большим праздникам не видели. Бывает, мяса кусок или курицы, соль, конечно, лук зелёный или репчатый. Дядька сырой лук не любил, так что я зеленый носил. Садились тут же у комбайна и прямо на стерне обедали. Фуфайку какую-нибудь бросишь, чтобы не кололась… А один раз ночью…

– Погоди, – придержал я дядю Васю от дальнейшего впадения в детство, – ты про Большачку хотел…

– А, да! Ну, вот как-то жали не так далеко от села, и я пошёл к дядьке пешком, напрямки. И есть там такое место, про которое говорили, что там плохо что-то. Ну, старались туда без дела не ходить. Ребятишки смеялись, конечно, над этим. Гагарин в космос слетал, а тут такие суеверия, косность… Вот я там и шёл – тропка выходит на круглый холм, на холме кольцом берёзы, внутри кольца – поляна, тоже круглая, и трава там высокая. Ну, иду, прохожу под берёзами, а в центре поляны остановился. Красиво очень мне показалось. Берёзы высокие, строй-

ные, шелестят, трава шёлковая, небо синим кругом над головой в зелёной кайме берёзовых верхушек, а в вышине невидимые жаворонки заливаются. И такая благодать! Я узелок поставил да в траву и повалился – так хорошо было. Смотрю, как облачка по небу бегут, кузнечиков слушаю, не жарко, ветерок веет, травой и полем пахнет, комбайны где-то недалеко стрекочут, машина гуднула… Я вдруг понял, не знаю даже, как это описать, что вот это вот и есть счастье. Вот бы вечно так всё шло и шло. А что будет дальше – хорошее?

И вот только я это подумал, как всё изменилось. Главное – тишина. Полнейшая. И так всё странно. Ни кузнечиков, ни жаворонков не слышно, трава замерла, берёзы застыли… Словно мне уши заткнули, или будто я на дне озера оказался. Смотрю – ветра нет, а облака по небу в три раза быстрее несутся, даже мне показалось, что облака на месте стоят, а это поляна вместе со мной летит куда-то! Ох я и испугался! И главное, пошевелиться не могу, даже головы не повернуть. И тут краем глаза вижу, как из-за берёз вышла высокая, очень высокая женщина в белом балахоне с капюшоном и идёт мимо меня. Сердце у меня заколотилось, только бы, думаю, не заметила! А почему не хочу, чтобы заметила, и сам не знаю. Но не хочу. И вдруг она лицо ко мне поворачивает, а лица… нету! То есть что-то есть, как бы и глаза, и рот, и даже прядь волос из-под капюшона, но размыто, словно сквозь марево – не узнать. Я весь потом холодным облился, и при этом меня в жар бросило; как такое может быть – не знаю, но было. А Большачка шаг как будто призамедлила, и в голове у меня такое началось! Даже и не опишешь. Как будто мне в мозги что накачивать стали… В общем, потом, по жизни, как только что мне предстояло серьёзное делать или решить что-то, на меня такое же вот состояние на секунду-другую накатывало, и знаешь, сразу становилось ясно, как быть. И ни разу еще не ошибся. Вот помнишь, меня пару лет назад в бизнес звали? Миша Чужой лично приглашал. И деньги большие светили, а я – все ещё удивлялись – не пошёл. Василий Иванович пошёл. И через полгода убили его, помнишь?

Эту историю я помнил, действительно, было такое…

– Ну вот. Случайность?.. Да-а… Тут Большачка вдруг капюшон скинула, а на лбу пятна, она руку подняла, а на кисти нескольких пальцев нет. И вдруг как дунуло, гул пошёл, думал, берёзы переломятся! Зажмурился я и с травы как ошпаренный вскочил. Смотрю, а вокруг всё по-прежнему: никакой Большачки нет, как не было, кузнечики безмятежно стрекочут, жаворонки пуще прежнего заливаются, березы шумят, и облака по небу потихоньку шкрябают… Схватил я узелок да как дёрну на звук комбайнов. Хотел дядьке всё рассказать, но не смог, язык не поворачивался… Так никому и не рассказал, тебе вот первому… Я потом всё думал, думал – к чему же это она мне показалась. Перед этим-то её у нас, говорят, видели в сорок первом, прямо перед войной. А тут что? Потом только понял – это она к перестройке показалась. Предупреждала…

Я смотрел на дядю Васю, а он смотрел куда-то в далёкое прошлое застывшими глазами, давно потухшая папироска его меж пальцев едва заметно подрагивала, а на лбу серебрились бисеринками капельки пота. А было не жарко. Вечер уже был…

Стоял ясный морозный день. Очень морозный, вокруг солнца явственно просматривалось бледное гало, а тополя вдоль улицы легонько потрескивали, даже голуби, воробьи и синицы попрятались где-то

по чердакам. Мы вышли из подъезда одновременно, и дядя Вася, направляясь к своей старенькой заиндевевшей «копейке», спросил:

– Подвезти? Если, конечно, заведусь.

Я пошутил:

– Прежде, чем вставить ключ в зажигание помолись – и заведёшься.

– Нет, не буду, – серьёзно ответил дядя Вася.

– Почему?

– Знаешь, Бога лучше лишний раз не беспокоить. Не обращать на себя внимания. Живёшь потихоньку и живи. А то попросишь что-нибудь, он присмотрится-присмотрится да и скажет: такой говённый человечек, а еще и просит чего-то, и бац! Не-ет, к Богу надо лишь при крайней нужде.

Дядя Вася забрался в «копейку», повернул ключ, стартёр застонал, поднатужился, двигатель хрюкнул разок и замолчал. «Копейка» не завелась.

– Ну и что, – махнул рукой дядя Вася, – ну, и на автобусе проедемся, не баре.

И мы, подгоняемые укусами мороза, потрусили к остановке.

– Славянин… Европеец… Все люди одинаковые и все люди разные, – дядя Вася уже минут пять задумчиво глядел на шахматную доску, не решаясь двинуть фигуру. Очень соблазнительно выглядел конь щербатого Витька, но, судя по отсутствующему взгляду Витька и его блуждающей улыбке, таилась тут какая-то опасность, какой-то подвох. Да и Ферапонтыч скроил непростую мину, а ободряющую или предостерегающую – не поймёшь.

– Русский от европейца физиологически совершенно не отличается, а вот психологически, а точнее сказать, духовно, отличается кардинально, – изрёк наконец Ферапонтыч, которому прискучила несообразительность друга. Витёк подсовывал обыкновенный гамбит, и как его не видел дядя Вася – было загадкой.

– А в чём разница-то? – отвлёкся от созерцания соблазнительного коня дядя Вася. – Одни только общие слова. – Он сбил-таки коня с его клетки и тут же с треском проиграл.

Витёк довольно сверкнул золотой фиксой и повернул доску к Ферапонтычу.

– Чтобы понять разницу, – сказал Ферапонтыч, расставляя фигуры, – советую перечитать «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого и «Улисса» Джеймса – не знаю как по отчеству – Джойса.

– А он из чьих? – вклинился Витёк.

– Из ирландских, – ответил Ферапонтыч.

Недели где-нибудь через две в этой же компании дядя Вася доложил Ферапонтычу:

– Прочитал я твоего «Улисса»…

– Да ну! – удивился Ферапонтыч. – А я не смог, даже половины не осилил, бросил. Ну что, понял, в чём разница? Русский, как правило, рефлексирует, любит поковыряться в душе, в своих сомнениях, непременно ему надо знать, в чём смысл именно его жизни. А европеец всё же больше думает о бытовой стороне жизни, о бытовых взаимоотношениях, он даже в литературе более физиологичен, заметил?

– Да всё это можно сказать проще, – пожал плечами дядя Вася. – Русский думает о духе, а европеец о брюхе.

– Довольно упрощенно, – хмыкнул Ферапонтыч. Но щербатому Витьку такая формулировка очень понравилась…

Меня мучит одно обстоятельство. Человек умирает – и всё, что ему было дорого, теряет ценность. Поскольку, как правило, никому не нужно. Видели семейные фотоальбомы на помойке? Жуткое дело…

На днях иду мимо мусорного бака, а в нём на горе отходов – балалайка. Фёдора Ивановича из второго подъезда балалайка.

Тихий был человек, как раньше говорили – мямля и подкаблучник. Сейчас сказали бы лузер, кажется? Незаметный такой, но симпатичный был, улыбчивый, никогда ни в чём не откажет.

Была у него одна радость. По праздникам брал бутылочку и напивался. И тут уж даже жена его не трогала. Видно, как-то раз попробовала, и ей не понравилось. Она в такие дни весь вечер у телевизора сидела, а Фёдор Иванович мучил на кухне балалайку. Он терзал балалайку, и она скулила, плакала, стонала. И вместе с ней плакал и стонал Фёдор Иванович.

Сидят дядя Вася, Ферапонтыч и Витёк на скамейке под окном, а за занавесками балалайка и «Ой, да ты кали-и-ну-ушка, ой, да размали-и-ину-ушка, ой, да ты не сто-о-ой, не стой, на горе-е-е круто-о-ой…»

Улыбнутся мужики: «Фёдор Иваныч гуляет…»

Ни у кого не было во всей округе балалайки, а у него была. Гармошки ещё кое у кого были, гитары, естественно, а чтобы балалайка…

Пытались его в художественную самодеятельность затянуть или хотя бы на свадьбу, но нет – ни в чём не отказывал, а тут упёрся. С улыбочкой, но категорически.

Так по праздникам и разговаривал с ней один на один; она плачет, и он с ней…

И вот – умер. И балалайка на помойке.

И в чём тогда смысл жизни?

– Наши древние предки жили лучше нас, – размышлял вслух дядя Вася, глядя на застывший поплавок. – Проще и правильнее. Радовались солнцу, восхищались радугой, боялись грозы, мечтали оказаться за горизонтом. В плохую погоду спали, в хорошую охотились… Завалил мамонта – и счастлив.

А у нынешнего человека одна настоящая радость – деньги…

– Всё гораздо хуже, – после долгого молчания ответил Ферапонтыч. – Ты пойми, что мамонт древнего человека – это те же деньги. Отрезал кусок мамонта – заплатил им за наконечник для дротика…

– Ах ты ж! – огорчённо шлёпнул дядя Вася ладонью по коленке.

Дядя Вася, вороша по доминошному столу костяшки, сказал, обращаясь главным образом к Ферапонтычу:

– Сегодня услышал в рекламе: «Вы всё ещё думаете?!» Да-а, как ни старается наше телевидение оболванить население, по-прежнему встречаются люди, которые всё ещё думают…

– Знаешь, – пожал плечами Ферапонтыч, – а мне кажется, что телевизор здесь ни при чём. Всегда есть люди, которые всё ещё думают, и люди, которые не задумываются.

– Вот именно, – встрял в разговор Витёк, – я вот, например, уж полдня думаю…

Дядя Вася и Ферапонтыч удивлённо повернулись к Витьку и синхронно поинтересовались:

– О чём?!

– Да вот у кого бы стольник стрельнуть на пиво?..

* * *

– Видишь ли, на самом деле, весь род людской делится на три категории, – задумчиво сказал Ферапонтыч, – всего три.

– И какие же? – полюбопытствовал дядя Вася, понимая, что приятель хочет пофилософствовать. – Какие?

– Все люди делятся на, – Ферапонтыч сделал паузу, – карьеристов, романтиков и болото. Карьеристов и романтиков примерно поровну, но болота в два раза больше, чем карьеристов и романтиков вместе взятых. А может, и в три.

– Наверное, это не касается людей творческих профессий, ученых, – решил подискутировать дядя Вася.

– Нет, к сожалению, это касается всех, – вздохнул Ферапонтыч. – Как мне подсказывает житейский опыт и многолетние наблюдения, карьеристов и болота в творческой среде примерно столько же, сколько и в любой другой.

– И к какой же категории относимся мы с тобой? – поинтересовался дядя Вася.

– Ты романтик, а я болото! И не спорь, – замахал Ферапонтыч на пытавшегося возразить дядю Васю. – Ты вот работу свою любишь, на выборы регулярно ходишь. А я на выборы уж лет двадцать не хожу.

– А я хожу! – радостно вклинился в философию щербатый Витёк. – Не глядя на то что там теперь даже пиво не продают на участках.

– А ты карьерист! – отрубил Ферапонтыч.

– Я?! – изумился Витёк. – Почему?!

– На выборы ты ходишь потому, что начальника своего боишься. А ещё баню ему строил, сам хвастался.

– Да, и где же моя карьера? Как ходил в слесарях, так и хожу!

– Не всем карьеристам удаётся сделать карьеру. Просто ты мелкий карьерист, неудачливый. Твоя карьера – выгодные заказы получать, будучи у начальства в фаворе.

– Слушай, – задумчиво спросил Ферапонтыча дядя Вася, – а на ком же тогда всё держится, на чём мир стоит.

– Как на чём? – удивился Ферапонтыч. – На болоте, конечно. И по этому болоту скачут карьеристы и романтики. Чтоб не утонуть.

Витёк раскрыл рот, тоже задумался и вдруг громко заржал.

– Ты чего? – в один голос спросили Ферапонтыч и дядя Вася.

– Да представил себе, как мы с дядь Васей по болоту скачем. Как лягушки…

Дядя Вася сдул квасную пену с края пластикового стаканчика и повернулся к Ферапонтычу:

– Скажи парадокс.

– Парадокс.

– Да нет, – поморщился дядя Вася, – скажи что-нибудь парадоксальное.

Ферапонтыч на секунду задумался, потом сказал:

– Самая мирная профессия – военный.

– Обоснуй.

– Все войны начинают политики. А заканчивают их военные. Не зря говорят, что военные «стоят на страже мира». Если вокруг знают, что в стране крепкая армия, против неё никогда не начнут войну. Армии пугают друг друга своей силой и так сдерживают конфликты…

– Да-а-а, – покачал головой дядя Вася, – а самая немирная профессия – учёный. Ты, Ферапонтыч!

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – Ферапонтыч отхлебнул прохладной живительной жидкости. – Действительно, почти всё, что придумывают ученые, так или иначе встраивается в военную тематику…

Любят они – дядя Вася и Ферапонтыч – так вот пофилософствовать на досуге…

– Я, конечно, православный, – дядя Вася прислушивался, как из-за луговины доносится колокольный перезвон восстановленного храма. – А ты разве нет? В душе?

– В душе – да, – Ферапонтыч пожевал скептически губами. – Но считаю, что церковь должна жить бедно. Считаю, что нужен один красивый богатый храм в Москве, ну, Храм Христа Спасителя, и по одному в крупных городах – как символы веры, и всё. Остальное все, что дают прихожане свыше «прожиточного минимума», церковь должна отдавать тем, у кого этого минимума нет. Бабушкам, которые на морщинистой ладошке считают копеечку, прежде чем купить батон или пакет молока, инвалиду, про которого забыло государство, сироте… Если подругому – значит, безнравственно.

– Может быть, может быть…

– Новый анекдот, – провозгласил Ферапонтыч, подходя к доминошному столу. – Упала вилка на пол и да-авай валяться!

Дядя Вася усмехнулся, а Витёк пожал плечами:

– Ну и чё, ну упала и валяется, а чего ж ей ещё делать-то? Не смешно. Вот я вам лучше про Василия Ивановича расскажу.

Но Ферапонтыч про Василия Ивановича слушать не стал. Махнул рукой и пошёл в магазин за хлебом…

Какого счастья просят люди? У Бога, у рока, у судьбы, у фортуны… Богатства, здоровья, власти, любви… Иному понадобится вся жизнь, чтобы понять, какого счастья нужно по-настоящему просить.

На днях у дяди Васи погибла внучка…

Как же он радовался и гордился, когда стал дедом… И вот… А погибла внучка глупо. Полезла за какой-то яркой вещицей на шкаф и опрокинула его на себя. Одна из полок пришлась на шейку, много ли пятилетнему ребенку надо? Спасти девочку не удалось…

Ночью перед похоронами дядя Вася рубил и жег во дворе проклятый шкаф…

На кладбище мы с Ферапонтычем стояли в толпе и старались не смотреть ни на игрушечный гробик, ни на камнем застывшего сына дяди Васи, ни на мать девочки с совершенно безумными глазами. Я стоял, глядя на землю, вынутую из могилы, и всё повторял про себя: «Боже, дай мне самого главного счастья: чтобы мои дети похоронили меня!..»

И думал о том, что мои родители при всех их несчастьях и трудностях жизни оказались счастливыми людьми. Они увидели, что их дети выросли и стали самостоятельными; они знали, что будут похоронены детьми, а дети будут жить дальше… И бабушка с дедушкой были счастливыми людьми, их похоронили их дети и внуки.

«Боже, дай мне счастья быть похороненному моими детьми, – бормотал я про себя и не мог остановиться. – Только не наоборот, Боже!»

Андрей ОГИЛЬКО

Родился в 1974 году в г. Миассе Челябинской области. Окончил Миасское медицинское училище по специальности «фельдшер». Работал заведующим фельдшерско-акушерским пунктом, учился в Южно-Уральском госуниверсите (филфак).

В 2015 году уехал добровольцем на Донбасс, в ЛНР. Участвовал в боевых действиях на территории ЛНР и ДНР, неоднократно ранен. С июня 2024 года – социальный координатор фонда «Защитники Отечества».

Живет в Луганске.

ДЕВОЧКА

Из цикла «Хроники двенадцатого бата»

Она пришла сама. Грязная, отощавшая до торчащих из-под шкуры костей, ослабевшая от голода. Молча постояла у порога и то ли доверчиво, то ли обречённо не легла, а почти упала. Только тяжело вздымались рёбра и глаза смотрели…

Мы только что взяли Пшеничное, маленький дачный посёлок перед Рубежным. Не мудрствуя лукаво, обосновались в домике на окраине, из которого ещё пару часов назад дали дёру вэсэушники. Хатку, кстати, на случай обороны, хохлы оборудовали по уму, грех было не воспользоваться. Комбат отмаячил по рации «устраиваться пока здесь». Ну, передышка, так передышка. Последняя неделя была, прямо скажем, не из лёгких. В Житловке и Кременной «незалежные» упёрлись жёстко. Продавливать приходилось каждый метр и каждый дом. Только после того, как наши штурма вошли в Кременную и закрепились, хохлы, огрызаясь, откатились на Рубежное и намертво встали в промзоне.

«Града» загнали в сосняк. Закидали ветками, превратив в бесформенный зелёный сугроб. Горняк, водила «подсумка»*, уже колдовал над котлом, дразня мясными запахами наши, задолбавшиеся переваривать сухпайки, желудки. Изюм, замысловато матюкаясь, ковырялся под капотом бээмки, А мы с Яцыком и Санёчком обеспечивали всем невиданную роскошь – топили баню! Таскали из колодца ведро за ведром, наполняя бак. Баня, блин, настоящая баня!!! Последние недели три помыться удавалось лишь изредка, наспех нагрев ведро воды и по-братски поделив на троих. И то если в сей священный процесс не вмешаются нежданно хохлы, как вышло под Песчаным.

---

* *«Подсумок»* – грузовая машина сопровождения с запасом боекомплекта.

– Блин, Док! – вдохновенно орал стоящий на крыше Яцык, опрокидывая в бак очередное ведро. – Если немцы мне сейчас помыться не дадут, убей их всех! Прям полным пакетом.

«Пакетом», если кто ещё не в курсе, реактивщики называют артиллерийскую часть «Града». Полный пакет – это, на минуточку, аж 40 снарядов.

– А если они тебе помыться дадут, а мне нет, – я подал Яцыку следующее ведро, – я сначала тебя убью, а потом уже их.

И как раз тогда, когда мы наполнили бак и расслабленно курили под кофеёк, она подошла и легла почти у наших ног. Когда-то огромная, сильная и красивая собака, от которой сейчас остался лишь обтянутый свалявшейся шерстью, непонятно как ещё живой, скелет. И глаза... Вишнёво-карие собачьи глаза, глядящие, как это умеют только собаки, прямо в душу.

– Мать твою! – поражённо выдохнул культурный Санёчек. – Да как она живая ещё?

Я наклонился и положил руку на крупную лобастую голову.

– Ты совсем голодная, девочка? – почему-то в том, что собака именно девочка, я не сомневался с первого взгляда. – Погоди минутку, я сейчас…

Если честно, я законченный циник. Война не слишком способствует прекраснодушию и сентиментальности. Но то по отношению к людям. А вот животных – жалко до слёз. Собственно, их я сейчас и пытался скрыть, изображая бурную деятельность. Чёрт, чёрт, чёрт!!! Ну вот им-то это за что? Преданным, чистым, беззаветно любящим людей всем своим бескрайним сердцем! Я лихорадочно рвал упаковку пайка, обещая сам себе, что вот найду тех укропов, что довели собаку почти до голодной смерти и…

В большую миску высыпал тефтели. Бесцеремонно отчерпнул из котла у Горняка пару половников наваристого бульона. Потом размял в бульоне тефтели до однородной полужидкой кашицы. Нельзя много с голодухи, может ещё хуже стать. Убедившись, что миска и её содержимое достаточно остыли, поставил еду перед самым чёрным кожаным носом.

– Кушай, девочка.

С трудом приподнявшись на лапах, собака с минуту принюхивалась, словно ещё не веря, что всё это ей не снится. Потом опустила голову и стала есть. Неторопливо и аккуратно, будто извиняясь за каждый глоток. Пацаны, похоже, чувствовали то же, что и я. Напрочь отмороженный Яцык молча катал на челюстях желваки, затих записной балабол Изюм. Санёчек, самый интеллигентный и мягкий из нас, откровенно шмыгал носом. Даже Горняк, наш аксакал и гуру гастрономии, к животным обычно равнодушный, и тот поймал общую волну и взволнованно следил, как возвращается к жизни с каждым новым глотком наша гостья.

– Твою ж наоборот! – Изюм даже вскочил, показывая пальцем на что-то невидное мне на противоположном собачьем боку. – Док, блин, она трёхсотая!

Осколок вошёл в бедро, видимо, уже на излёте. Рваная рана, сантиметров десяти длиной, с торчащим из неё куском железа. Ещё одна на боку. На счастье, не проникающая, хорошо зализанная и чистая. Спасибо вам, собачьи боги, за то, что придумали своему творению антисептический язык. Ранам с виду четыре-пять дней. На человеке

без санобработки уже имели бы поганый вид, воспаление и сепсис. А тут всё чистенько, но помощь требуется. Осколок таки сам себя не вытащит.

Девочка немного осоловела от еды. Ну понятно, скорее всего с момента ранения и не ела совсем: забилась куда-нибудь с перепугу и медленно умирала. Я осторожно уложил собаку на бок, пробежался взглядом по обеим ранам. На всякий случай порылся пальцами в свалявшейся густой шерсти, на предмет не замеченных при первом осмотре повреждений. Обошлось, к счастью, больше ни царапины. Ладно, что там у нас с бедром? Тихонько ухватил пальцами торчащий край острой железяки, осторожно потянул. А вот хрен там! Осколок засел глубоко в мышце собачьего бедра и вылезать без сопротивления напрочь отказывался. Ладно, попробуем чуть сильнее. Вроде бы начал чуть подаваться, но тут пациентка слабо пискнула. Голову с земли, впрочем, не подняла, будто понимала, что вреда причинить не хотят.

– Больно, девочка, понимаю. Потерпи немного, хорошая. Ну надо же эту дрянь из тебя вытащить. Потерпишь, ладно?

Я гладил мягкие собачьи уши, чесал под челюстью, тихо разговаривал, успокаивая, и пытался сообразить, как же лучше сделать. В том, что осколок я всё-таки вытяну, уже не сомневался. Опасался только, что от боли собака может тяпнуть просто на рефлексах. А учитывая, что в расцвете сил весу в собаченьке было килограммов под 70 и во внешности явно угадывалась помесь московской сторожевой с алабаем, один рефлекторный «клац» мощных челюстей мог запросто стоить мне кисти. Дилемма, блин…

– Яцык, морду подержишь? Только нежно.

– Ага, ща! А она мне нежно руку по плечо отхреначит, когда ты дёрнешь!

– Может, шприц-тюбик ей вколем? – предложил Санёчек.

– Блин, она и так еле живая. А вдруг просто мотор не выдержит?! – я начал заводиться. – Яцык, если держать бздишь, давай я держать буду, а ты осколок вытянешь.

– А я умею? – взвился Яцык. – Кто у нас Док, я или ты?

– Ну, если по штату, то я у вас Док только по позывному. А по должности – вычислитель и командир БМ.

Тут я слукавил, конечно. Позывной прилип не на пустом месте, а по первому образованию фельдшера. И да, кроме непосредственных обязанностей, пичкал своих пацанов пилюлями и перевязывал тоже я.

– Давай я подержу.

А тихий Санёчек меня по-хорошему удивил. Нет, парняга далеко не трус, хоть и пришёл на СВО по мобилизации и воинскому делу обучался сразу в реальной обстановке. Просто мы все старались оберегать пацана, пока не обкатался, а Санёчек послушно не совался, куда батька не велел и больше слушал, чем говорил сам.

– А вдруг тяпнет, Санёк? Может, правда давай я сам всё?

– Ага, кента заслуженного ему, значит, не жалко, с которым семь лет из одной чашки жрали, а Санёчка пожалел! – обиженно забубнил Яцык.

– Застуженного, – хмыкнул я, прекрасно понимая, что претендент на мою чашку уже просто валяет дурака, – на всю голову. Лапы задние подержи, кент застуженный. Там точно не тяпнет.

– Не укусит, – тихо и уверенно сказал Санёчек, – она нам верит.

У меня от этих слов что-то опять перевернулось в душе и предательски защипало в носу. Сентиментальным, что ли, становлюсь

на старости лет? Собери-и-ись, тряпка! Не время для соплей, война нынче.

– Что принести? – обозначился не задействованный в предстоящей операции Изюм.

– Пинцет надо. Хлоргексидин или перекись, без разницы. И ипэпэшку одну вскрой, мне нашлёпка нужна, если что, кровь остановить… Потерпи немного, девочка, хорошо? Никто тебя не обидит, не бойся. Сейчас вот вытащим эту дрянь, обработаем, и заживёт на тебе всё как на собаке… Ну, как на тебе то есть. Ты ж у нас собака, да? Хорошая собака, умная, терпеливая…ухи тряпошные, нос кожаный. Хорошая девочка, красавица, умница… вот сейчас закончим, и дядя Горняк тебе ещё вкусного даст… немножко. А потом ещё. Откормим тебя, не боись. И отмоем…

Я говорил с ней не переставая. Нёс, что в голову взбредёт, разную добрую чушь, пока руки осторожно тянули из мышцы плотно засевший кусок железа. Держать даже не пришлось. Ни голову, ни лапы. Санёчек просто сидел рядом, подложив ладонь под умную собачью морду. А девочка… девочка лежала тихо, стараясь не шевелиться и даже, помоему, не дышать. Лишь раз, когда осколок только сдвинулся, я почувствовал, как напряглись и тут же расслабились под рукой мышцы бедра. И еле слышно вздохнула измученная болью собака.

Ну всё, закончили. Тщательно промыл раны перекисью. Подумав чуть, наложил до утра повязку на бедро. И с радостью увидел, как любопытный собачий нос, уже без прежней обречённости, повернулся навстречу обещанному «дяде Горняку», несущему миску с мелко нащипанным мясом, залитым бульоном.

Повязку наутро сняли, предоставив дальнейшее лечение чудодейственному собачьему языку. Ещё через три дня было купание. Целая процедура с тёплой водой и мылом, на расстеленном клеёнчатом тенте. Девочка с видимым удовольствием лежала то на одном, то на другом боку, пока три пары рук и гора пены превращали грязные колтуны в блестящую и длинную шерсть. Белую, с серо-коричневыми крупными пятнами.

На собачье (да и наше, наверное) счастье, нас ещё месяц назад пересадили из штурмов на честно затрофеенный у вражин «Град». В штурмовой пехоте животным места нет, кто бы что ни говорил. И позицию спалить может, не в добрый час попавшись на глаза хохлам, и сама под раздачу попасть при обстреле. Мы – понятно, каждый здесь осознанно, а животине-то это за что? А вот арта́ — совсем другое дело. До передка километров двенадцать, обстановка более-менее стабильная И вот именно здесь, на случай захода ДРГ, к примеру, совершенно не лишним будет ночью чуткий нос и дополнительная пара ушей. После небольшого, но бурного совещания, животную решено было временно удочерить и поставить на котловое довольствие.

Девчонка оказалась настоящей красавицей. Буквально за пару недель отъелась до своего нормального, под семьдесят кило, веса. С широкой грудью, сильными лапами и пушистым длинным хвостом. Грозная с виду, но абсолютно лишённая агрессии. Добрая, ласковая и ужасная хитрюга. Ещё в первые дни я заметил, что своим положением больной пёса научилась пользоваться с выгодой для себя. Ну кто ж сможет отказать во внеплановой кормёжке «самому больному в мире Карлсону»? Да никто, конечно. И хитрая псина отлавливала нас по одному, разыгрывая перед каждым один и тот же спектакль о несчастной,

смертельно больной и так же смертельно оголодавшей собаке. Не бесплатно, само собой, а за вкусняшку. Раскусили актрису быстро, ржали долго, но оплачивать шоу косточками и мясом продолжали.

Простояли мы там почти три месяца. Рубежное, Северодонецк, Лисичанск – с наших огневых мы легко дотягивались до любой точки. Даже посмеивались слегка про стабильный рабочий график: с утра на огневые, вечером – «с работы домой». Девочка (кличка так и прилипла) исправно охраняла дом и сдружилась с местной детворой. Единственное, чего боялась собака, это артобстрелов. При первых же звуках прилётов, Девочка молча жалась к ногам и просилась в дом. Тоже молча, одними глазами, наполненными тихим бездонным страхом. Сказать вам честно, ради чего я воевал именно в то время, когда с нами на позиции жила Девочка? Идея, Родина, люди – всё это осталось, конечно, но отошло немного на второй план. Всё то время, что мы стояли в Пшеничном, я воевал за то, чтобы Девочка больше не слышала прилётов. Никогда. И за то, чтобы не видеть страха и боли в добрых бархатных собачьих глазах.

Девочке повезло. Когда мы двинулись дальше, на Соледар, её забрал к себе Лёха – замечательный дядька из местных, живший по соседству. Девочка по-прежнему охраняет двор (уже Лёхин), дружит с фокстерьером Ричем. Лёха частенько звонит и передаёт от неё приветы. И да, прилётов Девочка больше не слышит.

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Родился в 1946 году в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. При советской власти на Родине не издавался. Работал в археологических экспедициях, грузчиком, дворником, в школе, в многотиражной газете, редактором в издательстве. В 1980-х был известен как переводчик поэзии народов СССР. Первые книги стихов вышли в 1987 году.

Автор многих книг стихов и прозы – воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Награждён медалью Кирилла и Мефодия за выдающиеся достижения в отечественной словесности (1996), медалью Циолковского – за космический масштаб его поэзии (2006). Лауреат премии имени Андрея Белого (1980), Международной Отметины имени Давида Бурлюка (2011), Бунинской премии (2012).

Живёт в Коктебеле.

О ЧЁМ ЖЕ ТЫ ВЕДАЛ ПОД ВЕТРОМ СЕДЫМ?..

* * *

Сигаретка в руке – да у печки сиди,
Да уставшее сердце – звездою в груди,
Не упавшее в августе чудом
Там, где полон созвездий ночной небосвод
И недолгие горы касаются вод
Между Богом и людом.

О, зажги же мне свет над бедою моей,
Где измаялись очи под сенью ветвей,
Так легко расстающихся ныне
С неповинной листвою и взглядом в тени, –
И уходят от нас ненаглядные дни,
Как избыток гордыни.

И обитель моя над кругами зеркал
Возвышается здесь, где наитья искал, –
И кому же повем,
Что бессонница плещет лучами в лицо
И меж нами уже замыкает кольцо
Млечный Путь хризантем.

* * *

Светлее дни – и воздух норовит
над осыпаньем
невысказанность вызволить обид
своим дыханьем

и там же где воздушная струя
смелей забьётся
дерев неугомонная семья
опять сойдётся

в саду где настораживает час
благого мира
и так же завораживая нас
бряцает лира

и Ларами растроганный Орфей
глядит сквозь пламя
как образы растерзанные дней
бредут за нами.

* * *

Дождь высветляет путь
крыш серебрит изгибы
и не страшны ничуть
те что уйти могли бы

в сумерках имярек
лишь отшатнется лишним
чтоб обрести ночлег
нам не мешать и вишням

и в лабиринте лет
не заблудиться ныне –
там где Альгамбры нет
вдосталь на всех гордыни

словно качнув серьгой
на волосок от взгляда
ночью войдёт нагой
нега в объятья сада

что ж замечтался цвет
бубен держа цыганский?
тени узорчат след
точно балкон испанский

там где закрыв глаза
профиль скрывая белый
гнутся к лозе лоза
Лидия с Изабеллой.

* * *

Листья ночные в саду собрались –
Прежде вились да надеялись, –
Нынче же ветру хоть в ноги вались –
Что это в мире содеялось?

Что это, скованы цепью одной,
Дерево к дереву с крышами
В море дремоты под ясной луной
Нами совсем не услышаны?

Им бы шуметь да плескаться в ночи,
Кланяться месяцу юному, –
Ты же, душа, и теперь не молчи,
Вторя движению струнному.

Стрёкота ловкий остёр локоток –
Здесь он – и нет его, ближнего,
Словно прощенье дарует Восток
Ищущим третьего лишнего.

И рассыпаются бисером лет
Радости самые малые,
Где очарованно веют вослед
Песни сверчков запоздалые.

* * *

Наверное, беден язык
Меж лилий, и роз, и гвоздик, –
Доколе смущению длиться?
Они не умеют сердиться.

Зачем же тогда до поры
Цветут золотые шары
И шороху слухов неясных
Луна в забытье неподвластна?

И в зеркале круглом звезда
Уже разрешит иногда
Шуметь воробьям по застрехам
И выситься грецким орехам,

И горлицам смолкнуть, чтоб утром опять
Набухшему горлу на солнце играть, –
И сердцу, простор обретая,
Доверится песня простая.

О чём же ты думал, по скверам бредя,
Неделями света не взвидев,
Наветами снега и эхом дождя
Заветное время обидев?

О чём же ты ведал под ветром седым,
Живущий во имя Всевышнего,
Лишь в памяти грешной глядясь молодым,
С ухватками третьего лишнего?

Прости меня, сад, где душа отдохнёт, –
Минувшее ждёт за оградой –
И что мне мечтанье, коль слово зовёт
Родной надышаться отрадой!

А ветру, как отроку, снова легко,
Зелёные очи подъемля,
Глядеть высоко и лететь далеко,
Моря постигая и земли.

* * *

Память гибнет – ветер навевает
На меня осенний непокой, –
Отчего же в мире не бывает,
Чтоб судьба сложилась не такой?

Отчего на свете одичалом
Неумолчно прежнее житьё,
Где росло влеченьем запоздалым
Золотого века забытьё?

Ах, постой! – сомнением не балуй,
Избавляй от выверенных бед, –
Ведь тебя, идущего, пожалуй,
В этом храме не было и нет.

А речей, отторгнутых нередко,
Вопрошенье высится, как вал, –
Что ж ты, птица вещая из клетки,
Божий дар на милость променял?

* * *

В зимнем небе где тополь крут
паровозный гудок повис
точно ивовый гибок прут
и рассыпчат на кухне рис

а в домах неурядиц рой
неудач полоса в очах
и покров не скроить такой
чтоб утратам гореть в печах

стрекозы ледяной крылом
напоследок февраль блеснул
словно виден ствола разлом
и подземный раздался гул

и теперь остаётся нам
улыбнуться кивнув слегка
окаянным отдав стенам
неприкаянный тон сверчка

словно во поле воли нет
и никто от себя не спас –
передёрнутых горем бед
прозреваю урочный час

а весны голосок охрип
и девичьи черны зрачки
дожидаясь созвездья Рыб
у ложащейся спать реки.

* * *

Стрижей не видать над рекой,
Озябшие листья летят, –
И тягостен в доме покой,
Где света зажечь не хотят.

Зачем же забрасывал сад
Надежды неистовый след,
Где имени доброму рад,
А милого облика нет?

Подобно рождению нот,
Оттуда, из царства теней,
Сюда, во смятенье широт,
Мы выйдем негаданно с ней.

И здесь, меж оград и щедрот,
В туманах и низких кострах,
Увидим, как тихо плывёт
Высокая лодка в цветах.

И тёплая вспыхнет свирель,
И флейта, как месяц, светла, –
И всё, чем мы жили досель,
Отхлынет навек от весла.

И словно во славу словам,
Сорвавшимся с губ, о любви,
Ещё на пути к островам
Желанными их назови.

Эльвира КУКЛИНА

Родилась в Нижнем Новгороде в 1966 году. Окончила филологический факультет Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. Много лет работала в школе преподавателем русского языка и литературы. В настоящее время – методист Центральной библиотечной системы Нижнего Новгорода.

Стихи публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Аврора», «Волга», «Смена», «Север», «Наш современник». Лауреат премии Нижнего Новгорода

Живет в Нижнем Новгороде.

СОВЕРШИМ ТРИДЦАТЬ ТРИ ОБОРОТА...

Памяти поэта

Пока пребываем в заботах,
Желая сейчас и всего,
Приходит несуетный кто-то –
Чуть-чуть не от мира сего.
Он прячет лицо трубадура
Привычно под маской шута.
Но зря: проступает натура –
Перо под защитой щита.
Он как-то не вяжется с бытом –
До быта ли на высоте?
В нём зреют, до времени скрыто,
Те доблести, подвиги те.
...Бугровское.
Скорбные лица.
Всего-то кусочек свинца.
Минута молчания длится –
И нет ей, и нет ей конца...

Эксперимент

Ты знаешь, друг, я выключаю свет –
Живу на ощупь, как живет незрячий.
Я представляю: зренья больше нет,
И нужно мир осваивать иначе.

…Вот муха у гитары на струне.
Она взлетела – и струна вздохнула.

В беспримесной кромешной тишине
Зевнула кошка – всласть, широкоскуло.

…С кислинкой лёгкой у металла вкус,
Солоноват – у загорелой кожи.
А леденцовый вкус янтарных бус?
Лизни и убедишься – ну легко же?

…Я обоняю этот мир. Дышу:
Ребенок пахнет земляничным летом,
Старуха – нафталином душных шуб,
А девушка – рябиновым рассветом.

…Покорная податливость снежка,
Младенческого ушка бархатистость
И тёплый флис щенячьего брюшка –
Так хочется затормошить, затискать…

Приходит ночь.
Я выключаю свет.
Я становлюсь тобою – ну легко же?
Но в глубине души я знаю:
Нет –
Не то,
Не так,
Хоть вроде и похоже.

…Раздерну шторы, распахну окно
Лучам навстречу – утренним, горячим…
Понять тому, кто видит, не дано,
Что лишь во сне ты снова будешь зрячим…

Пластинка. Романс

Совершим тридцать три оборота –
и окажемся в солнечном дне,
где далекий и близкий мне кто-то
чётко в память впечатался мне.

На обоях качаются тени
от сплетения тонких ветвей...
Прямо в солнечном где-то сплетенье
что-то ноет – больней и больней...

Пахнет домом – утраченным домом,
Что люби́м до щелинки в полу.
Пахнет чем-то щемяще знакомым,
навсегда перешедшим во мглу.

Закипает бормочущий чайник.
На клеенке – от ножика след.
И беспечно, ещё беспечально,
улыбается мальчик-сосед...

Не уйти мне от этого сплава
звуков, запахов, бликов-теней...
А пластинка вращается плавно.
Но заметно: ей стало больней.

Что-то шепчет мне в ухо, вращаясь.
Прячет слёзы, хотя и с трудом...
Вот и встретились, и распрощались,
день мой солнечный – добрый мой дом.

Строчка

Бывают стихи кружевные:
Чуть тронь – и прореха видна.
Бывают стихи неживые –
Колодец, что выпит до дна.

Бывают стихи-фейерверки –
И вспышка, и треск, и эффект.
Бывают стихи-недомерки.
Пигмеи.
Природный дефект.

Бывают.
Но встретится строчка –
Обнимешься словно с родной.
Она как сестра или дочка –
Любуешься ею одной.

Такой – не шутя заболеешь.
Мерцает в ночи бытия...
И даже немного жалеешь
О том, что она не твоя.

Ностальгическое

На чёрно-белой фотографии
простора больше для фантазии:
Вон тот цветок – почти коралловый,
а этот – цвета фиолет.
Вообрази все краски осени
в их праздничном разнообразии -
твоим догадкам (или домыслам?)
предела нет.
Предела нет.

Ты вроде видишь чёрно-белое,
но понимаешь, что иллюзия
все переходы эти серого –
совсем другие там цвета.
Там разрумяненная Азия,
нарядно-солнечная Грузия.

Не то Сарьяна ковроткачество,
не то Юона пестрота.

На черно-белой фотографии
волшебно оживают запахи.
Там звуки, канувшие в прошлое,
сливаются в нестройный хор.
Так целый мир встаёт непрошено
за строчкой дневниковой записи,
и в нем сплетаются ушедшие
и те, кто живы до сих пор.

Зачем искусственно раскрашивать,
когда давно уже раскрашено?
И пережито-передумано
так много, что и не вберешь...
За черно-белой гаммой прошлого –
навек утраченного нашего –
любовь и жизнь.
И лишь помеха им
всех фотошопов фотоложь.

Линда

Это лодка из детства. Опущены весла.
И неспешная Линда течёт безмятежно...
Прошуршали под пальцами лёгкие весны.
Нам казалось – мы выросли. Только мы те же.

Остро пахнет водой. Золотится купава.
Не стучатся в висок ни тоска, ни остуда.
И плывет твоя лодка свободно и плавно –
она знает куда, она знает откуда.

И колышет теченье русалочьи косы.
Встрепенется листва, но всё тише, всё реже...
Кто-то знает ответы на наши вопросы.
День вливается в ночь. А мы те же, мы те же.

О тишине

В твоих стихах немноголюдно –
одни предметы да пейзажи.
Чего боишься ты подспудно,
себе не сознаваясь даже?

Впусти в свой дом разгул цыганский
и гул бразильский карнавала –
и жизнь поставит балаган свой,
чтоб снова жгло и волновало...

Но нет – не впустишь никого ты.
Ты дверь закроешь на цепочку.
И только книжек переплёты
протрешь от пыли в одиночку...

А где-то пляшут до упаду –
звенят браслеты и мониста...
И ничего тебе не надо.
На сердце холодно и чисто.

Путешествие

Сесть у окна последнего вагона.
Смотреть на реки, рощи-перелески.
Стучат колеса ровно-монотонно.
Прозрачны звуки. Запахи нерезки.

Так оказалось – ты один в вагоне.
Никто тебя дыханьем не тревожит.
Никто не манит и никто не гонит.
Никто ни слез, ни радостей не множит.

А за окном – мелькают километры.
Жизнь оказалась маленькой, но емкой...
Все смыто – шрамы, затеси и меты...
Есть путь и ты – без посоха с котомкой.

Светлана ЛЕТЯГА

Родилась в 1970 году в Пензенской области. Окончила филологический факультет Елабужского государственного педагогического института. Работает учителем русского языка и литературы.

Автор книг «Стихотерапия», «После тишины», ряда публикаций в журналах и альманахах. Создала поэтический моноспектакль на основе своих стихов. Член жюри ежегодного Международного литературного конкурса «Лебеди над Челнами». Живёт в Набережных Челнах.

НИЧЕГО, ЧТО ПОД НЕБОМ – КАМНИ...

* * *

Повис над холмом и рекою беспечной,
что по дороге в рай,
кровавым закатом щедро подсвеченный
облака рваный край.

И мучает путника наважденье,
смотри туда не смотри…
На календаре от его дня рожденья –
две тысячи двадцать три.

Он ходит давно и, надеясь на лучшее,
греет рукой сердца.
Вдруг понял одно: ради этих заблудших
вновь позовёт Отца.

Их разум угас, потому и не ведают,
бедные, что творят.
Ах, только бы раз – и вернуться с победою!
Только бы всё не зря!

Не враг из толпы ни один человек ему:
правда – она проста.
Но будет его, позабытого, некому
вечером снять с креста.

* * *

Не рыком пуган и не лыком шит,
имеет и коня, и кол, и двор,
а для работы (или для души)
за поясом – сверкающий топор.

На праздники – рубаха в петухах,
горсть пряников смешливой детворе.
И в ласковых мозолистых руках
тяжёлый колос в поле на заре…

И крепок дух, пусть ноша нелегка,
но в дерзких отражается глазах
глухая, неизбывная тоска
да красный угол в тёмных образах.

Весна

Подарила сосуд из тайны –
восхищался и гладил нежно.
Но однажды разбил. Случайно,
отодвинув на край небрежно.

И рассыпалась на осколки,
и дышать перестала – нечем.
Долго так умирала… Сколько?
Разве вспомнишь? Казалось, вечно.

...Всё течёт. Всё меняет формы.
Снова – небо. Улыбки рядом.
И соскучился старый двор мой,
и коты мне безумно рады.

Солнцем брызжет весна шальная!
Пью взахлёб сумасшедший воздух.
Вдруг:
– Ну, здравствуй. А я вот, знаешь?..
– Знаю. Поздно…

* * *

Хочешь,
я расскажу о полёте?
Когда стропы стали петлёй,
те,
что были должны спасти.
Вдох – и небо обнять руками!
Ничего, что под небом – камни.
Ты хотела летать?
Лети!..

Это как кипятком – на живое
или в грудь вчера – ножевое,
а сегодня –
ходи, дыши…
И улыбка – живая маска…
А когда нужна перевязка,
то садись и пиши,
пиши!

Строки выдохнешь – и отпустит…
И заполнится светлой грустью
воспалённых ночей разлом.
И, пока тишина под кожей,
ты зависнешь опять,
быть может,
где-то между
добром и злом…

* * *

Во что-то веря, но не веруя,
сквозь миллион оттенков серого
и одиночество в сети
порою так безумно хочется
в том далеке, ещё без отчества,
себя счастливую найти.

Домой прийти смешной и маленькой,
снег принести в замёрзших валенках,
а на спине – следы снежков…
И улыбнуться, и зажмуриться,
вдохнув с дымком морозной улицы
волшебный запах пирожков.

А в горький миг, когда обиды ком,
нырнуть под одеялко-облако,
и, с головой зарывшись в нём,
уткнуться мокрыми ресницами
и рассказать ромашке ситцевой
о детском горюшке своём.

И утром, солнцем разлинованным,
что дарит нам надежды новые
и день – как с чистого листа,
проснуться от кота соседского
и замереть от счастья детского,
где жизнь прекрасна и проста.

Проза

Александр ОРЛОВ

Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 им. И. П. Павлова, Литературный институт им. А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Наш современник», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность». Автор сборников поэзии и прозы и книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси».

Лауреат всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки (2012), С.С. Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2019), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2020) и других, обладатель «Золотого Витязя», а также специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017).

Живет в Москве.

КОГДА МЕНЯ НЕ БУДЕТ

После третьего августовского Спаса Степан Антонович решил ехать в город. Силы он в себе ещё ощущал достаточно и в дорогу стал собираться заранее. Позвонил сыну, чтобы предупредить о приезде, но сын твёрдо сказал, что отца заберёт сам к Первому сентября. Степан Антонович очень хотел проводить правнуков в первый учебный день лично. Посмотреть на них, и, как полагал, в последний раз. Ощущение крадущегося жизненного исхода не покидало его. В свои девяносто с лишним он был ещё крепок и после смерти жены справлялся без посторонней помощи. Готовил, убирал, ходил в сельмаг сам, а на огородные работы всегда приезжал кто-нибудь из детей, внуков или правнуков. Одинокая жизнь всё чаще возвращала Степана Антоновича в прошлое. Ему казалось, что он ничего не забыл, что хоть сейчас может пересказать всё прожитое за почти вековое пребывание на земле. Но более других воспоминаний случай в контрационном лагере для военнопленных не давал покоя. Ему на ум приходили слова святителя Иоанна Златоуста, он словно слышал: «Крест – символ Божественного дара...» Порой казалось, что он всё ещё молод и находится там, где остаться живым каждый день считалось чудом.

Степан Антонович вспоминал, как перед сном в темноте барака осенял себя крестным знамением, и оно словно огораживало его от ужаса происходящего. После вступления в комсомол перед самой войной он стыдился, что был крещён, и переживал, что его покойный дед был в деревенской церкви старостой, хотя об этом в городе мало кто знал. После саксонских, тюрингских и колымских лагерей стыд за христианских пращуров исчез.

Жизнь он прожил честную: и работал много, и семью создал, и детей и внуков воспитал. Теперь его беспокоили иные вопросы. Ночь перед отъездом он спал мало, всё ему мерещились рычащие лагерные псы и казалось, что не пот, а долетевшие собачьи слюни покрывали то его лоб, то руки, то всё тело.

Сын приехал с утра. Двое мужчин не стали завтракать, а быстро собрались в дорогу, погрузив в машину освящённые яблоки, орехи, мёд и мешки с картошкой. Перед отъездом Степан Антонович помолился и укорил сына за незнание молитвы святителя Иоанна Златоуста перед выходом из дома. Как только они сели в машину, пошёл дождик.

– Это хорошо, что дождик нам дорогу освежил, – сказал он сыну.

– Папа, ты человек верующий и в церкви старостой послужил, а в приметы веришь, – усмехнулся сын.

– Я в Бога верю, и если нам дорогу Он очищает с помощью воды – значит, всё у нас заладится, – ответил Степан Антонович.

Так и случилось – до города они добрались быстро. И всё, что по дороге увидел Степан Антонович, казалось ему началом его прощания с земной жизнью. Он молчал всё время в пути. Ему нравилась осенняя красочность, и думалось, что до первого снега он уже не доживёт.

Перед домом они остановились у супермаркета, и Степан Антонович, который несколько лет не был в городе, из любознательности пошёл вместе с сыном за покупками.

– Точно, умирать я могу спокойно, – сказал он на выходе из супермаркета.

– Папа, дорогой, ты что это задумал?– спросил его сын.

– Говорю то, что знаю. Вот смотрю, а у вас теперь социализм или коммунизм наступил, а вы и не замечаете, – оглядываясь по сторонам, сказал Степан Антонович.

– Господи, папа, какой социализм или коммунизм? Ты с чего это взял? – развёл руками Анатолий Степанович.

– С того, что смотрю и не верю глазам своим. Сколько теперь колбасы, сыров, молока, кефира, мяса, рыбы на прилавках. Нам это и не снилось ни до войны, ни после, ни когда меченый с беспалым страну уничтожили и распродали. Сам знаешь, не маленький, голова уже вся седая, – возмутился старик.

– Ах, вот ты о чём, – вздохнул сын, – да разве этого хочется.

– Чего тебе и вам ещё надо? – возмутился Степан Антонович.

– Да мне ничего, а вот правнукам твоим ещё много что нужно будет. Они теперь совсем другие, – с горечью сказал Анатолий.

– Ваша вина в первую голову. Значит, так воспитали. Не научили довольствоваться всем, что Бог послал… Не будете ценить, что есть, детей, внуков, правнуков не научите, кара придёт, откуда не ждали, и лютая, такая, что все мои года, которые кровью своей и чужой вымазаны, сладким чаем покажутся, – этот жёсткий ответ отца застал врасплох сына.

– А ты, батя, значит, всегда и всем доволен был? – спросил он.

– Да, был. Особо когда я при росте в 185 сантиметров после Маутхаузена весил 36 килограммов. И выжил. И тебя, и твою сестру, и брата воспитал. И вот к внукам и правнукам еду. Да и что говорить, в здравом уме пока ещё и твёрдой памяти.

Разговор на этом был закончен. Встреча с женой сына, внуками и правнуками прошла быстро. Застолье долгое Степан Антонович уже не любил. Рано лёг спать. Встал ещё затемно и стал ожидать пробужденья правнуков, которых на радость ему привезли в гости.

Первого сентября названный в честь прадеда Степан собирался в школу. Степан Антонович подозвал его и сказал:

– Внучок, а давай вместе помолимся перед школой.

– Зачем, дедуль? – удивился школьник.

– Чтобы Господь сберёг, – ответил Степан Антонович. – Ты же крещёный?

– Крещёный, – ответил Стёпа.

– Вот слушай и смотри. Главное – это вера, а мы, православные, осеняем себя знаком креста. Для этого соединяем три пальца правой руки. Словно щепотку соли хотим взять. Потом не спеша прикасаемся ко лбу, груди, правому и левому плечу. Главное, не торопиться. Видишь, ничего сложного, – улыбаясь, сказал Степан Антонович.

– Знаю я дедуль, а это разве помогает? – спросил правнук.

– Ещё как! – ответил Степан Антонович.

– А как тебе это помогло? – спросил Стёпа.

– Как? Вот придёшь из школы, и расскажу. Ты в какой класс пошёл?

– В девятый, ОГЭ впереди, а что? – засмеялся Стёпа.

– Я тоже в сорок первом восьмой закончил, а потом война, – и Степан Антонович, проводив правнука, замолчал.

Стёпа вернулся из школы к обеду и, быстро разделив трапезу с бабушкой, отправился на балкон, где в одиночестве рассматривал новостройки Степан Антонович.

– Как тебе вид? – поинтересовался Стёпа.

– Представить сложно было такой размах, глазам не верю, – ответил Степан Антонович.

– Строительный бум! Этого уже не остановить. Новое время, а ты всё о Боге и молитвах, – воскликнул Стёпа.

– Так и это всё от Бога, Стёпочка, – с улыбкой сказал Степан Антонович.

– Ты обещал рассказать о том, как тебя спасло крестное знамение, ты же его так называешь? – сказал Стёпа.

– А, ну да, обещал. Раз обещал, то расскажу про Саксонию, – протянул Степан Антонович.

– Ты был в Германии? – удивился Стёпа, для которого Саксония ассоциировалась с футбольным клубом «Лейпциг» и футбольной империей «Ред Булл».

– Да, в штрафном лагере Хартманнсдорф. Он как раз в Саксонии располагался. Туда после побега попал. В него в какой одежде поступил – её снимают, а тебе выдают лагерную, а ботинки у меня были свои и ещё достаточно годные, а потом их ночью украли. Я товарищу своему по комнате Остапу говорю: «Ты знаешь, вот хорошие ботинки стоят, я их себе возьму, у меня взяли, так и я теперь имею право.» Я так и не мог понять, кто это сделал, а потом, что греха таить, решил, что раз у меня украли, то и я украду. Как не вспомнить восьмую заповедь закона Божия: «Не воруй!» Но думалось мне, что в моих обстоятельствах грех оправдан будет, и я перекрестился и притаился. Ждал, ждал, пока все уснут, и сам от работы тяжёлой во сне и утонул.

Утром подъём, а ботинок, которые я приглядел, нет, а хозяин их пошёл и пожаловался эсэсовцам. Сказал, что, мол, его шухе (это ботинки по-немецки) украли. Ну, а этим только этого и надо: выстроили всю нашу дас циммер, это комнату значит, и офицер спрашивает на немецком: «Вер?» Это значит кто по-нашему.

Все, кто в строю стоят, молчат, а он знай своё и давай каждую минуту, как попугай, спрашивать: « Вер? Вер? Вер?»

Тогда нас погнали по лагерному кругу вприпрыжку, а он километр, и кто падал – спускали собак, а собаки были ещё не кормлены. Нам-то лагерным тяжело, мы и так измождённые все, я как-то допрыгал, а некоторых собаки загрызли. Потом второй круг мы бежали с мешками, в которые друг другу до верха наложили камней. Осталось нас и того меньше.

Выстроили нас в строи и опять офицер своё заладил: «Вер? Вер? Вер?»

Все молчат, и офицер говорит: «Драй таг оне эссен унд вассер!» Это значит – три дня без еды и воды.

Товарищ мой Остап и говорит мне: «Может, ты, Стёпа, может, ты? Сознайся. Сдохнем ведь не за что».

– Да не я, ты что? – говорю ему. Но поляк с нами был Анджей, он услышал наш разговор и офицеру при всех говорит: «Герр офицер, дас ист эр», то есть – «это он» по-нашему, и пальцем показывает на меня.

Ну, тут и началось.

– Хаст ду эст генеммен? – спрашивает меня. Я понимаю, что он мне говорит и в ответ:

– Нихт ихь, то есть не я.

Он мне как врезал справа и опять меня спрашивает, я или нет, а я на своём стою. Не брал, и точка. Бил он меня усердно, и руки его в перчатках все в крови моей были, но я не сознавался, вину чужую на себя брать не захотел. И унтерштурмфюрер наш так рассвирепел, что вспотел, пока меня отоваривал. Но я уже молчал, а потом он скомандовал, и несколько человек стали меня уму-разуму учить, да так, что я на всю жизнь запомнил, что такое помыслы о краже. Били меня долго и сильно, положив на скамью, и удары я считал, думал, что до последнего не дотяну. У них были такие резиновые трубки, а внутри этих трубок были металлические прутья и ручка такая приделана удобная, зараза. Так, чтобы охаживать было в удовольствие. Двадцать пять ударов я помню, но мог и сбиться. Всё как в тумане было, и в крови я был с головы до ног. Ну, сбросили меня со скамьи, и офицер наш выхватил из кобуры пистолет и, перезарядив, направил мне в лицо. Тут я и перекрестился напоследок. Как бы себя крестом оградил, а на кресте сам Спаситель. Он меня и спас!

Он мне опять: «Нахм?» То есть брал?

Я говорю: «Нет! Не брал я ничего».

Он вдруг прищурил глаза, внимательно посмотрел на меня, похлопал меня по плечу и приказал всех гнать на работу, а меня на кухню и накормить. Дали мне день отдыха после всего этого.

Стёпа смотрел внимательно на прадеда и не мог себе представить, что война, которая была так давно и казалось далёкой, жила рядом с ним. Его прадед – один из последних, кто выжил и победил.

– Так вот меня крестное знамение и спасло от гибели. Ведь всё непросто в нашей жизни. Три пальца у каждого из нас выражают нашу веру в Отца, Сына и Святого Духа. Нашу единосущную и неразделимую Троицу, а два прижатых к ладони означают две природы нашего Спасителя – и Божественную, и человеческую. Такая вот сила у каждого в пятерне. Такая защита и у меня и тебя. В древности жил святой Ефрем Сирин, и он говорил: «Вместо щита ограждай себя Крестом…»

Помни об этом, когда меня не будет – совершишь крёстное знамения и меня помянешь.

Елена ГОФМАН

Родилась в 1970 году. Окончила Ленинградский государственный институт культуры (библиотечный факультет, художественная литература), живет в Ленинградской области. Инструктор по ЛФК и йогатерапии, экскурсовод по Карельскому перешейку и Северному Приладожью.

Стихи и проза публиковались в журнале «Российский колокол», коллективных сборниках. Работает над сборником рассказов «Четки» об островах Ладоги .

ДЕВОЧЕК БИТЬ НЕЛЬЗЯ

С благодарностью
Вадиму Валерьевичу Базыкину

– Найти стадо большого труда не стоит... На пятидесяти метрах сделаешь над ними круг, чтобы стадо сгруппировалось... и дальше снижайся и лети вровень с вожаком... – объяснял бородатый охотник командиру, направляясь к вертолёту. – Сможешь?

– Смогу.

– Стартуем?

– Да, хорошо, только схожу за планом полёта и стартанём, – ответил командир и почти бегом вернулся к охотничьей избушке.

– Командир у вас молодой слишком, совсем зелёный, только глаза голубые... Справится? – повернулся стрелок к бортмеханику, невысокому лысому мужичку в помятом пиджаке.

– А то! – уверенно заявил тот. – Охотником он никогда не был, но вертолетчик отличный: пилот по призванию, как говорят, от того, как его, кто выше вертолётов обитает.

– От Бога? А не скажешь по виду! Несолидный какой-то! Да и взгляд у него как у оленёнка на вольном выпасе, наивный, что ли...

– Да нормальный парень. Любит, конечно, почудачить. Вчера над Баренцевым летели, встретили целое стадо нерп у островов. Так он за ними погнался. Нерпы, как услышали грохот нашего Карлсона, сразу кто куда, и нырь под воду.

– Карлсона? Вертолёта, что ли? – стрелок едва усмехнулся в бороду.

– А то! Командир завис над водой и ждёт, когда вынырнут усатые мордочки, а сам смеётся, смеётся. Нерпы только появились, а он над ними прогромыхал, почти воды касаясь. Те опять в рассыпную, а он хохочет...

– Пацан ещё!

– А на обратном пути над сопкой завис, в трёх метрах от земли буквально, – продолжал бортмеханик.

– Зачем?

– Да ягель с красным лишайником фотографировал на полароид. «Осень, – говорит, – красота!» Жене типа фотооткрытку с Кольского хотел отправить с журналисткой. Она завтра отчаливает на Большую землю.

– Везёт бабе! Побыла две недели и в цивилизацию...

– А то!

– А тут сидишь по полгода на сопках... Одни стада оленьи...

– Здесь оленьи, там человечьи! Не всё ли равно?

– И правда, – холодно усмехнулся стрелок, – здесь я вершитель судеб оленьих, а там, на Большой земле, кто? Один из поголовья? Пушистый рогатик? У вас там, говорят, беспредел бандитский в столицах?

– Добивают бывший Союз, как кита раненного, – вздохнул бортмеханик. – Рвут на части: кому ус, кому жира кусок...

– Да, выбор невелик: либо ты хищник, либо жертва...

– Идут наконец-то!

Командир шёл со вторым пилотом, высоким черноволосым мужчиной. Вчетвером они забрались внутрь вертолёта и заняли свои привычные места. Стрелок сел на откидное сиденье слева от двери спиной к командиру и пристегнулся.

– Смотрите, облака на пирожки похожи, – заулыбался командир, включая тумблеры.

– А то! С капустой? Будет чем закусить после удачной охоты... – бортмеханик весело подмигнул второму пилоту, и оба заржали. Стрелок усмехнулся и покачал головой. Командир засмеялся натужней и громче своих насмешников. По возрасту он был младше своих подчинённых и, допустив лирическую оплошность, старался гасить её мужицким гоготом, чтобы не показаться слабаком-романтиком.

– Когда стадо в сторону фермы поведёшь, не торопись, – не переставал наставлять охотник. – Поголовье – оно и в Африке поголовье. От страха бежит, куда погонишь: хоть в светлое будущее, хоть на убой. Олени не волки.

– А волки разве не боятся грохота вертолёта? – спросил второй пилот.

– Боятся, конечно. Только они соображают лучше... Понимают, что уходить надо под вертолёт, чтобы выстрел их не настиг. И боятся, и бегут, и прячутся одновременно.

– Не знал, – задумчиво произнёс черноволосый пилот.

Лопасти вертолёта пришли в движение, вращаясь сначала тяжело и медленно, потом всё быстрее и быстрее. Выполняя привычные действия по запуску, командир подумал о том, что Артика походила на красивую незнакомку, с которой очень хотелось оказаться на короткой ноге, но почему-то не получалось найти нужный тон, ключик к общению с ней. Привычные жесты и фразы не помогали, даже наоборот, мешали, казались казёнными. С такой женщиной, как Арктика, чувствуешь себя тундрой, простачком, впадаешь в смущение и не знаешь, как себя вести. Она удивляла сразу и надолго, и ощущение нервной дрожи, необычной взбудораженности не покидало его ни на минуту.

Командир был на Кольской земле впервые, но уже понял, что в природе этих мест сочетается несочетаемое, именно здесь крайности сведены к общему знаменателю. В Карелии, Питере, даже в Архангельске туман не совместим с сильным дождём и ветром. Ветер растаскивает его, рвёт на части, в клочья. Сильный дождь сметает саму суть тумана, включая его в свои струйные ряды и таким образом вычёркивая

его зыбкое существование. Да, так везде, но не в Арктике! Здесь туман выдерживает напор своих природных конкурентов. Он стелется по сопкам, не выветриваясь и не сливаясь с дождём. И только солнце способно пробить его серое дно. Несмотря на сентябрьскую прохладность, оно жглось и кололось лучами, словно просверливало в тумане прорехи и дыры. Соединяясь с теплом земли, солнце изводило туман, тащило его наверх, ближе к облакам, но даже оно не могло поднять мутную завесу высоко. Поэтому летать здесь приходилось всегда на очень малых высотах.

Командира поразила осенняя яркость холодной красавицы Арктики. Предчувствуя скорые морозы, солнце спешно выжигало на кольской земле немыслимое богатство буйных красок, пытаясь спрятать свой жар в красных, жёлтых и оранжевых листьях. Они пылали на фоне многочисленных голубых озер лихорадочным блеском, ведь теплое время на Севере так скоротечно. Надо истратить свой пыл до холодов, отдать его небесам для того, чтобы, заснув, всю зиму сновидеть северное сияние.

Найти стадо действительно большого труда не составило. С высоты трёхсот метров олени казались маленькими жучками. Одни были с рожками, другие без. Одни побольше, другие поменьше, но попадались и совсем крошечные особи. Вспоминая указания стрелка, командир опустил вертолёт до пятидесяти метров, и стадо крохотных жучков приобрело реалистичные очертания северных рогачей. Он сделал над ними круг, заставляя сгруппироваться. Главное, отжать стадо от мелколесья, чтобы при посадке, когда придёт время забирать добычу, не повредить хвостовой винт вертолёта. Пугаясь шума, олени пришли в движение, вливаясь в единый живой поток, во главе которого встал вожак-красавец с мощной грудью и красной повязкой на могучей шее. Казалось, в его развесистых рогах могли жить и вить гнезда райские птицы. Вожак побежал, да так величаво, что, наверное, ни один птенец не смог бы выпасть из его ветвистого укрытия.

Бородатый стрелок сомневался, что командир не подведёт. Вожака надо быстро нейтрализовать, тогда стадо потеряет единство и побежит туда, куда погонит его механический предводитель, то есть на ферму. Стрелок через бортмеханика напомнил командиру, чтобы тот снижался. Грудастый вертолёт опустился на пять метров от земли и стал наезжать на красавца-вожака открытой дверью, отчего тот помчался вперед. Охотник умел разжигать костёр с одной спички, забивать кабана единственным ударом в сердце и убивать оленя первым выстрелом. Поражённый таким образом зверь не пугался и не выделял адреналин, который портил вкус мяса мочевиной. Командир же, напротив, никогда не был охотником, но был хорошим вертолётчиком. Он знал, что должен уравнять скорость вертолёта с оленьей, и тогда у стрелка всё получится. Командир уравнял, и всё получилось...

Когда вожак упал от первого выстрела в упор, командир отвёл глаза, чтобы не смотреть на ветвистое создание с белой спиной и тёмными копытами. Он твердил себе, что всего лишь водитель, просто водитель. Да, вертолёт – необычная машина, но такое же транспортное средство, как грузовик или товарняк. А что может водитель? Он – профессионал и должен вести вертолёт туда, куда ему прикажут. Загнав стадо на ферму, на обратном пути они заберут оленя, и уже завтра будут закусывать дешёвый коньяк жёсткой, но сочной олениной. Иначе в этих местах не выжить. Да и нигде не выжить...

Потеряв вожака, стадо остановилось и закрутилось на месте. Олени искали хоть какие-то спасительные кусты. Они не кидались врассыпную, но распадались на отдельные ручейки бегущих друг за другом животных, создавая быстро меняющиеся узоры. Всё, что могло сохранить им жизнь, было с правой стороны вертолёта. Там начиналась лесотундра и можно было укрыться среди деревьев, ведь вертолёту всегда сложно маневрировать над лесом. Это понимали и стрелок, и командир, это понимали и олени, но страх перед громом двигателей и бурей из-под винтов не давал им совершить чудо.

Вдруг грациозная важенка с белыми пятнами на шоколадной шкурке, легко отталкиваясь копытцами от земли, помчалась вперёд, выводя из ступора всё стадное поголовье. Да, эта была самочка: ни рожек, ни даже бугров, откуда обычно они вылезают! Юная самочка, Господи, самочка, как же так? Отводя ушки слегка назад, она побежала удивительно ровно, не оглядываясь на вертолёт. Олени-самцы с увесистыми рогами один за другим последовали за ней. Самки, выходя из состояния паники из-за убийства красавца-вожака, набирали скорость и на бегу подгоняли криками своих телят. То же самое стадное чувство, которое заставляло кидаться врассыпную, бояться смерти и бежать на ферму на убой, то же самое чувство заставило сейчас оленей последовать за тонкой и хрупкой важенкой, которая на глазах у изумлённого экипажа становилась новым вожаком.

Она дождалась, когда остальные олени приняли её скорость, когда ручейки их разрозненного движения соединились в единый поток, и начала поворачивать, чтобы обойти каменистую гряду. Она двигалась к той стороне вертолёта, где прямо над ней, в пяти метрах выше, сидел стрелок у открытой двери. Пристёгнутый к креслу, он крепко уперся ногами в шпангоуты и, прижимая приклад к плечу, медлил лишь для того, чтобы выстрел его стал, как всегда, точным и единственным.

– Не стреляй! – неожиданно для себя закричал командир, но стрелок продолжал целиться. – Не стреляй! Девочек нельзя бить!

Голос тонул в гуле мотора. Командир не мог оторваться от управления, а стрелок не хотел ничего слышать и не мог оторваться от прицела. Секунды, казалось, бежали вместе со стадом внизу, секунды летели вместе с вертолётом сверху, секунды неслись над скудной северной землей быстрее ветра, словно хотели догнать и никак не могли достигнуть этой вечной точки отсчёта. И только внутри кабины секунды залипли, зависли, упали во вневременной провал, засели пулей внутри ствола, решая в очередной раз: жить или умереть.

Самочка споткнулась... И одновременно руки стрелка начали терять хватку, а руки командира подчинили рычаг управления своей воле. Подушечка указательного пальца бородатого стрелка медленно отодвигалась от спускового крючка, а руки командира со вспотевшими ладонями расслабились максимально для того, чтобы кисть его стала естественным продолжением ручки управления и направила послушный вертолёт максимально точно – так, чтобы самочка ушла от выстрела. Кровь стучала в висках у обоих: «Девочек... бить... нельзя!» Одновременно стрелок медленно опустил ружьё, а командир повернул вертолёт до предела, чтобы уберечь её.

Обрывки мыслей, как газетные заголовки, мелькали в голове бородача. Главным убийцей он себя не считал. Ареал обитания оленей в первую очередь уничтожила железная дорога. Волки теперь почти не приходят, и люди теперь «то люди, то волки», вынуждены следить сами

за численностью оленей: то кормить их, выпуская на вольные хлеба, делать прививки, следить за молодняком и помечать вожаков красными тряпичными ошейниками; то загонять стада опять на фермы – одних на убой, других на зимовку. Ведь оленину ест вся Мурманская область. Вот и думай, убийца ты или кормилец... Бородач отстегнул ремень, поднялся и растворился в собственном одиночестве пустого салона.

Командир был в восторге. Арктика всё-таки приоткрыла ему свое личико, представившись не красивой незнакомкой, а пятнистой юной самочкой. Девочка ушла под вертолёт и стала держаться в его тени.

– Она обманывает меня, – засмеялся он и кивнул своим подчинённым. Слова по-прежнему тонули в гуле вертолёта, но экипаж не мог не делиться впечатлениями.

– На такое способны только волки: бежать от вертолёта и прятаться в его тени одновременно... – удивился второй пилот, вспоминая слова стрелка.

– Красава! – воскликнул бортмеханик.

Девочка появилась снова и, перепрыгивая через камни, помчалась в лесотундру. Вертолёт последовал за ней, не продолжая, а имитируя охоту. Она поняла, что железный хищник неотступен и проявляет интерес только к ней. Почувствовав, что олени в некоторой безопасности, она отбежала от стада метров на сто и стала уводить вертолёт.

Весь экипаж любовался пятнистой спинкой. Несмотря на грохот, вертолёт послушно двигался за ней, словно воздушный слоник на веревочке, словно Карлсон за Малышом. Она нашла кудрявый кустарник, спряталась в его зарослях и стала следить за движениями ревущего «Громозеки». Потом несмело начала перемещаться, сохраняя дистанцию между вертолётом и собой. Прогромыхав несколько оборотов вокруг кустарника, он поднялся на высоту пятидесяти метров и завис без перемещений. Девочка поставила передние копытца на первый попавшийся ствол и прижалась к нему, думая, что «Громозека» её не увидит.

– Всё! Довольно! Хватить пугать Пятнашку! – скомандовал сам себе командир. Стадо тем временем быстро и организованно растворилось в лесотундре. Солнце пробилось сквозь туман и облака. Командир поднял вертолёт на высоту пятисот метров, чтобы посмотреть на счастливое окончание этой истории. Девочка догнала стадо, встала во главе, и олени ушли...

У ЛОШАДИ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КРОВЬ*

– Когда же поедет маршрутка? Сорок минут уже ждем! Можно ведь и без трёх человек поехать! Духота-то какая!

– Да хорошо ведь, что жарко... Последний день отпуска... Жар, как известно, костей не ломит.

– Вот ты всегда так: я тебе «а», а ты мне «б»...

– Ну, не сердись. Послушай, что я тут вычитал. Один известный современный историк-философ, Харари его зовут, предположил, что не мы, люди, «одомашнили пшеницу, а пшеница одомашнила нас»... Эта цитата!

– Господи, мне бы твои проблемы!

– Нет, ты послушай, мысль-то действительно интересная. Пшеница эволюционирует за наш счёт. Десять тысяч лет назад она была одним из многих злаков и росла только на Ближнем Востоке. А сейчас захватила весь мир... Миллионы квадратных километров! Ха... И сделала из людей своих рабов. Мы, как пчелы, вынуждены кружить над пшеницей, холить ее и лелеять, мы даже расстались со свободной жизнью охотников. И все по милости этой коварной королевы злаков!

– Слушай, король новоявленных теорий, сил моих больше нет! Ты что, на солнце перегрелся?! Сходи лучше, найди другую попутку или такси. Ну, сделай хоть что-нибудь, поохоться за железным конем, а то я завяну здесь от жары, слушая про твою пшеницу.

– Иду, иду, но вот какая идея посетила меня... По аналогии можно предположить, что бессмысленные железяки вроде современных технологий развиваются не нами, а сами по себе, за счёт нас, за счёт человеческого ресурса.

– Иди уже!

Подтянутый интеллигентный подкаблучник встал, вручил жене книжку и, несмотря на возраст «слегка за шестьдесят», мягкой походкой направился к шоссе. Он вернулся буквально через пару минут, схватил чемодан и дорожный рюкзак и сообщил жене радостную весть:

– Нашел попутную машину. Едет к границе. Маршрутка стоит четыреста, а он предложил по пятьсот. С нами еще две женщины. И машина хорошая.

– Неужели?!

Автомобиль действительно оказался достойным: красавец-японец цвета мокко с просторным салоном на шесть персон. Две полные тётеньки уже заняли задние места. Водитель, крепкий плечистый абхазец в белой куртке (и не жарко же ему, промелькнула мысль у супруги) открыл багажник левой рукой, ею же подхватил чемодан и ею же ловко установил его на полку. Женщина вдруг поняла, что у водителя, который больше двух часов должен вести машину к приграничному городу,

* Абхазская народная пословица.

только одна рука. Пустой правый рукав беспомощно топорщился, пока абхазец укладывал вещи.

– Так вот почему пятьсот рублей... – прошептала мужу с укоризной супруга. – Как он поведет машину?

– Не бэзпокойтесь! – у абхазца были большие мясистые уши и отличный слух. – Все нормально. Машина праворульная, а я... я... с четырех лет за рулем. Отец был водителем автобуса. Я и родился в автобусе, не успэл отец до больницы маму довезти!

Абхазец улыбнулся и широкой ладонью единственной руки стал растирать левое ухо, затем крепкую шею слева и, наконец, левый висок крупной для его роста головы.

– Садитесь, поедем уже!

Подкаблучник знал: когда настроение у жены портится с утра, то это на весь день, раздражение будет нарастать, как непогода с моря. Усевшись в удобное кожаное кресло, он погрузился в чтение увлекательных теорий, чтобы лишний раз не нарываться на волны супружеского негодования. Недоверчивым взглядом женщина следила за движениями водителя, за тем, как он стартанул буквально с места в галоп и быстро влился в поток безумно снующих автомобилей.

Жена была значительно моложе, практичней, напористей мужа. Её светлая внешность – белый сарафан и копна кучерявых обесцвеченных волос – контрастировала с нелегким взглядом темно коричневых глаз. Наплевательское отношение мужчины к собственной безопасности припечатало её к креслу жестче, чем ремень безопасности. Черт с ним, с её дорогим супругом, но ведь и она вынуждена терпеть последствия его попустительского равнодушия ко всему на свете. Он знает все новоявленные теории развития человечества, но не видит ничего вокруг себя. Не видит и не хочет видеть. Как можно было довериться неполноценному водителю? Скорее всего её любимый муженек ничего не заметил, как обычно.

– Пристёгиваться нэобязательно! – абхазец словно издевался над ней. Женщина поняла, что её реакции хорошо видны в центральное водительское зеркало и была вынуждена перевести взгляд в окно. Мелькали пальмы вдоль шоссе, прикрывая широкими раскидистыми ветвями многочисленные заброшки города. Некоторые из разрушенных зданий обросли дикой ежевикой и другими вьюнами. Такие дома казались картинками из древней Индии, забытыми людьми и богом городками в джунглях, являя собой следы былых баталий, свидетельствами чьих-то побед и поражений. Вперемешку с ними сияли роскошные особняки новых отелей, ухоженные скверы и фонтаны. Сухум оставался позади таким же нецелым, как водитель. Часть города, словно пустой рукав в белой куртке, был заполнен болезненной пустотой, которая не давала забыть о трагичных военных событиях, произошедших здесь в девяностые. Уже выросло новое поколение свободных абхазцев, но разрушенные дома стояли немым укором и напоминанием о той войне.

Резко зазвонил телефон слева от водителя. Абхазец снизил скорость, приподнял оба колена вверх, и, придерживая ими руль, взял единственной рукой мобильник. Дорога петляла вдоль моря, то взбиралась вверх на скальные выступы, то опускалась вниз, спотыкалась как пьяная о мостики небольших речушек, затем, трезвея, шла ровно какое-то время и снова начинала чудить.

Супруга была в шоке. Водитель включил громкую связь и положил телефон на бедра. Детский звонкий голос заполнил салон: «Дядя Ко-

ции, дядя Коции!» Крупные губы абхазца задрожали, и он, смягчая грубость мужского тембра, стал отвечать малышу. Абхазец напоминал волка, который перековал свой голос, но в отличии от сказочного персонажа, сделал это сам, добровольно и искренне. Он по-ребячески лопотал, но, увидев в зеркало, что даже интеллигент невольно оторвался от книжки, отключил громкую связь, взял телефон единственной рукой и поехал слегка неровной походкой, управляя железным японским конем только коленями, широкими и цепкими. «Не вождение, а джигитовка за рулем»,– подумал подкаблучник.

Он инстинктивно прикрыл ладонью лицо со стороны жены, ожидая, что сейчас её море выйдет из берегов и захлестнёт весь салон с головой. Но этого не произошло! Супруга поменяла водную суть на скальную, мраморной породы, и сидела, не шелохнувшись, как свой собственный посмертный памятник. Наговорившись с ребенком, дядя Коции положил телефон на место, расслабил колени и, слегка придерживая руль двумя пальцами единственной руки, добродушно обратился к пассажирам:

– По дороге ещё попутчиков возьмём. Два места ещё есть...

– А может, без попутчиков обойдемся? – одна из женщин подала голос с галерки с нотками надежды...

– Э-э-э, как это?! Мне два часа туда ехать, два обратно. Бэнзин должен заправить, а бэнзин дорогой. Я что, за четыре тысячи должен полдня ездить?

– Но вы же сказали, что нам по пути с вами? Мы ваши попутчики...

– Конечно, попутчики! А кто же вы? Мы в одной машине сидим. Вместе едем!

– Но почему четыре тысячи? Вы же сказали по пятьсот?

– Сказал, конечно, по пятьсот. Сказал, маршрутка по четыреста рублей, а я по пятьсот... сверху... сверху. Цена маршрутки плюс мои пятьсот. Вот и получается почти четыре тысячи. По девятьсот рублей с каждого. Но, если вы не хотите попутчиков, еще по четыреста доплатите и поедете одни на всю машину...

– Ну и ну! А мы по-другому поняли. Ну, вы и плут, дядя Коции, – рассмеялись женщины с галерки.

– Какой плут! Посмотри, какая машина, какой бэнзин дорогой! Посмотри, как едем хорошо, как по маслу... А то тряслись бы в маршрутке, как барабульки в бочке...

– Ну да, у вас же жена, дети, всех нужно кормить. Внукам нужно подарки покупать! – не удержалась одна из женщин.

– Нэт у меня ни жены, ни детей, ни внуков нэт! Только племянники, о них пекусь, – оборвал разговор Коции. И закурил...

Супруга упорно молчала, демонстрируя мужу повышенную окаменелость. Пускай все несчастья мира случатся с ней по дороге к границе! Водитель не только обвел их вокруг пальца одной левой руки, но ещё и издевается, придерживая руль коленями. Однако она понимала, что кожаный салон гораздо приятнее тесной утробы маршрутки. И ветерок из приоткрытых окон, только слегка испорченный сигаретным дымом, обдувал темные думы, которые залегали магмой внутри вулканических пород её характера и не торопились выходить наружу. «И правильно...» – облегченно думал муж, наблюдая, как дорогая супружница стоически переносит водительские манипуляции с рулём. Периодически работая коленями, дядя Коции пил воду, отправлял голосовые сообщения друзьям и родственникам, отвечал на звонки и курил каждые пятнадцать минут.

Он много раз останавливался у обочины и предлагал людям подвезти их до границы за те же ритуальные пятьсот рублей. Но, видя его пустой рукав, никто не соглашался. Проезжая поворот на озеро Риц, Коции резко затормозил и встал как вкопанный возле седого худощавого абхазца.

– Зачем вышел? Зачем двери мне открываешь? Я ещё не совсем старый, сам могу... – укорял старик водителя, усаживаясь на переднее сиденье.

– Э-э-э, я хоть и помоложе вас, многоуважаемый, но знаю обычаи предков. Знаю, как старики провожали гостей в путь... «Пусть Бог даст мне случай поддержать другу стремя!» – говорили они. Так что садись, дорогой гость. Мой японец всё равно что конь, а дверца словно стремя.

– Спасибо, друг, спасибо! Тебя как зовут?

– Коции.

– Меня дядя Георг. На войне руку потерял, Коции?

– Да, – тихо ответил водитель.

Они долго говорили по-абхазки, но иногда переходили на русский, и было понятно, что война и лошади – самые важные темы для любого мужчины маленькой горной страны. Войну они обсуждали по-абхазски, а коней – по-русски.

– Вот, был у заводчиков, лошадей смотрел. К скачкам внука готовлю... Со всего Кавказа джигиты приедут... – делился старый абхазец.

– Самые лучшие наездники – абхазцы! – вторил ему Коции.

– Да, однозначно! Вспомни абхазскую сотню, Дикую дивизию. Мой дед в японскую в ней воевал. От самого царя крест получил. – Дядя Георг посматривал в зеркало на пассажиров, желая донести до них свою гордую правду. – Он на коне и погиб, вместе с ним ушел на небеса.

– Эта большая честь для мужчины – уйти вместе со своим конем, – поддержал мысль Коции.

– Вспомни джигита Сасрыкву и его коня. Конь родился вместе со своим хозяином. А когда любимый конь умер, и сам хозяин отправился на небеса. Так и мой дед, светлая ему память. Он никогда не обижал своего коня. Он мог любого убить, кто только нагайкой обидел бы его коня. Да и как можно обижать своего кормильца? Кто ты, если убил свою лошадь и повесил седло? Ты разве мужчина тогда?

– Но лошадьми сейчас молодежь не очень увлекается... Если только железными... – Коции проводил взглядом обгоняющую их автомашину. Она обошла японца в неположенном месте и просвистела с ревом между ним и встречной. Стремительно подрезав Коции, нарушительница за считанные секунды исчезла впереди за поворотом.

– Да, молодые джигиты любят теперь неживых железных коней. Да, Коции, такие времена нынче, такие кони...

Дядя Георг задумался. Коции погрузился в молчаливое вождение. Машина легко и плавно входила в крутые повороты, петляла вместе с дорогой, чувствуя единственную, но сильную руку водителя. Она устремлялась вперед, оставляя позади череду эвкалиптов, красавцев-великанов, прочно стоящих на земле. Лишенные возможности передвигаться, они опускали тяжелые ветви к дороге, словно глазели с любопытством на юркие авто, снующие, как жуки-скакуны по специальной дорожке странного забега. При въезде в небольшой населенный пункт, дядя Георг вышел из задумчивости:

– Скоро мне выходить, Коции. У магазина меня высади, дорогой.

Вдруг послышались сирены патрульных машин, затем и сами автомобили промчались мимо. Дорога бежала вверх, и сначала показался дым, густой и черный, затем раздался скрежет колес о дорожный асфальт, и Коции изо всех сил стал выжимать тормозную педаль. Он остановился у обочины в метрах ста от дымовой завесы и выскочил из машины. Дядя Георг замешкался с ручкой японца, и Коции вновь открыл дверцу старику. Они поспешили к месту аварии.

Подкаблучник вопросительно посмотрел на жену. Она раздраженно объявила, что хочет выйти. Супруги выскочили из машины и, посоветовав женщинам с галерки оставаться внутри, поспешили вперед. Подходя к месту происшествия, мужчина достал телефон, но снимать видео не решился, потому что никто этого не делал.

Три машины, недавно столкнувшиеся, перегородили дорогу. Две из них перевернулись, а третья горела, но несколько мужчин умело гасили пламя из огнетушителей. Чистое абхазское небо заволокло густым дымом. Оно походило на голубой капот машины, заваленный грязными тряпками автомеханика. Местные выбегали из дворов, махая руками. Погибших не было. Раненых оказалось пятеро. Их достали из искореженных машин. Одних усаживали, других укладывали на пледы у обочины подальше от пожара. Женщин среди них не было. И, похоже, обошлось без серьезных травм. Две местные старушки в цветастых длинных платьях хлопотали вокруг пострадавших. Скорая ещё не подъехала. С воем спешила пожарка, но горевший автомобиль уже почти потушили. Кто-то нес воду, кто-то предлагал бинты и аптечку. Мужчины суетились, перекрикивая друг друга на ходу. Только один из милиционеров сохранял спокойствие и опрашивал пешеходов, случайных свидетелей дорожной аварии.

Наблюдая за происшедшим, подкаблучник потерял из виду супругу и стал искать её глазами. Женщина стояла у края дороги со странной неподвижностью. Муженёк понял, что вновь пропустил что-то важное, опустил глаза и увидел: на земле в агонии задыхалась лошадь.

Она лежала на боку и хрипела. Ей было не поднять даже голову. Судорожные движения стройных литых ног то прекращались, то начинались вновь. Теряя силы, лошадь вяло била копытами, словно не понимала: как же так, ведь ноги её всегда были такими сильными, вставать всегда было легко раньше, что же не так сейчас?

Даже в таком состоянии было видно, какая красавица попала в аварию: редкий изабелловый окрас вызывал восхищение. Спину накрыли тонкими бежевыми пледами, и кровь, вытекающая из основания шеи, на светлой блестящей шерсти казалась ещё ярче. Рана делала хрипы тихими и совсем беспомощными. Когда сгустки крови вместе с пеной выходили изо рта, зрачок её закатывался под верхнее веко. Каждый хрип давался ей с невероятным усилием. Иногда лошадь затихала на несколько секунд, и взгляд выравнивался. Её глаз словно жил своей отдельной жизнью, короткой и очень важной: неподвижно, доверчиво, со странным удивлением смотрел он на небо, которое уже начинало освобождать свою лазурную ясность от грязного налета дыма.

– Они убили мою красавицу, мою Тауму! – Дядя Георг стоял на коленях, обнимая голову любимой питомицы и не отрывал взгляд от жилки на её раненной шеи, которая бешено и неравномерно колотилась. Старик мешал абхазские и русские слова, то повышал голос, то говорил совсем тихо. И все, кто находился рядом, опускали глаза в землю... Подошёл мужчина, видимо сосед, и, обращаясь ко всем сразу и никому

в отдельности, тихим надтреснутым голосом рассказал о том, как случилась трагедия:

– Внук дяди Георга вел Тауму домой... Да он почти пришел... Их дом совсем недалеко отсюда... По обочине шёл... когда эти выскочили, оголтелые коршуны, обгоняя друг друга. Неслись как безумные... Я в огороде был, поэтому видел... Серый «ниссан» занесло вправо, прямо на Тауму. Внук отскочил, он от дороги дальше был... Да и Таума метнулась, но не успела.. Уже четвертая лошадь за неделю... Сами гибнут, и никого не щадят. Три дня назад сбили двух коней, насмерть сбили. И уехали, сбежали, даже коней с дороги не убрали. Скрылись, как предатели...

Коции решительным шагом приблизился к умирающей лошади и её хозяину, сжимая в единственной руке увесистое буковое полено:

– Прощайся, дядя Георг, прощайся, дорогой... Не стоит больше лошадь твою мучить. – колени Коции заметно задрожали... – Прости, меня, дядя Георг!

– За что? – Старик поднял глаза.

– Обманул я тебя... Не на войне я руку потерял, не на войне... С невестой ехал к друзьям, летел как сумасшедший... – после аварии остался без руки... и без невесты...

– Бог тебя простит, Коции! – прошептал старик и уронил голову на плечи.

Мужчины подняли дядю Георга и под руки повели домой. Коции склонился над лошадью. Оставшись без хозяина, Таума захрипела еще сильнее и в последний раз забила копытами... Супруга инстинктивно отвернулась... и услышала глухой удар, после которого хрипы прекратились.

Выдерживая паузу, подкаблучник отвёл жену в сторону. Но уже через пять минут, прерывая её глубокое оторопелое молчание, начал быстро говорить, захлебываясь рассуждениями:

– Понимаешь, ведь философ прав... Нам только кажется, что эволюция касается всего живого. Предметы, вещи, машины тоже подпадают под её законы... – глаза интеллектуала загорались болезненным блеском по мере того, как он развивал свою мысль. – Селекция происходит не только между живым и живым, но и между живым и неживым. Сегодняшняя катастрофа – яркий тому пример! – оживление в голосе нарастало. – Здесь столкнулись два подвида коней – природных, тварных богом, и железных, тварных человеком. Да, страдают и те и другие. Но ведь не трудно предположить, кто победит. Ведь победят железные японцы. Ведь техника руками человека и так заполонила всю землю. И все живое постепенно отмирает, становится экзотикой. Живое либо в стойле, либо нигде. Но как жить живому в среде неестественной конкуренции, где техника быстрее скачет, дальше видит, точнее бьёт? Вот она и плодится с бешеной скоростью, эта техника, так же как и пшеница, за счет человеческого и всего живого!

Женщина посмотрела на мужа глазами больной лошади:

– Боже, какой ты идиот! Почему разум не спасает от идиотизма, а только добавляет его? Уйди, уйди от меня... – сказала она и разрыдалась.

– Успокойся, ты не в себе!

– Уйди от меня со своими дурацкими теориями... Я слушать их не хочу! Я знать их не желаю!

– Успокойся, ты расстроена происходящим!

– Да, я плачу, мне больно. Понимаешь? Больно! А ты... ты... расстроен? Тебе больно?

– Ну конечно, я расстроен. Мужчины не могут рыдать как бабы.

– Но мужчины и не треплются, как бабы. Зачем все эти твои теории? Зачем все эти ненужные слова? Почему твой ум беспрерывно строит свои интеллектуальные пирамидки даже на месте трагедии?

– Я просто размышляю о том, что, может, мы... – он запнулся и сделал долгую паузу, обдумывая слова, – и вправду уже все стали машинами, которые только считают, листают и регистрируют? Не понимая главного... Ведь между живым и неживым стоит человек. Внутри машины мы, люди. Мы ею рулим, опьяненные сверхскоростями, но как-то однобоко, как-то бессмысленно и механически... – интеллектуал осекся и затих.

Подъехала машина скорой помощи. Мужчины перенесли двоих пострадавших на носилках. Женщины шли рядом и причитали. Остальные бедовые водители смогли сесть самостоятельно. Подкатил небольшой подъемный кран, развернулся, сдал задом, и несколько мужчин стали обматывать лошадь веревками, чтобы перенести её на поддон грузовичка. Остальные, столпившись у трактора, помогали оттаскивать битые машины с автострады.

– Посмотри на мужчин... Они... Они... что-то делают... А ты? А ты все стоишь и болтаешь... И строишь свои теории... А... если... если бы сбили... меня, а не лошадь дяди Георга, ты тоже бы строил свои теории?

– Ну зачем ты так, дорогая... Что нужно сделать?... Я иду... иду... Да, ты молодец... Ты верно заметила... Это моя ошибка... Я исправлюсь... Я должен... Я готов... Я уже иду... бегу... А ты?... ты со мной?

НЕ ЧАЮ ВЫПИТЬ ЧАЮ...

– Макарыч, где ты, старый чёрт? – закричал кудрявый барин, сидя на диване в шелковом халате восточного кроя и спуская босые ноги в тапки с загнутыми кверху носками.

– Туточки, ваше благородие. Полы мету, сору много... – в дверях показался услужливый денщик в новеньком полукафтане темно-синего сукна, с редкими седыми волосами и выцветшими глазами.

– И где ты сору-то увидал? Ведь слепой почти... Поручик так и объявил мне вчерась, когда тебя привёл: «Отслужил своё в полку, пёс его. Ни черта не видит, не то чтоб стрелять в мишень, зарядить ружьё не могёт». Так он, поручик, за служивой ненадобностью и отрекомендовал тебя ко мне в денщики.

– Так точно, господин подпоручик.

– Вот раньше при Петре, в денщиках ходили кто? Дворяне, понимаешь: дворяне! А теперь кто? Императрица наша Анна Иоанновна через Бирона своего новые порядки завела. Нынче отдают в денщики тех, кто им самим негож...

– Я, барин, ваше благородие, полжизни службе отдал. В каких только походах с Петром Алексеевичем, императором нашим великим, не ходил. А теперь негожим стал. Сор мету, так-то...

– Не жалься... Лучше доложи, каким образом ты, слепая душа, сор разглядел, я тебя спрашиваю?

– На ощупь я, на ощупь... Много сору Аксинья оставила. Горя тому, у кого сор в дому...

– Ты, брат, на Аксинью не ворчи. Она у меня золотая. Виданное ли дело, месяц без денщика сидел! Аксинья мне и за хозяйку была, и за денщика. Пистолеты чистила, как заправский служака. Не придерёшься. А сурьёзная какая, не подступись. Так что отбывку заслужила правдою и честью... не той... известной честью, чтоб ты знал, а честной честью, – подпоручик заулыбался и заговорчески подмигнул старику. – Не чаяла, что отпущу её. Не чаяла, не чаяла, а вот и приписали тебя ко мне, Макарыч. Чаю еще, чтобы замуж её отдать поскорее... за кавалериста: любит на коней да езду быструю любоваться, спасу нет.

– Лошадь быстра, да не уйдет от хвоста... – заулыбался в ответ новый денщик.

– Я смотрю, Макарыч, в поговорочках разных ты мастак. Мда... Я чего звал-то тебя. Чаю мне свари, чаю...

– Чего чаете? – недопонял Макарыч.

– Чаю, чаю Сут Шонг, коли ты умный такой и требуешь названий. Су Шонг... Суп Шонг... и сам запамятовал, как правильно произносится его название. Заморский ведь чай, из Китаю.

– Велено – сделано, ваше благородие. – Макарыч потоптался на месте и пошёл к выходу.

– А шкатулку-то позабыл, Макарыч! Суп Шонг на вес золота, чтоб ты знал. Держи. И ключик не забудь. Положи в карман. Да смотри не экономь. А то Аксинья по-бабски чай готовила: ни крепости, ни навару... Так что покрепче навари...

Макарыч взял шкатулку с чаем, поклонился и, сутулившись, пошёл на кухню. Он хоть и жаловался барину на Аксинью, но в душе радовался новой службе. Жарко натопленная печь грела его служивую душу. «Бабья дорога от печи до порога» старика вполне устраивала. Последний год, засыпая под грязной епанчой, он только и мечтал о сытном обеде и теплой печурке под боком. Повинности денщика казались ему сплошным почётным удовольствием. В поисках нужной посуды Макарыч загремел горшками и железной утварью:

– Черно, как в погребе. Никак не возможно понять, где котелок у Аксиньи. Во, нашёл, – обрадовался старик и ощупал его стенки грубыми мозолистыми пальцами. – Бестия! Котелок-то грязный какой! Стук, бряк, вот тебе и враг. Ох, брат Аксинья, пистолеты чистила, а горшок в нечистоплотности держала. Эх, бабы, бабы, – старый солдат привык работать под собственное бормотания, – врешь, грязь не сало, потер и отстало. Отстало...

Макарыч набрал ковшиком из бочки дождевой воды, поставил котелок на печку и принялся за шкатулку. Она была деревянной, ручной работы и довольно увесистой. Почти все верхние фаланги пальцев старого солдата не разгибались полностью. Он ощупал отверстие, затем из кармана достал ключ и, ловко орудуя больными руками, достаточно быстро открыл шкатулку. Когда крышка откинулась, он неожиданно для себя отпрянул; недовольно поморщившись, принюхался, аккуратно взял чайный листочек, растёр его шершавыми пальцами и, поднеся к носу, вновь отпрянул и чихнул раз пять кряду.

– Бестия, чесслово! Барин велел покрепче наварить. Наварить, наварить, а чего наварить? То одно барин чает, то другое... А варить-то чего тапереча? Суп, шо ли? Что это за суп иноштранный из Китаю. Почему на шо заканчивается? Одно слово, нехристи, коли варют суп даже не из топора, а из листиков каких-то. В полку двадцать лет, а отродясь такого не видывал. Что для служивого еда? Хлеб да вода, квас и тот по праздникам. А это что за нечисть? Еще и на ключ запирается. Золотой, говорит. Да он чёрный как ночь. Чёрен мак, да бояре едят. Тьфу! Но приказ есть приказ... Покрепче – значит, покрепче...

Денщик резко опрокинул шкатулку и высыпал в закипающую воду всё её содержимое.

– И где это у Аксиньи лук? Нашёл... Перцу щепотку добавлю. А это что за корешки? Неужели невестица*? Знать, Аксинья, к свадьбе готовится, раз невестицы столько насушила... Она, невестица, свежесть девицам придаёт. Да и барину не помешает. Будет супчик наваристей... Что ж ещё положить? Давно суп не готовил, запамятовал... Лук положил, перец кинул, невестицу подбросил... А маслица, масла пару ложек точно нужно... Вроде всё... Надо подольше поварить... Да и помешивать, помешивать почаще... Тьфу ты смрад какой! Чёртово зелье китайское! Хорошо, что лук да масло забивают этот смрад. Это точно не щи, хоть портки полощи!

– Макарыч, ну где ты, идол, запропастился? – услышал денщик недовольный голос подпоручика.

---

* Петрушка.

– Несу, несу, ваше благородие, – выкрикнул громко старый солдат, налил чайный суп в глиняную походную чашку и поспешил в барскую комнату, морщась на ходу и бормоча себе под нос: – С пылу, с жару, сколько пару... Все вроде пе́чено, да только есть нечего... Что-то всё же позабыл положить в суп энтот китайский? Только вот что?

– Поставь, Макарыч, на стол, – приказал подпоручик из-за ширмы. – Да иди, кафтан с рейтузами принеси. Поеду в полк к поручику... Будешь хорошо служить, пожалую тебе полушку медную.

– Благодарствую, барин, чесслово, рад услужить.

Денщик поспешил за одеждой, размышляя, на что сможет потратить полушку. «А коли недотрога Аксинья к тому времени возвернется, куплю ей подарочек, – размечтался он, – глядишь, и чёрта лысого с ней можно закружить. Ах, в полку нужда в баталии, а дома – в бабьей талии. Сгребу её в охапку у теплой печки и помну чутка, не для греха, только чутка, для тепла душевного, для сердешной отдушины. Да разве это грех? Не грешок, один смешок».

Денщик так размечтался, представляя возню у печки, что не услышал первые крики подпоручика. Когда старик опомнился и спустился из воздушных грёз в своё немощное тело, праздно стоявшее в коридоре у барской комнаты, было уже поздно. Его благородие, как взбесившийся орангутан, схватил денщика двумя руками за лацканы воротника и давай трясти его, как осеннюю яблоню.

– Чтоб тебя разорвало, остолоп растрепанный! Ты что мне наварил? Что наварил, я тебя спрашиваю?

Солдат обомлел, словно чугуном налился, и пуговицы его служивого кафтана разлетелись как пули в разные стороны. Но подпоручик не унимался: ухватился за полы, уронил денщика на пол и принялся валять его из стороны в сторону.

– Идол, бестия раскосая, тля, тля! Анафема на твою седую башку!

Денщик извивался, как угорь, на полу, и кафтан слетел с его плеч, но последние слова подсказали барину, за что ещё можно схватить нерадивого слугу. Он хотел вцепиться в редкие седые волосы старика, чтобы рвать и метать их, манкируя его пожилым возрастом. Но сдержался и резко пнул денщика со словами:

– Марш на кухню… Прибью, прибью клопью башку! Ну, услужил...

Денщик приподнялся и, согнутый в три погибели, стремглав, как пушечное ядро, вылетел из коридорной и влетел в кухню. Там забился в печной угол и стал приглаживать всклокоченные волосы. За годы службы битым он бывал много раз, поэтому не жалость к себе блуждала в глазах служивого, а лихорадочная пытливая мысль мелькала в них. Ум его скакал, как угорелая лошадь, строя догадки за догадками, а тусклый взгляд скользил по предметам, находящимся рядом: от устья печки к лавке, от лавки к горшку, в котором что-то светлело... Старый солдат ткнул пальцем в горшок, попробовал белые крупинки на вкус и радостно воскликнул:

– Так и есть, забыл... Посолить забыл, старая дубина!

Андроник РОМАНОВ

Родился в 1967 году в Казахстане. Учился в Карагандинском и Казахском государственных университетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Работал на Первом канале, в телекомпании «Класс», возглавлял ряд коммерческих структур. Основатель и главный редактор с 2014 по 2019 год журнала «Literratura».

Автор книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Нижний Новгород», «Дети Ра», «Сибирские огни» и других. Лауреат XV Международного Волошинского конкурса. Стихи переведены на английский, французский, арабский языки.

Член Союза писателей Москвы. Живет в Москве.

ДЖЕКПОТ

Лукин шел домой, не обращая внимания на мартовские лужи. Гриппозный холодок в дырявом ботинке уже не раздражал. Мокрый носок успел стать частью вчерашней жизни, мрачное течение которой закончилось раз и навсегда после того, как банкомат в соседнем супермаркете, одарив Лукина пятитысячной купюрой, выплюнул чек с остатком на счете.

Лукин сорвал джекпот – выиграл миллион. Неделю тому назад в это же самое время он мял в кармане сторублевку, вяло пытаясь отговорить себя от покупки лотерейного билета, а вчера в офисе «Гослото» у него попросили номер банковской карты.

Осторожно вынув купюру из банкомата, Лукин вспомнил данное себе накануне обещание бросить пить и даже не повернулся в сторону винно-водочного отдела, куда при подобных обстоятельствах ему следовало бы отправиться первым делом.

Еще сопливым учеником, таща домой потяжелевший от двоек брезентовый портфель, он воображал, что когда-нибудь станет кем-то важным – знаменитым спортсменом или космонавтом – и покажет им всем: математичке, отличнику Валерке Сомову и особенно Ирке Пичугиной, как они ошибались на его счет. Однако тридцати прошедших с тех пор лет хватило лишь на ПТУ и передающийся от отца к сыну навык устроиться на низкооплачиваемую работу в одно из управлений жилищно-коммунального хозяйства Кунцева. Ирка Пичугина родила Сомову близнецов, математичка на старости лет переехала в «Столбы», а Лукин так и остался мечтателем с брезентовым портфелем. Теперь, правда, портфель назывался сумкой электрика и его можно было носить на плече.

С годами Лукин становился все суше и ниже ростом: беленькая брала свое. От взъерошенной каштановой шевелюры на его голове осталась лишь кепка. Лет двадцать тому назад родители переехали к родственникам на Алтай, отписав Лукину крохотную однокомнатную квартиру покойной бабушки Вали.

Семьи у него не было. Вернее, она была давным-давно. Из родительской квартиры в однушку Лукин переезжал со своей беременной Настей. Мальчишка – Сашка, Александр – родился с врожденным пороком сердца. Шустрый такой, веселый мальчик. И симпатяга, каких поискать. В полтора года – они тогда с Настей две недели пролежали в детской кардиологии – Сашку даже фотографировали для какого-то медицинского журнала. Только его. Остальные вертелись и капризничали. Лукин не помнил, чтобы Сашка плакал. Подаст голос – и ждет. Терпит. Такой вот был маленький мужичок. Когда начал ползать, все норовил залезть куда-нибудь – то за диван, то за дверь между кухней и коридором. Заползет и сидит себе тихо-тихо.

Медицинские светила, до каких удалось дотянуться, Сашке не помогли. Не дожив недели до своего второго дня рождения, он умер. Во сне. Тихо, никого не побеспокоив.

После того как его отвезли на Митинское кладбище, Лукин запил. Месяц в осиротевшей квартире стояла тишина. Лукин с Настей почти не разговаривали. Дошло до того, что он купил раскладушку, поставил ее на кухне и спал теперь там. Вставал ночами покурить, чтобы по дороге в коридор заглянуть за дверь, а вдруг... Настю это бесило. Она срывалась на крик всякий раз, когда замечала, что он это делает. Горе разрубило семью надвое. Настя уехала в Питер. Лукин остался один – с диваном, на котором пеленали Сашку, с дверью, за которой он прятался.

Все минувшие годы Лукин, казалось, мстил квартире, в которой жил, за то что самим своим существованием она не давала ему забыть о прошлом.

Теперь нерастраченную нежность он отдавал Муське – худющей беспородной кошке, подобранной им осенним вечером на дороге, аккурат напротив «Магнолии», откуда выходил груженный литром дешевой «Белочки».

Не везло Лукину и с друзьями. Школьный приятель Серега Варламов, севший по малолетке за украденную в магазине джинсовую куртку, сгинул навсегда где-то под Саратовом, остался в девяностых веселым жизнерадостным авантюристом. Соседа по лестничной площадке пенсионера Егорыча, с которым частенько выпивал, Лукин другом не считал и мрачно матерился всякий раз, когда тот по пьяни лез к нему обниматься. Жизнь казалась бессмысленной и однообразной, как привычка бриться или курево – сначала интересно и даже в кайф, а потом давишься кашлем, морщишься и все же тянешься за новой сигаретой.

Лукин шел по грязному асфальту, по комьям размокшей земли мимо строительной площадки панельного семнадцатиэтажного дома и думал, что вот теперь он начнет новую жизнь: купит костюм, найдет приличную работу и заживет по-людски. Как это – Лукин пока не знал. Впервые в жизни он мог все: прийти в контору к обеду, послать наконец-то начальника туда, куда и хотел, уехать в Сочи. Или в Крым. Он всегда хотел жить у моря. А что? Продать квартиру

и купить дом в Алуште, перевезти туда стариков: морской климат в их возрасте – самое то. И обязательно завести друзей. Не таких дебилов, как Егорыч, а настоящих, типа Сереги Варламова. Лукину до зарезу захотелось с чего-нибудь начать – он расстегнул пальто, стянул с головы и сунул в карман кепку. Вот так, подумал он, теперь мне никто не указ.

Чем ближе Лукин подходил к своей старенькой девятиэтажке, тем длиннее становился список его новых невероятных возможностей. С хотелками он не спешил, решив про себя выложить весь, так сказать, ассортимент на прилавок. Расписанные плесенью и матом стены подъезда встретили Лукина неожиданной смесью запахов: в привычный микс кислятины и сырости кто-то, поднявшийся недавно по щербатым ступеням к лифту, добавил легкую каплю жасмина. «Новая жизнь», – улыбнулся Лукин.

Остаток субботнего вечера он провел за кухонным столом, вписывая в нарисованную в школьной тетради таблицу предстоящие события и покупки. Время от времени откладывал ручку, брал в руки черный планшетный компьютер, купленный по случаю годовой премии, открывал поисковик, переходил с сайта на сайт, смотрел цены.

С домом в Алуште не получалось. Запрос выдал ссылки на объявления со знакомыми московскими ценами. Лукин расстроился и, как был в дырявом махровом халате на тощее голое тело, вышел на лестничную площадку покурить. Новая жизнь не клеилась. Ему хотелось, чтобы все было сразу без сучка и задоринки, а тут, значит, такое дело... Ладно, подумал Лукин, попробуем по-другому.

Вернувшись на кухню, он набрал в поисковике: «Купить дом в Крыму недорого». Минут через пять нашлось подходящее объявление: «Продается дом с гаражом в Алупке у леса, 80 квадратных метров, участок 2,5 сотки. 15 минут пешком до моря и Воронцовского парка. 4 200 000 рублей».

Вот это другое дело, пробубнил Лукин. Его однушка, значит, стоит четыре – четыре с половиной. Тем более дом под снос. Можно даже за пять... Плюс выигранный миллион – как раз на переезд, мебель, ну и... на первое время. Тарелочка с голубой каемочкой, мать ее... Лукин хитро улыбнулся. Теперь все сходилось, можно было ложиться спать. Он сунул ручку в карман, щелкнул выключателем и пошел в комнату.

Скинув халат на стул, полез по скрипучей тахте под одеяло, лег, поправил под головой подушку и взялся опять за планшет – почитать новости. Первые были про Крым. «Американцы не собираются отменять санкции из-за Крыма»... Просматривая заголовки и анонсы, он спускался по новостной ленте вниз – от событий в международной политике к местечковым потугам, высосанным журналюгами из того самого указательного пальца, и ниже – к сплетням о светских бездельниках, в самую желтую желтизну и откровенный бред. «Почему Хрущев не дал разрушить бандеровское подполье», «В Африке обнаружен древний ядерный могильник возрастом 2 миллиарда лет», «Белоруссия отдаст долг за газ продуктами»...

В подвале новостной ленты – видимо, так, на всякий случай, как иконка на бардачке, – стоял баннер благотворительного фонда, настолько узкий, что его ширины едва хватало на пол-лица бледного

большеглазого ребенка и фразу, вернее вопрос: «Почему нужно помогать?» Раньше этого баннера здесь не было.

– Ну и почему нужно помогать? – пробормотал Лукин и нажал на баннер.

Мобильный интернет притормаживал, сайт открывался долго, загружая медленно, сверху вниз, титульную картинку – черно-белое фото ребенка. Сначала показалась макушка, потом челка, брови, глаза... Лукин замер. Экран поплыл, заголовки с картинками задрожали. Лукин стирал слезы ладонью, но их не становилось меньше. На него смотрел Сашка большими удивленными глазами маленького смелого человека. Смотрел оттуда, где он еще живой, где они еще вместе – мама, папа и сын.

Лукин выключил планшет. Теперь он точно знал, с чего начнется его новая жизнь.

Ольга КОСОВА

Родилась в Кстове. Окончила Горьковский педагогический институт иностранных языков, преподаватель французского и английского языков. Работает в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина в Кстове.

Автор четырех сборников стихов и книги прозы. Публиковалась в журналах и альманахах. Лауреат Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» (Кстово, 2022) и других литературных конкурсов.

Живет в Кстове.

ОБИДА

Лёшка порадовался, что взял выходной в самый трудный день недели, а именно в понедельник. Как чувствовал. Дело в том, что друг его отца, дядя Витя, раз в неделю ездил в бассейн с группой пенсионеров. В этот статус он перешёл недавно, но жизнью был доволен. Случилось так, что дядя Витя приболел и в группе оказался недобор. Вот он и предложил вместо себя поехать своему товарищу: с хорошими людьми, такими же пенсионерами, в бассейне поплавать и в сауне погреться. Отец бассейны почему-то не любил и вместо себя откомандировал сына Лёшку. Алексей работал охранником в магазине. Несерьёзная работа для сорокалетнего мужика, но так уж сложилась жизнь. Или не сложилась: с женой развелись довольно быстро – всё ей было ни так ни эдак, уже через год после свадьбы в семье начался разлад. Жена на Лёшку обижалась, а он на жену. Супруга начала всё чаще недовольство высказывать: и учиться-то благоверный нигде не хочет, и дома не помогает, и на работе копейки получает. Работал тогда Алексей грузчиком в магазине. Потаскаешь ящики и мешки, дома уже сил ни на что не остаётся. Нет бы пожалела, приголубила.

Понятное дело, без тёщи тут не обошлось: она сразу была недовольна выбором дочери. Вот и пела той в уши. Вместе с женой талдычили: в институт надо поступать, получать высшее образование. Тогда, мол, и работа будет интересная, и зарплата хорошая.

Ну да, прямо все с высшим образованием деньги лопатой гребут. Не хотелось Лёшке учиться, и так 10 лет в школе отпахал. В аттестате больше троек, чем четвёрок. Пятёрки только по физкультуре и пению, какой уж тут институт? Была, правда, в те годы возможность учиться заочно. Плати только. Однако где деньги брать? И потом, чтобы учиться, надо по вечерам вместо отдыха задания какие-то выполнять, экзамены сдавать каждые полгода. Ищи дурака! А если не сдаст? Пропали денежки! Нет, не его это. Короче, жена нашла себе другого мужа, перспективного. Хорошо, что детей не родили, а то бы ещё алименты платил.

Обиделся Лёшка на жену крепко. «Ничего, – думал, – пожалеешь ещё обо мне».

Вскоре знакомый отца пристроил Алексея рядовым в пожарную часть – туда достаточно было среднего образования и хорошей физической подготовки. У пожарных зарплата тоже небольшая, но зато работа престижная. В понимании Алексея пожарный – это ж почти герой. Жизнью рискует. А пожары не каждый день случаются, значит, времени для отдыха хватать будет. Вовремя всё получилось. Потому что Лёшка с женщиной хорошей познакомился. Ларисой её звали. Алексей ей сказал при знакомстве, что работает в пожарке, товарищи у него надёжные, наплёл что-то про героические будни. Лариса всё восхищалась, гордилась им, Лёшкой. Вскоре съехались. Два месяца всего и пожить-то вместе успели, но и она взбрыкнула. Не объясняя причин, сказала только, что не о таком муже мечтала и попросила освободить жилплощадь. Вот дура! Прямо так и сказала: «Забирай свои вещи, Лёша, и освобождай жилплощадь». Хотя нет, о причине он догадывался. Выпроводила Лариса его после того, как Лёшку выперли из пожарки. Испытательный срок не прошёл. А кто виноват? Не дали человеку привыкнуть, пообтесаться, почти сразу в огонь послали. А сослуживцы нет чтобы поддержать, перед начальством заступиться, сами, по сути, выгнали. Правильно говорят: «Человек предполагает, а Бог располагает». Не прижился он в коллективе. Хотя, может, и к лучшему – работа всё-таки опасная. Пришлось охранником в магазин устраиваться. Грузчиком уже не захотел. Что ж он, дурак, что ли, спину ломать?

И опять обиделся Алексей. И на товарищей по команде – хотя какие они после этого товарищи? – и на всех женщин сразу. Им, бабам, только деньги подавай. А Лёшка хотел, чтобы его любили таким, какой он есть. Вот и остался мужик к сорока годам в квартире своих родителей без хорошей работы и без семьи. Его даже по имени-отчеству не называл никто, всё Лёшка да Лёшка.

Хотя нет, семья у него была. Родители – тоже семья. Это Лёшка ещё со школьной скамьи усвоил. Как там по-английски? Ах, да, вспомнил: « I have a family. I have a mother, a father and a little brother». Что в переводе означает: «У меня есть семья. У меня есть мама, папа и младший брат». Вот так-то. Ну, и работа какая-никакая, а есть. Однако жил Лёшка с тех пор с обидой на всех, а больше всего на жизнь.

А теперь он с группой пенсионеров приехал в бассейн. И платить недорого, и всё какое-никакое разнообразие.

Лёшка переоделся в раздевалке, принял душ, как предписывали правила на стене, и передумал окунаться в бассейн. Решил сначала погреться. Открыв дверь сауны, торопливо прошмыгнул внутрь. В сауне уже сидели несколько человек, в основном женщины. Алексей поискал, куда бы сесть, и увидел на самой верхней полке около крупного мужчины, который смутно показался знакомым, свободное местечко. Люди задвигались, расступились, и Лешка аккуратно, стараясь никого не задеть, полез наверх. Похоже, он своим появлением прервал рассказ, потому что одна из женщин спросила:

– Ну и что дальше, Леонид, дали тебе орден?

– Орден! – фыркнул мужчина, около которого сел Лёшка. – Я сразу сказал, что это дохлый номер. Да, я вытащил пять стариков, и что? Кто это оценил? Бабка одна всё плакала:

– Сынки, шкатулка у меня на тумбочке стоит. В ней вся моя жизнь, принесите.

Жалко её стало, мы с товарищем вернулись в комнату, подбежали к тумбочке, я схватил коробку. Только выбежали, потолок и рухнул. Переглянулись:

– Живы? Живы! Обошлось.

А бабулька схватила коробку и даже спасибо не сказала.

– Вот неблагодарная, – заметил невысокий бородатый мужчина.

– Нет, это другое, Сергеич. Это называется стресс.

И Леонид продолжил:

– Так вот про орден: начальник большой был на пожаре, в грудь себя кулаком бил:

– Я – Соколов, запомни мою фамилию! Если я сказал, будет тебе орден, значит, будет!

– Орден… Медаль дали очередную. «Подумаешь, Дом для престарелых горел. Подумаешь, стариков спасали. Это их работа, – явно кого-то передразнивая забасил Леонид, – и медали хватит».

Обидно, конечно. Я не Василий Тёркин. Что мне с этой медалью делать? Она у меня уже четвёртая. Лучше бы 500 рублей дали, как нашему водителю.

В голове у Алексея щёлкнуло, он вспомнил этого мужчину. Это же из-за этого Леонида, Алексея не оставили в пожарной части.

– Да что тебе эти пятьсот рублей? – вмешалась полная женщина, сидевшая на самой нижней полке. Она внимательно слушала рассказчика и в то же время втирала себе в колени какую-то смесь из маленькой баночки.

– А ты знаешь, какая у нас зарплата? – вскинулся Леонид. – Это сейчас её подняли до двадцати тыщ, в то время как другие 50 получают. А когда я работал, вообще копейки были. У нас никто на одном месте не работает. Попробуй проживи. У всех ещё куча подработок есть.

– Ну так вы и работаете сутки через трое. И пожары не каждый день, слава богу, случаются.

– Пожары не каждый день. А другие чрезвычайные обстоятельства? Думаете, мало? А стресс на работе?

– Ну, опять двадцать пять,– снова вмешалась та же женщина. Она перестала мазать свои колени и натирала уже локти и плечи.

– Михалыч, не обращай внимания, рассказывай, – стали просить остальные.

Чувствовалось, что Леонида задели слова дамы, и он взволнованно продолжил:

– Вот как-то раз вызвали нас с полицией по одному адресу. Мужик требовал денег и грозился взорвать дом. Когда мы вошли в подъезд, газом воняло на все этажи. А он, гад, кричит, что если денег не будет, то чиркнет спичкой. Слышно, как он коробком трясёт за дверью. Мы с моим напарником Женькой велели полицейским выйти из дома, жильцов они ещё раньше вывели, а сами решили выламывать дверь. Вы поймите, разбега нет, и только одна попытка. Ответственность страшная. А вдруг не все вышли? Тогда, если рванёт… Женька (он меня покрепче) отошел к стенке, перекрестился: я смотрю, а у него рука дрожит. Приготовились. Он три шага сделал, в дверь плечом вдарил, ура! – вышиб. Я нырнул в проём и на мужика навалился. Коробок выхватил, подальше отшвырнул и, простите меня женщины, кулаком ему по морде раз и другой. Те, что из полиции, примчались, меня от мужика отдирают. Думаете, почему?

– Ну, защитить, наверное, того хотели, – сказал кто-то из женщин.

– Чтобы на тебя жалоб не было, – предположила другая.

– Нет, девоньки. Чтобы тоже по морде дать. Стресс надо было выпустить. Ведь все могли на воздух взлететь.

Дверь в парную открылась.

– Освобождайте помещение! – шутливо гаркнул высокий мужчина лет семидесяти. Он стащил с головы шапочку для бассейна и надел войлочный колпак в виде шлема для лётчиков. Забавно. Лёшке сразу захотелось что-нибудь похожее приобрести. На всякий случай. Вдруг пригодится.

Алексей успел заметить, что у мужика были тёмные волосы, сквозь которые просвечивала розовая лысина. «Красит, что ли?» – удивился Лёшка. Но присмотреться не успел. Следом за мужчиной вошли ещё несколько человек. Сразу стало тесно.

– Ну что, все прогрелись? В бассейн? – спросил Леонид, однако это прозвучало не как вопрос, а как команда.

Женщины закряхтели, сползли аккуратно вниз, нащупывая ногами сланцы, освобождая места вошедшим. Немолодая пышная женщина в раздельном купальнике в горох как раз начала выпрямляться, когда Алексей, зацепившись ногой за простыню, нырнул вниз головой. Он угодил лицом как раз промеж грудей дамы, что спасло его от падения на пол и от сотрясения головного мозга. Женщина негромко вскрикнула то ли от боли, то ли от неожиданности, то ли от восхищения. Лёшка заелозил, пытаясь встать и поднять голову, но у него всё никак не получалось.

– Да ты, сынок, не торопись, – произнесла обладательница пышной груди. Народ ахнул, а потом громко захохотал.

– Ну что, Нина Петровна, – сказал худой мужик, медаль тебе надо выдать за спасение.

– Это не ей, это её грудям, – хохоча добавил кто-то.

– А новенький-то молодец, вылезать из бюста не торопится, – вставил третий. – И Нина наша, глядите, какая довольная. Эй, парень, теперь как порядочный человек ты обязан на ней жениться!

Лёшка наконец-то принял горизонтальное положение и сконфуженно хихикнув, пошёл в бассейн. Вода была хорошая: чистая, в меру прохладная. Алексей плавал с удовольствием, а все, кто оказывался рядом, нет-нет да поглядывали на него, продолжая хихикать. Только Нина Петровна проплывала мимо Лёшки с непроницаемым лицом, чтобы не смущать мужчину ещё больше. Минут через двадцать люди из сауны начали возвращаться в бассейн. Лёшка внимательно следил за Леонидом. Как только тот подплыл к лесенке и начал подниматься наверх, Лёшка поспешил следом.

Зашли в парилку.

– Расскажите ещё что-нибудь, пока греемся, – попросил Алексей.

– Ну, слушай. На ДТП частенько вызывают. Был случай, когда легковушка в КамАЗ влетела. Парню ноги сдавило. Дверь выдрали, пытаемся парня вытащить, а никак – ноги зажаты. Он смотрит на меня и кричит:

– Помогите, вытащите ноги, больно очень! Спасите!

Я, понятное дело, нервничаю. Парню всего лет тридцать. У меня сыну столько было, когда он в Афгане погиб.

– У вас сын погиб? – тихо спросил Лёшка.

– Два. Первый в Афганистане, а второй в прошлом году на СВО. Я так просил в военкомате его не забирать. Объяснял, что наша семья

долг перед Родиной выполнила. Пусть бы оставили нам с матерью хотя бы младшего. Куда там! И слушать ничего не стали. А через два месяца – всё, и младший погиб.

Леонид опустил голову, поморгал, вытер глаза. Помолчал.

– Так вот, – продолжил он опять, – пытаюсь железо отжать, наклонился, а парень мне прямо в ухо кричит. Тут медики подъехали, подбежали к нам. Говорю:

– Вколите ему обезболивающее, что ли. Работать невозможно.

– Почему невозможно? – не понял Лёшка.

– Почему? Да потому что жалко его так, что сил нету. А это отвлекает, мысли путает. Тут надо побыстрее всё сделать и без ошибок. После того как пареньку сделали укол в плечо, он «уплыл». Дальше работали в тишине. Когда вытащили наконец его из машины и на носилки уложили, я поинтересовался, что будет у парня с ногами. Врачи только ладонью провели по воздуху, показали, что отрежут: спасать там было нечего, всё раздроблено. Да… долго он мне потом снился, с год, наверное. Я как глаза закрою, так его и вижу. И в церковь ходил свечки ставить, и дома молитвы читал – не помогало. Потом уж мне сказали, что парнишка через месяц после аварии умер. Вот так-то, а я и не знал.

– Скажите, вы всех к себе на работу берёте? – Алексей перешёл к мучавшему его вопросу. – По какому принципу отбор делаете?

– По какому принципу, говоришь? Берём тех, кто сможет работать в команде.

Лешке на секунду показалось, что в глазах мужчины мелькнуло узнавание.

– Вот дали нам паренька одного. Взяли мы его на первый пожар. Как раз подвал горел. Страшно. И вообще, самый страшный пожар, это когда подвал горит.

– Почему? – удивился кто-то.

Сауна опять была заполнена людьми. Женщины натирали друг друга кто солью, кто мёдом, но слушали внимательно. Старались ничего не упустить. На вновь входящих – шикали. Сидеть уже было негде, но покидать сауну никто не торопился. Рассказчик посмотрел на всех внимательно, пожал плечами и продолжил:

– Потому что пространства мало, потолок низко, видно плохо, а ходов много. Заблудиться опять же можно в дыму. Мы парню сказали:

– Твоё дело стоять за нами, наблюдать и ничего не делать. Но недолго он пробыл с нами. Сбежал.

– Обиделись на него? – поинтересовался мужчина, вошедший в парную позднее всех, но успевший услышать историю про подвал.

– Да чего тут обижаться? Мы этого ждали. Это нормально. Первый раз парень в такую передрягу попал. Страшно. Впрочем, всем страшно. И нам тоже. Но мы привычные. Поймите, нет ни одного человека, который бы не боялся. За первый раз осуждать нельзя. Когда второй раз на пожар пришлось ехать, мы его предупредили:

– Всё как в тот раз – смотри и ничего не делай, не суйся. Но будь с нами до конца.

Леонид внимательно посмотрел на Лёшку и продолжил:

– Сбежал опять…

И стал объяснять то ли всем, то ли конкретно Лёшке:

– Пришлось нам прямо сказать ему, чтобы уходил.

– Обиделись всё-таки, – констатировал тот же мужчина.

– Да нет, тут другое. Вот парень обиделся почему-то. Возмущался, объяснений требовал. Или не понял ничего, или дураком прикинулся. Мы без всяких объяснений отказались с ним работать. А как иначе? Я должен доверять товарищам. Посмотрите на меня: я вешу около ста килограммов, да ещё на мне БОП, – и видя недоумение на лицах слушателей пояснил: – боевая одежда пожарного. Это ещё 30–40 кг. Случись что со мной, меня один человек не вытащит. В нашем расчёте в тот раз должно было быть три человека. В товарище надо быть уверенным как в самом себе. Нас тоже семьи дома ждут. Поэтому – трое вошли в горящее помещение, трое и вышли. Или не вышел никто. Такие правила.

И опять повернулся к Лёшке:

– Понял?

– Понял, – буркнул Алексей, – пойду поплаваю, а то домой скоро.

В автобусе Лёшка ехал задумчивый, с опущенной головой. На новых знакомых старался не смотреть. Наверное, впервые в жизни ему было не обидно, а стыдно.

Сергей НОЧЕВНОЙ

Родился в 1980 году в Ангарске Иркутской области. Работал ведущим прямого эфира на местном радио, корреспондентом городских СМИ, специалистом пресс-службы городской администрации, маркетологом хоккейного клуба, редактором новостного сайта, библиотекарем детской модельной библиотеки.

Публиковался в журналах «Москва», «Азъ-Арт» (Иркутск), альманахах «Белая радуга» и «Ангарские ворота» (Ангарск). Участник проекта литературных резиденций АСПИР. Выпускник литературной мастерской Захара Прилепина. Живёт в Ангарске.

СТАРЦЕВ ПОСОХ

Сорняки здесь выше человеческого роста…

– Интересное название, – перекрикиваю я треск мотоцикла.

Только что за спиной остались несколько черных, скособоченных изб и знак с перечеркнутым словом «Гибелево».

– До революции был тут барин, отставной полковой интендант Гибелев, – кричит дядька Саня, не поворачивая головы. – Деревушка была Захудалая, а как Гибелев церковь построил, так и переименовали. Какая же Захудалая, когда под Божьим крестом? Потом церковь и половина деревни сгорели, барина мужики с пьяных глаз на вожжах повесили, а название осталось.

– Прям триллер, – кричу.

Шевельнув рукой, дядька добавляет газу.

У дороги в траве валяются ржавые молотилки, другие непонятные детали от машин и комбайнов. Среди трофеев вольготно распустились выигравшие в битве с колхозом синие васильки. Кричу:

– А у меня тут неподалеку родня какая-то вроде есть. За озёрами.

– Чего?

– Родня, говорю, у меня тут за озёрами.

– Кто ж такие?

– Шмелёвы вроде, если по матери.

Саня неуверенно кивает: вроде есть такие, слыхал. А может просто не расслышал фамилию и не стал переспрашивать.

Вокруг до горизонта простираются волнистые, поблёкшие поля. Там сям темнеют черточки далеких рощ, перелески. Впереди замаячил еще один указатель. Жду, когда подъедем.

«Старцев Посох, 4 км» и стрелочка.

Смотрю в указанном направлении – там всё та же целина с высокими бурьянами, у горизонта лес. Ухватившись за поручень, пытаюсь, как всадник на стременах, приподняться над коляской.

– Эх, воля! – кричу.

И смеюсь над своим нелепым ёрзаньем. На коленях моих тяжелая сумка, мешает подняться.

– Гулять только некому, – сыпет в ответ дядька. Сбавляет скорость. Мотоцикл со стуком вкатывается на перекинутый через овражек мосток. Почти сразу Саня глушит двигатель. – Покурим.

Без остановок мы пилили часа полтора. Оставляю сумку на сиденье под пологом. Ступив на земную твердь, с удовольствием разминаю ноги и отсиженный зад.

Дядька чиркает спичкой, присасывается к папироске. Облачко синего дыма вспархивает с его несуетливых ладоней. Я сую в зубы травинку, прикидываю, есть ли резон спускаться к ручью. Мост, собранный из толстых плах и окаменевших бревен, по виду, способен выдерживать трактора. Под настилом в сумраке оврага среди высокой травы булькает водица.

– Старцев Ключ, – докладывает Саня. – Никогда не замерзает.

– Тут ключ, там посох. Небось, ты и про старца этого байку знаешь?

– Знаю, – отвечает дядька. Скидывает с плеч пиджак и стелет на траву. – Отдохнем маленько. – Я сажусь неподалеку, но так, чтобы не дышать дымом. К ручью решаю не лезть. День не жаркий. Да и в сумке у меня есть немного воды.

– Вот здесь по бережку раньше и шла дорога на Старцев Посох, да видишь – заросла. Народу там немного обитало, вроде как скит не скит, хутор ли. В общем, двора три всего. Постепенно остались одни старики, да потом и их переселили. Еще при Хрущёве, однако. От жилых построек теперь, поди, и следа не найдёшь.

– А старец этот кто был?

– Да никто, в общем-то. Бродяга. Только у нас на Руси иной раз и последний плут может святым оказаться.

– Так он был плут?

– А вот послушай. – Саня суёт окурок под каблук и откидывается на лопатки, уложив голову на сцепленные пальцы.

Как положено – пауза.

Короткий вдох и поехали:

– Было это давненько. Уже и старики не помнят когда. Да и так ли оно было, как говорят. Но говорят вот что.

Пауза.

Я отбросил травинку и с улыбкой потираю ладонью лоб. Ох, дядька Санёк рассказчик.

– Стал появляться в окрестных деревнях Старец. Никто не знал, как его звать и откуда он в эти места пожаловал. Ни с кем Старец не говорил, ходил в рубище, питался чем Бог пошлёт. Придет к колодцу, помолится. Бабы положат ему в котомку хлеба да яиц, он поклонится – и в поле. Сколько не приглашали в дом, ночевать никогда не оставался. Одни говорили, что превращается он за околицей в волка; другие считали, что был это сосланный в каторгу бывший епископ. Болтали, в общем, всякое.

– Почему же считали, что он святой?

– А вот слушай.

Когда, иной раз в деревне беда приключится – расшибется кто или занеможет – Старец тут как тут. Глянут бабы утром из окошка, а он уж у дома стоит. При нем всегда посох – тяжелючая палка. Да не палка, а корень. Войдет Старец в избу, глянет на больного и велит рукой воды по-

дать. Макнет в ковш свой посох да потом на больного брызнет. Глядь, а тому уже и лучше. Люди радуются, Старца к столу тянут, угощения из погреба тащат, наливку. А Старец возьмет хлеба, поклонится хозяйке да за порог. Пробовал его мужик силком за стол усадить. Глянул Старец на дурня, у того пальцы сами разжались, рука онемела. Выпустил он плечо, на колени пал и давай креститься, прощения просить. Старец за околицу. Кто следом выбежит, смотрят кругом – нет никого.

– Вот жуть.

– Дальше слушай. Прознали про Старцев посох лихие людишки, разбойники. Думают: с такой чудесной штукой мы в городе нехилую деньгу зашибём. И стали они караулить Старца. Да только он как скрозь землю провалился. Уж в одной деревне баба при родах померла, а в другой старик от заворота кишок преставился. Нет Старца. Тут и осень. Мужики повезли товары на ярмарку, у разбойников самая страда, ну и про Старца вроде как подзабыли.

К зиме ближе ехал степью в телеге мужик с мальчонкой. Тут навстречу тройка разбойничья. Чего везешь, мол? Тот: да вот купил дитям гостинцев. Ну, шибанули его. А мальчишка успел в перелесок юркнуть. Ходят душегубы, кличут его ласково. А пацану хоть и страшно до смерти, он тихо сидит. Знает, попадётся – придавят, чтоб потом кого ненароком не узнал.

Тут откуда ни возьмись Старец появился. «Что же это вы, твари Божьи, дурным делом занимаетесь! – говорит. – Лихо людям чините! Али не одна мать-земля нас вскормила, не одно солнце нас согрело? Даны нам соки земные и свет Божий на доброе, а творите вы тёмное. Спросит вас матушка, какой ответ держать будете? Не простит вам сыра-земля, не пустит более на свет белый, останетесь до скончания времен червями бездушными!»

Половина-то разбойников опомнилась, разбежались кто куда грехи замаливать. А другие решили обмануть Старца. Повалились в ноги, скулят: «Прости нас, добрый человек! Не обучены мы никакому ремеслу, нет у нас никакого доброго промысла. Кабы дал ты свой посох, поехали бы мы на тройке по свету людей исцелять. А не дашь, так сколько еще крови невинной прольем, пока в червей оборотимся? Будет эта кровь, старик, на твоей совести!»

Обманули Старца. Упала с его глаз слеза, и сказал он душегубам: «Берите мой посох, коли умысел ваш чист!» Воткнул палку в землю и отступил на два шага. И стал он без силы волшебной обычным стариком. Тут навалились на него разбойники и закололи ножами. Схватились за посох, да только не могут его из земли выдернуть. Осерчала матушка, забрала свой дар. Уж они его и так и сяк, тянут во все стороны. И если раньше корень давал людям силу, то теперь стал её забирать. Каждым касанием посоха разбойники становились слабее: вот уж и ноги их не держат, и зубы изо ртов вываливаются. Испугались душегубы, поползли прочь, как мерзкие черви, да тут и испустили дух.

Дядька Саня умолк. Я подождал, подождал, да не выдержал:

– Ну? Что же дальше было?

– А вот и слушай. Когда наступило утро, очухался в телеге мужик, которого бандиты оглушили. Смотрит: старик в рубище мертвый лежит. А рядом пустило ростки деревце. А там, где упала слеза Старца, – из земли ключик пробивается. Тут из рощи и мальчонка вышел, который видел своими глазами, как всё случилось. Он-то всё и рассказал.

– И мальчонкой этим был дед твоего деда?

– Смешной ты. Нет, конечно. Был это инок Никола, который потом у святого ключа и основал селение Старцев Посох. Дерево к той поре вымахало необыкновенное, словно росло сто лет. А ручеек вот этот самый из того ключа и течет. – Саня кивнул головой в сторону мостка, откуда доносилось бульканье. – Вот такая история. Так ли всё было или нет – никто не скажет. А только в Старцев Посох обманщикам да ворам лучше не соваться.

– Это почему?

– Место там чудесное, многие нашли у священного дерева исцеление. За тыщи вёрст люди к Старцеву Посоху ехали, детей, родителей привозили. Но есть одна особенность: если кто не покаявшись да со злыми мыслями к дереву приблизится, тому недолго жить – уходит сила в землю. С нечистой душой там делать нечего. Потому теперь и заросла туда дорога.

Дядька Саня посмотрел на меня:

– Но тебя я отвезу, Вадька! Поехали?

Я опешил. А дядька смотрит, глаз не спускает: чего же ты, дескать?

– Да ну тебя, – говорю, – сам-то был у того дерева?

– Ты что, я ж сидел! Два с половиной года.

– За драку, что ли?

– Мы с ребятами в восемьдесят девятом тротил у геологов украли, рыбу глушить.

– И что, так и не раскаялся?

– Да бог бы с ней с рыбой… на рыбалке тогда дружок мой погиб.

– Ну, ты же за то отсидел.

– Да не за то, Вадька, не за то…

Саня снова смотрит на меня. Я отвожу взгляд.

– Ладно, хватит сказки рассказывать, поехали.

– Поехали, – согласился Саня.

Я втискиваюсь в люльку, перекладываю с пола на колени сумку, накрываю поклажу пологом. Дядька носком ботинка отрывисто стукает по педали: мотоцикл словно того и ждал – начинает бешено тарахтеть.

– Может, махнем? – ведёт бровями в сторону Посоха мой спутник.

– Да ну тебя!

Дядька усмехается и выкручивает ручку.

Остаток пути до станции катим молча.

Мысли мои, как вороньё, кружат над тяжелыми, туго замотанными в плёнку брикетами травяной пыли. Лежат они прикрытые ношеным бельём на дне моей сумки, ощущаю их вес. Собраны в этих свёртках «и соки земные и свет Божий». Да только тёмное это всё, тёмное...

ГУРЬЕВЫ ПЕРЕХАЛИ ЖИТЬ К МОРЮ

Гурьевы переехали жить к морю!

Новость, конечно, замечательная, но прозвучала слишком уж неожиданно. Словно по ошибке вместо соли в блюдо добавили сахар и теперь дико хочется отплеваться.

– Продали здесь всё и купили домик под Миленградом, – рассказывает Полина, разглядывая фрагменты ухоженного лица через маленькое зеркальце. – Участок у самого моря. Дом не новый, но хороший, с мансардой. Есть небольшой садик. Знаете, на юге так приятно проводить время в тени.

– Да, да, как не знать…

Колесников смотрит на секретаршу растеряно, словно вспоминает, выключил ли дома утюг, но в мыслях, как бобины ведущего запись магнитофона, крутятся Гурьевы, которые всё продали и укатили к морю.

Колесников никогда не видел, как Гурьев купается. Интересно было бы взглянуть, впрыгивает ли он в волну сразу, не оставляя места сомнениям, или сначала топчется на мелководье, отирая бока и плечи мокрыми руками…

– Как же это они так быстро всё продали?..

От сорвавшегося с губ вопроса Колесников поспешил спрятаться в шкаф. Там он развязал затянутый на шее итальянский узел, вздохнул и принялся расстегивать пальто.

– Квартира у них хорошая, отчего бы и не продать, – хладнокровно рассудила со своего места Полина. – А мебель можно запросто сдать в скупку.

Пуговицы приятно выскальзывали из тугих петель. Как жалко, что их всего три. Плюм. Плюм. Плюм. Хочется, чтобы их была тысяча.

Колесников поместил пальто на плечики, осмотрел себя в большом зеркале, поправил ворот сорочки, оттянул и огладил полы пиджака и с новым вздохом присел на скрипучую банкетку, переобуться в конторские туфли.

– Знаете, сейчас в скупку можно сдать всё что угодно.

Пятки одна за другой скользнули по обувному рожку.

Оттого, что разношенные туфли очутились на ногах слишком легко, без малейшего сопротивления, стало как-то неприятно. Колесников пошевелил ступнями. Нужно бы добавить стельку и подтянуть шнурки, чтобы туфли сидели плотнее.

– А я ведь и не знал, что они собираются уезжать.

Полина выглянула одним глазом из-за зеркальца.

– Да они никому и не говорили. Перед самым отъездом предупредили консьержку, что квартира продана и другие люди будут делать там ремонт.

– Хм, – хмыкнул Колесников. Он со скрипом поднялся, подхватил с диванчика портфель и в два шага пересёк приёмную. – А вы откуда же узнали?

Придержав горячую ладонь на холодной ручке директорского кабинета, дождался, пока Полина ответит.

– Что знают двое, знает и свинья, – пожала плечами Полина и захлопнула зеркальце. – Кстати, звонили из Эйч-телеком. Человек представился какой-то невнятной фамилией… Фей… Фр… я даже не смогла её записать.

– Да-да, я понял, о ком речь.

– Сказала, что вы сможете поговорить с ним не раньше десяти, а он сказал, что постарается приехать к одиннадцати.

– Постарается приехать?

– Да, он так сказал.

– Ну что же… пускай. Даже не знаю, чем наше учреждение может быть полезно дельцам такого рода. – Колесников пожал плечом и стал медленно поворачивать ручку.

До одиннадцати была уйма времени.

Огромные планеты, увлекая за собой холодные каменные луны, неслись через бездушный мрак, мимо умирающих солнц, прочь от мертворождённых сердец галактик. Они поглощали хвосты комет и космический хлам, находили и снова теряли чудесную искру жизни. Приливной волной набегали и угасали эры, зарождались и гибли миры, цивилизации, сменялись культуры, становились мифами и забывались подвиги, стирались в пыль храмы и города, менялся ландшафт, высыхали моря, из океанов поднимались новые континенты, а старые погружались в толщу земель, сочась нефтью и кристаллизуясь в алмазы. Из равнодушной пропасти световых лет долетали до взоров сумасшедших поэтов вспышки давно погибших звёзд. И были сказочными сны, и была горестной явь. Но через миг уже не было ничего, так как нет в бесконечной Вселенной ни прошлого, ни грядущего. Жизнь целого мира, мелькнув тусклым огоньком, истаивает навсегда, лишь стоит поднять взор и увидеть вокруг себя бездонную темень тщетных надежд и огромные чужие планеты, и холодные луны, и мёртвые сердца галактик, и почтенную чету Гурьевых, которые махнули на всё, и уехали жить к морю.

Проникая через не прикрытые с вечера широкие прогалы жалюзи, синее утро затапливало кабинет Колесникова отсветами негреющего пламени. Колесников поёжился и щелкнул выключателем. Яркий ровный свет вычистил пятна сумрака из углов, из-под сувенирных безделушек на прозрачных полках. Единственную тень в комнате теперь отбрасывал только сам Колесников.

Марина ПЕТРОВА

Родилась в 1998 году в Нижнем Новгороде. После окончания колледжа пробовала себя в разных профессиях. Студентка Института филологии и журналистики Нижегородского госуниверситета им. Лобачевского (специальность «издательское дело»). Занимается редактурой.

Живет в Нижнем Новгороде.

ТВОИ СЛОВА

Твой возраст совсем не велик, когда ты встаёшь на путь поиска своего призвания. Множество вакансий, разнообразных, но одинаково бесперспективных, смотрят с экрана ноутбука, подобно бездне – не моргая. Коллективы коллег, душевные и не слишком, мелькают перед тобой, а ты едва успеваешь задумываться о чём-то, что тебя по-настоящему интересует. Пускай сквозь усталость, твоя спина остаётся гордо выпрямленной, а вздёрнутый нос продолжает целеустремлённо тянуться ввысь. Среди малозначимых работ и чужих ценностей, в которые ты, честно признаться, не особо-то веришь, тебе удаётся встретить нечто близкое твоему сердцу: заливистый детский смех.

По полу твоего рабочего места, соседствующего с игровой комнатой, прыгают кем-то весело подброшенные цветастые шарики; в беспорядке пёстрого окружения ты чувствуешь себя до странного спокойно. Суматоха снаружи уравновешивает и приводит в покой суматоху внутреннюю, а желающие сфотографироваться дети, лишённые всяческих забот, напоминают о давно ушедшем, но не забытом.

– Какой замечательный малыш! Ах нет, извини, ты уже совсем взрослый, – с пониманием улыбаешься ты ребёнку лет шести, которого мягко обнимаешь, пока его мать, ни разу не нарушив леденящего покоя своего лица, снимает вас на видеокамеру. – Пообещай всегда оставаться собой, дорогой мой маленький взрослый.

Зачитав отработанное пожелание, однажды выбранное тобой в качестве лозунга, ты отпускаешь своего очередного гостя обратно к родителям. Его отец, грузный мужчина в строгом костюме, степенно кивает жене и уходит вперёд – оставшиеся позади члены семьи будто нехотя плетутся следом. На секунду обернувшись на прощание, ребёнок улыбается тебе с потаённым обещанием, и ты приободряешься от как никогда ясного осознания: *твои слова имеют значение*.

Минорный возраст минует быстрее, чем тебе бы хотелось – ты учишься смиряться с тем, какую торопливую походку выбрали твои

молодые годы; лелея надежду на передышку, ты идёшь с ними в шаг. Время слегка опускает твои плечи книзу, однако гордо вздёрнутый нос остаётся точно таким же, теперь отражая азарт погони, что привнесла в твою жизнь новая профессия. Тебе больше не нужно заслуживать улыбки детей, зато улыбка начальника станет бонусом – почти таким же приятным, как греющие фантомным теплом карман премиальные.

Точно ищейка, чуя близость разгадки, ты пробираешься в незнакомый подъезд. Спустя множество бесплодных попыток выследить того, чьи жертвы однажды стали исчисляться двузначными числами, надежда на поимку трансформируется в подкожный зуд.

В поисках нужной квартиры приходится воровато оглядываться по сторонам – хоть на подозрительный шум и успели пожаловаться соседи, вряд ли кто-то из них будет рад тебе, человеку, ещё не доучившемуся до получения служебного удостоверения.

Чужая дверь приглашающе приоткрыта – столь ненавязчиво, что невнимательный взгляд легко бы увильнул в сторону, пропустив эту подсказку. Ты ступаешь в темноту узкого коридора, угадывая доносящееся из смежной комнаты мерцание телевизионной программы. Не опасаясь почувствовать себя мотыльком, ты двигаешься на свет.

Озаряемая видеозаписью гостиная рябит вместе с изображением. По нему, мелко раскрошив нижний угол телевизора, ползёт паутинка отпечатавшегося удара. Обращающееся к тебе с экрана лицо кажется смутно знакомым – спустя по меньшей мере минуту ты признаёшь в двигающейся картинке молодую версию себя, мягко обнимающую ребёнка.

«Пообещай… оставаться собой…» – звучит через лёгкие помехи твой голос. Улыбки – искренние, пусть и такие наивные, согревают и сквозь экран, и сквозь года. Лишь с приходящим осознанием, что старая видеозапись проигрывается по кругу, ты позволяешь себе оторваться от полуразбитого телевизора. Привыкающее к слабоосвещённой темноте чутьё подсказывает, что в квартире не может быть пусто.

Ты оборачиваешься, игнорируя бегущий по спине холодок. В дальнем углу комнаты, докуда экранная рябь дотягивается слабо, ты с трудом различаешь протянутые на полу ноги – словно споткнувшиеся по пути на совещание, они лежат без движения, одетые в строгие брюки и ботинки. Темнота, поглощающая остальную часть тела, оставляет пространство воображению: а прикреплено ли к этим ногам хоть какое-то туловище?

Распробовав набранный в лёгкие воздух, ты ощущаешь отчётливый металлический привкус на корне языка, но пугает не это, а перешагивающая бесхозные ноги фигура. Поодаль она блестит зубами, из оскала складывающимися в улыбку – такую же наивную, какой была в детстве и какой навсегда запечатлелась на экране включенного телевизора. Ты подбегаешь к лежащим на полу ногам, чтобы попытаться оказать человеку без сознания первую помощь.

– Наконец-то это ты, – низкий голос разрезает темноту хрипящей за гландами надеждой и впивается в барабанные перепонки. – Я же пообещал тебе тогда.

Ты, склонившись над бездыханным телом, скорбно горбишься, потому что осознание не просто кладёт руки тебе на плечи, оно толкает в лопатки: *твои слова имеют значение*.

Алиса СТРЕЛЬЦОВА

Родилась в 1977 году в г. Чимкенте Казахской ССР. Окончила филологический факультет Томского госуниверситета. В студенческие годы увлекалась поэзией, писала небольшие рассказы. Получив юридическое образование, более двадцати лет занимала должности, связанные с юриспруденцией.

Дебютной книгой стала повесть «Шишкин корень, или Нижегородская рапсодия», удостоенная Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина (2021). Живет в Нижнем Новгороде.

РЫБА

Письмоводитель Ветлужского уезда Александр Гордеевич Зайцев проснулся позже обычного, выглянул в окно втридорога снятой на Нижнем базаре каморки.

Погода стояла за первый сорт! В мутных лужах колодезного двора отображалось на удивление ясное небо. Над прохудившейся крышей посвистывали стрижи. Пышнотелая хозяйка с неуемным бюстом, напевая камаринскую, развешивала под окнами свежевыстиранные простыни…

Александр Гордеевич совершил утренний туалет, надел парадный сюртук и вышел во двор. Мимоходом похвастался хозяйке виденным сном, в котором он поймал огромную, размером с электрический вагон, рыбу.

Хозяйка, по своей натуре женщина рассыпчатая, враз припомнила толкователь снов от египетских и индийских астрологов, наобещала квартиранту богатство и почет, а при мужицкой смекалке и выгодную женитьбу.

Зайцев поспешно отвел взгляд от украшенного прищепками бюста, задумчиво усмехнулся в жидкий рыжеватый ус:

– Знак судьбы, определенно-с!

Слова хозяйки подстегнули в Александре Гордеевиче и без того бродившее шипучкой предчувствие удачливого, пожалуй, даже судьбоносного дня…

– А с электрическими вагонами, касатик, поостерегись, – перекрестившись, пробормотала женщина, – у нас на давеча Семена-кузнеца вусмерть задавило!

Зайцев отмахнулся от мрачного напутствия надушенным кружевным платочком, вдохнув пьянящий аромат рейнской фиалки, твердо решил, что сегодня ему положительно повезет.

С тех пор, как он осознал свое наитие писать и бросил пить водку, жизнь его на корню переменилась. С должности писаря Подолихинского

сельского общества, на которой он просидел бесконечных шесть лет, его против всякого чаяния перевели в Глушковское волостное управление. А год назад с легкой руки волостного старосты он скоропостижно перебрался в Ветлугу и весьма удачно занял место письмоводителя при становом приставе. За проведенный в городе год Зайцев цивилизовался наружно безукоризненно, да к тому же прилично продвинулся в написании романа и даже благосостояние свое поправил, хоть и отсылал родителям в деревню ежемесячно по три рубля.

Начальство было им довольно. Несмотря на слухи о смене пристава, Зайцев не чувствовал шаткости положения, и более того, лелеял надежду перебраться куда-нибудь повыше, как только получит классный чин. А к тому имелись скорейшие предпосылки…

Вот и дозрел Александр Гордеевич до женитьбы. После тринадцати бестолковых смотрин в Ветлужском уезде принял решение расширить горизонты и по наущению двоюродной тетки отправился в Нижний Новгород. Город ему приглянулся. Ярмарочный, людный… Да и невест здесь давали хороших, с деньгами, хоть рублей триста, а если повезет, и с тысячей. Ежели присмотреться повнимательнее, можно и с местом отыскать.

Одну такую Зайцев еще в первый свой приезд заприметил. Юленька полностью соответствовала его идеальному представлению о жене: не безобразна, даже полукрасива, умна, работница, родом из деревни, но отчасти с городскими манерами (сам-то он деревенский, но терпеть не может своих). Не вовсе богачка, но невеста капитальная и с претензией (приданое рублей двести пятьдесят, аккурат на свадьбу, да к тому же будущий тесть намекнул при удачном раскладе выхлопотать для зятя должность канцелярского служителя при губернском управлении).

Правда, шаловлива, как белка, и не имеет в полной мере внутренней цивилизации. Не может понимать книги, как понимает их он… Да ведь и сам Александр Гордеевич не без изъяна – при своем идейном кругозоре, так сказать, материально бессилен…

Поразмыслив месяц, другой, решил Зайцев жениться, самым форменным образом. Выхлопотал на службе несколько дней для поездки в Нижний, посчитал имеющиеся сбережения, самовыращенную герань с собой прихватил, чтоб к невесте не с пустыми руками. Ждал встречи с душевным трепыханием.

Но была у него еще одна первостепенная цель, ради которой он телеграфировал начальству и просил разрешения задержаться в городе на пару дней. Два месяца назад он отдал редактору на рассмотрение свою рукопись. Мучительно ждал разрешения вопроса, беспрестанно им телеграфировал и вот наконец получил весточку из редакции. Ему назначили час встречи.

Волнения переполняли стянутую тугим сюртуком грудь. То, что ему предложат контракт, Александр Гордеевич не сомневался. А вот критикующие замечания редактора и спор по поводу заголовка романа выкинуть из ума никак не мог.

«Рыба гниет с головы»… Ну, как звучит, а? Нельзя, чтобы заменили!» – размышлял Зайцев, с этими думами и вошел в редакцию.

Редактор был сух, резок, как обычно груб до невозможности. Впрочем, сегодня в его обращении чувствовалось какое-то особенное расположение, он предложил Зайцеву присесть и даже собственноручно поднес ему чашку чаю.

Сердце письмоводителя дрогнуло, Зайцев не выдержал паузы, спросил напрямую, оставили ли заголовок.

– Какой заголовок? – пробормотал редактор рассеяно.

– «Рыба гниет с головы!» – с вызовом бросил он. – Без промедления скажу, заголовок свой нахожу весьма крупным и важным. Им я сказал все то, о чем хотел сказать. Выше этого нет!

– Рыба? Причем тут... ах, да, название… Друг мой, я уже говорил вам, что вы до ужаса талантливы? – пробормотал редактор и отчего-то спросил, под каким именем писан роман и как выглядела рукопись. Очень долго рылся в ящике стола и наконец стукнул себя ладонью по высокому, с глубокими залысинами лбу. – Как же я запамятовал? Видите ли, мой секретарь случайно потерял ваш роман…

– То есть как потерял? – Зайцев чуть не опрокинул чашку с чаем на заваленный бумагами стол.

– Да не волнуйтесь вы так, любезнейший, мы объявление дали… – преспокойно ответил редактор.

– Какое объявление? – голос Зайцева заметно дрогнул.

Редактор вынул из ящика стола газету, ткнул пальцем в разворот.

Александр Гордеевич с трудом сложил прыгающие по строкам буквы в предложения:

«Потеряна рукопись на пути отъ Варварской церкви до кремлевскихъ воротъ (против театра). Того, кто нашелъ эту рукопись, убѣдительно просим доставить въ редакцію “Нижегор. Губ. Вѣд.”»

Зайцев вскочил и с бешенством вцепился в свою шевелюру:

– Вы успели ее прочесть? – выдохнул он и с надеждой взглянул в покрытое желтоватой щетиной лицо редактора.

– Друг мой, – тот внимательно осмотрел свои длинные узловатые пальцы и принялся вычищать из-под ногтей грязь, – видите ли… у нас тут столько дел…

– Вы потеряли непрочитанную рукопись? – взревел Зайцев. – Вот так запросто потеряли пять лет моей жизни?

– Милостивый государь, зачем же так орать? И к жизни вашей, знаете ли… никакого соотношения…

Зайцев не дослушал. Стол вдруг отъехал в сторону, потолок качнулся. Грудь сдавило, в глазах потемнело. Он, словно выброшенная на берег рыба, глотал ртом воздух, но никак не мог вдохнуть… Хлопнув дверью, Зайцев пробежал по колидору, спустился по шатающейся лестнице, выскочил на улицу. Увидев небо, наконец раздышался и, упав на первую попавшуюся скамейку, судорожно зарыдал…

Александр Гордеевич пришел в себя после третьей рюмки. Оглядел сарай, в котором подавали мелкие, как грецкий орех, пельмени, с тонким, в папиросную бумагу, тестом. Понял, что вкуснее их ничего не едал. И решил не сходить с рельсов…

Черт с ним, с романом! Женитьба – вот что теперь занимало все его мысли.

Зайцев расплатился и, наведавшись на съемную квартиру за геранью, отправился к Юленьке.

Увидав на пороге дома нежданного посетителя, кухарка, а по совместительству не пристроенная в девках Юленькина тетка, основательно растерялась. Оно и понятно, явился без предупреждения и к тому же подшофе… Но герань приняла, просила обождать в прихожей и исчезла в кухнях.

Александр Гордеевич оглядел себя в зеркале. Хорош жених, глаза красные, волосы дыбом. Он пригладил вихры и вдруг услышал задорный Юленькин смех, там… за приоткрытой дверью.

– Милое создание! Скука, горе ей неизвестны. Воистину сотворена для того, чтобы оберегать ее как цветок, не имея о ней грешной мысли, кроме как поглядеть, полюбоваться… – прошептал Зайцев, на цыпочках прокрался к двери и осторожно заглянул в щель.

Увиденное заставило его вздрогнуть: Юленька в тонкой исподней сорочке сидела на коленях развалившегося в кресле офицера и щекотала пальчиком его пышные бакенбарды. Ее пронзительный смех заглушало бархатное мужское гоготание…

Зайцев распахнул дверь и ворвался в комнату. Юленька вскочила, офицер не пошевелился.

– Что вы здесь делаете? – воскликнула девица, с ненатуральной стыдливостью прикрывшись шерстяным пледом.

– Свататься пришел, – не своим голосом прохрипел Зайцев, – руки вашей просить! Да, видно, не ко времени…

– Как же? Александр Гордеевич, разве это возможно, вы – и не ко времени… – пролепетала Юленька и, метнув взгляд на раздувшегося от злости офицера, прошипела. – Коленька, не смей!

Офицер ухмыльнулся, с ловкостью обезьяны подскочил к Зайцеву и свинцовым кулаком приложился промеж ясных письмоводительских глаз…

Придя в себя, Александр Гордеевич увидел склонившееся над ним, овальное, не вовсе молодое, неправильной формы женское лицо с мутными, точно у рыбы, глазами.

– Юленька? – пробормотал он и сел.

– Александр Гордеевич? – переспросило лицо, прикусив раскрасневшиеся губы.

– Как вы могли? – прошептал Зайцев, оглядевшись.

Офицера нигде не было…

– Ничего такого, Александр Гордеевич, это ж Коля, мой кузен…

– Кузен? – Зайцев с трудом поднялся, покачиваясь вышел из спальни, прошел в кухню, отыскал на подоконнике герань, сунул подмышку. Юленька семенила следом и молитвенно повторяла его имя…

– Прощайте, Юлия Никаноровна, растолкнулись мы с вами…

Юленька даже ножкой притопнула, но прежде выдворила с кухни тетку:

– То есть как растолкнулись?

– Мое мнение с натуры… – Зайцев зарделся, – с вас, ошибочное вышло…

– Ой, не пожалеешь ли? – горестно прошептала Юленька и, обронив плед, прижалась к Зайцеву теплой грудью. – Доведут тебя до ручки твои романы… Изотрешься, износишься попусту и ни к чему! А при мне человеком станешь!

– Кончено! – просипел Зайцев и отодвинул неудавшуюся невесту в сторону.

– Жалкий ты мужик, Зайцев, да и не мужик вовсе! – бросила в спину Юленька. – Ведь сопьешься, удавишься с горя, хотя… удавленнику смелость нужна, а у тебя, Александр Гордеевич, душа заносчивая, да робкая, бабья…

Зайцев обернулся, занес руку, представил, как ладонь впивается в дебелую щеку… Не посмел. Гулко простучал каблуками по колидору, звонко хлопнул дверью.

До телеграфа добрался быстро, пусть и не заметил, как промок под дождем до чертиков. Хотел телеграфировать начальству, что немедлен-

но выезжает. Но расторопный телеграфист вручил Зайцеву полученную на его имя ответную депешу, в которой значилось, что письмоводитель при приставе первого стана Ветлужского уезда Костромской губернии Зайцев Александр Гордеевич с сего дня уволен с должности и ему причитается расчет в три рубля девятнадцать копеек, который он может получить по возвращении.

Зайцев не мог вспомнить, как он очутился на ярмарке, на Самокатной площади. Но безошибочно полагал, что здесь имеется все, что ему сейчас нужно – женщины и водка. Он сделал себе развлечение, пьянствовал до вечера и пропил два рубля тридцать копеек. Взял нимфу радости в отдельный нумер, но совладать с ней не сумел, потому как напился до положения полнейшего пата. Но излить душу румяной девице в распущенном корсете соображения вполне хватило, после чего та выставила его на улицу вместе с прилично помятой геранью…

Александр Гордеевич брел по темной улице и проклинал начальство, женщин и книги.

– Книги! Будь они прокляты тысячами проклятий…

Зайцев наткнулся на фонарный столб и принял его за своего давнего приятеля – земского учителя Евсюкова.

– К черту книги! – пожаловался он Евсюкову. – От них в голове хаос ужасающий… и Дарвин с астрономией, и Кант с богословием… Все вздор! Хм, а Бог? Есть ли он вообще, Евсюков? Ежели есть, пусть сей же час мне знак подаст!

Темноту разрезал свет. Он ударил по глазам и направился прямиком к Зайцеву. Александр Гордеевич осенил себя крестом… Вокруг прояснело, Евсюков исчез, но перед самым носом материализовался фонарный столб, рельсы и уж затем громыхающий чуть поодаль электрический вагон.

В голове Зайцева зазвенело: «Мой секретарь случайно потерял ваш роман… Семена-кузнеца вусмерть… Удавленнику смелость нужна, а у тебя, Зайцев, душа заносчивая, да робкая, бабья…»

– Вот оно как! – выдохнул Александр Гордеевич и шагнул навстречу светящемуся электрическому вагону…

Очнулся Зайцев в комнате с совершенно голыми окнами и невозможно белыми стенами. Перед глазами порхали разноцветные мушки, голова нещадно трещала, его крепко мутило.

– Здорово, братец! А я уж думал, ты вовсе не очнешься, – чрезвычайно громко поприветствовал его лежащий на соседней кровати мужчина с перебинтованной головой.

– Ну что, голубчик, очухался? – сквозь пенсне на Александра Гордеевича взглянуло благообразное с аккуратно стриженной бородкой лицо.

– Где я? – Зайцев заметил на тумбочке стакан с водой, приподнялся, жадно вцепился в стакан дрожащими руками.

– У Христа за пазухой! – усмехнулся благообразный.

– Я болен? – уточнил Зайцев, опустошив стакан.

– Голубчик мой, вы совершенно здоровы, если не брать к расчету абстиненцию, гематому в пол-лица и несколько пустяковых царапин.

– Царапин? – Зайцев попробовал припомнить давешний вечер, ничего, кроме летящего на него электрического вагона, на ум не пришло. – Я не умер?

– Не повезло тебе, соколик… – Благообразный достал из кармана халата молоточек и принялся постукивать Зайцева по выглядывающим из-под холщовой рубахи коленкам.

Окончив процедуру, благообразный заставил озадаченного Зайцева выпить попахивающую спиртом микстуру, лукаво подмигнул и выскользнул из комнаты.

– Приятель, да ты сегодня на первой полосе! – радостно воскликнул перебинтованный и протянул Зайцеву свежую газету.

Безжизненным взглядом Александр Гордеевич уставился в набранные крупным шрифтом строки:

«Вчера в 10-омъ часу вечера на Песочной ул., противъ часовни Александро-Невской лавры, при следованіи вагона № 4 электрической железной дороги на выставку, ветлужскій мѣщанин Александръ Гордѣвъ Зайцев, 26 лѣтъ, по профессии писарь, будучи в пьяном виде, бросился на рельсы передъ самымъ вагономъ. Предохранительный щитъ не далъ Зайцеву попасть подъ колеса, а только протащилъ по рельсам несколько шаговъ. По остановкѣ вагона Зайцев былъ поднятъ и объявилъ, что бросился подъ вагон потому, что ему надоѣло жить. Онъ отправлен въ ярмарочную купеческую больницу, где поврежденія признаны легкими».

– Предохранительный щит? – прохрипел Зайцев.

Перебинтованный весело кивнул:

– Губернатор намедни распорядился… во избежание, так сказать…

Зайцев заметил на подоконнике графин с водой, доплелся до него, дребезжа горлышком, наполнил стакан с верхом. Выпил все до последней капли. Взглянув на сложенную неподалеку стопку грязных, но очень знакомых вещей, треснутый отчасти горшок со сломанной геранью, Александр Гордеевич задумался:

А не погорячился ли он с Юленькой? Может, еще не окончательный разрыв? И со службой безрассудно вышло. Разве по возвращении приставу в ноги поклониться? Поди, не переломлюсь… А впрочем, право, все равно…

В левом боку обжигающе кольнуло. Зажав бок рукою, Зайцев почувствовал подозрительный холодок в филейной части и со стыдом обнаружил, что рубаха на завязках, а потому неприлично расходится сзади. Он развернулся к подоконнику задом, робко глянул на перебинтованного.

Тот что-то увлеченно читал, но вдруг перевел бутылочно-зеленый взгляд на Зайцева:

– Ты брат, не стыдись! С кем не бывает? Закатился на ярмарку, кутнул, очнулся в больнице с голым задом и пробитой головой. Без денег, без надежд на будущее и в полной, так сказать, прострации. Ежели с житейского ракурсу поглядеть – вроде бы позорный финал. А ежели с литературного – презабавнейший зачин!

– С литературного?.. – Зайцева даже мурашки прошибли, в голове закрутился новый сюжет.

– То-то и оно… – Перебинтованный выскользнул из-под одеяла, бросил на тумбочку стопку исписанных листов, беззастенчиво сверкая белоснежным задом, вынул из тумбочки папироску и спички, прошлепал босыми ногами к форточке, закурил.

– Вы, по случаю, писательством не балуетесь? – поинтересовался Зайцев.

– Не… я с другого флангу, – перебинтованный протянул Зайцеву руку. – Николай Петрович Калбасников, из Санкт-Петербурга. Издатель. Беллетристикой интересуюсь, перевожу на французский…

– Зайцев Александр Гордеевич! Письмоводитель… бывший. – Зайцев бодро ответил на рукопожатие и переспросил. – Вы издатель?..

– Да-с, начинающий, но довольно успешный! Недавно из Парижу… – Калбасников выпустил дым аккуратными колечками, радушно предложил Зайцеву начатую папироску. – Неделю пьянствовал, все деньги спустил, ввязался в драку, нашли-с в канаве у Мещерского озера.

– Нелицеприятный поворот-с. – Зайцев сочувственно улыбнулся и робко пыхнул в форточку. – А что сейчас читаете-с?

– Так… романчик один, по дороге в больницу у извозчика рукопись позаимствовал, тот ее на скамейке у театра нашел…

– У театра? – Зайцев затушил недокуренную папиросу о подоконник.

– И ведь многообещающая штучка! Сюжетец забавный, хлесткий, я бы даже сказал политический, но с авантюрной линией. В Европах такие любят. Правда, заголовок дрянь и концовку извозчик скурил, но если доработать…

Зайцев бросился к лежащей на тумбе рукописи, пробежался глазами по заголовку:

– Слыханное ли дело! Это же мой роман!

– То есть как твой? – ухмыльнулся Калбасников и вырвал из рук Зайцева рукопись. – Ты, брат, часом не свихнулся ли?

– Николай Петрович, вы все не так поняли-с! – возбужденно воскликнул Зайцев. – Это же моя рукопись, определенно-с, ее в редакции потеряли, как раз у театра…

– Ты ж вроде Зайцев? А здесь черным по белому написано – Александр Волков…

– Псевдоним-с…

– А доказательства у тебя имеются? – сухо спросил Калбасников.

Зайцев принялся ходить из угла в угол:

– Страница тридцать шесть с помаркой – девица Оленька исправлена на Юленьку, на семьдесят восьмой – главный герой пьет горькую и сетует земскому учителю Евсюкову на низкое жалование, на девяноста четвертой…

Калбасников едва успевал листать страницы.

– Однако ж! – воскликнул он на четыреста двадцать первой и звонко хлопнул себя по ляжкам. – Да ты, брат, талантище! Ежели вытащишь меня отсюда, мы с тобой таких канделябров навыписываем!

Зайцев вспомнил о спрятанной на съемной квартире заначке и громко сглотнул:

– С меня билет до Санкт-Петербурга и концовка романа. С вас – контракт, возмещение затрат, двести пятьдесят рублей авансу, и пятьдесят процентов с продаж…

– Ну уж, позволь, братец, ты положительно стыд потерял! – Калбасников нахмурился, выдержав паузу, протянул обомлевшему было Зайцеву руку. – Сто рублей авансу, двадцать пять с продаж и сменим заголовок…

– Черт с ним, с заголовком! – Александр Гордеевич поспешно пожал лопатообразную ладонь Калбасникова и бросился вынимать из кармана сюртука измятый лист с переписанной давеча концовкой…

От этой поспешности у Зайцева обнесло голову, его качнуло, в груди что-то надрывно булькнуло, сердце на миг задержалось, а потом гулко припустило.

– Э, брат! Да ты сам не свой… – Калбасников подхватил Александра Гордеевича под локоток и усадил на кровать.

Втянув воздух раскрасневшимися ноздрями, Зайцев крепко закашлялся, а как отпустило – прилег, прикрыл враз отяжелевшие веки.

И примерещилось Александру Гордеевичу залитое закатным светом видение: измотанный праведным трудом рыбак с усталыми сердобольными глазами забрасывает в неспокойную воду огромный невод. Тот неспешно опускается на мутное илистое дно, а после стремительно вздымается к бездонному синему небу. И в неводе том одна единственная рыба. Крупная, с радужными переливчатыми боками. Запуталась бедовая – хвостом бьет, надрывно выгибается, что-то беззвучно шепчет…

Пригляделся Александр Гордеевич к рыбьим губам, прислушался к едва уловимому шепоту – взялся прилежно повторять сказанное. А как услыхал строки Священного писания да распознал смысл того видения, лицом просветлел, коротко улыбнулся и тихо помер.

Поэзия

Епископ Геннадий (ГОГОЛЕВ)

Родился в 1967 году в Ленинграде в семье служащих. Учился в Московском институте криптографии, связи и информатики, проходил службу в рядах советской армии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Служил священником в ряде храмов. Был ректором Костромского духовного училища, настоятелем Свято-Алексеевской церкви в Костроме, ректором возрожденной Костромской духовной семинарии. Весной 2010 года Священным Синодом Русской Православной Церкви избран на служение епископом Каскеленским, викарием Астанайской епархии. Управляющий делами Казахстанского митрополичьего округа. Включён в состав Издательского совета Русской православной церкви.

Автор книги «Великан учености. Жизнь и труды протоиерея А.В. Горского», двух поэтических сборников, многочисленных публикаций. Удостоен ряда церковных наград, а также медали Пушкина. Кандидат богословия, член Союза писателей Москвы.

Живет в Алма-Ате.

СКРИПКА

* * *

Two roads diverged in a yellow wood…
R. Frost*

Две темные забытые дороги
Ведут в лесные мрачные чертоги,
Пожухлою засыпаны листвой.
Они петляют меж корней, как змеи.
Вверху там сосны сходятся, чернея,
Просвет небес скрывая голубой.

Одна дорога огибает справа
Овраг, что в местность врезался коряво,
Другая ве́рхом движется во мрак.
И я побрел по ней среди кореньев.
Шел медленно, упорно ждал знаменья,
И на дороге мне был подан знак.

В тени кустов запела громко птица –
Такое пенье может только сниться,
Так голос был печален и красив.

* Две дороги разошлись в желтом лесу. *Роберт Фрост*

И долго я стоял, завороженный,
Внимая звукам пенья, потрясенный,
О тягостной дороге позабыв.

Но стихли удивительные звуки.
И погрузилось все в объятья скуки:
Кусты, дорога, чаща, перевал.
Я углубился в лес унылым шагом.
А что сокрыто было за оврагом, –
Я никогда об этом не узнал.

2006 г.

Россия

В краю печальном бездорожном
Умолкли крики журавлей.
Там зверь ступает осторожно
На иней замерших полей.

Там словно в горестном раздумье
К воде склоняются кусты,
И пар от речки в новолунье
Согреет ветхие листы.

Там звезды меркнут в тучах серых,
Там на исходе сентября
Дрожит на бревнах обомшелых
Неясный свет от фонаря,

Там птичьи звучные напевы
В лесной умолкнут глубине,
И говорят, что ходит Дева
По умирающей стране.

Там ночь покроет снежным прахом
Во мхе нарубленную гать –
Лишь там дано любить монаху
И четки красные вязать.

1 сентября 2011 г.

Чайка

Д. У.

Чайка, что же ты кричишь
Над морской волною?
И взмываешь, и летишь
В небо голубое?

Утром золото песка
В дымке растворится.

Оглянись: твоя тоска
За тобой стремится.

Ночь дремала под луной
За семью горами
И помчалась за тобой
С первыми лучами.

Свежий воздух бьет в виски,
Перья вырывает…
Неотступный дух тоски
Чайку настигает.

Где ветра тиранят слух
Над крутой скалою,
Обручился скорбный дух
С чайкой молодою.

1 ноября 2011 г.

Старик

Рябой старик склонился над иконой,
Резною тростью стукнул в аналой.
Он мне давно и хорошо знакомый,
Но в храме до сих пор еще чужой.

Уж много раз сюда старик приходит
И топчется у северной стены,
Потухшим взором он по фрескам водит
И будто что-то слышит с вышины.

Провалы щек болезненно бледнеют,
И в горле у него тяжелый ком.
И я ни разу не видал доселе,
Чтоб осенил себя старик крестом.

Он никогда свечей не покупает,
Не пишет на записках имена.
И вдруг с таким отчаянием вздыхает,
Что дрожью покрывается спина.

Мне не кивнет, молчит – не улыбнется
И службы никогда не подождет.
Потом кругом изящно развернется
И вон из храма медленно пойдет.

Изба

Старый двор ольхою зарастает,
На окошках крошится резьба.
Ты четвертый год стоишь пустая,
Темная холодная изба.

Здесь когда-то пес бродил по саду,
Для порядка лаял на гостей.
И чудной старик с угрюмой бабой
Проживали неотлучно в ней.

Помню, баба с ведрами спускалась,
Дед крутил цигарки у ворот.
Почему-то мне тогда казалось:
Смерть их никогда не заберет.

Год за годом, утром, как ведется,
Неизменно, правильно, всегда
Поднимали воду из колодца.
Разве может кончиться вода?

В лютый холод чинно выходили
На дворе перекидать снежок.
А под осень на крыльцах сушили,
Что припас им садик и лесок.

Как-то видел их в лучах заката:
По деревне медленно брели –
Посидеть с винцом в чужую хату
Вечерами ходят скобари.

. . . . .

Крик лисы и уканье кукушки,
Ни следов, ни тени стариков.
Ох, как тяжко умирать избушке
Средь таких же брошенных домов.

20 августа 2018 г.

Мудрецы

Я видел много бледных мудрецов,
Как будто бы восставших из гробов,
Нам с кафедры твердивших поученья.
И каждый был напыщен, одинок,
Твердил один заученный урок,
Но их словам никто не дал значенья.

Я знал людей, умеющих читать
На темных лицах тайную печать,
Им открывались все людские страсти.
Они трудились, не жалея сил,
Чтоб грешник жизнь свою переменил,
Но не было дано им власти.

И я не раз стремился всей душой
К поэтам, воспарившим над толпой
В годину бури и преображенья.

Но главный свой не написав сонет,
Они ушли в расцвете буйных лет,
Не обретя благословенья.

14 августа 2012 г.

Скрипка

Плачет скрипка в руках музыканта,
Надорвавшись горячей струною.
Очарованный силой таланта,
Ты опять вознесен над землею.

Каждый вечер высокое зданье
Покидаешь с усталой улыбкой,
А цветы и рукоплесканья
Достаются тебе, а не скрипке.

И, почуяв в ней душу живую,
Ты вздохнешь и на миг замираешь.
И целуешь её, как родную,
Когда ночью в футляр полагаешь.

Мой Господь, на стезе моей зыбкой
Утверди меня волей святою,
Чтоб Твоею послушною скрипкой
Мне и плакать, и петь пред Тобою.

1998 г.

Наталья СТРУЧКОВА

Родилась в 1975 году в деревне Опалихе Горьковской области. Окончила Нижегородское медицинское училище по специальности «зубной врач». Проработала в стоматологии семнадцать лет, затем получила высшее культурологическое образование.

Автор двух поэтических сборников, ряда публикаций в литературных журналах, в «Литературной газете». Член Союза писателей России. Живет в Кстове.

ЕСЛИ НЕЖНОСТЬ, ТО БОЛЬ И НЕ В СЧЁТ...

Бывает

Бывает, в минуты разлада
То бесишься, как на цепи,
То сердце скрепя, если надо...
А всё-таки сердце крепи.

Бывает, и рвётся, где тонко,
И ценишь, уже на краю,
Тот миг, когда ручка ребёнка
Доверчиво ищет твою.

А только не будет мгновений –
Важнее. Всему вопреки –
Тебя этот маленький гений –
Спасает касаньем руки.

Андрею Болконскому

Вдоль по набережной топот конский,
Экипаж у парадного встал.
С вами я танцевала, Болконский,
Открывая Рождественский бал.

Как шелка шелестят над паркетом,
Как по зале под музыку плыть –
Невозможно представить всё это.
Невозможно об этом забыть!

Как рука грациозно взмывала,
Опускаясь на ваше плечо.

И, казалось, от этого бала –
Всё на свете зависит ещё...

Только пальцы на белом мундире,
Только трепета взгляды полны.
Больше нет ничего в целом мире,
Нет моей перед вами вины.

Приглашённых встречают у входа,
Как велит девятнадцатый век.
Накануне десятого года –
За окном мирно падает снег...

* * *

Стихи не пишутся – случаются...
А. Вознесенский

Вот как-нибудь со мной случится,
Случится, верно, как-нибудь...
На голос незнакомой птицы,
Который не даёт заснуть,
Внезапным эхом отзовётся –
Во мне нечаянно, и вдруг –
На дне бездонного колодца,
Как первый крик, родится звук.
Вот он, пробившись сквозь молчанье,
Начало дал и был таков...
А без него – и нет дыханья,
И нет меня, и нет стихов.

Не Ассоль

Книги на полках – рядами,
Что никогда не солгут,
Только присмотрят за нами –
Вот он – покой и уют.

Мне – только вместе и с теми –
Алые ткать паруса...
И остановится время
На электронных часах.

И промелькнут по обоям
Тени и вещие сны.
Падает на подоконник
Свет восходящей луны.

Нет! На Ассоль не похожа –
Зеркало тоже не врёт.
Смотрит Есенин Серёжа,
А за собой не зовёт.

Веровать в счастье на блюдце –
Тот ещё самообман.
Мне б в алый шёлк – завернуться,
Как Айседоре Дункан.

* * *

Мне ли Вы замену ищете?
Я ли Вам? Удел такой? –
Бродят так – по свету нищие,
Да с протянутой рукой.
Чередой событий длившихся –
Не плыву! И что с того,
Что из прошлых и случившихся
Помню только одного!
Что-то было в нём нездешнее...
Он, наверно, был бы рад
Для меня скупать по-прежнему
Самый сладкий виноград.
Только вожжи ослабляются,
И уже – бежишь к нему...
Почему же так случается,
Слишком поздно, почему?
Я давно забыла каждого,
Попадала в чей прицел.
Только он один – ухаживал
И уставшую – жалел,

И ещё: звучала музыка –
Та, которую люблю.
Только жизнь, как тропку узкую,
с Вами я – не разделю.

Фламенко

А сердце болью,
А сердце страстью,
Чужою волей –
Рвалось на части.

Разлив багрянца –
Как вены вскрыла,
Фламенко-танцем
Того, что было.

Теперь во власти
Её воланов
И ловеласы,
И донжуаны.

А змеи-руки
Уже сказали

И о разлуке,
И о печали.
Был этот танец
Миров крушеньем –
Протуберанцем
Самосожженья!

Пожар эмоций –
Внутри протеста!
И стало солнцу –
На небе тесно.

Взошло багрянцем
Зари и сгинет,
Но только в танце
Жила богиня.

И каждым жестом
Она кричала
О самом женском –
С Земли начала.

И догорала –
В ночи лучиной
Земного рая –
Первопричина.

Классики

А тебя я сегодня обрадую,
Забывая про долг и про дом, –
Это нашей любовью крылатою
Оформляется жизни излом.

Мы куда-то идём тротуарами,
Забывая о цели пути,
Всё дворами, кварталами старыми –
Кто-то классики тут начертил...

Я скачу, как обычно, как водится,
Закрывая последний гештальт.
Я лечу, точно так же как школьница,
На неровный и пыльный асфальт.

Если вслед нам вздохнут посторонние,
Всё равно ничего не поймут.
Мы, как листья с тобой унесённые,
Обретаем осенний приют.

Ты проводишь по содранной голени –
Кровь красиво из ранки течёт...

И случается то, что дозволено,
Если нежность, то боль и не в счёт.

А потом под зарёю разлитою,
Со склонённою вниз головой,
Ты целуешь коленки разбитые
И молчишь над разбитой судьбой.

Сад

Пошли мне сад...
Марина Цветаева

...И, наверно, был разгар июля
И какой-то день очередной,
А меня как будто захлестнуло
И накрыло розовой волной.

Хороши и свежи розы были,
Как слова изящны и просты.
На себе не взгляд остановили –
Бесконечный поиск красоты.

Ты не знал, не чувствовал, не ведал,
Может быть, под тяжестью обид,
Сколько глубины и сколько света –
Каждое соцветие таит.

До тех пор, пока не тронет иней
Лепестков в холодном октябре,
Я живу, довольствуясь отныне
Рукотворным раем на земле.

Дмитрий УНЖАКОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт им. А.А. Жданова. Автор двух поэтических сборников. Стихи публиковались в журнале «Урал», альманахах Urbi, «Золотой век», на сетевых ресурсах.

Живет в Нижнем Новгороде.

РОСЕ ПОД СТАТЬ

Над городом живут больные звёзды

Над городом живут больные звёзды,
худые, как чахоточные дети.
Они печально плавают над парком,
чуть светятся и пахнут керосином.

А над селом сияют их собратья –
уверенные, сочные, крутые,
обветренные, с голубым румянцем,
ядрёные, как девки на морозе.

А в городе живут больные люди,
они таят в зрачках ржаное поле
и кланяются весело друг другу,
истерику зубами закусив.

А средь полей в заснеженной деревне,
в протопленную избу воротившись,
хлебает щи натруженный колхозник,
тоскует на печи и хочет в город.

Росе под стать

Там – вдалеке – заря
жилками ручейков
вытекла на края
дремлющих облаков.

Тихо поют глаза.
Дрогнули – чуть – листы.

Кто в узелок связал
чёрное с золотым?

Это – росе под стать.
Как серебрянки нить.
Это – лишь прошептать,
не голосом говорить.

У голубя это – ух-х!..

У голубя это – ух-х!
А у болота – ох!
Наверное, это – пух.
Наверное, это – мох.

У капельки это – тинь!
А у вороны – карк!
Наверное, это – синь.
Наверное, это – парк.

У мальчика это – ай!
У девочки это – хи!
Наверное, это край,
где тихо живут стихи.

Осока

Однажды вечером, в трамвае,
когда за окнами пурга,
возьмёт и выведет кривая
на молчаливые луга,
где не вмещается в осоку
кровоточивая трава,
когда на шорохе высоком
её вибрируют слова;
где, как в одежде не по росту,
к сосочку времени приник
и цедит годы клювом острым
в лохмотьях имени тростник.

Милая, посмотри в окно…

– Милая, посмотри в окно.
– Что там?
– Снег...
Тихий снег в голубом огне,
белых мух тополиный пух.

– Милая, посмотри в окно.
– Что там?
– Свет...

Тихий свет – прилетел рассвет,
синей мглой обволок стекло.

– Милая, посмотри в окно.
– Что там?
– День...
Тихий гость поселился здесь,
снега горсть уронив с ветвей.

– Милая, посмотри в окно.
– Что там?
– Ночь...
Чёрным мхом обложила дом.
Тихий снег в голубом огне...

Стихи по кругу

Валерий МАККАВЕЙ
Нижний Новгород

Тридцать лет до войны

Общежития красный кирпич,
Ткацкой фабрики чёрные трубы.
На значке октябрёнка Ильич
Сжал покрытые золотом губы.

У порога товарищи ждут,
На часах половина восьмого.
Нам до школы пятнадцать минут,
Девять лет до звонка выпускного.

Мы без шапок – плевать на мороз!
Мы отважны – уже октябрята!
Снег укутал ключицы берёз,
Лёг на медные плечи солдата;

Он задумчиво смотрит вперёд,
Как архангел на иконостасе.
Нам до школы один поворот,
Тридцать лет до войны на Донбассе.

Никита БРАГИН
Москва

* * *

Тревожно, словно тихие шаги
ты слышишь за стеной, и постепенно
они всё ближе. Холодно и тленно.
В глазах плывут свинцовые круги.

Не паникуй, не прячься, не беги!
На солнце всё растает, словно пенный
и влажный след прибоя. Непременно
прими свой день, но сон свой сбереги.

В часы довольства он тебе напомнит,
что даже в полдень, в щелочке укромной
таится ожидающая тень.

Тогда ты понимаешь, что такое
минута творчества, глоток покоя,
и чувствуешь, как дорог каждый день.

Лариса БУХВАЛОВА

Павлово, Нижегородская область

* * *

Ромашки, васильки в венок вплетала летний.
Ячмень, овёс и рожь в осенний заплету.
Переместил нас Бог в сентябрьские сети.
И я, как паучок на листике, лечу.

Я вижу впереди свеченье золотое.
И лес почти застыл в преддверье осенин.
Ячмень, овёс и рожь – серебряное поле.
Осталось сжать его, приняв как дар земли.

Принять и проходить светлейшие посадки,
Молчание берёз, которым ровно век.
Те, кто их посадил, – в садах Господних сладких.
А я ещё брожу – осенний человек.

Кселена ЛИТВИНОВА

Саратов

Спи, солдат

Спи, солдат…
В этом сне ты не воин,
Здесь не льётся ни кровь, ни огонь…
Спи, солдат,
Хорошо и спокойно…
Как бы короток ни был твой сон.

Стон земли
Небеса не тревожит…
Набирайся на большее сил…
Пусть хранит
Тебя, спящего, Боже,
Как в бою накануне хранил.

Спи, солдат…
Не боялся ты риска,
Не бежал и ни от, и не из…
Спи, солдат…
И на миг станет близкой
Та другая, далёкая жизнь.

И опять
В окна – яркое солнце…
Лёгкий ситец отдёрнутых штор…
Рядом мать…
И всё так же смеётся,
Гладя твой непослушный вихор.

Спи, солдат…
И растает усталость,
Как в ладони раскрошенный лёд.
Спи, солдат…
Пусть по времени – малость…
А война… а война подождёт.

Владимир ЛЕБЕДЕВ
Нижний Новгород

High tech, или Узор на окне

Зимним утром девочка, проснувшись,
Озарилась чудом, как во сне:
Дед Мороз, колдун великодушный,
Свой узор оставил на окне.

Видно, мимо мчал на чудо-тройке,
Тёмной ночкой заглянул в село
И рисунок для малышки бойкой
Славно сотворил, трудясь зело.

Девочка вспорхнула, словно птичка,
И узор резной, ни дать ни взять,
Будто на смартфоне, по привычке
Пальчиками стала раздвигать.

Валерий РУМЯНЦЕВ
Сочи

* * *

Это был наш последний бросок
По сплетающим ноги барханам.
Мы упали на жаркий песок
Перед синим пластом океана.

И звенели в ушах небеса,
Прикрывая свой лик облаками.
И ушедших друзей голоса
Через слой облаков проникали.

Океан безмятежно дышал,
В мелочь наших забот не вникая.
И никто, кроме нас, не решал,
Путь наш к аду лежит или к раю.

Яков ШАФРАН
Тула

* * *

Кого не тревожил навязчивый страх
Конца, неминуемой смерти?
Зачем же тогда в неустанных трудах
Терять свои дни в круговерти?

Но зная, что жизнь бесконечна всегда,
Что нет временного предела,
Иной будет взгляд на пустые года,
Иной будет взгляд и на дело.

Ведь вечная жизнь состоит из числа–
Как школа из классов, а книга из глав, –
Коротких физических жизней.

И каждая есть подготовка к другой.
Зависит от этой – та будет какой:
Благой иль себе укоризной.

Лев ПИРОГОВ
Нижний Новгород

Порошки

пусть этот мир несправедливый
но шансы есть пробиться в свет
а в светлом справедливом мире
их нет

я консервирую желанья
и в зимний вечер невзначай
достану ложечкой из банки
и в чай

альбомчик свадебный на свалке
лежит листами шелестя
одни разводы там теперь от
дождя

мир внутренний есть зал зеркальный
и отражений в нём мой друг
гораздо больше чем предметов
вокруг

искали разум во вселенной
среди пустой бездушной тьмы
а эта тьма не понимала
кто мы

проходишь мимо в том же платье
чьи складки до сих пор хранят
в них заблудившийся однажды
мой взгляд

Андрей ДЕМЕНЮК
Санкт-Петербург

Вокзал Серебрянного века

На Витебском вокзале –
На бывшем Царскосельском,
Мы словно в зазеркалье,
Заметили вдруг мельком:
Задумчивого Блока,
Смотрящего с перрона
В квадраты «жолтых» окон
Плывущего вагона;
А на ветру стояла
Под тёмною вуалью,
Одна среди вокзала,
Ахматова с печалью;
Но Гумилёв с охотой
Спешил исправить это
И сыпал позолотой
С брабантского манжета;
Он Мандельштама бросил
С его поэмой длинной...
Её за вечер Осип
Прочёл до середины;
Смеялся Маяковский,
Смотря на драмы эти,
Большой, нахальный, броский
И студень ел в буфете...
И тихо, без азарта,
Прошла, от взгляда кроясь,
Цветаева, чтоб Завтра
Выглядывать, как поезд...
На Витебском вокзале
На Царскосельском то есть,
Мы дождь пережидали,
Что в небе шёл как поезд.
И плыли словно строчки
Часы и электрички...
А дождь без проволочки
Их тут же брал в кавычки.

Публицистика

Андрей РУДАЛЁВ

Родился в 1975 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета, два года работал там же на кафедре литературы. После был охранником в ночном клубе, замредактора в рекламной газете, корреспондентом «Северного рабочего», пресс-секретарем Совета депутатов Северодвинска.

Участник форумов молодых писателей в Липках. Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006). Автор книг «Жизнь по чужим лекалам», «Письмена нового времени». С критикой и публицистикой выступает во множестве периодических изданий. Живет в Северодвинске.

Из книги

ПРОКЛЯТЫЙ ГЕРОЙ

Роман «Санькя» Захара Прилепина в контексте эпохи

Окончание. Начало в № 1, 2025

Советник

С началом СВО люди, бегущие и проклинающие свою страну, принимались рассуждать о новой волне эмиграции и отождествлять себя с предыдущими. Из всего этого выходило, что Россию в очередной раз якобы массово покидают ее лучшие люди, ум, честь и совесть. Что без них страна неумолимо погружается во тьму варварства и запустения. На свою погибель, естественно. И итог предсказуемый: льды рано или поздно растают, а изгнанники на белом коне победительно вернутся.

Много было рассуждений и о двух народах. Один темный и забитый, рабский и послушный, мало на что способный и к чему пригодный, да еще и со «зверем» хаоса и разрушения внутри. Другой – прогрессивный, евроориентированный, который только и делал, что здесь все создавал и окультуривал, пытался изменить темную российскую сущность. На нем будто бы все здесь и держалось.

В этой риторике ничего нового, все прежние перестроечные идеологические клише с теорией истощения генетического потенциала. С ярлыками вроде «совок», «люмпен», «красно-коричневое большинство» и так далее. Считалось, что когда эти «агрессивно-послушные» навсегда отойдут в небытие или прочно будут зафиксированы на маргинальной периферии, тогда и наступит процветание.

Весной 2024 года в схожей матрице подобной селекции высказался и писатель Борис Акунин*. Он рассуждал о новом расколе и утверждал, что «Россий опять стало две». Говорил про эффект дежавю и что в России вновь победило разрушительное начало, и там «скоро станет совсем кромешно».

Современный отечественный раскол произошел вовсе не после 24 февраля и даже не в 2014 году (хотя именно тогда все эти процессы размежевания предельно четко обозначились). Все это – длящаяся перестроечная инерция, запустившая процессы распада и смуты. Именно тогда взяла верх теория всечеловечества и нового мышления. Именно тогда утверждали, что отечественное цивилизационное своеобразие является причиной всех бед, мало того – грозит всему миру катастрофой. Поэтому необходимо отвергнуть ее, как ветхие ризы, стать как все, как в цивилизованном мире. Произвести отмену отечественной культурной традиции, взамен ее установить новую или переписать прежнюю до неузнавания.

Именно в перестройку, по словам Сергея Кара-Мурзы, «получила второе дыхание идея о том, что интеллигенция представляет собой особый народ, не знающий границ и “своей” государственности». И сейчас этот «народ» воспринимает себя за вторую и лучшую Россию.

Собственно, тогда и появилась вторая Россия как категорический антипод первой. И дело не в идеологии, не в режиме, а в сущностных основах отечественной цивилизации. Вторая их напрочь отвергала. Воспринимала первую за территорию пустоты. За ничто. И все ее культурное делание сводилось к тому, чтобы бесконечно доказывать этот тезис и не допустить возможности сомнений.

Поэтому и абсолютно индифферентно относились к тому, что после крушения Советского Союза русские стали самым разделенным народом. Не воспринимали это за раскол, а видели естественный ход истории – демонстрацию исхода России и замещение ее другим, их проектом. Себя же воспринимали за победителей и хозяев, отсюда и головокружение от успехов, и превознесение собственной значимости.

И то, что произошло на Украине, – очень близко к тому идеалу, к цивилизаторскому проекту второй России. Этакое Беловодье нашей либеральной интеллигенции. Выверт истории, в том числе вымарывание истории общности, культурная и религиозная подмена, выхолащивание памяти – примерно те исходные, с которых можно реализовать европроект на зачищенной почве и чтобы не допустить возврата.

Эта вторая Россия должна была произвести подмену, заместить собой основную и единственную. Это и была длящаяся новелла современного раскола или нового самозванства, которая как раз и была пресечена 24 февраля 2022 года, когда Россия вновь обрела себя настоящую, вспомнила о себе, а хмарь рассеялась.

Именно тогда стало отчетливо понятно, что нет никакой альтернативной России, что Россия одна. Что та вторая – самозваная – в реальности лишь фантом и фикция, обольщение, соблазн и комплекс фобий. Поэтому и не работает ассоциативный ряд ни с «философским пароходом», ни с первыми волнами эмиграции, как бы его ни заговаривали. Расхождения уж слишком коренные и бросающиеся в глаза. Ведь тогда происходил разрыв с реально существующим, когда Россию старую мучительно и тяжело сменяла новая, но в тоже время остававшаяся

* Признан в РФ иноагентом, включен в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

прежней. Сейчас же мы столкнулись лишь с заклинателями пустоты и старателями отмены, которые и воспринимали себя здесь в качестве странников и пришельцев. Собственно, за что боролись, и теперь отменили сами себя, продемонстрировав свое абсолютное банкротство.

Когда говорят про две России, то вспоминается рассказ «Чужие» Василия Шукшина, а перед глазами его же образы «энергичных» людей. Или «самосвал-труженик» Петра, пресекший в финале «Калины красной» путь «Волги» с публикой, пытавшейся отменить здесь мужика. Или определение «приблуда поганая» – с этими словами герой романа «Санькя» выбрасывал в окно либерального советника. Так вскоре и распорядилась сама история, преодолевшая раскол и вышедшая из топей самозванства.

* * *

Иногда сам Захар Прилепин говорит голосом своего героя. Особенно обращаясь к той реальности, которая в постсоветской России кромешно главенствовала. Этот голос неотделим от него, он никогда не менялся.

«Я жил в стране, где по всем окраинам 30 лет полыхала гражданская война, в которой я периодически участвовал, где Савик Шустер, Познер и Шендерович* вели программы на центральных телеканалах, да и Ксения Анатольевна не в интернете обитала, как нынче, а не сходила с голубых экранов натурально никогда. Где Иван Ургант с будущими иноагентами праздновал свой бесконечный бал. Где страной, экономикой, культурой управляли люди, очень серьёзная часть которых нынче вдруг оказалась натуральными врагами. О чем, впрочем, и тогда было понятно.

Где, наконец, я вкалывал на трех работах, чтоб кормить семью, – а повесткой рулила Маша Гессен** и сотня-другая её клонов», – писал Прилепин в ноябре 2023 года.

«И я был должен это любить? – задавался он вопросом. – Как вспомню, так вздрогну».

Теперь, по его словам, «пацаны воюют и умирают, исправляя ошибки всей этой нечисти, сидевшей в наших душах и на нашем бабле».

Так он объясняет свое пребывание в оппозиции к торжествующим реалиям: «Чтоб всё это поломать и хоть немного подмести у нас дома, не надо было ждать 30 лет, я вас уверяю. Лет 20 назад уже можно было начать».

«Я мечтал, чтоб они сгинули из моей страны», – написал он обо всем том многоголосом хоре нынешних иноагентов, которые долгое время и были здесь властью, отчужденной от страны, в оппозиции которым и был Прилепин.

* * *

Еще недавно все они были лидерами мнений, нравственными авторитетами, современными классиками, властителями дум, символами гуманизма и этическими эталонами. Задавали повестку, с ними призывали сверяться и держать равнение. По крайней мере, их назидательная и высокомерная «проповедь», обличающая тутошние нравы и не терпящая возражений, звучала отовсюду. Она будто бы была призвана пристыдить, вразумить, направить на путь истинный заблудших.

---

* Признан в РФ иноагентом.

** Экс-директор русской службы «Радио Свобода» (организация включена Минюстом в список иноагентов и признана нежелательной), заочно осуждена за фейки о ВС России.

Но вот 24 февраля, с началом СВО, будто включили свет. Оказалось, что перед нами вовсе не те, за кого их принимали. И задачи у них весьма специфические. Сейчас уже и не удивляет, что эта публика не просто не приняла Россию, но всей душой с киевским режимом, хоть с чертом лысым, прямо помогает ВСУ, оправдывает терроризм. Готова все что угодно оправдать, хоть национальные чистки и высылку народа, видимо, воспринимая все это за божьи кары на наши головы. Готовы умножить наказание, только дай волю.

Писатель Людмила Улицкая* саморазоблачилась в интервью пранкерам Вовану и Лексусу. Перед ней свою публичную «голую вечеринку» откровений устроили Дмитрий Быков* и Борис Акунин**. Все, как под копирку, раскрывали то, что мы и так о них отлично знаем. Весь свой духовный срам и зияющую пустоту наружу.

Но все-таки есть то, что всякий раз поражает в подобных откровениях: абсолютная разобщенность с отечественной культурой и традицией, нечувствительность и глухота. Чуждость. Отечественная цивилизация – главный враг всей этой публики, именно так ее и воспринимают. Ее культура, ее история и география, ее традиции и религии, ее люди. Что-то напоминает? Да, та самая тоталитарная идеологическая Украина в головах, то есть полное отчуждение и отмена всего уникального, своеобразного, особого. Абсолютное беспамятство. Для этого и были призваны из своего подполья, которое разверзлось в годы распада и последующей смуты.

Чужие. Проводники колоссального эксперимента по отмене отечественной культуры, всего отечественного. Они и воспринимали Россию как грязную и неопрятную замарашку, у которой появляется хоть какой-то шанс, когда свет европейских истин на нее изливается, а дальше она вновь за свое и во все тяжкие. Теперь они сами стали голыми, неприглядными, отвратными. Так и под их чудовищным экспериментом подводится черта. Очень хочется в это верить.

А ведь орудовали старательно: кто ломом, кто молотом, кто брал гаечные ключи и отвертки и деконструировал здесь все. Спешили разобрать до основания. Крушили нещадно, так, что пыль стояла кругом и оседала в головах людей до их помутнения. Потрошили отечественную культуру, мумифицировали ее, чтобы наполнить собственным содержанием, навязать свой канон, свои догмы, свою систему ценностей. Создать своего Голема. Вспомнился герой ужастика Джиперс Криперс, поедающий глаза и внутренности жертв, а их тела сшивающий в жуткий ковер. Очень похожее.

Заходило это, как и в перестроечные годы, через безудержное обличение советского. Для чего у них годилось все: от подлогов и подтасовок до ориентиров на стандарт немецких листовок времен Великой Отечественной войны и методичек периода холодной по расшатыванию общества. Затем все это масштабировалось на всю отечественную историю, которая выстраивалась в качестве пути порока. Через систему подмен переписывалась история Второй мировой. Наносился удар по вере, когда утверждалось, что корень отечественных бед в Православии. Якобы вера, как и позднее коммунизм, изолировала Россию, стала препоной на пути культурной интеграции с цивилизованным миром, развила неприятие инакомыслия и так далее. Христианство, дескать, символ духоты и тошноты. А в России – еще и бескультурья, дикости,

* Физическое лицо, признаное в РФ иноагентом.

** Признан в РФ иноагентом, включен в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

близкой к язычеству. Всеми этими деконструкциями буквально был нафарширован роман Улицкой* «Даниэль Штайн, переводчик», собравший в нашей стране в свое время щедрую премиальную жатву.

Можно сослаться на лабиринт личного мнения автора, поиски и заблуждения, свойственные любому человеку, в том числе и творческому. Но дело здесь не в этом, а в особой мете социализации, повязанной общим делом. Так было принято, так положено. Вот именно так, как рассуждает Акунин**-Быков*-Улицкая*. Если хочешь вписаться в систему, то будь добр принять правила игры. Это будет и социальным лифтом, и путем к успеху. Ту же литературу назвали индустрией и так ее обустроили, так стандартизировали.

Улицкая* – не частный человек, а система, особый конвейер корпорации по выверту и отмене. Они всей душой с Украиной, потому что та продвинулась существенно вперед в общем деле их проекта. И чем больше ада там, чем больше костров, смертей, факельных шествий, тем им милей, ведь это пламя, этот ужас воспринимают очистительным. Чем качественнее все будет выжжено вокруг, тем больше шансов установить на пустом месте нечто иное и никак не связанное с прежним.

Та же Улицкая* не только носитель совершенно определенных догм и обладатель специфической оптики, но она формировала здесь новый канон, утверждаясь, совершенно необоснованно, в ранге классика. У нее появлялись последователи и ученики, тут же средствами массированного пиара и продвижения входившие в моду. Они, в том числе, подвизались на ниве национальных вопросов с расчесыванием реальных или мнимых травм и обид. Деколонизация и борьба с неким русским колониализмом – это вообще сейчас магистральная тема, которая обладает эффектом ржавчины, разъедающей общество. Дальше приходили расчесыватели личных травм, мало отличимые друг от друга, страдающие в отечественной огромности, несуразности и атмосфере насилия, которая давит на них могильной плитой и не дает раскрыться.

Это целая грибница, которая разрослась здесь в созданных предельно комфортных условиях. Она стремилась к монопольной власти во всех сферах и особенно духовных, где глушила все живое, выдворяя любое инакомыслие на маргинальную периферию. Все для того, чтобы кардинально изменить человека, чтобы он мать свою не узнал и родных не помнил. Ничего не помнил, а только насыщался той пылью, которую столбом производила Улицкая* и ей под стать. «Народ для разврата собрался». Имя им легион…

Что вы думаете по поводу покушения на Прилепина, а про убийство Дарьи Дугиной? Что делать с русскими в Крыму, и куда уходят гонорары с ваших книг? Ряд вопросов – и перед нами не аристократ духа, в образ которого усиленно рядили подобных, а обыватель, «раб лампы», находящийся в плену у собственных страстей, ставший предельно зависимым от некритично принятых идеологических установок, догматов, сформировавших оптику. Та самая пена, про которую как-то сказал российский президент. Возвращенная история ее смывает, как и их проект полной разборки отечественного цивилизационного здания.

В романе всю эту публику олицетворяет ученик отца Саши Тишина, преподаватель с либеральными взглядами, а после и вовсе советник губернатора – Алексей Безлетов.

---

* Физическое лицо, признаное в РФ иноагентом.

** Признан в РФ иноагентом, включен в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

* * *

Советник. Инфернальный образ. Искуситель. Разрушитель. Нечто не от мира сего.

Без.

«Без божества, без вдохновенья…» Образ пустоты. Ничто. Ничтожное.

Собственно, на это и было ориентировано постсоветское культурное делание с вектором на повальную европеизацию – принудительную попытку сделать Россию иной, чем она есть на самом деле, лишить национальной идентичности, превратить в расчищенный плацдарм, который можно окультуривать. Отменить ее.

Безлетов – преподаватель философии. Доцент-гуманитарий, у которого со временем выработались повадки «маститого театрального актера». Опять же ученик отца: рядом с линией родства появляется приблуда, которой важно разорвать все связи, похоронить. Этакий благопристойный и представительный Смердяков.

Безлетовщина – деструктивная энергия, с которой стране приходится сталкиваться до сих пор. Подпольный дух распада, вырвавшийся наружу из расщелины и разлома, образовавшегося в последние годы жизни великой страны, от финала которой тогда прошло пятнадцать лет. Пустота Безлетова ее добивала и мародерствовала на руинах. История этого буйства, к сожалению, не закрыта, а распадное не запечатано в своем подполье.

* * *

В своем «Убийстве часового» Эдуард Лимонов писал: «Интеллигенция. Упрямые, самоуверенные, воинственные, агрессивные, истеричные. Каждый – маленький, нетерпимый к другой идеологии Пол Пот. (Тот самый, палач Пномпеня, диктатор красных кхмеров.) Ради осуществления своих светлых идеалов капитализма сгноят, угробят миллионы, замучают голодом. Чтоб восторжествовала их светлая правда. При этом полуграмотны. Воспитаны по устарелой гуманитарной классической системе. Клянутся Мандельштамом, бранятся Маяковским. Продукты затхлости и герметизма. Мира за пределами России не знают. Слепые и наглые».

Так они и сформировались в особом герметичном пространстве, воспринимая Запад за идеальную картинку, становясь догматичными и нетерпимыми к любому иному суждению. В советскую перестройку оказались окрыленными открывшимися возможностями.

«Да, “Соединенные Штаты выиграли психологическую войну против СССР”. Им удалось вложить в несколько миллионов черепных коробок советской буржуазии (и прежде всего ее авангарда – интеллигенции) свою НАЧИНКУ. Сделать этих людей тотально чужими российской цивилизации», – писал тот же Лимонов.

В лимоновской «Анатомии героя» есть чудесное эссе про либеральную интеллигенцию «“Пастернаки”, дети их “птючи” и “лохи”».

Можно сказать, что из него позже вырос роман Михаила Елизарова Pasternak, где Pasternak – дыхание потустороннего, несущее вирус разрушения. Морок, который прикрывается видимой оболочкой благопристойности.

«Ересь “пастернаков” возникла в России вскоре после смерти цезаря Иосифа Сталина и быстро распространилась по стране. К середине

60-х в России насчитывались уже миллионы “пастернаков»”», – писал Лимонов.

По его словам, «главным в их поведении было не несогласие (диссидентство) с политикой и государственным строем страны, но коренное эстетическое и этическое отличие их от стоявших у власти “лохов”».

В горбачевские годы ««пастернаки» привели страну к тяжелейшему в ее истории кризису», а затем перебежали к Борису, которого научили «ликвидировать страну»: «Преступление это чудовищное и сравнимое только с падением Римской Империи, до сих пор не осмыслено в достаточной мере. Если христианская ересь угробила Римскую Империю, то “пастернаки” угробили более могущественную империю, советскую».

Такова борьба «журавлей и карликов» (по Леониду Юзефовичу) «пастернаков» и «лохов» (по Лимонову). Бесконечное противостояние единства и хаоса, смуты.

* * *

Любопытно, что либералы, а Безлетов был человеком «крайне либеральных взглядов», все время прячутся за пустоту, пустыню, будто выискивая в ней самооправдание и этическое обоснование. Часто используют и в качестве безапелляционной дубины, которой огорошивают человека иных взглядов, делая пустое место из того, что сами не разделяют. Просто и надежно. Достаточно сказать, что ничего нет, и оппонент ничего из себя не представляет.

Все время хочется быть тем самым мальчиком, разглядевшим настоящее убранство короля. Но, с другой стороны, допустим, истинное видит только он один, но как доказать это или опровергнуть? Не навязал ли он своим истошным криком свое мнение обществу? Или его позиция, взгляд не нуждаются ни в каких обоснованиях и доказательствах? Важна только вот эта поза пророка и ясновидца, кричащего, что король не в роскошных одеяниях.

Так или иначе, но подобный крик-озарение очень часто используется и является главным диалогическим приемом.

К примеру, после начала СВО первым на происходящее откликнулась поэзия, много говорилось о поэтическом рассвете. Поэзия Русской весны, или русской победы, или Z-поэзии. Ее яростные критики, исходя из своих противоположных к происходящему позиций, не удосужились разбираться в поэтических тонкостях, заклеймили конъюнктурой, обвиняли в использовании «повесточки» и, конечно же, срезали, что с художественной точки зрения эта поэзия ничего из себя не представляет.

«Король голый!» – кричат. Да и не король вовсе, а плут и самозванец. Ату его!

Так и по всем позициям: никого и ничего. Утверждают, что патриотическая культура в современной России ничего не создала, она ни на что не способна. Впрочем, никому и не нужна. Ничего, ничего и никому! Голый, голый!

Вот один типический пример: весной 2023 года литератор Александр Архангельский* в интервью изданию «Репаблик» высказался, что «людей, способных создать масштабную архаическую, милитаристскую, антизападническую культуру, нет в товарном количестве». Есть только Захар Прилепин, который, по словам Архангельского, после 2014 года

* Признан в РФ иноагентом.

не создал ничего стоящего. Все остальные – «литературные недоразумения». Литератор настаивал, что стихи «Z-поэтов протухнут, а больших деятелей культуры, вставших на эту почву, нет».

Понятно, что никакой системы доказательств не приводится. Понятно, что высказанное – лишь прием, чтобы разделаться с оппонентом и «доказать», что после 2014 года пошло культурное истощение, деградация и вымирание.

«Либералы 30 лет выкашивали всё им поперечное, культивируя своё. И теперь говорят: да у них там, у патриотов, пусто! Дайте нам даже не 30 лет, а 3 года – и все ваши институции, и у нас будет густо. Но так вы ж не дадите», – ответил Архангельскому Прилепин и добавил, что «в их среде принято проводить коллективные сеансы самоубеждения. Из уст в уста они несут эту весть: "Там, у патриотов, – пустыня, никому не нужен их проклятый Донбасс, только садулаю караулову, но что о них говорить"».

Вся эта культурная ситуация была отлично прописана уже в романе «Санькя»: «Саша добежал до той самой плиты, где они отдыхали с отцом.

Плита вся заросла кустами, большая ее часть спускалась в воду и поросла зеленой, сопливой, подводной растительностью. Теперь полежать на плите явно бы не удалось.

Глядя на это, Саша испытал тоскливый спазм в сердце – словно не плита лежала в воде, а поверженный памятник».

Схожие ощущение были у героя романа Александра Проханова «Красно-коричневый» Белосельцева. Только они касались крушения страны. Прохановский герой наблюдал как «истреблялась целая эра, к которой он сам принадлежал. Ломался вектор истории, в котором он двигался и летел». Все это производило опустошение, и «жизненных сил не хватало на борьбу с пустотой». Мало того, возникало чувство, что «его кинули в огромную лохань, где шло гниение, совершался распад, действовала стихия разложения».

Все это – перестроечная инерция разрушения и нигилизма. Когда первоначальная надежда на обновление общества обернулись обвалом, или «катастройкой».

У того же Проханова есть статья «Так понимаю!» 1987 года, в которой он раскрывает свое понимание перестройки, которую «ждали, вынашивали». В противоположность наметившейся общей разрушительной тенденции, писатель отмечал, что «мы не разрушаем, не растаскиваем, не превращаем в развалину общественный и экономический механизм. Мы оснащаем его новыми двигателями, встраиваем в него новую сконструированную социальную машину».

Проханов рассуждал, что «перестройка есть инструмент, прокалывающий тромбы, создающий мощный постоянно действующий аппарат интеллектуального и социального творчества, постоянного обновления и динамики». Он напоминал, что весь XX век социализм менял и преображал мир, такая динамика должна быть присуща и ему.

При этом Александр Андреевич критиковал проявляющиеся разрушительные тенденции. Например, в оценке недавней истории, когда она рассматривается не в своей общности, а разбивается на десятилетия, после чего делается вывод о ее несостоятельности. Когда дореволюционная Россия противопоставляется Советскому Союзу.

Проханов делал акцент на том, что «не следует идти с огнеметом по хронике наших семидесятилетних свершений», то есть погружать их в нигилистическую камнедробилку. По его словам, «огнемет – никудышное средство для историографа», ведь «история – не ракета, сжигаю-

щая свои ступени, а живое древо, существующее во всех измерениях». Оно «живет все целиком, разом, единым дыханием».

Это был один из редких голосов, говорящих о целокупности, провиденциальности истории. К сожалению, в обществе преобладал разрушительный раж с той самой жаждой разнести до основания, а потом посмотреть, что из этого будет. Любопытно же. Так страна погрузилась в топи нигилизма, разрывающие ее на части до состояния пустого места.

Поверженный памятник оказался в воде, поросший сопливой растительностью.

* * *

Отчего так произошло, в чем причина современного культурного разлома, когда страна подверглась колоссальному культурному вывертy, обчуждению или евроремонту, когда действовала тотальная политика отмены отечественного?

Установилась твердая вера, что только в приложении к Европе Россия чего-то стоит, что все лучшее в ней происходило, когда она сближалась с ней, и, наоборот, погружалась в непролазные потемки, когда пыталась жить своим умом, которого якобы не хватает ни на что. Подобные голоса особенно усилились после известных событий 2014 года.

«Русская культура стала великой, когда Россия стала Европой» – проповедовала, например, тогда Юлия Латынина*. Без Европы остается лишь «Московская Русь с ее домостроем, ксенофобией, технической отсталостью…».

Подобная оптика была выстроена в силу установки на европеизацию, то есть на принудительную попытку сделать Россию иной, чем она есть на самом деле, лишить национальной идентичности, превратить в расчищенный плацдарм, который можно окультуривать.

Тут можно, к примеру, вспомнить Михаила Шолохова, который еще в конце 70-х в письме генсеку Леониду Брежневу отмечал, что «без возврата к русской национальной традиции мы не выдержим предстоящего противостояния с врагом». Говорил про две культуры внутри страны: хранящая Отечество и России втайне враждебная. Говорил и про то же искажение отечественной традиции, ее принижение. Что отечественной цивилизации противопоставлен западный проект, грозящий ее отменить. Вскоре это и произошло. Об этом письме подробно рассказывает Захар Прилепин в своей шолоховской биографии.

Обчуждение – стремление стать иным, уподобиться иному, перенять чужую традицию, поставив крест на своей, которая воспринимается ущербной, неполноценной, приниженной. То есть европеизироваться. Это давняя болезнь, к которой Россия в полной мере до сих пор не выработала иммунитет. Оттого ее и шатает, и эти шатания оставляют после себя цивилизационные разломы.

Иллюзия европеизации – что Емелина печь. Стоит сказать «по щучьему велению», и все должно чудесным образом управиться.

Об утопичности подобных воззрений аргументировано писал еще отечественный философ Николай Трубецкой в работе «Европа и человечество» (1920 год), где отмечал, что «полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, – дело невозможное». А ведь в советскую перестройку прельщали именно такими перспективами, возвращением в лоно «цивилизованного мира».

* Признана в РФ иноагентом.

Трубецкой отмечал, что «одним из самых тяжелых последствий европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела». Тот самый разлом, распад и разрушение. Философ говорил и о том, что в такой ситуации увеличивается и поколенческая дистанция, утрачивается преемственность: «в народе, заимствовавшем чужую культуру, каждое поколение живет своей особой культурой, и различие между "отцами и детьми" здесь будет всегда сильнее, чем у народа с однородной национальной культурой». Происходит и серьезное общественное расслоение, возникают те самые противостоящие друг другу две культуры: отечественная и заимствованная. Первая мыслится отсталой, вторая – прогрессивной и предпочтительной.

«Большею частью европеизация идет сверху вниз, т. е. охватывает сначала социальные верхи, аристократию, городское население, известные профессии, и затем уже постепенно распространяется и на остальные части народа», – писал Николай Трубецкой, добавляя, что процесс этот идет медленно и может растянуться на несколько поколений.

Процесс расслоения приводит к тому, что разные «классы являются не частями одного национального целого, а обособленными культурными единицами, как бы отдельными народами со своими культурами и традициями, со своими привычками, понятиями и языками».

В 2014 году о схожем расслоении будет писать и Захар Прилепин в эссе «Две расы», констатирующий, что «у нас две расы. Эти две расы – иной крови. Разного состава». За этот текст Прилепину очень сильно пенял Роман Сенчин, выстроив свою концепцию писательской эволюции. Дескать, перестал шифроваться и разобщает.

По мнению Трубецкого, подобное «расчленение нации вызывает обострение классовой борьбы, затрудняет переход из одного класса общества в другой», «препятствует сотрудничеству всех частей народа в культурной работе». В целом создаются условия, которые «неизбежно ослабляют европеизированный народ и ставят его в крайне невыгодное положение, по сравнению с природными романогерманцами».

В культурном отношении европеизированный народ «оказывается малопродуктивным: он творит мало и медленно, с большим трудом. В усвоении открытий, в процессе распространения он проявляет ту же медлительность». Отсюда он и представляется с европейской точки зрения в качестве отсталого. Будет восприниматься неизменно ниже природного европейского. Что и произошло в постсоветской России, впавшей через эпигонство и подражательство в культурный застой.

Для примера можно вспомнить перестроечный неистовый азарт по переделке всего отечественного по цивилизованным лекалам. В качестве ориентира представлялась западная мерка, по которой все отечественное воспринималось ничтожным, потому как не подпадало и не укладывалась в ее стандарты. К подобному уничижительному сравнению сводился весь перестроечный пафос в духе «Путаницы» Корнея Чуковского: «замяукали котята: "Надоело нам мяукать!"». Что и привело к большому пожару.

Позволю себе большую цитату из работы Трубецкого, насколько точно в ней описаны все процессы, произошедшие в новейшей отечественной истории: «Приняв европейскую культуру, он (народ. – *А. Р.*) вместе с ней воспринимает и европейские мерила оценки культуры. Он не может не замечать своей малой культурной продуктивности, того, что его культурный экспорт развит очень слабо, что распространение новшеств у него идет очень медленно и с затруднениями, что значи-

тельная часть его национального тела очень мало или вовсе непричастна к той романогерманской культуре, которую он считает “высшей”. Сравнивая самого себя с природными романогерманцами, европеизированный народ приходит к сознанию их превосходства над собою, и это сознание вместе с постоянным сетованием о своей косности и отсталости постепенно приводит к тому, что народ перестает уважать самого себя. Изучая свою историю, этот народ оценивает ее тоже с точки зрения природного европейца: в этой истории все, что противоречит европейской культуре, представляется злом, показателем косности и отсталости; наивысшим моментом этой истории признается тот, в который совершился решительный поворот к Европе; в дальнейшем же ходе истории все, что бралось из Европы, считается прогрессом, а всякое отклонение от европейских норм – реакцией. Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное, национальное. Если же прибавить ко всему этому вышеупомянутое расчленение национального тела, ослабление социальных связей между отдельными частями этого тела вследствие отсутствия у них единой культуры, общего культурного языка, – то станет понятным, что патриотизм у европеизированного народа всегда развит чрезвычайно слабо. Патриотизм и национальная гордость в таком народе – удел лишь отдельных единиц, а национальное самоутверждение большею частью сводится к амбициям правителей и руководящих политических кругов».

Кто бы прочитал эти слова, кто бы вник в их суть, прежде чем окунуться в омут общечеловества и иллюзию конвергенции культур, европеизации?.. Впрочем, о подобном предупреждал, например, Эдуард Лимонов в книге «Иностранец в смутное время».

А еще ранее, в 1969 году, всем этим наметившимся процессам был посвящен роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» Там, в том числе были и такие слова: «приход западной “демократии”, которой завлекают вас, молодых русских, западные пропагандисты, – это отнюдь не полные витрины ширпотреба, а прежде всего истребление ваших народов, уничтожение вашего государства, уничтожение России». «Надо истребить, до конца, до ровного, гладкого места все русское», – говорят у Кочетова инициаторы нового ползучего похода на Восток. Для этого необходимо зачистить, вывернуть наизнанку отечественную культуру и искусство, ведь в ней, как в древнерусской иконе, запечатлена идея собора, объединения. Эта идея единения наполнила и русский коммунизм. Отсюда и яростное противодействие ему в виде вирусов розни, разъединения, усобицы, провоцирующих самоотрицание, самоуничижение, всевозможные комплексы, подпитывающиеся клеветой.

«Отсутствие веры в себя, конечно, опять-таки является большим минусом в борьбе за существование», – писал Николай Трубецкой, добавляя, что «нации мало-патриотические, с неразвитым чувством национальной гордости, всегда пасуют перед народами, обладающими сильным патриотизмом или национальным самомнением».

Вот и ответы на вопросы по поводу отечественной культурной катастрофы, которая растянулась у нас на все последние десятилетия и особенно остро проявилась 24 февраля, с началом СВО, когда культура и литература по большей части оказалась не со своей страной, попыталась прикрыть свой срам черным квадратом, а то и проклятиями.

Николай Трубецкой призывал к противодействию, писал о том, что мириться с подобным положением дел нельзя, потому как оно крайне губительно для страны.

«Народы, не противодействующие своей “отсталости”, очень быстро становятся жертвою какого-нибудь соседнего или отдаленного романогерманского народа, который лишает этого отставшего члена “семьи цивилизованных народов” сначала экономической, а потом и политической независимости, принимается беззастенчиво эксплуатировать его, вытягивая из него все соки и превратив его в “этнографический материал”», – столетие назад написано, а будто сегодня. Удивительно!

Или вот еще одно очень точное и провидческое наблюдение: мыслитель отмечает, что попытки европеизированного народа уподобиться Европе, догнать ее приводят к скачкообразному развитию прыжками, которые «нарушают весь ход исторического развития».

«В короткое время народу нужно пройти тот путь, который романогерманцы прошли постепенно и в течение более долгого промежутка времени. Ему приходится перескакивать через целый ряд исторических ступеней и создавать сразу, ex abrupto, то, что у романогерманцев явилось следствием ряда исторически последовательных изменений. Последствия такой скачущей “эволюции” поистине ужасны. За каждым скачком неминуемо следует период кажущегося (с европейской точки зрения) застоя, в течение которого надо привести в порядок культуру, согласовать результаты, достигнутые путем этого скачка в определенной сфере жизни, с остальными элементами культуры. А за время этого “застоя” народ, понятно, опять и еще больше отстает», – отмечал Николай Трубецкой.

Практически об этом же рассуждал Юрий Лотман в статье «Механизм Смуты», написанной сразу после распада СССР. Он как раз и говорил, что «история строится как цепь взрывов». Говорил о непримиримых противоречиях, на которых была построена отечественная государственность в XVIII веке. В первую очередь, это «заключалось в строительстве “регулярного” государства на крепостнической основе». То есть, как полагал Лотман, происходило смешение европеизации с приметами собственной отсталости.

Впрочем, ученый приходил к иным выводам, нежели Трубецкой. Совершенно в духе времени, когда все свое было дискредитировано, а это, напомним, 1992 год. По его мнению, катастрофичность, то самое развитие взрывами, является типологической особенностью отечественной культуры. Преодолеть это возможно только через абсолютный западоориентированный вектор. В завершении своей статьи он писал: «В настоящее время переживаемый Россией кризис, с одной стороны, все тот же кризис, который в разных формах, но с единой сутью повторялся весь период между Петром и нашей современностью. С другой стороны, мы переживаем принципиально новую ситуацию, ибо сейчас вопрос о переходе к общеевропейской тернарной структуре приобрел гамлетовский характер – “быть или не быть”».

Трубецкой же выход из подобных гибельных процессов видел в том, что интеллигенция освободится от обольщения и осознает все опасности от процессов европеизации. Должна понять обман и то, что европейская культура вовсе не есть нечто абсолютное и универсальное для всех, что европеизация разрушительна для других цивилизаций.

* * *

Первый диалог в романе Саши Тишина с Безлетовым в дешевом кафе очень напоминал разговор с тем самым лопушьем с деревенского

пляжа. Вот оно, вырванное с корнем и брошенное в реку, плыло, несомое быстрым течением. Плыло, плыло, напитывалось «знанием», и приплыло, выстреливая свои тезисы о пустоте.

Высказывания Алексея Безлетова можно свести к концепции цивилизационно-исторического разлома.

Нынешние русские – такие же, как «новые греки по сравнению с древними. Как воины-ассирийцы по отношению к айсорам – чистильщикам обуви», – говорил Безлетов.

Все, что имело хоть какой-то смысл, – безвозвратно ушло и сделалось лишь фактом истории. Реальность – пустота, причем у нее нет никаких шансов преобразиться и восстановить цивилизационную преемственность с прошлым.

Заполнить пустоту могут только лишь временные декорации, некое подобие фольклорной деревни или «эстетический проект, на фоне воцарившейся тоски и смуты».

«Народ перестал быть носителем духа», «Россия должна уйти в ментальное измерение», а на ее месте, если что-то и появится, то принципиально иное, совершенно не связанное с ней, как новые греки с древними.

Можно в этом услышать и отзвуки лимоновской формулы «СССР – наш Древний Рим», но у того все-таки звучал призыв к пробуждению. Здесь же – к похоронам и забыванию. К полному обнулению.

Не случайно Безлетов помогал и присутствовал на тяжких похоронах Сашиного отца – своего учителя. Так для себя он похоронил и Россию, и все, что с ней связывало. Впереди – новый проект с абсолютно чистого листа.

Кстати, эпизод с перевозкой гроба с телом отца в деревню традиционно отмечает либерально настроенная публика в качестве самого сильного в романе.

Выделяла его, например, Людмила Улицкая*, которая видела в нем «метафору происходящего» в России.

Улицкая* рассуждает так: «отец – алкаш, вся семья уже от алкоголизма вымерла, все мужики», сын (видимо, тоже алкаш) затеял отвезти гроб с телом зимой в деревню, понимая, что дороги нет. Тащили по снежной целине многие километры, так бы и замерзли, но в соседней деревне чудесным образом проснулся еще один «алкаш» и, влекомый бессознательным чувством, приехал на подводе и вывез.

В сюжете Улицкая* видела раскрытие тайны «славянской души»: «мощное целеполагание с полным отсутствием здравого смысла». Еще бы, алкаши ведь кругом. Нажрутся, а после в полубессознательном состоянии совершают какие-то странные и диковатые поступки. Вот она – русская хтонь.

Но дело, скорее, не в секрете русской души, здесь ответ на вопрос, отчего в России либеральный дискурс долгое время имел влияние на умы. Казалось, что он создавал эффект отстранения, когда на нашу реальность будто бы можно было посмотреть внешним взором, поставить объективный диагноз и выписать спасительный рецепт. Вот и прислушивались и готовились услышать суровую и далеко не приятную, но правду.

Но на самом деле, диагност был абсолютно чужой и не скрывал этого. Для него все здесь было чуждо, непроницаемо, непознаваемо, необъяснимо, а потому пугающе. Отсюда и попытка «окультурить» тутошний

* Признана в РФ иноагентом.

злокачественный неустрой, привести к понятному знаменателю, и, орудуя скальпелем, отменить. Поэтому и очень надеялись на похороны, что «алкаши» все сами естественным образом перемрут.

Улицкой* не было дела до того, отчего отец Саши сгорел от водки, отчего ушел, категорически не приняв либеральный проект разрушения страны и колоссальных подмен. Она все это пропустила, ей это совершенно не интересно. Что она могла бы по этому поводу сказать? Про «совка», который не вписался в новые реалии, – так и хорошо, что ушел и не путался под ногами? Тогда так все и объясняли, ожидая, когда можно будет похоронить последнего. Чтобы прервать отечественное время.

Безлетов. Без лет. Без времени. История остановилась. Поэтому он и режет Тишину по живому:

«И Родины уже нет. Все рассосалось!»

«Вы ничего не исправите».

«Здесь пустое место. Здесь нет даже почвы».

Народ «невменяем»…

Таковы были лозунги господствующей постсоветской идеологии. Победителей.

В этом безлетовском гимне и заклинании на пустоту – преломление собственной оптики. Особой травмы от крушения утопических надежд и проектов, а также проявление весьма своеобразного чувства ответственности, заглушающего голос совести тем, что здесь ничего стоящего и не было на самом деле. Так трансформировались перестроечные разрушительные иллюзии. В разочарование, за которым пошло отрицание. Что, например, можно было наблюдать после 24 февраля 2022 года, когда люди, жившие в особой системе координат и западной оптике, категорически не приняли возвращение России в свою историю. Стали проклинать, отрицать и выставлять ее исторический путь за бесконечную череду злодейств. Все из-за разочарования, что их утопия рухнула, почва не оправдала надежд. Так пропади все пропадом!..

Схожие с безлетовскими мысли высказывает в романе «Бермудский треугольник» Юрия Бондарева товарищ главного героя – Спирин, своеобразный демон, вышедший из разлома реальности и ставший по ту сторону добра и зла. Он прошел Афган и Чечню, принимал участие в событиях 93-го года и, как выяснилось в финале, проявил тогда неслыханную жестокость. В финальном диалоге хмельной Спирин развертывает «исчерпывающее философское понятие – ничто» через образ «Бермудского треугольника»: «Приборы на нуле. Машины корабля заглохли. Рули не подчиняются. Компас не действует. Глубина и пустота океана. Бездонный колодец. Всех засосет. Тьма».

Он адепт этой пустоты, этого ничто, хотя и не признает, ненавидит ее, но в тоже время капитулирует перед ней и, погружаясь в этический нигилизм, принимает его правила.

Пустота – его стихия, он – выпотрошенная мумия, таковым его сделали новые реалии, перестроечный разлом. Спирин – жестоко травмирован сквозняком, вырвавшимся из расщелины грандиозного распада. Он инфицирован им и несет о нем весть, поражая все вокруг. Своеобразный апостол распадного хаоса, оставляющий после себя руины.

«Была великая страна – и нет великого гиганта! И нет народа! Утрачен генофонд! Гниющий мусор… И ты в этом мусоре – искуренный до ногтей окурок! Будь реалистом – осознай!..» – проповедует он глав-

* Признана в РФ иноагентом.

ному герою романа Андрею свой культ пустоты. Реализм в восприятии Спирина – идти в ногу со временем, приспосабливаться под него, прогибаться под изменчивый мир, чтобы не отстать, чтобы оставаться современным и двигаться дальше вместе с победителями.

В финале бондаревский герой стреляет в лицо своему визави – демону «ничто», вышедшему из грандиозной прорехи эпохи разлома.

«А может, и нет никакой России? Может быть, была она и кончилась?» – спрашивает друг главного героя Лева Голдовский в повести Алексея Варламова «Лох», вышедшей в 1995 году. К этому вопросу его, как и многих, подвел абсолютизированный нигилизм, который устроил победительное шествие в те годы. Голдовский говорит о любви к России, но к какому-то иному умозрительному образу, ныне ушедшему, а реальность – дерьмо, от нее душно и тошно. Так и выстраивается концепция восприятия страны: идеализация абстрактного прошлого и гипертрофированная критичность по отношению к настоящему. В этом вакууме и появляется пустота.

Безлетовские формулы пустоты реанимируют призрак архитектора перестройки Александра Яковлева, который в своем выступлении «Этика и Реформация» на международной конференции в Ватикане в 1992 году заявил, что «я ни за что себя не корю. Больше того, я счастлив». Он также отметил, что необходимо было проводить изменения в сфере идеологии «жестче и решительнее». В деле демонтажа системы необходимо было ускорение.

По его словам, перестройка явилась попыткой вырваться «из абсурда замкнутого круга», что сопровождается изменением «тысячелетней парадигмы общественной жизни». И в этом деле распад СССР был лишь промежуточным триумфом. Основная и конечная цель – исправление, излечение уже всей российской истории. Главные препоны на этом пути: народ – «восточная психология», религия, которая ведет не к рационализму, а утопизму, и традиции государства, связанные с его географией и призванные подавлять здесь все живое.

Об этом перестроечном эхе в словах Безлетова и сказал Саша в разговоре с «союзниками», обсуждая услышанные сентенции пустоты.

Безлетовски рассуждает в «Обители» поручик Мезерницкий: «...я был в Крыму: ещё дамы, ещё эполеты, но ничего этого уже нет, эта жизнь умерла!.. Есть мёртвые города – где уже никто не живёт и лишь руины. А это был мёртвый город с живыми людьми!» И добавлял: «всего этого тоже скоро не будет».

Его можно понять: происходило крушение прежнего мира, за который он боролся и отстаивал, наряду с этим шло возникновение нового. У Безлетова совершенно схожие ощущения. Он еще воспринимает себя за «носителя духа», из числа тех, кто и создавал на этот раз новую реальность, но при этом чувствует наступление «необратимого» – того, что его время уходит и возвращается история.

Именно его время умирает или уже мертво, а вместе с ним и его «идея», поэтому и заклинает пустоту, чтобы все провалилось в тартарары. Собственно, именно такое отношение проявилось у определенной части российского общества после 24 февраля.

Писатель Павел Крусанов в книге «Действующая модель ада. Очерки о терроризме и террористах» приводит любопытные рассуждения исследователя Французской революции Огюстена Кошена о том, что в ней большую роль сыграл круг людей, который можно назвать «малым народом» среди «большого народа». Или другое определение – «антинарод».

«Здесь вырабатывался тип человека, которому были отвратительны все корни нации», – писал Кошен. Он также отмечал, что «среда обитания “малого народа” – пустота». Опять же отрезаны духовные связи с народом, который воспринимается в качестве материала, требующего обработки.

«Вы и народ – разные классы, разные сущности, разные общности.

Вы не знаете людей, потому что закрылись от них в своих элитных тусовочках.

Вы не знаете ничего, кроме голландского штурвала вашей модной литературной тусовки, которая “против войны”, потому что так сказал Дудь*.

Вы тупо не знаете своего народа.

Потому что это не ваш народ», – писал в Телеграмме писатель Александр Пелевин, рассуждая о феномене «трупоедства», который присутствует в так называемой «антивоенной» поэзии периода СВО.

* * *

Алексей Безлетов – собирательный персонаж постсоветского либерала. Его прототипом является литературный критик Евгений Ермолин.

В нулевые на Форумах молодых писателей в Липках вел семинар критики в качестве заместителя главного редактора журнала «Континент». Там и состоялись пересечения с Захаром Прилепиным, которого Ермолин приметил сразу после публикации романа «Патологии» в петрозаводском журнале «Север».

По итогам липкинских форумов издавались сборники «Новые писатели» с произведениями лучших форумчан. В них неизменно выходили и статьи Ермолина как критика, опекающего молодую поросль.

Так, во втором выпуске «Новых писателей» (2004 год) была опубликована статья критика «Литература и свобода», в которой можно отыскать формулы будущих безлетовских сентенций о России, перешедшей в ментальное измерение:

«Россия – пространство духа».

«Россия – сублимация культуры Запада, ее специфический экстракт в аспекте не жизненной формы, а ищущего духа».

«Россия все больше становится не страной, не государством, а состоянием сознания, личностным способом бытия, творческим процессом. Реально уже сейчас русское пространство – почти исключительно ментальное. Россия уже не страна, не государство, а состояние сознания. Мы носим ее в себе».

Мировоззрение Тишина и «союзников» диаметрально противоположно этому.

Вспоминая в Риге Негатива, Тишин понял, что «чувство внутреннего достоинства» было самым главным в его характере. Оно основывалось на том, что «однажды в их общий кодекс нормальных, неделимых пацанских понятий когда-то вошло такое слово как “Родина”. Это все и решило». Это было и отличительной чертой союзников, что делало их цельными с «удивительно ясным» чувством своего достоинства.

Что мог бы на конструкции «носителя» русского духа ответить Саша Тишин? Видимо, все то же, что «я русский» и не нуждается ни в какой национальной идее, как и партия, в которой состоит «нуждается в своей родине», а не в некоем ментальном экстракте.

---

* Признан в РФ иноагентом.

«Либерал уверен, что наступили иные времена и в эти времена войдут только избранные», «то есть только он – либерал – войдёт в новое время», – писал Захар Прилепин в своей статье-манифесте «Почему я не либерал».

Это на самом деле очень сильное идеологическое искушение, которое стало программным в постсоветской России, – определять контуры игольного ушка социального лифта для избранных, для той самой особой касты носителей русского духа посреди повсеместной пустоты. Любая иная позиция клеймилась как ретроградная, устаревшая, как агрессивная инерция прошлого. В будущее же может провести только либеральный мандат для особо прогрессивной публики. Это почти как пелевинский «солидный Господь для солидных господ». Иным в ментальную Россию духа не выпишут билет, а зайцем туда не просочишься.

Где и на чьей стороне оказался критик Евгений Ермолин с его «пространством духа» после 2014 года (так ведь и до этого у него было «безвременье»)? Все предсказуемо.

Оказалось, что та цивилизация, которую он силился запихать в мешок ментального измерения, проявила себя, проявилась ее история и культура. Реальная, а вовсе не приватизированная избранными носителями духа.

Для Ермолина – наступило новое варварство. Началось то самое «необратимое», которое пугало Безлетова и крушило его проект исхода России, которую он уже похоронил.

В запрещенной ныне соцсети во время событий 2014 года критик Ермолин был крайне эмоционален и негодовал: «Нашествие ватной гопоты действительно многое обнулило в русской культуре.

У этих пришельцев, у пропагандистски заряженного охлоса, который из всех дней русской славы и бесславья помнит только один критически мифологизированный “день победы”, нет никакой связи с той великой традицией, которая связана с аскезой подлинной, не конъюнктурной святости и творчества, адресованного человечеству и принятого им (Толстой, Достоевский, Чехов, Чайковский, Малевич, Кандинский и еще с 2-3 десятка имен).

Всплыло дикое варварство. Неким потомкам будет интересно наблюдать это одичание в лицах и фамилиях, видеть, как тает в людях человеческое и пробуждаются инстинкты насекомых.

Итог – дурнокачественное сиротство.

Родства не помнящая человеческая муть, которая разводит турусы на колесах, никому уже не интересные. Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Не Запад, не Восток, а только перверсия того и другого в худших выраженьях, имитирующая величье там, где есть только бесславье и позор.

Означает ли это, что вырождение тотально? Не уверен».

Или вот еще одна соцсетейная реплика Ермолина после 2014 года: «Россия на всех парах летит по своей сумасшедшей орбите под исторический откос, теряя (да уже и не имея, по сути) последних друзей и союзников, мимо смысла и цели, дребезжа идеологической риторикой и салютуя сама себе пропагандой самого примитивного пошиба».

В майской книжке журнала «Знамя» за 2024 год он продолжает отстаивать свою давнюю центральную мысль, что все стоящее, что возникало в России – западноориентированное, являющееся антитезой русскому рабству: «Русское европейство – универсальная матрица мыслящего сословия (западнической интеллигенции) в имперском сословном

теле России. Граница этой общности – не образование, не профессия, а европейская идентичность, прописка, субъектность, европейское культурное самоопределение – как антитеза русской рабской служилости, привластной сервильности. Эта общность образует собой оппозиционную властям нестойкую ассоциацию русских европейцев».

* * *

В 1990 году отечественный мыслитель Вадим Кожинов опубликовал статью «К спорам о «русском национальном сознании»». В ней он отреагировал на заметку в «Литературной газете» публициста Анатолия Стреляного, где тот растекается «мыслями о русском национальном сознании».

Стреляный – один из перестроечных голосов. Его жизненный путь крайне типический.

Родился в 1939 году в Харькове. В новой Украине живет в Сумской области. Был членом Союза писателей СССР, с 1971 года состоял в КПСС. Тогда же вышли его первые книги с весьма характерными названиями: «Земля его – судьба его», «В большой семье». Так бы и писал в таком ключе, но тут грянула перестройка.

В 1989–1991годах был вице-президентом Русского ПЕН-центра. В 1989 году стал лауреатом Госпремии, заведовал отделом публицистики журнала «Новый мир». Входил во всесоюзную ассоциацию писателей в поддержку перестройки. Числился в сторонниках Бориса Ельцина.

Горячо поддержал провозглашение независимости Украины в 1991 году и окончание «политики русификации». С 1995 по 2019 годы работал на радио «Свобода»*. Поддержал майдан, который называл «национально-освободительной революцией».

В 2017 году в своей колонке «Русская душа», будто перекликающейся с той самой из 1990 года, он писал, что «у России, короче, есть только один враг, при мысли о котором она тоскует поистине смертельно. Это не США, не Запад в целом, не Китай. Это – украинский язык».

В 2018 году Стреляный рассуждал о причинах войны на Донбассе: «до них дошло, прежде всего, то, что кончилось время беспрепятственной русификации Украины: на очереди – украинизация». После майдана «возникло новое, на сей раз настоящее, государство под прежним названием». И после этого Москва «перешла к горячей стадии более чем 300-летней гибридной войны». Цель: возвращение Украины в Россию, потому что «четверть века показала, что Украина без России может себя представить, а Россия без Украины представить себя не может. В 2014 году Россия, по ее настроению, начала и продолжает войну за свое существование». То есть Россия, по сути, сама по себе не самодостотачна, ей всегда нужен кто-то иной. Таков традиционный концепт либерального сознания.

А в 1990 году перестроечный агитатор утверждал в «Литературной газете», что «почти все (чтобы не сказать все) русские идеи пришли к нам с Запада». Ничего своего в области идей здесь якобы не было. Так тогда объясняли необузданный приступ любви ко всему западному, западопочитание и стремление добросовестно следовать свету истины, исходящему из «цивилизованного мира». Что воспринималось в качестве рецепта спасения.

* Признанно в РФ иноагентом и нежелательной организацией.

«Читая сочинение Стреляного, не ведаешь, чему более удивляться – редкостному незнанию истории или же уникальной непродуманности «концепции»», – отвечал ему Вадим Кожинов. «Невежество» – такой диагноз он поставил рассуждениям публициста.

Невежество – отрицание отечественной цивилизационной уникальности, чуждость ей, попытка подогнать под иные стандарты и через их оптику воспринимать ее.

«Россия сейчас единственная и, может быть, последняя страна, где... уживается сознательное великодержавие с сознательным свободолюбием», – писал перестроечный публицист.

Вадим Кожинов его поправляет, замечая, что «это определение гораздо более подходит к США, нежели к России! Славящиеся именно свободолюбием Штаты так расправились с коренным населением страны, что к XX веку количество индейцев сократилось в 10 (!) раз, и эти остатки были загнаны в резервации; далее Штаты отхватили более половины земель у Мексики (которые составили более четверти площади США) – притом земель наиболее ценных, таких, как Калифорния и Техас и т. п. Наконец, непосредственно в наши дни США обрушивали свою военную мощь на крохотные в сравнении с ними Гренаду, Панаму, Ливию и т.д. Разумеется, это делалось “во имя свободы, демократии, мира, цивилизации” и т. п., но ведь то же самое провозглашала любая империя...» Подобная «странная слепота» – типическая черта деятелей, исходящих из догмы, что в России – пустота, и только инфернальные и разрушительные ветра носятся над ее землей.

Выделял Кожинов и другой не менее дикий в силу своего невежества тезис Стреляного, что «равнодушие к своим нерусским – в крови у русских». Мыслитель отмечает, что подобное «не более чем злобный вымысел». Но ведь этот вымысел – заразный и кочует десятилетия, постепенно обретая плоть и кровь безусловного для иных утверждения.

В тезисах Стреляного сквозило не только невежество, а вполне считываемое магистральное послание того времени: Россия всегда брала все лучшее из Европы и противостояла Азии и азиатскому в себе (скинуть и очиститься), в поисках своего пути заблудилась и впала во грех советского периода, поэтому необходимо держать четкий курс по направлению к цивилизованному миру и общечеловеческим ценностям.

Этот курс – единственно спасительный, он избавит страну от своей инаковости. Она представляет собой отход от цивилизованного европейского стандарта и тянула столетиями Россию на греховную периферию.

«Вообще, Россия, как несколько лет назад выразился один внезапно ставший радикальным либералом высокопоставленный партаппаратчик (со стажем аж с 1946 года!), это «парадигма тысячелетней несвободы» – в отличие от других, «нормальных» стран», – писал Вадим Кожинов, имея в виду перестроечного архитектора Александра Яковлева, страстно боровшегося с почвенниками еще с начала 70-х годов.

Толкованиями истории в духе «черного мистицизма» называл Вадим Кожинов высказывания, направленные на развитие комплекса неполноценности: «Если вдуматься, подобные толкования основаны, в сущности, на своего рода мистицизме, ибо, согласно им, Россия-де имела все основания, чтобы развиваться так же, как и страны Запада, но некие зловещие силы, прочно угнездившиеся с самого начала ее истории на верхах государства и общества, подавляли или уродовали созидательные потенции страны…».

Он приводит в пример Егора Гайдара, который в своем сочинении «Государство и эволюция» заявлял «о необходимости «сместить главный вектор истории России» – имеется в виду вся ее история!» Собственно, таковым был основной постсоветский завет и идеологема, направленная на отмену всего отечественного.

Рассуждая о причинах распада СССР, Вадим Кожинов отмечал, что «иные нынешние идеологи объявляют Россию вообще “ненормальной”, “нежизнеспособной” страной, что, мол, и выразилось в мгновенных крушениях 1917 и 1991 годов».

В противоположность этому мыслитель писал: «Страна, чья государственность возникла на рубеже VIII–IX веков, то есть существует 1200 лет, страна, которая уже при Ярославе Мудром, то есть в первой половине XI столетия, занимала территорию, почти равную всей остальной территории Европы, страна, которая породила преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублева, воплотивших в себе то, что с полным основанием зовется “Святой Русью”, страна, победившая захвативших ранее почти всю остальную Европу армады Наполеона и Гитлера, страна, создавшая одну из величайших мировых культур, может предстать “нежизнеспособной”, с точки зрения чисто “западнических” идеологов, но не реально. Россия не являет собой некое отклонение от западной “нормы”; ее история, по слову Пушкина, “требует другой формулы”; в России, по определению Чаадаева, “другое начало цивилизации”».

Но это другое начало категорически отрицается, над ним, особенно в постсоветской России, попросту потешались, утверждая, что особый или собственный путь – откровенная дичь, грозящая снова завести страну в тупики. Отсюда и возник прилепинский Безлетов – как дух отечественного культурно-исторического нигилизма.

И еще: в книге «Победы и беды России» Вадим Кожинов отмечает, что «ни Пушкин, ни Чаадаев не впадали в тот – по сути дела примитивный... – “оценочный” спор, который начался в “роковые сороковые годы” (по выражению Александра Блока), длится до сего дня и сводится в конечном счете к решению вопроса: что “лучше” – Европа или Россия? Чаадаев и Пушкин, как ясно из всего их наследия, полагали, что Россия не “лучше” и не “хуже”; она – другая». Для этой ее инаковости нельзя применять чужие мерки.

«Если мерить Россию с точки зрения европейских “норм”, она неизбежно предстанет, как нечто “ненормальное”», – писал мыслитель. При этом норм идеализированных, выведенных в качестве эталонных, особого рекламного продукта.

* * *

Второй диалог Тишина с Безлетовым. Он уже не вузовский преподаватель, а «советник губернатора».

Где-то рядом за плечом и что-то нашептывает. Первая стандартная ассоциация с этой работой, этим статусом. Тот, кто в тени, архитектор идеологической сферы. Есть в этом что-то демоническое.

«Чего вы хотите?», «чего надо-то вам?» – бросает свои вопросы Безлетов Тишину, перед этим признавшись, что «союзники» ему симпатичны, потому что «кажитесь живыми».

Он будто цепляется за это живое, исходя из своей пустотной оптики. И озвучивает аргументы-объяснения, которыми будет оперировать

прилепинский критик-банкир Петр Авен. Дескать, «каждый из вас разрешает собственные психологические травмы».

Поэтому займись собой, начинай с себя, разберись с собственными комплексами… Что, по словам Тишина, является пошлостью.

В противоположность этому Саша говорит, что «в этой стране революции требует все», что «революция приходит не сверху и не снизу – она наступает, когда истончаются все истины». Потому что труха, потому что бесы. То самое лопушье, которое в деревне он вырвал с корнем и бросил в реку.

Собственно, и революция в его трактовке – возвращение к себе, к своему облику, преодоление кривого зеркала и собирание страной себя. Новое обретение тех самых истонченных истин, где первая: Родина есть и чувство нераздельного родства с ней.

Революция в восприятии Тишина – преодоление либеральной идеологии, которая, как он сказал, в России «хуже чумы». Потому что она отменяет ее и пытается искусственно создать иного по чужому образу и подобию, по чужим лекалам.

Идеология либерализма, «если соскоблить всю шелуху, в России выглядит как идея стяжательства и ростовщичества, замешанная с пресловутой свободой выбора, от которой, впрочем, вы легко отказываетесь, во имя сохранения, так сказать, экономической составляющей либеральной идеи», – говорит Тишин Безлетову.

Примат свободы, в первую очередь, индивидуальной, как раз и приводит к воззрениям безлетовского прототипа критика Евгения Ермолина, для которого «Россия – пространство духа» и «Россия – сублимация культуры Запада». То есть все та же пустота. Пугающая.

И здесь можно вспомнить слова того же Саши, сказанные Лёве, что «все истинное понятие выбора отрицает». Поэтому и в разговоре с Безлетовым он чеканит: «Меня не волнует ваша свобода, меня волнует моя Родина, ее почва, ее дети, ее рабочие, ее старики». На что советник отвечает, употребляя слово «фашизм», подчеркивая крайнюю маргинальность подобной позиции.

Получалось, что если ратуешь за индивидуальное, в том числе свободу, – то это прогрессивный, гуманистический подход. Если делаешь акцент на Родине, почве и родстве, то тут же начинается клеймение как чего-то дремучего, темного и опасного. Такова перевернутая с ног на голову ценностная иерархия. И тишинские слова, что революции требует все, касается, в первую очередь, ее.

* * *

Ну, конечно, «в нашем новом либеральном мире нет идеализма, самоотречения и мужества – но есть ставка на субъективизм и самоценность индивида со всеми его странностями». – В октябре 2013 года у Захара Прилепина вышла колонка «Почему я не либерал».

Эта датировка важна еще и потому, что скорый киевский майдан и последующие события разведут по полюсам российское общество. Безлетовы преподаватели, культурные деятели и советники по одну сторону, а также Левы, а Саньки, «союзники» и сохранившие чувство родства – по другую.

«Либерал сначала сказал, что он интеллигенция, а всю нелиберальную интеллигенцию объявил “свиным рылом”. Потом заявил, что он “тоже народ”. Подумал и добавил, что он и есть народ. Остальные

уволены», – писал Прилепин в той статье. В 91-м либерал почувствовал себя победителем и по этому праву стал пользоваться всем полностью и безраздельно, как будто все это для него и создано было.

Внушил себе, что он не только победитель, но и защитник и оплот новой демократической и свободной России. Что без него она тут же скатится в тартарары, откуда и вылезла, а либерал ее отмыл. Поэтому он и сформулировал в октябре 93-го свое воззвание «Раздавить гадину!» Или любого, кто покусится. Это была особая форма оккупации или приватизации. Культуре ведь тоже нужен эффективный хозяин, который на свет европейских истин ее направит, вот и появился, вот и обрядился. Вот и принялся ударно совершать свою работу по культурному обчуждению, дабы не допустить никакого возврата в отечественные потемки.

Об этом в свое время писал и отечественный мыслитель Константин Леонтьев. Рассуждая о либерализме, отмечал, что он «везде одинаково враждебен тем историческим началам, в дисциплине которых вырос тот или другой народ».

То есть отрицает инаковость, культурную суверенность, свой особый стиль и все пытается подогнать под общие стандарты, которые в догматике либерализма мыслятся универсальными. Есть в нем что-то колонизаторское.

Вот и получается, что Россия без евроокраса – пустота. Нет ее, и вся вышла, как и не было.

Да и по поводу эволюции, изменчивости и якобы перекрашивания взглядов самого автора. В чем его регулярно обвиняют злопыхатели, пытаясь наделить его лукавством, хитростью, приспособленчеством. На подобного рода разгоны оппонентов Захар Прилепин ответил в соцсети:

«1. Я никогда не менял своих убеждений. Я не нуждаюсь ни в каких оправданиях. В оправданиях нуждается только наша власть, которая совершила ряд обидных ошибок, но, впрочем, одумалась.

2. Я был с 1991 года и остаюсь по взглядам православным русским традиционалистом, социалистом, евразийцем. Я всю жизнь ненавидел либерализм и буржуазный строй и всю жизнь с ними боролся.

3. Я никогда не был на Болотной.

4. Я никогда не носил белых ленточек. Я носил только красное знамя».

И в финале Прилепин добавил: «Все мои взгляды можно отследить по моим книгам и по моей публицистике, которую я пишу с 1996 года. Любой человек, умеющий читать, видит и знает: я всю жизнь говорю одно и то же. И уже 30 лет назад я был умнее основной части нашей власти и огромной части нашей обманутой страны».

* * *

Ко второму разговору в кафе подключился сослуживец Безлетова Аркадий Сергеевич. Он исполнил партию государственника.

Безлетов и Аркадий Сергеевич – будто два полюса, составляющих постсоветскую элиту. Первый – представляет собой либеральный мейнстрим. Второй – условный государственник, советский чиновник-управленец, который начал приспосабливаться к новым реалиям.

По большому счету, Аркадий Сергеевич – маска либерала.

В апреле 2024 года Захар Прилепин в соцсети писал, что либералы «идут в масках, причем сразу по нескольким направлениям».

Одно из таких направлений – где они выступают «как “государственники”, “старые работники аппарата”». Они атакуют сознание людей и «впаривают в качестве образчиков мысли и чести – Жванецкого и Окуджаву: тогда – символов тотального антисоветизма, ныне – тайных символов либерального реваншизма». Есть еще и «разносчики радикально “правой” повестки».

Как заявил писатель, мы вновь «наблюдаем оголтелую игру “перестроечными” фишками – тем же самым образом которыми кромсали страну в 90-е, отчего бы не попытаться во второй раз?»

О подобной эволюции и симбиозе писал еще Александр Панарин в «Реванше истории», отмечавший превращение «отрицателей российской государственности в неистовых державников».

«Главный парадокс нашей новейшей политической истории состоит в том, что основателям августовского режима для сохранения своей власти предстоит уже завтра занять позиции, прямо противоположные тем, с которыми они начинали свою реформаторскую деятельность», – писал Панарин. По его словам, западники станут «восточниками», либералы – этатистами, космополиты – националистами.

Прямых прототипов у Аркадия Сергеевича нет. Но, по словам самого Прилепина, он в чем-то напоминает губернатора Ходырева из когорты «красных» губернаторов, которые выходили из партии, а затем вступали в «Единую Россию».

Тишин обратил внимание на его губы, которые «неустанно шевелились». Аркадий Сергеевич был обладателем также «тяжелого запаха», будто пришел из конюшни.

Он рассуждал про «горе-реформаторов», затеявших «ломку мерзкую». Заявил, что был на баррикадах в 93-м «среди прочей “красно-коричневой сволочи”. И по мне из танков стреляли». Говорил о своих счетах к власти, которые предъявит, но не сегодня.

Коллега Безлетова – носитель идеологемы про исчерпанный лимит революций. По его словам, «Россия не выдержит еще одной ломки – сама разломится на части». Все потому, что не осталось ничего, что ее держит. Только власть, которая связала в узел и держит: «Ни общего Бога, ни веры в будущее, ни общих надежд, ни общего отчаянья – ничего нет, ни одной скрепы! Только власть!» Власть, по его словам, состоит из мужиков, которые «потихоньку, понемногу выправят все».

Все та же безлетовская пустота и хаос, только его сдерживает не культурная надстройка, списанная с Запада, а власть. В этом плане Аркадию Сергеевичу проще договориться с Безлетовым. Между ними дискуссионное – в деталях, общее восприятие страны – типическое.

«Наши буржуазные охранители любят говорить, что склонность к революции – это нереализованные комплексы некоторых отдельно взятых граждан. Но революция – это, в первую очередь, огромные амбиции», – это уже из статьи Захара Прилепина декабря 2012 года «Лимит на эволюцию исчерпан». Она написана после известных московских «болотных» волнений, толкавших страну на либерально-западный путь.

Комплексы – это безлетовское, заклейменное Тишиным пошлостью, а про лимит – того самого Аркадия Сергеевича. Они взаимодополняют друг друга.

В этой своей колонке Прилепин полемизировал со статьей публициста Григория Ревзина «Большие маленькие дела», имеющей подзаголовок: «О кризисе революционной логики».

Захар Прилепин писал, что «о кризисе революционной логики начали говорить еще в начале 90-х. Тогда новая буржуазия только-только совершила в своих целях самую настоящую революцию и по ее завершении немедленно объявила: баста! Больше революций не надо. Теперь будем развиваться эволюционно.

С тех пор новые буржуазные охранители, едва почувствуют запах паленого, сразу самозабвенно рассказывают про эволюцию и про малые дела.

Никто из них не хочет объяснить, хотя бы кратко, почему, к примеру, в 1991 году все они поголовно были против эволюции, а сейчас вдруг стали “за”.

Мы-то знаем почему, но пусть они сами про это хоть раз скажут».

Так и произошла трансформации от условного Безлетова к Аркадию Сергеевичу.

Дальше Прилепин рассуждал про развившийся инстинкт самосохранения элит, который вступает в противоречие с инстинктом самосохранения государства в целом. Собственно, об этом и говорит Тишин, бросающий Безлетову фразу о том, что его не интересует «ваша свобода».

«Что бы ни происходило в стране, наша новая и вполне самозваная аристократия теперь всегда будет твердить, что ломать ничего нельзя, двигаться можно только э-во-лю-ци-он-но!

Ну, то есть очень медленно и аккуратно. Так, чтоб когда все начнет обваливаться (а все начнет обваливаться, это втайне понимает и сама аристократия), – они могли аккуратно собрать вещи и выехать в новое место проживания – уже, впрочем, неплохо обжитое в период т. н. эволюционного развития», – отмечал в своей статье Захар Прилепин, дискутируя с тем самым коллективным Аркадием Сергеевичем.

Он критиковал спекулятивную теории малых дел, потому что «есть проблемы, которые требуют иных подходов. Масштабных! Государственных! И этих проблем – до черта! Куда взгляд не кинь – сразу образовывается подобная проблема».

Многое нарывало мятежами, в том числе и оттого, что сидел то там, то здесь Аркадий Сергеевич и призывал никуда не встревать, что серьезные мужики наверху когда-нибудь и сами разберутся. Авось. Он и превратил революционность или преображение как важную составляющую нормального развития, в пугало, которое будто бы машет оранжевой тряпкой.

«Все 90-е годы мы, патриоты и недобитая красно-коричневая сволочь, желали Революции, неистово мечтая снести Ельцина и всю прочую гусинскую нечисть. И все 90-е, неутомимо, истово, искренне вся либеральная рать кричала нам: Надо Развиваться Эволюционно! Революции – зло! Лимит на революции исчерпан!

Они все на эту тему высказались, сто раз, тысячу раз, десять тысяч раз. Как молитву это повторяли.

Но, как обычно, “в России надо жить долго”. Вот мы и дожили. Теперь наши эволюционеры – неумолимые революционеры. Оказалось, что лимит не исчерпан. Им продлили», – а это уже из реплики Прилепина «Эти взрослые мои личные враги», опубликованной в январе 2021 года о жаждущих либерально-буржуазных революций.

Тогда у определенной части общества проявилась ностальгия по перестроечным временам, по времени «свободы». Их свободы. Много говорилось о перестройке 2.0. Мол, Россия опять свернула с цивилизованного пути, заблудилась в своих сумраках, ее следует вывести на столбовую дорогу, даже против желания, и направить на путь демократического света.

Но вернемся к книге. Ответом Тишина на рассуждения Аркадия Сергеевича была четкая манифестация своей правоты («я во всем прав») и формулирование тождественности России и революции: «сегодня революция и Россия – это равнозначные и равновеликие понятия. Россия немыслима больше вне революции и без революции». И 24 февраля 2022 года, ставшее ответом не только на майдан, но и распад 91-го, только доказало этот тезис.

Революция – очищение от «трухи гнилой», которую составляет Безлетов вместе с Аркадием Сергеевичем. Либералы и охранители новых порядков. Очищение от бесов, от ржавчины, разъедающей страну, выворачивающей ее наизнанку, превращающей в то самое пустое место, чтобы никакой связи с ней прежней не было.

В июне 2023 года через несколько дней после попытки пригожинского мятежа, Александр Проханов написал: «После победы в украинской кампании Россия, изнурённая войной, отразив внешнего врага, защитив в этой смертельной схватке своё место в истории, приступит к грандиозному проекту, имя которому – Очищение.

Будет очищена идеология от ядовитых полипов, образовавшихся после краха Советского Союза. Будут очищены элиты от тех “столпов государства”, которые создавал Чубайс, вскармливая российских миллиардеров, как ускоренно вскармливают на фермах свиней. Сегодня у этих животных выросли крылья, и они, нанеся России страшные раны и повреждения, улетели вон.

Будет очищено общество от тайных и явных ненавистников России, свивших гнёзда в культуре, политике и экономике. Будут очищены модели экономического развития, которые, действуя в течение тридцати лет, загнали российскую экономику в бездарный тупик. Будут очищены учебники, мусорные свалки в лесах и на окраинах городов, очищено мировоззрение человека, в котором снова главное место займёт обожание Родины, жертвенное ей служение, взгляд на Россию как на чудесное, драгоценное для человечества явление мировой истории.

Мятеж в его открытой, пугающей фазе усмирён. Но его яды текут по всем сосудам и капиллярам российской жизни. Эти яды отравляют кровь. Россия нуждается в капельнице, нуждается в очищении крови от ядов».

Революционный характер СВО отмечался с самого ее начала. Вернувшаяся история сама парировала все утверждения по поводу пустоты, а также ответила на охранительские рассуждения вялотекущего эволюционизма. До 24 февраля, начала спецоперации, страна, по сути, пребывала в воронке стихии перестроечного распада. Она и эволюционировала именно в этих рамках, не в состоянии вырваться из тоннеля. После 24 февраля у нее появился шанс. Началась операция «Очищение».

По прошествии пары лет уже кажется диким, что в России долгое время властителями дум были либеральные витии, устанавливающие свою систему ценностей, которая связывала по рукам и ногам,

переформатировала сознание. И после все это обрушилось практически одномоментно, что хмарь, что помутнение.

«Листая ленту, вижу, что общественные реакции на копошения российской либеральной стремятся к нулю. Мыслящей России просто нет больше до них дела», – писал Захар Прилепин в июле 2023 года, добавляя, что «всё это имело, казалось бы, значение определяющее! А ведь люди эти стояли в центре всего! А ведь одежды их сияли! А слова весили по пуду каждое.

А нынче налетит ветерок – и всё унесло».

СВО дала возможность увидеть, как «скоро рушится слава земная. Особенно такая, где в центре мироздания стояли “прогрессивные ценности»” и прочая чепуха».

Спорили, пытались в чем-то убедить, анализировали их аргументы, но «потом пригляделись: а тут не о чем и не с кем говорить. Пустая трата времени».

А ведь всего-то нужно было тишинское понимание собственной правоты и способность заявить либеральным оппонентам, что не интересует «ваша свобода». И весь их учительный пафос улетел в окно, растворился.

А ведь здравый смысл должен был подсказать совершенно другой исход разговора, ведь он сулил вполне себе прекрасные перспективы для Тишина. На них ведь и намекает Аркадий Сергеевич, рассказывая, что был в 93-м у Белого дома и теперь такой же путь предлагает Саше: от бунта к вписанности в систему. Для голоса совести также есть свои аргументы: от обещания еще поквитаться до внушенной веры, что большие дядьки все порешают и правильно.

Как говорит один мой товарищ: гнут того, кто гнется.

Лева

Саша открыл глаза в больничной палате. «Напротив стояла еще одна кровать. На кровати сидел человек и ел яблоко».

Поедатель плода с библейского древа познания добра и зла – Лева. Его прототип – писатель Дмитрий Быков*.

Вот каким его увидел Тишин: «Лева – еврей из той редко встречающейся породы роскошных евреев – черно- и пышноволосый, плотный, чуть полноватый, с яркими чертами лица, быстро передвигающийся, по-видимому, столь же быстро думающий, имеющий готовые ответы на очень многие вопросы, на бесчисленное их количество».

Саше он обрадовался, как «естествоиспытатель», давно жаждущий встретить «живого экстремиста». Как и Безлетов, он выступает в качестве антагониста Тишина. В первую очередь, также из-за неоправдавшихся ожиданий. Надо сказать, что в начале нулевых того же Быкова* интересовала лимоновская партия и сам ее лидер. Есть фото, на котором Дмитрий Быков* в числе других встречает Эдуарда Лимонова из саратовского заключения.

«Мне показалось, что вы пришли, чтобы создать новую почву, взамен старой, потерявшей свое плодородие, вообще все потерявшей», – говорит Лева и далее отвечает : «Но от вас исходит такое ощущение, что вы никак не можете выбраться из догм этих престарелых, никчем-

* Признан в РФ иноагентом.

ных идеологий, что все существование Руси, начиная от… Василия Третьего или Ивана Грозного – и вплоть до большевиков – витали над страной, ничего кроме крови и хаоса не принося».

Именно таковы быковские* воззрения о катастрофичности отечественной истории, порочности и вины. Ее необходимо прервать, преломить или сущностно изменить, а если это не получится, то эвакуироваться самому, спастись. За год до «Саньки» у Дмитрия Быкова* вышел роман «Эвакуатор».

«Ваш муж – безработный, начальник – идиот, ваша страна – Россия. И в ней редкий день обходится без взрыва. Куда деваться?» Только эвакуироваться на другую планету. Такова была аннотация на обложке первого издания романа.

А теперь несколько цитат из него:

– «дайте нам вволю погулять на руинах, это наша самая естественная среда»;

– «государство, проповедующее распад, обладает удвоенной силой, освящая своим авторитетом давно желаемое. Распад, как выяснилось, был тайной мечтой почти всего населения, потому что созидать давно было незачем, нечем и, в сущности, себе дороже»;

– «истинное свободолюбие заключается в выборе сильнейшего противника и переходе на его сторону»;

– «у тех, кого приговорил Бог или столь же незримая сила, есть лишь обреченность да глухое чувство давней вины, за которую пришла наконец очередь расплатиться. Вот оно! Каждый знал за собой изначальную вину, а потому никто в России никогда не дивился жестокости расплат. В чем вина – не взялся бы сказать и самый пристрастный историк, но без ее бремени нельзя было бы влачить такую жизнь и принимать такую смерть. Иные хитрецы пытались подменить ее жертвенностью, высшим будто бы российским предназначением, – но жертва хороша, когда она красива, а вечно гнить в безропотном терпении, ропща при каждом его послаблении, было куда как неавантажно».

Лишь обреченность и чувство вины. Поэтому ничего и не осталось «кроме могил». Поэтому только базаровский вариант: расчистить все до основания, а на освободившемся пространстве установить принципиально новое, никак не связанное с прежним. Да перед этим не забыв перейти на сторону сильнейшего противника.

По словам того же прилепинского Левы, страна здесь «из этой крови и из этого хаоса слеплена». Он говорит о необходимости вырваться из этого круга, о «футуристической антропологии», о нации, которая «жаждет освобождения».

На что Саша отвечает: «А я живу не в России. Я пытаюсь ее себе вернуть. У меня ее отняли». И формулирует свои претензии к власти: «Я готов жить при любой власти, если эта власть обеспечивает сохранность территории и воспроизведение населения. Нынешняя власть не обеспечивает».

Вернуть Россию – это то же самое, что собрать ее облик, изображение, разбитое троллями на бесчисленное количество осколков. Как и увидеть свое настоящее отражение, ответить на вопрос: кто я такой? Расчистить территорию, заросшую пышными сорняками, извратившими ее облик, разрушающими память.

Леве Тишин отвечает, так же, как и Безлетову, что его русскость не нуждается «ни в каких национальных идеях»:

---

* Признан в РФ иноагентом.

«Ни почва, ни честь, ни победа, ни справедливость – ничто из перечисленного не нуждается в идеологии. Любовь не нуждается в идеологии. Все, что есть в мире насущного, все это не требует доказательств и обоснований», – отвечает Саша. И это при том, что в России, особенно начиная с перестройки, крайне популярны разговоры о национальной идее, которая представляется философским камнем, залогом светлого будущего. Достаточно только ее изобрести, сформулировать.

Но при этом идея естественная и не нуждающаяся во всяческих наслоениях: пространство и воспроизведение населения. Третья составляющая: чувство родства, неразрывной связанности.

«А дело в том, что есть только родство, и ничего кроме. Понимание того, что происходит в России, основывается не на объеме знаний и не на интеллектуальной казуистике, используя которую можно замылить все, что угодно, любой вопрос, а на чувстве родства, которое прорастает в человеке уже, наверное, в детстве, и потом с ним приходится жить, потому что избавиться от него нельзя», – говорит Тишин, приводя блоковскую аналогию с женой, с которой «ты повенчан и будешь жить до смерти».

И здесь нет уже вопроса выбора, потому как «все истинное понятие выбора отрицает»: «Если у тебя любовь, скажем, к женщине, у тебя уже нет выбора. Или она, или ничего. И если у тебя Родина…» По большому счету, выбор переводит все в сферу услуг, мещанскую по своей сути. Когда предлагается выбрать и смоделировать Родину по своему велению и хотению. Или веру, или любовь.

Тишинское чувство родства пересекается с рассуждениями о генетической памяти отечественного мыслителя Вадима Кожинова. В интервью 1993 года Вадим Валерьянович говорил о том, что тысячелетняя история России заключена в нас самих, призывал вглядеться в современность и увидеть в ней продолжение громадной традиции.

Кожинов отмечал, что «по-настоящему жить можно только тогда, когда человек это чувствует» – свою неразрывную связь с историей. Даже «чисто телесную». Он приводил пример, что количество предков каждого человека необычайно расширяется при углублении в историю.

«Каждый должен осознавать, что какой-то из его предков участвовал в войне 1812 года, какой-то участвовал в Куликовской битве», – говорил ученый, исходя из этого «где-то в каждом из нас живет память» обо всех этих событиях.

Свою задачу Вадим Валерьянович формулировал как стремление оживить в себе память о тысячелетней истории страны и народа, ведь все, что творилось в стране, живет в нас самих. Он полагал, что рано или поздно люди научатся оживлять эту память. По его словам, это будет чудо, но оно вполне реально.

Это перекликается с живым чувством личной сопричастности к истории через предков, сформулированным еще Павлом Флоренским в воспоминаниях. В них отечественный мыслитель писал, что «быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории. А мне хотелось бы быть в состоянии точно определить себе, что именно делал я и где именно находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и всего мира, – я, конечно, в лице своих предков».

Надо сказать, что рассуждения Тишина о родстве вовсе не были плодом долгих и мучительных умозаключений.

Захар Прилепин пишет: «он никогда особенно и не думал о том, что говорил сейчас. Наверное, неформулируемое все это лежало где-то внутри и сразу сложилось воедино, едва случилась необходимость». Что та память об истории, генетическая память, о которой рассуждал Кожинов.

Без этой памяти, исторической связанности человек и на самом деле получается одна пустота.

* * *

В романе «Июнь», опубликованном в 2017 году, Дмитрий Быков* говорит о предчувствии Великой Отечественной войны. О том, что к ней привело и чем она стала для страны. В его версии война была безальтернативна и неизбежна. Россия обречена на войну и тогда, и сейчас. Напрашивается параллель с теорией взрывного характера развития России из статьи Юрия Лотмана «Механизм Смуты».

По Быкову*, войны – необходимые спутники отечественной истории. Россия беременна войной. Война здесь – разрешение от бремени, она имеет своеобразный психотерапевтический и в то же время объединительный эффект для нации. Она – лекарь, разрешающий внутренние проблемы, списывающий их до поры, пока они снова серьезно не назреют.

Россия не приспособлена к мирной жизни, поэтому война – ее предел мечтаний. А все потому, что она «отмывала, переводила в разряд подвига что угодно – и глупость, и подлость, и кровожадность; на войне нужно было все, что в мирной жизни не имеет смысла. И потому все они, ничего не умеющие, страстно мечтали о войне – истинной катастрофе для тех, кто знал и любил свое дело», – пишет Быков*.

Быковские* предвоенные годы – это ожидание катастрофы, которая все спишет, обнулит. В концепции объяснения начала войны у Быкова* есть и традиционная формула «за грехи». Как в случае с испепеленными Содом и Гоморрой должно же «невыносимое существование когда-нибудь кончиться».

В этом Содоме все изначально виновны. Во второй части романа журналист Борис Гордон рассуждает о том, что страна «неутомимо плодит виноватых, виноватыми легче править, а в России не бывает невинных, все помазаны с детства, с первых шагов, условия таковы, что невозможно не согрешить».

Так Быков* ставит вопрос греха всей отечественной истории, которая в его оптике сама по себе калечна и содержит «черное пятно», оно «будет теперь расползаться, пока не захватит ее всю». По его мнению, грех – вечная эстафета российской истории. Он тянется дальше и рано или поздно, как гнойник, нарывает войной. Страна у автора сравнивается с ковром, «который сам по первому требованию выпускает всю пыль…»

Быковская* историософская концепция заключается в том, что накопление греха, который является субстанциональным свойством отечественной истории, ведет к войне и так по кругу дурной бесконечности мясорубки.

Война – Немезида России. Она карает, но в тоже время и избавляет от собственного мучительного существования обитателей порочного Содома: «эта система, изначально кривая, еще до всякого Октября, могла производить только больные ситуации, в которых правильный выбор отсутствовал».

* Признан в РФ иноагентом.

Так он подводит к мысли, что у русских «единственное их предназначение – война». Иначе невыносимо жутко станет от собственного бытия и от самих себя, ведь это «народ-предатель. Никакой внутренней основы. Он предает всех».

Дмитрий Быков* – Лева из романа «Санькя» Захара Прилепина, все продолжает твердить про кошмар русской истории и ожидает, когда же он закончится. Ждет и злится оттого, что все вокруг не торопится погрузиться в тартарары и тем самым подтвердить его прогнозы.

* * *

«Я всю Россию ненавижу», – известная реплика Смердякова.

У Василия Розанова есть отличное определение всей этой публики: «погребатели России». Они давно уже создали особый жанр со своей образной системой, стилистикой, канонами и догматикой.

Это слово о погибели, ее предвкушение или страсть к констатации, что эстафетная палочка, состоящая из нигилизма, эсхатологизма, ожидания больших гарей и создание образа идеала земного, но не здесь, а там. Отсюда и пересмотр понятия Родина: она там, где идеал. Здесь – недоразумение, плен и мучения. Похитили, поместили, отдали чужим, но истинное родство просыпается, и оно там.

Ориентация на идеал там не оставляет никакого шанса здесь, где – пустынная земля. Мало того, враждебная и коварная, препятствующая индивидуальному соединению с идеалом.

«Россия – мертва. Это труп», – излагал Розанов суждения Мережковского, рассуждающего о близком пределе, за которым «Россия уже не исторический народ, а историческая падаль».

Нынешние «погребатели» изначально исходили из понятия «падаль» как данности.

Все дозволено, если Бога нет. А если Россия мертва? Долой все ограничения и стереотипы! Для «погребателей» открывается невероятный простор и свобода. Они будто получают особый жреческий статус, дающий им мандат на возделывание этой пустой и неродимой почвы.

В этом не только творческий порыв, но и долг, потому что Россия беременна катаклизмами, это – прикрытый фиговым листком хаос, который необходимо закатать в цемент. Так полагают, этим руководствуются.

* * *

О катастрофичности русской истории в XX веке писали многие.

Так, Николай Бердяев отмечал, что «развитие России было катастрофическим», что для ее истории характерна «прерывность».

Своеобразное дыхание истории: вдох – выдох.

Единение, общность – распад, усобица, рознь. Катастрофичность применительно к отечественной истории трактуется как раскол. Собственно, противостояние разобщенности, расколу являлось главной темой отечественной культурной традиции, начиная с первых ее веков.

Опять же, расколы породили особое раскольничье сознание.

Вот так о нем писал тот же Бердяев: «раскольники начали жить в прошлом и будущем, но не в настоящем». Отсюда и прогрессирующий

* Признан в РФ иноагентом.

нигилизм по отношению к настоящему, что со временем стало свойством национального сознания.

Очень показательно такое направление старообрядчества, как «нетовщина». Мир во зле лежит, наступило царство Антихриста, или прореха, темные времена, ошибка истории, ее провал и пустота. «Ныне на земле нет никакой святыни», надо держаться старой веры, только в ней содержатся ключи к спасению.

Любопытно, что о раскольничьей идеологии Бердяев вспоминает, рассуждая об интеллигенции, которая «не могла у нас жить в настоящем, она жила в будущем, а иногда в прошедшем». Бердяев писал, что «психологически она – наследие раскола».

Со временем ее апокалиптический настрой только усиливался, но применялся преимущественно по отношению к отечественной цивилизации, к которой демонстрировалось крайнее отчуждение, как к чему-то глубоко порочному. Понятно, что при этом должен быть ориентир – свой Китеж-град, Беловодье, подобие Царства Небесного на земле. Или град на вершине холма.

Лева, поедающий яблоко, переехал в Штаты, в России он признан иноагентом. Написал биографию Зеленского, хотя ранее все обещал восславить генерала Власова.

После 24 февраля 2022 года либеральная интеллигенция, которая все постсоветские годы ходила в ранге властителей умов, подалась за пределы страны. Было даже много ассоциаций и параллелей с русской эмиграцией XX века. Впрочем, отличие колоссальное, как правило, многие эмигранты, особенно первой волны, продолжали рассуждать о величии России, декларировали связанность с ней. Бегущие эпохи СВО позиционировали свой категорический разрыв. Это была та самая «нетовщина». Речь уже не шла о каких-то политических, идеологических разногласиях, все отечественное воспринималось через оптику нигилизма, а будущее – лишь через полную зачистку всего и вся, что-то вроде больших гарей.

* * *

Они твердят, что русская культура не должна быть жестко привязана к почве.

«Отказ от привязки к почве – главная идея 21 века», – утверждает Лева-Быков* уже в наши дни.

В декабре 2023 года пранкеры Вован и Лексус записали с литератором любопытный разговор, представившись главой офиса украинского президента Андреем Ермаком. Тот пранк вызвал большой резонанс. Ничего нового, но симптоматика заболевания в этой беседе была представлена в концентрированном виде. В нем красной нитью проходят быковские* мечты о служении и полезности Украине. Он заявил, что готов по первому зову приехать в незалежную. Рассказал о своих надеждах, что ВСУ захватят Мариуполь, а также поведал о готовности отдать гонорар от своей книги о Зеленском на закупку дронов для Украины.

Высказался он и по поводу убийств русских. «Обидно» – именно такое слово употребил литератор, но подобное он вполне понимает и оправдывает.

* Признан в РФ иноагентом.

«Что это? Обыкновенное предательство или душевное нездоровье?» – тогда задалась вопросом по поводу быковских* откровений официальный представитель российского МИДа Мария Захарова.

Предательство – такой же вечный сюжет, что и продажа души. А без души о каком душевном здоровье можно говорить? В свое время Быков* не раз проговаривал, что мечтает написать про генерала Власова. Он его герой. Но подвернулась конъюнктура в образе Зеленского, которого он с большим энтузиазмом восславил в своей книге. Кстати, похвалялся отказаться и от русского языка, писать только на английском.

Понятно, что почитание Власова и Зеленского возникло не на пустом месте, не за ситуативную бочку варенья и корзину печенья. Идея фикс состоит в том, что «порочную» российскую почву необходимо зачистить до основания, чтобы и воспоминание о ней сохранилось разве что в страшных сказках. Вместо нее следует создать новую почву, совершенно никак не связанную с Россией. Все это соответствует и планам новой быковской* родины относительно нашей страны. Отсюда и страстная любовь к нынешнему украинскому режиму, который как раз и демонстрирует особую прыть на ниве корчевания.

Идеологический шаблон, в который Быков* и подобные ему персонажи себя поместили, – идея полного переформатирования культурно-цивилизационного кода страны. Таково и было их культурное делание. Поэтому и западный императив плохих новостей из России последовательно насаждался и в нашей стране, формируя весьма специфическое своеобразие культурной политики практически по заветам старика Сороса.

Выверт этот родом из перестроечных времен, когда массированным идеологическим прессом создавалось отчуждение от всего своего, как неизменно порочного и ущербного. В итоге получили грандиозную катастрофу и последующую смуту, последствия расхлебываем до сих пор. Окончательно те установки оформились в манифесте-воззвании октября 1993 года, известном под названием «Раздавить гадину!»

Все это к тому, что логическая эволюция высказываний литератора Быкова*, приведшая его к желанию финансировать покупку дронов для ВСУ – не личная мания, не странности творческой натуры. Быков* всегда чувствовал конъюнктуру, держал нос по ветру и ловко плыл по конъюнктурным волнам. В Зеленском же он увидел то, что Лева жаждал обрести в Тишине и «союзниках», но не задалось.

Главная симптоматика всей этой пандемии отчуждения – в вирусе нигилизма, который стимулировался и всячески приветствовался либеральными цивилизаторами. Они в какой-то момент стали воспринимать себя хозяевами отечественной культуры. Возомнили, что не просто приватизировали ее, но должны переписать с чистого листа и изменить до неузнаваемости. Вот и подобные литератору «цветы» слишком усердно поливали и удобряли.

Поэтому тот же Быков* так и ненавидит Достоевского, который все о подобном типаже рассказал, а также раскрыл, к чему приводит отказ от привязки к почве, от традиционных ценностей, памяти. Что-то перещелкивается в человеке, и он заболевает до такой степени, что являет мумию себя с пустотой и сквозняком внутри, опасным для окружающих.

Это смердяковщина.

Поэтому и ненавидит истово сейчас Быков* Прилепина, видя рядом свой ничтожный масштаб.

---

* Признан в РФ иноагентом.

Критик

Через месяц после начала российской спецоперации на Украине известный предприниматель Петр Авен в интервью Financial Times рассказал о жизни под санкциями и жаловался, что его семья не знает «как выживать», как оплачивать труд уборщицы и водителя. Тогда говорилось, что активы олигарха, проживающего в Лондоне, заморожены.

«Жизнь дописала твою рецензию. Большевики хоть на благо страны экспроприировали. А твой "цивилизованный мир" – тупо отжал себе», – прокомментировал тогда эту новость Прилепин в соцсети, напомнив, что Авен критиковал его роман как раз за идею экспроприации.

В августе 2023 года стало известно, что Минфин США ввел санкции против Михаила Фридмана и Петра Авена.

«Форменное издевательство, и вообще какой-то, прости Господи, антисемитизм. Люди (почти) всё отдали, (почти) всё продали, спецоперацию осудили, но им всё равно, в порядке предупреждения еще год назад влепили санкции от Австралии, Новой Зеландии и ЕС; в ответ их пытались отбелить перед мировой жабой весомые финансовые игроки; за них даже Чичваркин заступался; они шли на неслыханные уступки, а им вон что. Никакого покоя нет.

Ибо предательство в глазах мировой жабы должно быть тотальным, абсолютным.

Впрочем, даже оно ничего не гарантирует. Житель Великобритании, гражданин Израиля, уроженец Львова, российский миллиардер Фридман, и все ему подобные не могут быть прощены, пока лично не привезут ВВП в Гаагу.

Или сами туда однажды сядут. Вероятность этого, кстати, уже не выглядит столь фантастической», – прокомментировал новость в соцсети Захар Прилепин.

* * *

Когда Михаил Горбачев пришел к власти в Советском Союзе, Петру Авену было 30. Распад страны он застал в 36 лет.

В свое время будущий банкир окончил экономический факультет МГУ. Любопытный штрих его биографии: в Институте системных исследований ГКНТ и АН СССР, где числился младшим, а затем старшим научным сотрудником, работал в одном кабинете с Егором Гайдаром.

Затем уже состоял в «первом посткоммунистическом правительстве России», которое возглавлял тот же Гайдар. Был министром внешних экономических связей Российской Федерации, а затем представителем президента России по связям с индустриально развитыми странами. Сетовал на скудную западную помощь при проведении реформ, что дают сущие копейки на поддержку становящейся российской демократии. Также отмечал, что многие западные лидеры все еще воспринимали Россию не как партнера, а соперника.

Продержался совсем недолго. Даже Гайдар отмечал не только отсутствие опыта, но и частые перемены настроения. Но все это, по его мнению, перевешивало то, что Авен отлично понимал суть происходящих процессов и улавливал верный их вектор. То есть держал нос по ветру.

После ухода из правительства пошла в гору бизнес-карьера, чтобы уже в 1996 году связать бизнес и политику в один узел, оформленный в истории через понятие «семибанкирщина».

Сочинение банкира по мотивам романа «Санькя» появилось в октябре 2008 года в журнале «Русский пионер».

Как отметил сам Авен, высказаться его по поводу романа практически заставил главред издания. При том, что во вводке к «сочинению» говорится, что прилепинская книга ему совершенно не понравилась, но «задела за живое». Почувствовал угрозу для мира, в котором живет и который создавал. А тут пришел разрушитель…

Роман, по его мнению, содержит то, что «следует ненавидеть». Авен сводит прилепинское послание к двум тезисам: современный мир – ужасен, его следует менять силой.

Из того, что «следует ненавидеть»: «вирус левизны, социализма», из-за которого страна во многом стала отсталой.

Причины такого «вируса» в том, что «есть большая группа людей, которые чувствуют фундаментальную несправедливость мира острее прочих». Их и привлекают левые партии, вернее, как писал банкир, «соблазняют». Дальше движущими силами становятся «неудовлетворенные амбиции, лень и страх». Все из набора штампов, создаваемого в перестройку образа советского человека.

«Есть немало людей, которые, особенно в молодости, не могут смириться с мыслью, что они не лучше других, что нет у них никаких особых талантов. И вместо того чтобы, работая ежедневно, бороться со своими “природными” ограничениями, они винят мир в фундаментальной недооценке себя. И от этого мир ненавидят», – писал Петр Авен. Таков, по его мнению, посыл к разрушению.

Конечно, он не примеряет подобную логику к себе. Когда он и подобные ему так же ходили практически в статусе революционеров, если вспомнить, что советская перестройка была заявлена в качестве новой революции. Не вспоминает, что так же винил мир вокруг себя, который именовал ужасным и крайне несовершенным и достойным только того, чтобы быть уничтоженным раз и навсегда. Или это было другое?..

Но в те годы воззрения, транслируемые Авеным, были общим местом. Все-таки относительная стабильность после шоковых лет. Деятельному меньшинству «созидателей» противопоставлялось агрессивное и ленивое большинство с тягой к разрушению. Таков якобы продукт советской выделки, отрицательного генетического отбора и ставки на люмпенизацию. Отсюда и отношение к народу, которое сформировалось в постсоветской России: сам во всем виноват, ленив и нелюбопытен. Мало того – существенная помеха в деле построения прекрасного мира будущего, куда вход по особому дресс-коду.

«У кого нет миллиарда, могут идти в жопу!» – символическая фраза предпринимателя Сергея Полонского, озвученная в том же 2008 году. Главный лозунг российской буржуазной стабильности.

Вообще Авен демонстрировал типический прием оппонирования: мы трудились, вкалывали, создавали, всего сами своими руками заслужили, а те – лентяи, ни на что не способны, тешат лишь собственные комплексы. Пусть лучше носки постирают. Все это подкреплялось идеологемой, что в Советском Союзе большевиками была создана нация рабов и лентяев.

К примеру, после начала российской спецоперации литературный функционер Григорий Урушадзе* с проклятиями покинул Россию, бросив спич о двух культурах: настоящей, которая была создана в постсоветской России и покидающая ее после 24 февраля, а с другой стороны – культурная немощная подделка, для быдла. Одни все годы создавали, другие ни на что не способны. Прогрессивная культура – это, само собой, прозападная, отсталая – «ватная», патриотическая.

Урушадзе*, на минуточку, являлся с самого основания директором главных литературных премий в стране. Таких, как «Большая книга», «Лицей», «Книгуру». В литературе он был практически как Авен в финансах. «Альфа-банк» является партнером «Большой книги», учрежденной в 2005 году. Петр Авен и Михаил Фридман были включены в состав ее «литературной академии».

Надо сказать, что в само понятие «труд» была включена масса смысловых подмен, из-за чего он стал восприниматься иерархическим, как и само общество. Настоящий труд – который приносит настоящие и большие деньги. И не важно, что он из себя представляет, главное, чтобы была от него польза конкретному человеку, и осязаемая, бросающаяся в глаза. Это прерогатива и мета успешных людей. Все прочие, которые за бортом и не помазаны успешностью, должны довольствоваться трудом в прежнем или ветхом его понимании. На хлеб насущный.

«Для стариков работа – это землю пахать или – завод, или больница, или школа...» – пишет Прилепин в своем романе. Теперь такой труд стал «уделом людей не очень удачливых, загнанных жизнью».

В духе перестроечной борьбы с «совком» Авен утверждает, что многое из ненавистного ему стало частью национального характера – инфекция недооцененности, вера в особый путь России.

Как так: вроде у многих схожие стартовые условия, но одни создают и строят, как Авен свою империю, а другие вязнут в своих комплексах и пропагандируют разрушение? Причем последние в России превалируют. Рецензент отмечает, что «наши сегодняшние богатеи вышли из тех же трущоб, что и Саша Тишин». Наверное, надо добавить: и в одном кабинете с Егором Гайдаром работали. Или не работали?

Для иллюстрации этого тезиса Авен пишет, что его бабушка одно время жила в городке Правдинск, соседнем с городом детства Прилепина Дзержинском. К ней приезжал и будущий банкир, из-за чего приобрел «всевозможные аллергии».

«Одним словом, мы с Прилепиным или, точнее, с его родителями – я все же прилично старше – жили когда-то недалеко друг от друга вполне себе похожей жизнью», – писал Петр Авен. Но «прошли годы, и я, и мои друзья-буржуины стали для него и многих его друзей первейшими врагами, которых призывает мочить герой романа “Санькя”. За то, что мы у них якобы что-то украли. Поломали им жизнь. Не дали стать инженерами или рабочими. А мы – я, во всяком случае, – ничего ни у кого не крали. И, извиняюсь за штамп, создаем тысячи рабочих мест. И стипендии платим – в том числе будущим инженерам. И оправдываться нам-то как раз не за что».

Все это тезисы истовой веры в свою особенность, подкрепленную делами. Все в духе перестроечной мифологии, сформулированной еще ее главным идеологом Александром Яковлевым, который делил советское общество на две противоположные части. Одна – люмпенизированная.

* Признан в РФ иноагентом.

Там «консолидируются иждивенцы, неумехи, махинаторы». Такова озлобленная часть, тяготеющая к насилию. Другая же часть, за которой будущее, собирает «все самостоятельное, активное, инициативное, жизнеспособное». Она ратует за частную собственность, потому как жаждет создавать свое богатство. Преграда на этом пути – все тот же люмпен, босяк, который выставляется в качестве носителя чувства зависти. Босяк – ленив, он, по словам Яковлева, «за уравниловку, за воровство». Это паразитическое в обществе, уничтожающее в нем все самое светлое.

Тишин в представлении Авена – адепт лени, грязи и повсеместного неустроя, поэтому и возвеличивается страдание как «единственно достойное состояние души». Чтобы преодолеть патологическое чувство страха, эти люди сбиваются в стаи, в толпу.

Досталось и тишинскому деду, который рассуждает о грядущих мировых катаклизмах. По мнению Авена, он «прямой родственник российских старцев-отшельников».

«С которыми, хоть за это ей спасибо, покончила советская власть. А то тысячи ничего не делающих, живущих в грязи малограмотных старичков столетиями морочили голову народу (и отнимали у него массу времени – к ним ведь еще доехать надо было). К началу двадцатого века институт подобных страдальцев-отшельников сохранился в христианском мире, кажется, только у православных. Впрочем, бог с ними – ленью и страданием», – рассуждал рецензент, у которого критика прилепинской левизны перерастает в критику российской ментальности, а также Православной церкви, к которой, как пишет, «нет большого доверия».

В рамках этой ментальности, утверждает Авен, трудно смириться с «успешностью соседа, начинавшего с того же, что ты. Так же, как и с успешностью соседней страны, которая еще недавно ела из наших рук, а теперь…» Надо понимать, что последняя реплика – отсылка к грузинским событиям августа 2008 года. Хотя за прошедшее время столько всего было наговорено схожего и по отношению к Украине.

Авен отмечает, что самого Прилепина не отождествляет с его героем, а помещает в свою матрицу и говорит о нем как о «мелкобуржуазном литераторе», который через подобный эпатаж стремится встроиться в буржуазный мир, чтобы тот обратил на него внимание и принял за своего.

«Мы с Прилепиным – плохие собутыльники. Я для него классовый враг, он для меня – см. выше. Для него подвиг – смерть в захваченном здании областной администрации (это конец романа). Для меня – в ежедневном труде на пределе своих возможностей. В борьбе с собой, а не с миром. Мне кажутся бредом его философские экзерсисы, дурацкими и бессмысленно мутными рассуждения о России. Например: “Россию питают души ее сыновей – ими она живет, не праведниками живет, а проклятыми”. Просто не страна, а вампир какой-то. Пьющий, к тому же, только гнилую кровь. Да и не люблю я пьяные разговоры. И у взрослых эпатаж. А также – дешевую водку», – с пафосом морального авторитета резюмирует Авен.

Вскоре Захар Прилепин в издании «Русская жизнь» опубликовал свой ответ главе «Альфа-банка», который завершается словами «я человек большой культуры». И это воспринимается вовсе не позой и рисовкой, а тем, чего как раз совершенно не было в «сочинении» Авена – чувстве принадлежности к огромной цивилизационной традиции. Она для него – совершенно внешняя, скорее помеха в его «ежедневном труде на пределе своих возможностей».

Все альфа-послание было проникнуто даже не столько идеями социал-дарвинизма, сколько мотивом отчуждения от всего российского, позиционированием своей инаковости. Отсюда и учительность.

Те люди в эпоху развала пришли, чтобы переделать Россию, изменить, исправить сообразно своему пониманию.

Но речь шла не только о внешнем декорировании и евроремонте, необходимо было изменение самой внутренней сути, которая трактовалась отсталой, неконкурентноспособной и мешающей развитию по цивилизованным стандартам. Сама принадлежность к этой России у избранных лишь формальная – это поле приложения усилия, особый тест для них самих и обряд инициации. Прошел и можешь смело отправляться на новый уровень – в Лондон. Из принадлежности – лишь смутные воспоминания от поездки к бабушке в Правдинск, с печальными последствиями для здоровья в будущем, а также происхождение нынешних «богатеев» из тех же трущоб. То есть российские реалии ничего не дают, а лишь являются дополнительными и вовсе не обязательными испытаниями для особенного человека.

Эта возможность переехать, плюнуть на все, махнуть рукой, сославшись на те или иные причины, в том числе историческую, географическую и демографическую патологию места, в итоге производит безответственность. Когда до этого места, которое даже не будем называть родиной, глубоко и по барабану. Когда возникает тот самый разрушительный порыв, за который винит Прилепина, а на самом деле для критика – гори тут все синим пламенем.

Любопытно, что тот спор был затеян вскоре после своеобразного юбилея черной даты новейшей российской истории – кровавых московских событий октября 1993 года. Тогда произошло столкновение темного агрессивного большинства, красно-коричневых (так это трактовалось) со сторонниками демократических преобразований в стране, актуализировавших давний призыв «Раздавить гадину!»

Можно вспомнить и главный идеологический императив, с которым та же самая «семибанкирщина» включилась в компанию по поддержке Бориса Ельцина: не допустить возврата. И это касалось вовсе не только ностальгии по Союзу и возвращению советской системы, а намного глубже. Страну сшибли с ее цивилизационного пути, принялись за сущностную переделку. И главное в этом деле – отрицание ее особенности и уникальности.

Пройдет время, и президент Владимир Путин в своем обращении к гражданам страны заявит, что «цель этого Запада – ослабить, разобщить и уничтожить в конечном итоге нашу страну. Они уже прямо говорят о том, что в 1991 году смогли расколоть Советский Союз, а сейчас пришло время и самой России, что она должна распасться на множество смертельно враждующих между собой регионов и областей».

Или вот другое известное путинское высказывание: «У них одна цель: раскассировать бывший Советский Союз и его основную часть – Российскую Федерацию. И потом, может быть, они и примут нас в так называемую семью цивилизованных народов, но только отдельно, каждую часть отдельно. Для чего? Для того, чтобы помыкать этими частями и поставить под свой контроль. Если мы пойдем по этому пути, я думаю, что судьбы очень многих народов России, и прежде всего русского, могут кардинально поменяться. Я не знаю даже, сможет ли сохраниться такой этнос, как русский народ, в том виде, в котором есть сегодня. Ну, будут московиты какие-нибудь, уральцы и так далее…»

Во времена, когда писалась рецензия банкира, чувствовавшего себя полноправным хозяином жизни и победителем, подобные высказывания трактовались за дремучую и невежественную конспирологию, маргинальную и устаревшую позицию. Но время уже тогда сдвинулось вперед, Прилепин говорил об этих изменениях, Авен же воспринимал все это как слова маргинала.

В своем ответе банкиру-рецензенту Захар Прилепин пишет об апокалиптических предчувствиях по поводу «будущего моей земли».

«Ни экономика этого государства, ни внешняя политика, ни отношение к гражданам и свободам, ни простые человеческие манеры представителей власти не дают мне надежды, что Российская Федерация сохранит свою географию и разберется со своей демографией», – писал автор «Саньки». Все потому, что главенствует общий вывод о том, что «содержание населения России нерентабельно», ведь большинство там все же испорченные советским периодом лентяи да рабы, относительно них лишь дашь слабину – тут же пустятся во все тяжкие. Чистую и правильную Ригу, где преследуют ветеранов войны, здесь не построить.

Не добавляло оптимизма и то, что в стране, по сути, была главенствующей идеология социал-дарвинизма, которую и транслировал достаточно откровенно тот же банкир Авен. Его «сочинение» публицист Станислав Белковский* назвал «идеологическим манифестом правящей российской элиты». И это на самом деле было так.

«Философия социал-дарвинизма, которой нас так вкусно и обильно кормили во времена перестройки, – она не устарела. Она актуальна как никогда. Мало того, она и есть наша государственная идеология. В качестве идеологии социал-дарвинизм не озвучивается, но безусловно подразумевается», – писал в продолжение дискуссии Прилепин уже в журнале «Огонек». «Я так и не услышал не то что ответа, но даже эха, когда прокричал государству: “Я действительно не понимаю, как здесь всем нам выжить и кто станет защищать эту страну, когда она обвалится в кризис”», – настаивал писатель.

* * *

Литературный критик Алексей Колобродов в своей книге «Захар» высказал любопытную мысль, что подтолкнул Авена написать о романе через редактора «Русского пионера» Колесникова сам президент, прочитавший «Саньку» еще в 2006 году.

Как еще узнать, что человек думает на самом деле? Можно с помощью традиционного коммуникативного посредника, когда развязывается язык, и тогда много возникает на языке. А можно подтолкнуть поумничать с оппонентом, воспринимаемым намного ниже себя, а потому безопасным. С таким возможно и высокомерие, надменность вкупе с брезгливостью. Через это не только реплики про нестиранные носки могут проскользнуть, но и то, что на душе. Вот банкир и развернулся и изложил в полной мере всю идеологию своего класса, который еще совсем недавно был полноправным хозяином постсоветской России.

Но времена постепенно меняются, и Петр Авен этого еще не осознает. Поэтому, как пишет Колобродов, «наговорил в своей рецензии от обиды лишнего». Да и, по большому счету, дал понять, что он попросту здесь чужой и является, по словам Алексея Колобродова, носителем «фарцового сознания, помноженного на комсомольское и мажорное».

* Признан в РФ иноагентом.

По поводу дискуссии высказался и писатель Герман Садулаев, отметивший, что «человеконенавистническая идеология элит стала, наконец, темой широкого обсуждения». Высказывание это косвенно подтверждает и версию Колобродова о том, что банкира далеко не случайно подвигли проговорить и излить то, что у него на душе. Эта дискуссия была крайне важна.

* * *

Вскоре тему этой переписки продолжил ажиотаж, вызванный знаменитым прилепинским «Письмом товарищу Сталину». Кстати, Сталина как ненавидящего мир большого диктатора упоминает в «сочинении» олигарх Авен.

«Письмо» было опубликовано 30 июля 2012 года на сайте «Свободная пресса» и вызвало невероятный скандал. Автор подвергся шквалу критики, а, например, вечный российский культурный куратор Михаил Швыдкой вынес Прилепину приговор, отказав ему в праве именоваться русским писателем.

«Мы поселились в твоём социализме.

Мы поделили страну, созданную тобой.

Мы заработали миллионы на заводах, построенных твоими рабами и твоими учёными. Мы обанкротили возведённые тобой предприятия и увели полученные деньги за кордон, где построили себе дворцы. Тысячи настоящих дворцов. У тебя никогда не было такой дачи, оспяной урод.

Мы продали заложенные тобой ледоходы и атомоходы и купили себе яхты», – само начало знаменитого «Письма» звучит, как продолжение дискуссии вокруг роман «Санькя». Его можно воспринимать и за новое высказывание-манифест от Авена, которое не дожидаясь, сам «записал» писатель, подписав свое «Письмо»: «Российская либеральная общественность». Собственно, в нем – квинтэссенция их победившей в 91-м году идеологии и догматики, а также символы веры.

«Мы очень стараемся и никак не сумеем растратить и пустить по ветру твое наследство, твоё имя, заменить светлую память о твоих великих свершениях – чёрной памятью о твоих, да, реальных, и, да, чудовищных преступлениях.

Мы всем обязаны тебе. Будь ты проклят», – этими словами Прилепин завершил свою «запись». Собственно, в этом и смысл постсоветского культурно-исторического дефрагментирования страны: обнулить здесь все, растратить, создать яму, пустоту, которая будет зиять вечным подтверждением ущербности всего тутошнего.

Критики как раз и увязывали «Письмо» с романом. Вот, что писал в Deutsche Welle журналист Дмитрий Вачедин: «войдя с написанием антилиберального “Саньки” в литературный истеблишмент, Захар Прилепин недавно оглушительно порвал с ним, опубликовав скандальное “Письмо товарищу Сталину”».

В чем оглушительность разрыва, что привело к грандиозному скандалу?

Прилепин проговаривает основную мысль, которой собственно и посвящено письмо: «Мы говорим – и тут редкий случай, когда мы говорим почти правду, – что ты не жалел и периодически истреблял русский народ. Мы традиционно увеличиваем количество жертв в десятки и даже сотни раз, но это детали. Главное, мы умалчиваем о том, что самим нам нисколько не дорог ни этот народ, ни его интеллигенция». Не дорог настолько, что процесс вымирания представляется за очевидный и даже желаемый,

вплоть до полного обнуления. Сколько слов было излито по поводу того, что как только уйдет последний «совок», то и наступит новая и прекрасная эра для России. Это время приближали как могли.

Тема развернувшейся гражданской войны в новом обличье в постсоветской России, особого формата массовых репрессий в 90-е, приведших к катастрофическим демографическим последствиям для страны, еще ждет своих беспристрастных исследователей.

Прилепин же своими словами назвал суть постсоветской либеральной идеологии, направленной на «отмирание русского этноса». Тема эта в полной мере звучит и в романе «Санькя».

Идеолог

17 ноября 2006 года в Кремле состоялась встреча группы молодых писателей с заместителем главы президентской администрации Владиславом Сурковым. В писательской группе был и Захар Прилепин.

Тогда Владислав Юрьевич ходил в ранге главного российского идеолога. Воспринимался фигурой если не инфернальной, то всемогущей. Автор теории суверенной демократии.

В тот год прогремела история с Копцевым, напавшим на прихожан московской синагоги. Она обратила внимание власти и общества на всплеск преступности на национальной почве и различные проявления экстремизма. При определенной умственной предрасположенности вполне можно было увязать финал романа «Санькя» с нападением на синагогу со всеми вытекающими. И что и как пойдет дальше – поди разбери. Притом что писатель еще не набрал необходимую высоту и вес. Поэтому встреча была необходима. Если не в плане легитимизации, то, по крайней мере, чтобы показаться человеку, отвечающему за внутреннюю политику: вот посмотрите, совершенно не страшный, на людей не бросаюсь, дурному не учу.

Реальность же такова, что Прилепин и Сурков, особенно в те годы, являлись, мягко говоря, оппонентами. Захар был одним из лидером запрещенных нацболов*. Сурков, в том числе и в противовес лимоновской партии, создал свое движение «Наши». Притом что в те годы Эдуард Лимонов был категорически отлучен от СМИ.

Большой овальный стол, два десятка молодых литераторов. Захар напротив Суркова, чуть в стороне от которого, по левую руку, – Сергей Филатов, в прошлом руководитель администрации президента Ельцина.

Во вступительном слове Сурков заверил всех, что нынешняя российская власть пришла, чтобы оставить о себе хорошую память. Рассуждал о том, что к демократии Россия подошла органически, что этот путь для страны неизбежен, но при этом «нам с нашими вековыми привычками ко многому надо адаптироваться».

К примеру, власть критикуют за слабую партийную конкуренцию, но проблема здесь в «недостаточной подвижности общества».

При этом напирал, что российскую демократию нельзя воспринимать как продукт поражения в холодной войне. Настоящее – не производное от поражения, не должно развиваться ощущение родовой травмы.

Поэтому делал акцент на том, что никакого проигрыша Советского Союзы в холодной войне не было. Это, дескать, западная версия.

«Россия, которая тогда называлась Советским Союзом, ничего не проиграла. Нас никто не победил. Поэтому мы не должны исходить из

* Национал-большевистская партия (НБП) запрещена в РФ.

того, что в эту ситуацию мы попали по принуждению, исходя из какого-то разгрома, что мы могли бы находиться в какой-либо другой системе, а нам навязали эту. Это не так», – говорил тогда молодым литераторам Владислав Сурков. По прошествии времени можно было в полной мере убедиться в принципиальном различии западной и российской версии итогов холодной войны. Запад воспринимал Россию посредством логики «победитель – проигравший». Россия же не принимала подобную иерархию и настаивала на равноправии.

Логика понятна: почил Советский Союз стараниями многих выгодоприобретателей, ну и ладно с ним. Понесла отечественная цивилизация небывалые территориальные, людские и прочие потери, был под вопросом сам факт ее существования – так и ладно, чего тут вспоминать. Иного и не бывает, когда освобождаются от тяжкого наследства и заложенных мин.

Вопрос о «непроигрыше» – историософский и выстроен он практически как концепция новейшей истории в екатеринбургском Ельцин-центре. Если приобрела – то что? Исправилась, стала иной или забыла себя?

Формула «не проиграли» – искусительная, успокаивающая. Формула новых реалий и нового класса-гегемона, которому необходимо показать, что пришел не мародерски, не ураганил на обломках, а естественным образом и спасительно.

Опять же, если не проиграли, то какой спрос с 91-го года? Не было никакого развала, не было и декабрьского сговора в Пуще. Все логично и естественно – на благо. От тоталитаризма к демократии.

О приватизации 90-х: «я считаю, что случилось – то случилось». Но при этом Сурков отметил, что собственность, полученная в результате залоговых аукционов, а это касалось всех крупнейших сырьевых компаний, попросту могла перейти в иностранные руки. То есть на повестке дня стоял второй этап той самой грабительской приватизации 90-х, когда ресурсы были бы полностью отчуждены от страны. И привел в пример Нигерию, где нефть добывают транснациональные корпорации. Получается, что олигархи спасли от нигериизации?..

Также Сурков вступил в заочный спор с взглядами, которые чуть позже сформулирует Петр Авен в критике прилепинского романа: «Что касается сугубо частных компаний, которые якобы должны спасти Россию от всех бед и разрухи, – вопрос о них очень спорный. Потому что крупные компании, пока государство не начинало на них воздействовать, не проявляли особенного интереса к социальной сфере и демонстрировали массовое уклонение от налогов». Это была «трофейная экономика», которая разбирала все на части.

Главная же задача, стоящая перед страной, – создать новую экономику. И она, по словам Суркова, сопоставима «с задачей, которая стояла перед большевиками после революции и Гражданской войны». Это переход от сырьевой к несырьевой, от нефти по трубам к инновациям. Собственно, ко всему тому, что стало возможным после развернувшейся санкционной войны с Россией.

Говорил о том, что «демократическая система в России находится в неустойчивом состоянии». Опасность представляет бюрократия и крупный капитал. Это то, что тормозит развитие, стреноживает устаревшими догмами. Крупный капитал – олигархия (привет Авену) – стремится присвоить рычаги влияния, она все еще пребывает в формате «трофейной экономики», из которой и вышла.

Сурков рассуждал об опасности власти денег и, кивая на Филатова, приводил в пример 90-е, когда власть перехватили крупные финансовые

группировки. Они телевидением и СМИ выдавили большую часть населения из политики. И это не только московский октябрь 93-го, но и президентские выборы 1996 года. Что привело к тому, что «в те годы абсолютно игнорировались проблемы большинства граждан». Была «институционализирована» коррупция, которая не только не преодолена, но развивается. По сути, дискуссия Прилепин – Авен касалась именно этих проблем.

Также еще в самом начале разговора Владислав Сурков подчеркнул, что «политика – это, прежде всего, – текст».

* * *

Писатель Дмитрий Орехов:

«И тут выступил Захар Прилепин. Иронично улыбаясь и сжимая в руке диктофон, как гранату, он спросил:

– Какому из литературных жанров можно уподобить политику России? Что это: детектив? Любовный роман? Триллер?

– Я бы хотел надеяться, что это эпос, а вообще-то… – Сурков задумался».

Дмитрий Орехов продолжает: «Я смотрел на Захара и гордился им. Словно бы это был сам Саня Тишин, прилепинский герой, готовый умереть за свою правду. (Кто читал роман “Санькя” – поймёт.)»

В стенограмме встречи ответ звучит так: «Хороший вопрос. Хотелось бы, чтобы это был эпос. Но не уверен, что он реально присутствует сейчас. Быть может, пока что-то вроде очерка».

Ощущение эпических времен возникло позже. Обозначилось оно в 2014 году. Не только с украинским майданом и очередной субстанциональной опасностью для страны, но и с совершенно новой заявкой о себе России, которая проявилась с принятием Крыма. Ощущение эпоса стало оформляться за несколько лет до 24 февраля, а с этой даты стало совершенно ясно, что Россия вернулась в историю, что развернулись ее эпические времена.

Тогда же, в 2006-м, были лишь интуиции по поводу предстоящих эпических задач. Не зря тот же Сурков проводил аналогию с масштабами деятельности большевиков после Гражданской войны. Тогда, к слову сказать, и возник литературный эпос: шолоховский «Тихий Дон», а чуть позже «Поднятая целина».

Пока же между – очерком и эпосом. Время рекогносцировки. И здесь Сурков вышел на вопрос национальной идеи. Он не растекался по ее поводу, но отметил, что таковой должно стать «самоуважение».

«К нам, в том числе за рубежом, стали привыкать в новом качестве. К нам пока еще не привыкли. О нас забыли. Нас воспринимали как какое-то болото. И вдруг оттуда какое-то кваканье раздаётся. Это раздражает. К этому не привыкли. Не хотят нас такими видеть! Давно не видели! Мы же когда из Союза вышли – мы сразу предъявились им как голодные и оборванные. Нас они не видели долгое время – кроме портретов генерального секретаря. А потом ворота распахнулись, и все увидели толпу, которая мечтает о сосисках и баночном пиве…» – сказал Сурков (можно добавить, что кто-то, как Авен, мечтал о костюме Бриони. Все в логике вопроса Остапа Бендера: «Сколько вам нужно для полного счастья, Шура?»).

И это тоже важный аспект не только самовосприятия: преодоление травмы, нигилизма по отношению к современности, которая воспри-

нимается изначально порочной с клеймом родовой травмы. Но и того, как Россию воспринимают во внешнем мире: закрытая территория, антагонист, вселяющий ужас, а когда это ощущение ушло, как считает Запад с его победой, то остались толпы, мечтающие о сосисках. Через подобную оптику и складывалось восприятие постсоветской России на Западе. Поэтому, когда Россия стала заявлять о своих национальных интересах, обозначать «красные линии», формулировать гарантии безопасности, на Западе все это не воспринималось должным образом, ведь он завис в восприятии нашей страны в системе стереотипов от страха до полудикой толпы, выбравшейся из своих болот. Этакий образ огромной Северной Кореи, который они сами себе рисуют.

Да и еще была важная фраза, во многом характеризующая особенности современной российской политики: «Демократия требует терпения. Многие вещи откладываются очень надолго».

В завершение встречи Вячеслав Сурков отметил, что, по его мнению, кино и литература – два основных вида искусства: «Потому что скреплять народ может только общая система образов, общее понятие ценностей и символов. У нас должно быть общее понятие ценностей». Он уже тогда понимал важность возникновения нового отечественного эпоса. А значит, было и предчувствие эпических времен.

«Производство смыслов и образов, интерпретирующих всеевропейские ценности и называющих российские цели, позволит ментально воссоединить расстроенную было нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку.

В полемике культур российское сообщение должно быть весомо и внятно, по природе свободно, по существу справедливо, по форме интересно, по тону приемлемо.

Нужно утвердить собственные позиции в философском, социо- и политологическом дискурсах Запада. А поддержкой искусства (кино и литературы прежде всего) постепенно вернуть покоряющее обаяние отечественной культуры», – а это уже цитата из программной сурковской статьи «Национализация будущего». Где, по сути, шла речь о том, чтобы занять свое достойное место при Западе.

Кстати, внимание к литературе уже проявлялось. Годом ранее была создана российская литературная премия «Большая книга». Ее гендиректором стал уже упомянутый выше функционер Георгий Урушадзе*, прославившийся после 24 февраля, когда в знак протеста против СВО покинул свои посты и уехал из России, а после создал конвейер антироссийской литературы. Тогда же в его руках помимо «Большой книги» оказалась премия детской литературы «Книгуру» и для молодых литераторов «Лицей».

Издательский бизнес набирал скорости по направлению монополизации. Стала активно развиваться литература, транслирующая штампы постсоветской идеологии. Либеральной и западноориентированной.

* * *

После встречи в Кремле Захар Прилепин написал колонку «Преодоление декаданса». В нем отметил, что Сурков – «родом из декаданса». Что он «иной». Его привлекает «терпкий вкус тления», «ощущение распада». Но в то же время стремится этот декаданс преодолеть.

* Признан в РФ иноагентом.

Так будто отсвечивает его путь: от «Менатепа» Ходорковского* до Кремля, от пиара до попыток формулирования государственной идеологии и оправдания существующих реалий, исходящего хотя бы из того, что мы не проиграли, а, наоборот, приобрели.

В этом на самом деле не только путь к преодолению декаданса, но и нигилизма по отношению к настоящему, генеалогия которого обычно возводится к тому самому проигрышу, фатальной ошибке или преступлению. Отсюда и перевод акцента на эпичность, к которому подходит общество через современный очерк.

В финале своей статьи Прилепин приводит строчки из песни Владислава Суркова «Черные всадники»: «Время угрюмое, кончились праздники, / Мир и покой, мир и покой. / Ломятся в дверь, это черные всадники, / Это за мной, это за мной».

«Человек бежит прямо к черному разлому в собственном сердце», – завершает свою статью писатель и будто фиксирует холодный дух Безлетова, дух пустоты.

Собственно, тогда и Россия стояла на этом перепутье: либо дорогой декаданса и нигилизма, либо мечтать об эпосе. Нестись к разлому и еще больше его умножать или постараться понять произошедшее и вписать его в большой цивилизационный контекст. От «Черных всадников» до пушкинского чуда «Зимнего утра»…

Тот же Владислав Сурков, настаивая, что с распадом СССР мы не проиграли, будто бы полемизирует с Безлетовым, с его пустотой. Но чем ее заполнить, сам не знает. И все попытки оборачиваются «недоростками» или «черными всадниками». Человек декаданса никак не может этот декаданс преодолеть, он соприроден ему.

В той же колонке Прилепин вспоминает сурковскую статью «Национализация будущего», где были сформулированы его программные тезисы о «суверенной демократии».

В статье госчиновник, например, писал о том, что в России еще предстоит «испытать на себе и обратить в свою пользу мощь глобализации; добиться вытеснения засоряющих перспективу теневых институтов коррупции, криминального произвола, рынка суррогатов и контрафакта; устоять перед реакционными приступами изоляционизма и олигархии. Создать новое общество, новую экономику, новую армию, новую веру». Все это новое как раз и является слагаемыми той самой «суверенной демократии», представляющей собой «свежий продукт трагической трансформации через царизм, социализм, олигархию».

Сурков делал акцент на понятии «суверенитет», утверждая, что безрассудно «жертвовать сегодня национальной свободой ради модных гипотез».

Суверенность суверенностью, но главный сурковский завет состоял в том, чтобы «не выпасть из Европы, держаться Запада». Все это является, по его мнению, «существенным элементом конструирования России», которая таким образом выстраивается как нечто вторичное и производное от Запада. Сурков полагал, что ее цель – стать «соактором европейской цивилизации», уникальность которой состоит в сотрудничестве и взаимообогащении. К самой России понятие «цивилизация» не прилагалось.

Отсюда и шло бесконечное доверие к западным партнерам? Этот опыт постоянных ошибок трудных представляет собой характерную черту современной российской политики.

* Признан в РФ иноагентом.

В апреле 2018 года «Комсомолка» перепечатала сурковскую статью «Одиночество полукровки». Россия в ней представлялась этаким Ванькой-встанькой или, скорее, флюгером. Четыре века на Восток, четыре на Запад. Теперь она выпрямилась в своем отторжении от Запада и думает, куда бы вновь качнуться. На Восток?.. Страна нигде не может укорениться – перекати-поле? Сама она не самодостаточна, не представляет собой самозначимую цивилизационную единицу.

Владислав Сурков утверждал, что Россия – не уникальная цивилизация, а принц-полукровка, поэтому ей и суждено пребывать между молотом Запада и наковальней Востока. И в этом вроде как нет ничего плохого: «Россия это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока».

Впереди – одиночество вещи в себе «только уже без ложных целей и самоотрицания». А что такое «ложные цели»? Без мечты? Без божества, без вдохновенья, вперед к материальному благополучию и успеху в качестве главной ценности?..

Водораздел и окончательный развод с Западом произошел в 2014 году – с украинских событий. С этого момента начинается «долгое новое время» «геополитического одиночества». Посыпались санкции, появилась угроза экспроприации. На Западе все чаще стали раздаваться голоса, что пора отобрать и поделить деньги российских толстосумов (что во многом было реализовано после 24 февраля). Поэтому волей-неволей необходимо осваиваться в новой реальности, когда лозунг «пора валить» уже потерял свой прежний привлекательный шарм. В первую очередь в силу чувства самосохранения: никому не хочется повторить судьбу Остапа Бендера на румынской границе.

Россия не втиснулась, не поместилась в Европе. Но еще чуть больше десяти лет назад Владислав Юрьевич уверенно утверждал обратное. Что Россия – это европейская страна, что она часть европейской цивилизации.

До сих пор не произошло «формирования национально ориентированного ведущего слоя общества», что еще в далеком 2006 году Владислав Сурков определял в качестве условия суверенной демократии. Так что относительно долгого времени одиночества – это еще бабушка надвое сказала. Проблема в том, что Россия в настоящем не укоренена в себе и ее легко может качнуть в сторону при более сильном ветре. В Запад не вместилась. Вектор на Восток?.. Владислав Юрьевич сообщает, что это нам не нужно, «Россия там уже была» и ее поход на Восток закончился Смутой. От нее же, вернее от Лжедмитрия он ведет и процесс «вестернизации» России, который тоже ни к чему не привел: «ни Голландией, ни Францией, ни Америкой мы не стали».

Остается утверждать, что «мы сами себе союзники», но при этом отрицать отечественную уникальную цивилизационную суть: «И все-таки вряд ли мы третья цивилизация. Скорее сдвоенная и двойственная. Вместившая и Восток, и Запад. И европейская, и азиатская одновременно, а оттого не азиатская и не европейская вполне».

Получается, что сама по себе Россия мало что из себя представляет. Нечто аморфное, набор заимствованных, но нереализованных черт. Пустота?

Подобная линия рассуждений неизменно подводит к вопросу об отечественной порочности. Как раз тот случай, когда, отрицая советское,

автоматически ставишь под сомнение и все русское, попадая в мыслительную ловушку. Она диктует выход из ситуации: чтобы исправить, надо стать иным, влиться на равноправных основаниях в сообщество креативных наций.

* * *

16 февраля 2023 года в Телеграме появилось небольшое интервью Владислава Суркова в формате «да – нет». На вопрос «нормализуются ли в обозримом будущем отношения России и Запада?» он ответил «да».

Русский путь – зигзаг. Но и в этом, казалось бы, непокорном движении, нащупывающем что-то свое, есть фатализм. «Я уверен, что европейская сущность нашей культуры привела нас – своим путем, быть может, окольным путем, достаточно кривым, как часто у нас бывало, – но туда, куда идет вся европейская цивилизация», – говорил в 2006 году на той самой встрече с молодыми писателями главный российский идеолог.

«У Суркова мягкие движения и улыбающиеся глаза, которые смотрят в переносицу собеседнику, от чего создаётся ощущение, что он видит и тебя, и то, что у тебя за спиной. За три часа общения я ни разу не смог перехватить его взгляд глаза в глаза. Притом что, повторяю, он всегда смотрит на тебя. От него исходит ощущение и некоего странного надлома и – одновременно – стремительной физической силы», – описывал кремлевского чиновника Захар Прилепин в статье «Преодоление декаданса».

Декаданс, энтропия, хаос с эпическим борется?..

«Русский зигзаг» привел в сентябре 2023 года к написанию колонки «Рождение Севера», в которой Владислав Сурков предрекает будущий синтез русской, европейской и американской цивилизации. По сути, это идея конвергенции, она была очень популярна в перестроечные годы в Советском Союзе, одним из популяризаторов ее выступал академик Андрей Сахаров. Только у Суркова речь идет не о конвергенции политических систем, а цивилизационной. По сути, предусматривающая поглощение русской цивилизации, ее отмены и нивелирования основных черт, что и было апробировано на конвергенции социалистической и капиталистической систем в последние годы Союза.

Александр Проханов в романе «Последний солдат Империи» писал про «миф о конвергенции, вульгарно упростивший идею всемирного, объединенного человечества». Сурков теперь реанимирует и модернизирует этот миф, называя его «Великим Севером».

«Великий Север не утопия и не дистопия, он не будет ни идиллией, ни мрачным местом. Будет полон противоречий – и при этом одержим объединяющей идеей коллективного лидерства. Общее будущее предопределено общими корнями». – пишет Владислав Сурков в духе идей голливудского фильма «День независимости», когда национальный праздник Штатов превращается в планетарный и объединяющий всех, благодаря победе над пришельцами.

Владислав Сурков то и дело выступает с различными конструкциями, в которые пытается поместить Россию, но она все не укладывается. Вероятно, главная ошибка заключается в том, что воспринимается она хаосом, пустотой, не мыслится самодостаточной цивилизационной единицей. Отсюда и все мудрствования, становящиеся всякий раз лукавыми. Все из-за невозможности преодоления декаданса.

Финал. Ничего не кончится

В словаре Владимира Даля одно из значений слова «ополчать»: подымать народ, образуя рать, войско. Уже в первой книге Прилепина – романе «Патологии» возникает образ ополченца.

Тот самый мужик-ополченец с картины отца про Куликовскую битву, которую герой книги Егор в детстве попросил написать. На ней было все, что он хотел.

«Мужик-ополченец в разодранной рубахе, вздымающий на вилах вражину», рядом с ним «дружинник, замахнувшийся коротким мечом» и враги, «как дождевые черви, разрубаемые на части». Следующая отцовская картина – пожарище русского города.

В «Саньке» также есть ополченцы. Это двенадцать устроивших заваруху в том самом горящем давно и без них городе. Уже за пределами книги они будут благовествовать о возвращении отечественной истории, дойдут до Донбасса, который и стал новым отечественным Куликовым полем. Или все прежним, где брань идет неустанно, а вместе с ней – преображение нации.

«Пересвет... переедет и в наши странные дни».

Переехал. Да он никуда и не девался, как и тот ополченец с картины отца. Его увидеть надо, идентифицировать, распознать, принять. Черты его есть и в Саше Тишине.

Прошлое не замкнуто семью печатями от настоящего и будущего. Времена перетекают одно в другое и развиваются на наших глазах. Это прошлое форматирует и непосредственным образом влияет на настоящее, но и настоящее, коммуницируя с прошлым, изменяет его, а эхо изменений проецируется в будущее. Собственно, это и есть эпос, линии которого сходятся, расходятся, переплетаются и образуют взрыв, точку, семя.

Та картина, тот проявляющийся образ – эманация, прорыв оболочки, эхо больших и грандиозных процессов, происходящих одномоментно в каждый миг. Это и есть история. А не застывший, как от взгляда Горгоны, сюжет.

«Очень точные заметки», – так отреагировал сам Захар на проведенную мной линию от «Патологий» до «Саньки» и «Пересвета».

«Про “Патологии”, написанные в 2003 году, я и забыл, что там мелькнули ополченцы; сравнение “Саньки”, написанного в 2005 году, с поэмой “12” – неожиданное и яркое; но самое важное – это, конечно, название статьи и сборника 2007 года “К нам едет Пересвет” – это был самый расцвет гламура и потребительства, пик буржуазной России и либерального проекта в России. И я написал о том, что эти времена ненадежны, и к нам едет Пересвет. В том смысле, что наступают новые времена, где мужество и оружие вновь будут определять будущее, истину, состоятельность нашу и веру. Так и случилось», – отметил Захар Прилепин.

Так и случилось.

Двенадцать – именно столько союзников пошли на свою последнюю акцию (автор пишет, что Сашу и Олега «ждали Венька и девять пацанов из числа местных “союзников”»).

«Братья», – так напутствовал их Тишин, объясняя цель их действа: «мы хотим вернуть только то, что мы себе должны: Родину».

* * *

В своей книге «Действующая модель ада. Очерки о терроризме и террористах» писатель Павел Крусанов вспоминает, что в качестве особенности русского революционного сознания Юрий Трифонов называл «нетерпение».

По словам Крусанова, для этой особенности «Достоевский так и не нашел подходящего слова, хотя много раз описывал эту особенность в своих произведениях, а именно – полную невозможность прожить нормальную человеческую жизнь, стремление растратить себя в разовом радикальном действии, избыть себя в ярком самоотверженном жесте и сгореть мгновенно».

Подобное горение есть и в Саньке. В больничной палате Леве он говорит о счастье «знать людей». Называет их «мои братья». С ними «не западло умереть», но главное – можно «творить мир». Встреча таких людей – счастье.

В финале они вместе с Матвеем приходят к пониманию того, что у них нет ни одного шанса, но это совершенно не важно. Был ли шанс у Чапая, летящего на коне навстречу противнику?..

Но здесь ведь речь не о гибели всего, а о проявлении нового. Герой идет на смерть, чтобы дать путь для рождения и преображения.

«Русь бредит Богом, красным пламенем, где видно ангелов в дыму», – проговаривает Саша гумилевскую строчку, вспоминая про избу и семнадцать стариков в ней. Про нее «союзникам» рассказывал дед-лесовичок.

Это и есть формула того самого апокалиптического сознания, устремленности в надмирное, к идеалу, который не достижим в реальности. Отсюда и максимализм, и личное горение, растрата себя, и суровый счет к миру, вплоть до того самого его отрицания.

Николай Бердяев много рассуждал об эсхатологичности русской идеи, ее обращенности к концу, из чего и проистекает «русский максимализм». Счет и претензии к власти всегда максималистичны.

Бунт – ориентированность на идеал, но и отрицание. Но разница в этом у Тишина и Безлетова принципиальная. С одной стороны, прорыв небытия, за которым скрывается потенция к бытию, а с другой, полное безвариативное небытие, когда нет ни одного шанса, а только бесконечный мрак.

Кожинов отмечал, что «русский бунт» – «по сути своей не чье-либо конкретное действие, но своего рода состояние, вдруг захватившее весь народ, – ничему и никому не подчиняющаяся стихия, подобная лесному пожару».

В этом плане «союзники» – его провозвестники. Они не приближают пожар, не становятся его инициаторами, а предупреждают о нем, о необходимости изменений для предотвращения этой стихийности.

«Пожар» – повесть Валентина Распутина – увидела свет в самом начале советской перестройки. Это время писатель именовал «угарным» с «невиданным помрачением умов», когда люди отказывались от «здравого смысла и даже инстинкта самосохранения».

«Пожар» – это и пламя, которое «занялось в таком месте, чтобы, загоревшись, сгореть без остатка» и указание на «злой случай» или умысел. Никак не удалось организовать сам процесс тушения: огнетушители «то ли высохли, то ли выдохлись», также и народ никто не сумел собрать в «одну разумную твердую силу, способную остановить

огонь». Общество в нужный момент не смогло собраться, его защитные механизмы ослабли.

Романная акция Яны, после которой стали закручивать гайки в отношении нацболов*, рифмуется с захватом администрации президента партийцами. Это произошло 14 декабря 2004 года. Тогда порядка полусотни лимоновцев заняли один из кабинетов в приёмной Администрации президента и забаррикадировались в здании. Нацболы* требовали встречи с советником президента по экономике Андреем Илларионовым**. Он – типичный либерал, настаивал на невмешательстве государства в экономику, после отставки подался в оппозицию и стал непримиримым критиком российской власти. С 2006 года живет и работает в Штатах. Дополняет образ советника Безлетова в романе.

Было жесткое задержание. 39 человек суд признал виновными в массовых беспорядках. Из них 31 человек получили условные сроки, остальные от полутора до трех с половиной лет.

Тогда и сейчас этот эпизод читается несколько по-разному. Было совершенно иное отношение к власти, памятуя пустопорожнюю перестроечную риторику, а после во многом предательскую и стыдную девяностых. Было восприятие именно этой линии властного наследования с огромным недоверием к ней и ощущением отчуждения.

В качестве примера можно вспомнить роман Александра Проханова «Господин Гексоген», который вышел в 2002 году. В финале книги фигурирует образ «самолета “Россия”», который, уже казалось, что либо разберут на запчасти и цветмет на земле, либо он рассыплется в воздухе. Но он полетел. С огромными проблемами, с чудовищным балластом и перегрузом, но полетел. Начал происходить перелом эпох, когда тот самый избранник отечественной смуты и распада вдруг испарился из кабины. Но не в пустоту, нет. «Рассыпалась на пучки летучих лучей» та самая идея наследничества и последования эпохе русского безвременья. Она прервалась.

Прохановский избранник сраствoрился с грандиозным самолетом, и 24 февраля мы увидели, что его словами говорит большая история, ставшая суфлером для власти. Этот избранник, как Сарафанов из «Пятой империи» «оказался в необъятном поле, где толпилось бессчетное множество людей, словно воинство, плечо к плечу». Это людское многолюдье, складывающееся веками, с которым необходимо быть слитно и нераздельно, и есть «русские боги».

Надо сказать, что еще Федор Достоевский увязывал здоровье нации с любовью и пониманием настоящего. Он писал, что «цел и здоров тот народ, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живет, и он умеет понять его».

По словам Федора Михайловича, «такой народ может жить». Долгое время наше общество едва ли можно было назвать здоровым: настоящее производило депрессию и тоску, мы не видели вокруг ни героев, ни героического, ни сколько-нибудь достойного, а если и отмечали, то не придавали должного значения и быстро забывали. Будто пребывали в состоянии летаргического сна.

На самых последних страницах романа Прилепина фигурирует огромный портрет президента, висящий в кабинете губернатора (портрет президента фигурировал и в акции нацболов*, за участие в которой

* Национал-большевистская партия (НБП) запрещена в РФ.

** Признан в РФ иноагентом.

пять лет колонии получил Григорий Тишин). Обращает на себя внимание темный фон картины: «словно президент появился из темноты и спешил теперь куда-то». Из постсоветской темноты, из стихии распада.

Куда спешил? Ответ на этот вопрос также можно найти в нашей новейшей истории и в переломном 2014-м.

«Тогда Путин показал, на что он способен, и я заново полюбил своего президента. Первый раз это произошло, когда он провел стремительную и блистательную вторую чеченскую кампанию. А после Крыма я опять понял, что это мой президент. Это в качестве ответа на вопросы тех, кто периодически говорит, что Прилепин был когда-то против Путина, а теперь за него», – заявил Захар Прилепин в одном интервью октября 2023 года.

* * *

«И печаль не в том, что ничтожен человек, а то, что он зол в своем ничтожестве. Чем больше замечает, что другие его ничтожество видят, тем злее становится… Нету выхода вам больше, так», – развел свою философию перед союзниками в финале романа маленький дед-лесовичок.

Рассуждения довольно апокалиптические. О том, что «скоро загорится» и близится срок. О пустоте в сердце и уязвимости Руси, историю которой «можно в эту избу усадить».

В избе будет семнадцать стариков или семнадцать поколений, сроков, а это «всего ничего» (схожие рассуждения есть у Вадима Кожинова, по подобной логике прописано родословие Иисуса Христа в Евангелии от Матфея с перечислением родов). Вот и иллюстрация хрупкости. Теряется отражение, прерывается связь с теми, кто мог приютить. Вместо нее образовалась пустота, она и разрушает этот поколенческий цивилизационный строй.

Схожим образом писатель Валентин Распутин воспринимал народ за «непрерывный и единый организм», где каждое поколение оставляет «меты, подобно годовым кольцам». Идет через всю историю одна «непрекращающаяся связь».

Подобное восприятие истории как единой личности – народа – есть и у отечественного мыслителя Александра Панарина. Он писал, что смысл истории состоит в сохранении «идентичности данного субъекта – народа». Речь у него идет о преемственности истории, которая «сохраняет нас как культурно-историческую личность, обладающую памятью и заданием». По словам Панарина, история дает народу шанс «воспроизвести себя как личность, продлить себя в следующих поколениях».

Но в тот момент речь шла о поворотном моменте: или – или. Или Россия пойдет дальше по пути пустоты и отчуждения от своего прошлого, по пути обчуждения и отмены себя. Или вновь ощутит живое родство и видение своего поколенческого пути, тех стариков в избе. А значит, проснется и заново оживет. Страна балансировала на этой тонкой грани, и все говорило за то, что качнется в сторону забвения.

И да, то злое – что лакмусовая бумажка нездоровья, разъединенности, что шкала на градуснике, свидетельствующая о тяжком. Еще немного, и можно не спасти, сгорит. Так и сгорел, к примеру, бывший омоновец Олег. В противоположность ему, Саша, ухватившись за крестик, заглянул в вечность. И, конечно же, в ту самую избу, в которой всегда могут приютить. Пока она жилая, а не стылая.

На кону – та самая изба с семнадцатью стариками, их общий путь, их лавка и большой стол, возле которого сидят.

«Умерла она, ваша Россия, это всем вменяемым людям ясно. Что вы за нее цепляетесь», – а это уже Верочка кричала «злым, предслезным голосом». И этот крик также был одной из тех самых «вешек по пути» – знамений, знаков, про которые говорил маленький старичок со «спутавшимися белыми волосами, с лицом готового заплакать ребенка». Дедушка, уже практически готовый к исходу. А что произойдет после этого? Суматошный бег в пустоте.

«И говорю вам: скоро побежите все, как поймете, что от вас устали. Но бежать будет некуда: все умерли, кто мог приютить. В сердцах ваших умерли, и приюта не будет никому», – говорил дедушка. Он предупреждает. Верочка или тот же Безлетов выносят приговор. Подобное эхо проходит через весь роман.

Злость Саши и «союзников» – реакция на этот приговор стране. Протест против фатального, против инерции распада. Они пытаются реанимировать порушенную связь.

Проявляется ощущение собственного долга, особого предназначения, призвания в жизни. Так, Прилепин пишет, что Саша обладал твердым знанием, «что ничего не избежать, он Саша, все сделает, до конца. Словно это уже вне его воли и вне его власти – как приговор». Жизнь посвящена высшей идее, высшему долгу, ради которого личное благополучие, личное счастье должно быть принесено в жертву – ко всему этому он пришел путем сознательного выбора.

Последнее описанное в романе действие Саньки: он положил в рот нательный крестик. Именно в этот момент жизнь главного героя стала наполняться смыслом, изничтожая кромешную внутреннюю пустоту, искоркой вспыхнула мысль: все «вот-вот прекратится, и – ничего не кончится». Если до этого в той же ситуации сопоставления своего «я» и России, он ощущал свою внутреннюю вторичность и даже случайность, то теперь – истинное безусловное родство с миром, в котором малый человек становится краеугольным камнем всего. Он – его творец.

Миссия «проклятого героя» – восстановить баланс и полноту, преодолеть разломы и пустоту. В финале романа призрак либерализма, который символизирует Безлетов, выброшен в окно. После этого жеста Саша Тишин с нательным крестиком становится символом нового-старого этапа в жизни страны, когда она, ее народ, история будут рассматриваться в своей совокупности, а не в ложной хаотической дробности. Для этого и нужно преодолеть призраки дня нынешнего и вспомнить историю рода, найти себя, что и пытается, по мере сил, сделать Санькя.

Собственно, в этом мире после затяжного ощущения, что «все скоро, вот-вот, прекратится», и откровения, что «ничего не кончается», мы и живем. Инерция обреченности, воронка пустоты преодолена.

Развертывается новый отечественный эпос.

Вера СЫТНИК

Родилась в Комсомольске-на-Амуре. Филолог по образованию, окончила Омский государственный университет. Работала музыкальным руководителем в детском саду, корреспондентом районной газеты, преподавателем мировой художественной культуры, русского языка и литературы. С 2006 по 2019 год проживала в Китае, где преподавала русский язык.

Автор двадцати книг для детей и взрослых, участница коллективных сборников, альманахов. Публиковалась в журналах «Берега», «Южная звезда», «Сура», «Новая скала», «ЛитОгранка», «Православная радуга» и других. Лауреат ряда литературных конкурсов, обладатель специального приза от издательского дома РПЦ на Международном славянском форуме «Золотой Витязь» (2018) в номинации «Дорога к храму».

Живет в Ессентуках, Ставропольский край.

«ВСЯ ПЛАНЕТА И ЕСТЬ ЕДИНЫЙ ВЕЛИКИЙ ХРАМ...»

О повести Виктора Кустова «Вестник» («Роман-газета», № 2, 2022)

Повесть Виктора Кустова – это литературный портрет Даниила Андреева, создавшего «Розу Мира» – произведение, которое весьма будоражит умы наших современников. Виктор Кустов, прозаик, драматург, публицист, умеет выбрать животрепещущую тему. Он – автор многих книг, в том числе повествования «Провинциалы», охватывающего в пяти романах пятидесятилетнюю историю России. С 2001 года – главный редактор литературного журнала «Южная звезда».

Мои встречи с Виктором Кустовым – это всегда разговор о тенденциях в литературе, о том, чем живёт общество, и о путях развития нашей страны. Для меня неудивительно, что он обратился к теме, столь актуальной сейчас, что пройти мимо неё настоящему писателю невозможно, ибо касается она судьбы России, поиском общей идеи и цели. Об этом рассуждают многие, зачастую напрочь отстраняясь от уже имеющихся трудов, полагая, что главное здесь – не прошлое, а настоящее. Но идти в будущее и пытаться строить его невозможно без учёта и понимания максимально большого количества мнений на данную тему.

Виктор Кустов приступил к непростой задаче, сосредоточив своё внимание на одном из самых неизведанных миров под именем Даниил

Андреев, на его религиозно-мистическом, метафилософском произведении «Роза Мира», который впервые был издан в 1991 году, когда распадался СССР и публике было явлено то, что старательно скрывалось при советской власти. Сей монументальный труд встал особняком среди других работ – по той, вероятно, причине, что слишком объёмен, насыщен придуманными Андреевым терминами и тем, что затрагивает вопросы, касающиеся индивидуальной мировоззренческой системы, в основу которой положен духовный опыт человека, никогда не имевшего наставника ни из какой религии. Андреев признавался: «концепция, являющаяся каркасом этих книг, выведена целиком из этого (моего. – В. С.) опыта».

В наше время, когда общение сведено к минимуму, книги ограничены детективной и устрашающей душу тематикой, а эмоции заменены смайликами, читать Андреева трудно. Трудно, но возможно и интересно, когда понимаешь, что за кажущейся сложностью формы скрываются понятные всем истины: природа, культура, религия, история, Бог и другие вещи, которые при ближайшем рассмотрении оказываются тем, что тревожит из века в век человека, если, конечно, он не утратил способность тревожиться. Такую обеспокоенность о судьбе России и нравственном развитии её граждан проявил Виктор Кустов, написав художественно-публицистическую повесть «Вестник», героем которой является Даниил Андреев.

Даниил Леонидович Андреев (1906–1959) – сын писателя Леонида Андреева, яркого представителя Серебряного века, поэт, религиозный и социальный мыслитель. Эта фигура выпирает из русской литературы как мощный столб, одиноко стоящий посреди всевозможных её течений и направлений; стоит как гвоздь, прочно вбитый в русскую почву мифотворчества. На нём повисли попытки современных литературоведов разобраться в жанровой и философско-религиозных особенностях «Розы Мира». Кто-то из исследователей срывается вниз под грузом содержания романа; кто-то продолжает болтаться, не имея сил дотянуться, а Виктор Кустов уцепился и, хорошенько изучив, подарил нам превосходное описание судьбы Даниила Андреева, связав её с «Розой Мира». В определённом смысле сделал архиважное: приблизил к читателю и самого Андреева, и его величайшее творение, сделав их понятнее.

«Роза Мира», состоящая из двенадцати частей, каждая из которых может быть самостоятельной книгой, показана Виктором Кустовым как неотъемлемая часть судьбы Даниила Андреева, как полученная через откровение проповедь, которую Андреев собирал по крохам в течение жизни, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Такой взгляд свидетельствует о глубоком осмыслении Кустовым объективных и субъективных причин, приведших Андреева к написанию космического по объёму и мифологического по содержанию текста. Если учесть, что по большей части он написан в застенках Владимирской тюрьмы, то и вовсе труд по его созданию приближается к подвижническому – даже при том если мы в чём-то с ним не согласны.

«Роза Мира» интересна прежде всего в качестве примера возможного мироустройства, вероятно, утопического, но стоящего на столпах общечеловеческих ценностей. Как это связать – утопию и реальность: вот вопрос, поставленный автором «Розы Мира». Фигура самого Даниила Андреева захватывает нас тем, что он, воплотив в себе историка, поэта и философа, продолжил традиции классической русской литературы,

для которой на первом месте всегда стояло проповедничество и поиски Духа.

Виктор Кустов написал повесть, указав на важность, если не изучения, то хотя бы знакомства с «Розой Мира» Андреева. В ней извечное стремление русской души к самопознанию соединилось со стремлением к саморазвитию – через Бога, что во все времена остаётся актуальным. А уж сегодня! Эта мысль, забытая в принципе, находящаяся на задворках общественного сознания, должна быть вызволена наружу для её осмысления. Несомненно, «Роза Мира» – тому в помощь, ибо всё, что там написано, было создано под влиянием божественных озарений, ниспосланных на Андреева в тюремных застенках.

Виктор Кустов за основу композиции взял принцип хронологии, что, как мне представляется, наиболее точно соответствует замыслу – показать череду жизненных моментов героя, влиявших на его духовное взросление. Всё в дальнейшем выстраивается по этому принципу, представляя читателю стройную картину последовательных событий и связанных с ними размышлений героя, что, в свою очередь, даёт понять, под влиянием каких обстоятельств складывалась мировоззренческая позиция Даниила Андреева.

Повесть начинается с полной духовного очарования сцены: шестилетний Даня проснулся, очнувшись от жара, вызванного дифтерией, и зовёт к себе любимую бабушку Бусеньку. Бабушка не идёт, а пока мальчика слушает с помощью «трубочки» дядя Филипп, врач, муж мамы Лилии. Далее следуют воспоминания Дани о папе, который живёт отдельно, и о старшем брате Вадиме, живущем с папой. В памяти Дани, навещавшего отца зимой, запечатлелись радостные картины, как они вдвоём катались на лыжах и санках. Детские воспоминания прозрачны и легки, светлы и наивны, а оттого особенно прелестны и навеивают атмосферу любви и нежности.

Первая глава – самая лирическая. В ней писателю удалось создать неповторимую атмосферу детства, переданную через восприятие Дани окружающего мира. Здесь и любопытство к городу, по которому «его водили в награду за хорошее поведение и успехи в течение недели», и восхитительные поездки на трамвае – каждый раз по новому маршруту, и существование волнительных тайн между ним и его двоюродной сестрой Шурочкой, дочерью мамы Лизы и дяди Филиппа, у которых Данечка живёт.

Здесь и непонятные разговоры взрослых о папе, о том, как папу чуть не убил Абрам, беглый преступник. Данечка Абрама никогда не видел и «представлял его то с чёрной повязкой на глазу, то со злым, как рисуют преступников, лицом и обязательно с огромным револьвером в руке…» Надо всем витает образ Бусеньки, о которой мальчику, наконец, говорят, что её не стало, пока он лежал в бреду. Даня пишет ей письмо, «разрешая… отправиться в рай и обязательно передать маме, что придёт время, как сказала Шурочка, и он с ней встретится…»

Постепенно мы узнаём, что после кончины матери, во младенчестве, Даня был увезён бабушкой по материнской линии Евфросиньей Варфоломеевной Велигорской в Москву, в семью другой своей дочери, Елизаветы Михайловны Добровой (урождённой Велигорской), жены известного московского врача Филиппа Александровича Доброва. Виктор Кустов исподволь, незаметно вводит читателя в мир Данечкиного детства, где любимый праздник – Пасха, где пишутся два первых рассказа «Путешествие насекомых» и «Жизнь допотопных животных», где

сначала слышны отголоски войны, а затем революции, где присутствуют Иван Алексеевич Бунин, Александр Николаевич Скрябин и Фёдор Иванович Шаляпин, вхожие в дом Добровых, и где-то вдали существует Алексей Максимович Пешков, записанный в церковной книге крёстным отцом Данечки. Обстановка, в которой звучали художественные тексты и музыка, не могли не оказывать на подрастающего мальчика влияние. В ответ он начал задумываться об отце, о том, что это известный писатель, и – много рисовал, взяв от отца талант к живописи.

Внимательнейшим образом следит автор повести за «восходом души» своего героя, отмечая, как в одиннадцатилетнем возрасте Даниил чувствовал настроение взрослых и тревожился, ожидая грядущих после произошедшей революции перемен. Они не заставили себя ждать: отец, принявший большевиков за губителей России, поссорился с Горьким; на Пасху верующих не пустили в церковь в Кремле; расстреляли царя… В это смутное время, пишет Виктор Кустов, Даниил углубился в себя. У него появился свой мир, где жила придуманная им планета Юнона, о которой он мечтал написать книгу: «Все события должны были завершиться по Вселенной с посещением Луны, Марса… Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна… звезды Альфа… Нисколько не сомневаясь, он предположил, что там его путешественники увидят рай, в котором теперь мама и Бусенька…» После была гимназия, переезд отца со всем его большим семейством в Финляндию, первая романтическая влюблённость, новые Шурочкины друзья, из которых «иногда заходили Владимир Маяковский, Лиля Брик, Марина Цветаева». И был мистический момент, поразивший пятнадцатилетнего Даниила силой откровения.

Виктор Кустов максимально выделяет этот момент из вереницы других событий в жизни молодого Андреева, предугадывая в Данииле будущего писателя-мистика и обращая наше внимание на его возвышенные чувства, которые нередко бывают предтечей встречи с Богом. Для ощущения необычности происходящего помещает своего героя на некоторую возвышенность, откуда открываются великолепные виды, и переносит действие на вечер, когда всё кажется немного иным, незнакомым…

Герой Виктора Кустова оказывается возле храма Христа Спасителя и вдруг, «очарованный видом» реки, Кремля и Замоскворечья «с его десятками колоколен и разноцветных куполов», чувствует, что «над ним и над всем окружающим миром есть другой, бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий всю историческую действительность России в странном и пока непонятном ему единстве с чем-то неизмеримо большим над ней…». Виктор Кустов нащупывает судьбоносную нить, которая протянется по всей жизни Даниила Андреева и приведёт к «Розе Мира». С этого эпизода начинается и копится томление духа в Андрееве, страдание, незаметное окружающим. Писатель следит за поступками героя и сопереживает его будущему одиночеству, которое Андреев, может быть, и не ощущал, но увидел Виктор Кустов, когда, описывая творческую деятельность Андреева, не упомянул ни об одном из его учителей или предшественников, ни об одном из объединений, куда бы он входил. Вся повесть – подтверждение того, что появление Даниила Андреева в мире литературы – это нечто необъяснимое, мистическое.

Потом будет ещё несколько таких поворотных моментов: в 1928 году в Покровской церкви, когда, стоя на литургии, Андреев пережил видение, «в котором вся планета и есть единый великий Храм,

в котором происходит вечное богослужение просветлённого человечества. И вся история человечества есть не что иное, как мистический поток… А, значит, смысл жизни каждого человека – служить свою службу в великом Храме». Это откровение сопровождало Андреева всю жизнь. Можно сказать, что он служил службу, когда, озарённый видением, писал «Розу Мира».

Затем в 1933 году в случайной церкви, где читался акафист преподобному Серафиму Саровскому, Даниил впервые опустился на колени, почувствовав «блаженный восторг», а душою «поднялся туда, в Небесную Россию, к просветлённым». В «Розе Мира» он пишет: «В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму – и – удивительно! – переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой».

Такое длительное, стойкое чувство можно назвать сошествием Святого Духа через Серафима Саровского, что даётся в редчайшх случаях. На самом деле, кто мы такие, чтобы судить, что произошло тогда с Даниилом Андреевым, но всем известно описание встречи Серафима Саровского с помещиком, где святой показал, что такое сошествие полноты Святого духа на человека. Это весьма похоже на случай с Андреевым, в чём можно усмотреть прямое благословение Серафимом Саровским Даниила Андреева на его литературные труды посредством познания Бога.

Акцентируя наше внимание на подобных мгновениях в судьбе Андреева, Виктор Кустов с величайшей деликатностью и уважением говорит о них. Через описание чувств героя подчёркивает: на Даниила нисходило нечто таинственное, для восприятия чего Андреев уже был открыт в силу дарованной ему Богом способности ощущать тонкие материи природы, красоту мира и откликаться на это порывами души. Такие минуты пробуждали в нём скрытый потенциал, который рос и ширился: проявлялся в ранних стихах, рассказах и пьесах, развился в романах «Грешники», «Странники ночи» и привёл к написанию «Розы Мира», где сосредоточились космические по значимости для человечества вопросы, связанные с историческими событиями, с проблемами веры, с темой личной свободы, с вопросами национального характера, с задачами «русской метакультуры» и высшим предназначением человека. Всё это начиналось именно при посещении храмов в детстве и юности.

Развивая тему духовного взросления, Виктор Кустов делает уточнение о своём герое: в неполных двадцать два года «Он особенно остро почувствовал потребность ходить в храмы. Там не было… влияния извне». Это «влияние» Даниил видел в том давлении, которое оказывали на него издатели и редакторы, не принимая тексты, в неудачной женитьбе, продлившейся год, и в ощущении своей греховности. В храме всё отступало. В храме он отдыхал душой и восстанавливался. Здесь он искал и находил подпитку своим желаниям всё-таки написать о придуманной в детстве планете Юноне, которая с возрастом трансформировалась в идею о «Розе Мира», где «старые религии – лепестки… Роза Мира – цветок: с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков…» Затем удивительные моменты случались уже в камере Владимирской тюрьмы, когда, чтобы скрыть слёзы восторга от охватившего его озарения, Даниил отворачивался лицом к стенке и плакал. Утром записывал то, что привиделось ночью.

Кустов рисует Даниила Андреева одиноким человеком. Не в том смысле, что не было с кем общаться, а в том, что минуты мистических откровений он всегда переживал один. Ни с кем не делился мыслями и чувствами. В полном одиночестве, без духовного руководства, проходит его христианское взросление и осмысление иных религий, его возвышение над обыденным. Детская открытость, отсутствие зашоренности и закомплексованности, доверие пережитым откровениям, острый ум, глубокое знание истории, философских систем прошлого и мировой литературы, пылкая душа, тонкое чувствование всего потустороннего, мечта о всеобщем братстве – всё перечисленное сделало из Андреева мистика. В нём, как в огромном котле, варились сразу несколько религий, а жару поддавало желание указать человечеству путь спасения от зла.

Виктор Кустов раскрывает психологический портрет героя, значительно усиливая его поэтические стороны с помощью пейзажа, имевшего мощное влияние на состояние духа Андреева. Кустов приводит слова Андреева: «ужасно мучаюсь без природы… люблю – до самозабвения – зной, бродяжничанье по лесам, лесные реки и вечера, ночи у костров, холмистые горизонты, даль… без этого совсем не могу жить». Рассказывая о необычной привычке Андреева ходить босиком до холодов, а иногда в мороз по снегу и по московскому асфальту, Виктор Кустов призывает читателя быть снисходительнее к тем проявлениям человеческой натуры, которые обывателю видятся странными. На самом деле Андреев таким образом соединялся с природой, чувствуя её силу. А чтобы не смущать прохожих, вырезал у тапочек подошвы. Со стороны казалось, что он в обуви, но на самом деле подошвы ног оставались голыми.

Описывая его отношение к природе, Кустов не скупится на вставки из «Розы Мира», где Андреев говорит о природе. Говорит языком художника и человека, глубоко чувствующего силу и красоту слова: «Хотя солнца не виделось, было так, словно и оно тоже текло где-то вблизи от моего кругозора, но не его сиянием, а светом иным, никогда мною не виданным, пронизано было всё это – всё, плывшее сквозь меня и в то же время баюкавшее меня, как дитя в колыбели, со всеутоляющей любовью».

Виктор Кустов дарит читателю возможность насладиться сочностью и раздольностью поэтического языка Даниила Андреева, показывая, что Андреев-прозаик вырос из Андреева-поэта, что метафоричность его прозаической речи превращает «Розу Мира» в высокохудожественное произведение. То, что он прежде всего поэт, утверждал сам Андреев и после его кончины и его жена. Алла Александровна писала (ж. «Социум» № 12, 1991): «Поэт Даниил Андреев уникален. Я повторяю – поэт. Ни в коем случае не философ, не пророк (о богословии было бы кощунственно и говорить). Поэт в том смысле слова – древнем, забытом и измельчённом сейчас, – которое было когда-то цельным и обобщающим многие стороны человеческого дарования. Поэт – это совершенно особое восприятие мира не в виде идей или совершающихся перед глазами событий, но в образах. Философское мышление расчленяет жизнь, пытаясь постичь её в истоках и элементах. Поэтическое, образное восприятие мира вбирает этот мир в себя целиком и передаёт своё видение сущего нам, пользуясь даром владения словом, рифмой, ритмом».

Виктор Кустов приводит в повести фрагменты стихотворений и даёт понять: да, Даниил Андреев – прежде всего поэт, и мистические,

мифотворческие, пророческие, философские стороны его произведений вытекают из его поэтического мировоззрения. О том, что поэтическое творчество – это особый жанр философии, писали многие русские философы. Так, Владимир Соловьёв, давая характеристику творчества Тютчева, заметил: «Дело поэзии, как и искусства вообще… в том, чтобы воплощать в ощутительных образах тот самый высший смысл жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях».

Рисуя образ будущего писателя, Виктор Кустов не отрывает его от той исторической обстановки, в которой Андрееву суждено было родиться, взрослеть и приобщаться к сочинительству. Герой показан на фоне и в тесной связи с событиями начала и середины прошлого века. Родился он в первом его десятилетии, через год после «Кровавого воскресенья». Напряжённость социальной обстановки, отражавшаяся во взрослых разговорах, сам воздух, которым дышал маленький Данечка, – всё было полно тревоги. Должно быть, не случайно, отмечает Кустов, в тетради мальчика появилось четверостишие:

Буду Богу я молиться,
Людям помогать,
А чудесная Жар-птица
Мне тоску свивать.

Учиться Даниил пошёл ещё в гимназию, а оканчивал уже советскую школу. Из программы исчезли закон Божий, латынь и греческий, был сделан упор на коммунистическую идеологию. Переход из одной системы образования в другую, несомненно, внёс сумятицу в душу подростка, но духовная закваска, полученная в раннем детстве, оградила его от принятия кодекса строителей коммунизма. В декабре 1931 года Даниил стал свидетелем того, как взорвали храм Христа Спасителя, что укрепило его в мысли об агрессивной сущности большевизма.

Находясь в потоке нового времени, работал в многотиражке завода, но сбежал, не выдержав и двух месяцев: для него оказалось невозможным писать атеистические материалы. Грезя о высоком, трудился художником-оформителем. И всё это – на фоне разговоров о смерти Ленина, осуждении Зиновьева и Каменева, коллективизации и индустриализации, первого съезда советских писателей, идейных расхождений с Горьким, ставшим «апологетом новой власти». На происходящее Андреев имеет собственный взгляд, который сводился к тому, что всё «является закономерным итогом предшествующих лет в истории России».

Создавая портрет Андреева, Виктор Кустов делает акцент на совокупности множества внутренних свойств его характера, как то: темперамент, особенности личности, мотивация поступков, способности, эмоциональность, уровень интеллекта. Перечисленное показывается автором повести опосредованно, а иногда и прямо, когда приводятся слова самого Андреева о себе. Так, находясь в тридцатилетнем возрасте, Андреев пишет, рассуждая о своих нередких депрессивных состояниях: «…здесь дело заключается в том, что я по своим интеллектуальным, волевым и прочим данным – только поэт, и вместе с тем, с детских лет не смолкает голос, требующий ДЕЛАНИЯ… Не хватает религиозно-волевых сил, да и просто нервных и физических сил…»

Волею автора, основываясь на реальных фактах биографии главного персонажа, Виктор Кустов проводит своего героя по фронтам Ве-

ликой Отечественной войны, рассказывает, как Андреев служил сначала писарем, затем санитаром в похоронной команде; как в октябре 1944 его командировали в Москву работать в Музее связи Красной армии; как повстречал художницу Аллу Бружес и женился на ней; как решил выразить свои пацифистские взгляды в романе «Странники ночи»; как в 1947 был арестован за этот роман и приговорён к двадцати пяти годам тюрьмы; как, находясь в заключении, не переставал работать над главным произведением своей жизни – «Розой Мира»; как был освобождён, досрочно, в 1957 и – вплоть до кончины писателя в 1959 году.

Вторую часть повести Виктор Кустов полностью посвятил тюрьме, письмам Даниила и Аллы (отбывавшей заключение в Мордовии) друг другу и «Розе Мира». Здесь мало событий, но те, что описываются, имеют грандиозное звучание – в политическом и религиозном смыслах. Писатель сделал вторую часть сюжета наивысшей по степени напряжения действия, растянув кульминацию на полкниги. Это вполне соразмерно с патетикой звучания «Розы Мира», представленной здесь отрывками и размышлениями автора повести, и вполне сочетаемо с трогательной теплотой и духовным единством, которыми были полны письма супругов. В них – разговоры о литературе, о высоком, о стране и том, как добиться сокращения срока Даниилу. Виктор Кустов составил такую подборку писем, из которой очевидно: Даниил и Алла, оказавшись в застенках, не предались унынию, а, наоборот, с ещё большей твёрдостью духа продолжили работу: Алла – рисование, Даниил – сочинительство. Это спасло обоих от тоски.

Виктор Кустов показал потрясающую динамику образа Даниила Андреева, показав его детские, отроческие и юношеские грёзы и мысли, и приведя к глубокому пониманию греховной сути человека и противоречивости социальных, политических и религиозных процессов в России и в мире. В тюрьме и после тюрьмы перед нами предстаёт надмирный философ, человек, отягощённый тяжёлым опытом, писатель невиданного размаха мысли. В письмах к жене (1956 год) он обозначил если не кредо, то свою позицию в понимании основополагающих вопросов нравственности и творчества.

В одном из них писал: «В числе моих выводов, сделанных из наблюдений за людьми, есть один, говорящий о неимоверной сложности и противоречивости человеческой психики, характера, поведения. В одном и том же человеке уживаются такие, казалось бы, взаимоисключающие черты, сочетание которых не снилось и Достоевскому. Поэтому я могу вынести… нравственное “осуждение” кому-либо лишь в очень нечастых случаях». В другом письме добавляет: «Для меня красивое, музыкальное слово даже само по себе, вне зависимости от обозначаемого им предмета или понятия, становится источником эстетического наслаждения и своеобразной к нему привязанности».

В конце повести перед нами трагическая личность, одинокая, никем не понятая, но, как и в юности, страстная и дерзновенная. Это больной, истерзанный тюремными застенками пятидесятидвухлетний мужчина, который думает о том, чтобы предостеречь человечество от всемирной тирании, жертвой которой он себя считает. По его мнению, существуют «…две главные опасности для человечества – это физическое уничтожение вследствие войны и опасность его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании». Выдохшийся от постоянных видений, открывающих ему суть существования тонких миров, уставший

от неустанного сочинительского труда, писатель из последних сил дорабатывает «Розу Мира».

О застенках, между тем, Андреев писал, что они «послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа». Если вспомнить, как святые угодники земли русской уходили в пустыни и скалы, подальше от людей, чтобы соединиться с Богом, то можно сказать, что тюрьма для Андреева послужила в некотором смысле пещерой, где он уединился и отдался потоку озарений, приходивших к нему по ночам. Он утверждал: «…именно в тюрьме начался для меня этап метаисторического и трансфизического познания». Долго помнил он многочисленные ночи, когда, лёжа в карцере, испытывал озарения, в которых видел скрытые иные миры, видел силы и причины, по которыми эти силы проявляют себя в мире видимом.

Творя портрет Даниила Андреева, автор повести любуется своим героем, сопереживает ему и сочувствует. Особенно это заметно на конечных страницах, посвящённых двум последним годам жизни Даниила Андреева. Это время пронизано ощущением тревоги, пустоты... Тональность повествования незаметно меняется, становясь монументально суровой, даже патетически возвышенной. Возвышенной – в соответствии с «Розой Мира», которая звучит завершающим аккордом в повествовании. По сравнению с первыми страницами повести, светлыми, с лёгкой грустинкой по поводу кончины бабушки Бусеньки, последние воспринимаются как жёсткие порывы ветра, обжигающие душу.

Завершающие повесть страницы обнаруживают не просто глубокое знание, но и прочувствование Виктором Кустовым всего текста «Розы Мира», что отражается на доступности изложения взглядов Даниила Андреева. Читателю предлагается задуматься над понятием многослойности Вселенной, которая лежит в основе концепции «Розы Мира». Под каждым слоем понимается мир, материальность которого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Существуют миры восходящего ряда (миры просветления), миры нисходящего ряда (миры возмездия или демонические миры), а также Высшие миры нашей планеты.

Осмыслить это непросто, однако возможно, если набраться терпения. Главное понять, что Даниил Андреев хотел донести до нас идею о появлении новой религии, которая будет признавать все старые, что неизбежно повлечёт за собой возрождение духовности общества. Созданный Даниилом Андреевым образ цветка, объединяющего все религии, ещё долго будет будоражить наши умы. В «Розе Мира», по Андрееву, будут отсутствовать претензии на исключительность той или иной религии, а будет только желание понять друг друга и вывести общечеловеческие суждения и принципы (догматы), которые были бы понятны и близки всему человечеству.

Выше я уже указывала на одну из сторон актуальности «Розы Мира» – о возврате к мысли о самопознании и саморазвитии человека через познание им Бога. Сейчас скажу о другой стороне, на которую, как и в первом случае, обращает наше внимание Виктор Кустов. Параллель между тем, что происходит в мире, и тем, о чём писал Даниил Андреев, предвидя сегодняшние проблемы, напрашивается сама собой. Виктор Кустов, осмысливает написанное Андреевым и говорит: «Он предсказывает столкновение в борьбе за всемирное господство, отмечая “космополитический американизм”, неизбежность глобальной войны, после чего над уцелевшей частью человечества установится единая

диктатура, прежде олигархическая, а затем единоличная. И это будет всечеловеческая тирания». Не то ли самое, не попытку ли установить мировое господство одного государства, Америки, над всем миром мы видим сегодня?

Как указывает на то Виктор Кустов, «именно его книга “Роза Мира” отвечает на вопросы, какая идея, какое учение помогут создать братство всех, которое сменит бездушный аппарат государственного насилия. И основу этих перемен видит в том, “что соцветие религий… под влиянием научного и социального прогресса обогащается тем, что сделает мировую религию вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком – Розою Мира”». «Но когда и где затеплится первый огонь Розы Мира, кроме Господа Бога, не знает никто. Правда, “страна – Россия – предуказана”».

В этой связи вновь вспоминается преподобный Серафим Саровский, который кроме чудес прославился своим пророчеством. Видится промысел Божий в том, что святой, проживший в уединении, и мирской человек, в своих духовных озарениях, говорят об одном и том же, но разными словами. Серафим Саровский уверял: перемены начнутся тогда, когда Россия останется совсем одна. Обещал ей сохранение благочестия и защиту Бога, если народ сможет встать под православным знаменем. Считал, что в XXI веке странами, где не будет православия, станет править антихрист, что приведет к началу междоусобных войн. Упоминал о конце мира, но не называл дат, уверяя, что они неизвестны даже «ангелам небесным». При этом верил, что Россия будет стоять долгие века, если русские возлюбят православную церковь.

Серафим Саровский не оставил после себя письменных свидетельств. Мы знаем об его высказываниях из слов близких к нему людей. Даниил же Андреев собственноручно написал огромный трактат, где (такое впечатление!) многие мысли Серафима Саровского были преумножены и развиты в духе научного, философского, религиозного, культурного и технического прогресса. Может быть, это не настолько явственно, чтобы говорить об этом конкретно, но то, что мысли обоих созвучны, – это бесспорно.

Виктор Кустов назвал повесть «Вестник». Красивое, многообещающее слово. В данном случае, очевидно, имеются в виду духоносные наклонности Даниила Андреева, которые способствовали формированию в нём провидца. Насколько этот провидец прав, покажет время.

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литинститут им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук.

Автор семи поэтических и четырех прозаических книг, а также более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), литературной премии имени Николая Рыленкова (Смоленск, 2022) и многих других, победитель нескольких международных поэтических конкурсов.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

КРОШКИ ВОЛШЕБСТВА

О поэзии Евгения Чигрина

Книга избранных стихотворений Евгения Чигрина «Болотный огонь», увидевшая свет в столичном издательстве «РИПОЛ классик» совсем недавно – явление, на мой взгляд, совершенно уникальное. Несмотря на все формальные признаки литературного успеха (14 изданных книг, переводы на 21 язык мира) творчество этого автора до сих пор еще не стало известным широкому читателю. И связано это не столько с профессионализацией всех видов искусств, не столько с усложнением поэзии как таковой, а с тем, что в настоящее время даже профессиональный читатель (преподаватели литературы, литературоведы, критики, библиотекари) не всегда успевает за черепахой профессиональной литературы, и перспективы Ахиллеса из древнегреческой апории выглядят фатальными.

Постараюсь, чтобы мысль моя об уникальности стихов этого поэта не показалась читателю голословной. Не секрет, что доказательность как раз и есть то, чего так недостает подчас большинству наших критических материалов. А ведь именно она превращает любое личное и подчас субъективное высказывание в то, что становится частным мнением уже некоторой группы людей, объединенных общими интересами. Условно назовем эту группу «ценителями поэзии». Зачастую, однако, бывает так, что критик или обозреватель, не стесняясь самых высоких и даже выспренних выражений, всячески превозносит того или иного автора, а потом в качестве доказательства приводит его текст. Читатель зачастую просто недоумевает – а что здесь гениального? Слишком уж велика бывает пропасть между панегириками обозревателя и приведенным текстом автора. Совсем уж далекий от предмета обсуждения человек подчас верит автору статьи – да, наверное, действительно хорошо

написано, к тому же ведь и напечатали! А то что я не понимаю этого, так, наверное, не дорос еще... А иногда бывает и так, что читатель полностью соглашается с критиком, и тогда происходит открытие для себя нового автора. Сразу же возникает вопрос – а необходим ли вообще между автором и читателем такой вот посредник? Литературный текст не недвижимость, где подчас нужен грамотный знаток-посредник, выступающий в качестве риэлтора.

Ответы на этот вопрос могут быть разные. Критик нужен хотя бы затем, чтобы показать читателю верную дорогу, чтобы он не потерялся в лабиринтах и зачастую тупиках колоссального объема продукции, выходящей из-под гуттенбергова пресса.

Чтобы предмет разговора был понятен читателю и, разумеется, соглашаясь с тем, что поэзия может быть самой разной, должны все-таки напомнить, что у поэзии есть и неотъемлемые внешние атрибуты – рифма, ритм, метафорический ряд, а главное, система образов, которая в стихах второстепенных поэтов, насколько бы они ни были прекрасными людьми, никогда не бывает уникальной.

Известно, что устная речь возникла гораздо раньше письменной и первые поэты были так же неграмотны, как и их слушатели. Они рассказывали и пели о том, что видели, слышали и осязали. «Вот олень пробежал. Вот человек едет в собачьей упряжке», – образцы такой поэзии были и будут всегда. Такие непохожие друг на друга и такие разные по уровню дарования поэты как Алексей Кольцов, Абай и Эдуард Асадов писали исключительно о том, о чем с той или иной долей достоверности информировали рецепторные поля анализаторов – зрительного, слухового, обонятельного и вкусового, а также другие виды чувствительности (болевая, температурная, тактильная – нужное подчеркнуть), не опосредованные письменной речью. Таких поэтов иногда (наверное, не совсем удачно) называют «почвенниками», разумея почву в самом широком, философском, а не в агрономическом значении этого слова. Другая категория стихотворцев – те, которые появились уже после возникновения письменной речи как таковой и опирающиеся кроме впечатлений от реальности еще и на то, что им довелось прочитать, то есть на то, что было написано до них (на мировую культуру). Почвенники подчас считают таких стихослагателей вторичными, поскольку последние живут уже отраженным светом и отчасти справедливо обвиняют их в книжности, литературщине. Многие пишущие люди, особенно прошедшие школу советских литобъединений, вспоминают эти дежурные обвинения в литературщине, зачастую исходящие от особ с не слишком высоким уровнем образованности. С другой стороны, поэты, опирающиеся на мировую культуру, подчас свысока относятся к почвенникам, справедливо говоря о том, что в наше время нельзя уже петь, как птичка, сидящая на ветке и не знающая, что до нее что-то там писали Гомер, Данте, Пушкин, Бодлер и Мандельштам. Как всякая классификация, даже и претендующая на научность, это подразделение поэтов на две категории, безусловно, во многом притянуто за уши. Например, опора на мировую, в частности на античную, культуру видна уже в незрелых, лицейских стихотворениях «смуглого отрока» Пушкина. С другой стороны, у того же поэта много произведений, обусловленных влиянием исключительно органов чувств, то бишь почвеннических, – «Погасло дневное светило», например. И в первой, и во второй категории, разумеется, есть свои классики.

Не претендуя ни на какие литературоведческие лавры, предполагаем, что существует и третья категория поэтов, генетически вышедшая

из второй. Это люди, впитавшие в себя мировую культуру, как губка, а затем расщепившие ее на молекулы для того, чтобы из этих молекул синтезировать уже свой, своеобычный поэтический мир. Эта редкая категория поэтов никогда не цитирует тупо своих предшественников, тем более никогда не обыгрывает классические цитаты, как это делают постмодернисты (например, «чем меньше женщину мы больше, тем больше меньше она нам»). То, что подобные цитирования и обыгрыши зачастую носят сатирический характер, объясняется тем, что стихотворцы-постмодернисты не выдерживают груз поэтических строк классиков, не в состоянии, подобно муравью, нести соломинку, превышающую во много раз массу его тела.

К этой третьей категории поэтов, синтезирующих свой поэтический мир из атомов и молекул, составляющих поэтические миры наших классиков, принадлежит поэзия Евгения Чигрина. Имена исторических персонажей, писателей и художников, мифологических героев в стихах Чигрина, как по мановению волшебной палочки, перестают быть книжными, сошедшими со страниц полуистлевших фолиантов. Они пахнут так же, как пахнут земля, вода, полынь и резеда. Имена собственные смыкаются с именами нарицательными и встают с ними в один семантический ряд.

В купе окно, в котором светит сад,
Под яблоней и грушей спрятан клад,
А под землею дева, как в ловушке,
С которой был бы… «Ты про счастье?» «Нет!»
Феб в облаках читает твой планшет,
И вертятся менады-потаскушки…

Этот сидящий за гаджетом Аполлон никак не ассоциируется с античным богом, даже с его классической статуей, стоящей на всеобщее обозрение глазеющих экскурсантов в каком-нибудь суперэкскурсионном Ватикане. Скорей всего, это увлеченный своей работой наш современник, выискивающий что-то в интернете. Или же такое интимное, выходящее из самого сердца и в то же время связанное тысячью нитей со всей русской поэзией, начиная с пушкинского «Пророка»:

Если что, на призрачное право
Серафиму черкануть слова:
«Было запредельно, было ржаво,
Жизнь бросала крошки волшебства».

Шестикрылый серафим настолько близок, что ему можно просто «черкануть», послать эсэмэску. Способ доставки сообщения может быть самым разным, он никогда не акцентируется поэтом. Да и места отправки и доставки совершенно не соотносятся с категорией времени:

Пишу тебе из темноты, из местности NN –
В который раз? В который снег? В который Карфаген?

Умело маневрируя в разных лексических пластах, поэт и сами эстетические символы, вроде Кастальского ключа, превращает в знакомые каждому ощутимые бытовые предметы:

Плюс 30 в безоблачном полдне. Жара
Стоит парадизом по-галльски,
В который иголки вгоняет хандра,
Чтоб выхватить ключик кастальский.

Эта удивительная близость высокого с низким, небесного и земного приводит и к причудливому сближению лексических пластов. Такие разные лексические пласты, как феня, молодежный сленг, разговорный язык, литературный язык, язык высокой поэзии переходят у автора друг в друга незаметно, как отдельные цвета радуги, не оставляя чувства пересечения некоторой этической или эстетической границы. Сама же радуга всегда радует как многообразием, так и великолепием.

Например:

Настроенье у местного автора – заросли мглы,
Он рассеянно смотрит на выходки бабьего лета,
На лице его – «пофиг»… Заляпаны красным дворы,
К лазуриту небес прилепилась янтарная мета…
Вот и бродит один, облака оплетая в стихи,
Постаревшим кустам завещает дары писанины,
Зависая в тени, в депрессняк загружая мозги,
Там открытые файлы: задвиги, нюансы, картины…

Пример поэтического текста, где более чем разговорный фразеологический оборот чуть ли не роднится с древнеегипетской мифологической терминологией:

Ты умер и проснулся в сентябре,
Взглянул в окно, там дождь, как в хрустале,
Гулял, а ветер выходил в валторны.
Там жизнь входила в смерть: ты проверял?
Анубис в рот тебе, ты сам шакал,
Ты на кого ругаешься, позорный?

Или с историей русской поэзии:

Почему Б. Поплавский плывёт за буйками? Не знаю.
Да и сам Ходасевич какого хераскова тут?

Интересно, что эта лексика не только не выбивается из текста, но делает его еще более пластичным и органичным. Сама любовь к слову настолько велика, что слово выступает не только как семантическая единица, не только как некий эквивалент информации, а прежде всего как *единица художественного текста*. Поэтому в поэтическом словаре Чигрина нет слов-генералов и слов-солдат (что было, например, в словаре создателя теории «трех штилей» Михаила Ломоносова), слова «депрессняк» и «пофиг» воюют в таком же авангарде, как и все другие слова.

Существует весьма сомнительная точка зрения, что советскую официальную поэзию несколько приземлил почти поголовный атеизм ее представителей. Может ли поэт быть атеистом? Вопрос на засыпку. Впрочем, а почему бы нет? Тем более что для христианской доктрины атеист, особенно атеист сознательный, даже воинственный, стоит

на гораздо более высокой ступени духовного развития, чем человек, по умолчанию равнодушный к вопросам религии. Об этом, кстати, более чем прозрачно намекает старец Тихон пришедшему к нему на исповедь Николаю Ставрогину. Как поэт высокого духовного напряжения, миллионами нитей связанный с мировой культурой, Евгений Чигрин не может игнорировать категорию Бога, поскольку с античных времен поэзия как форма общественного сознания опирается на реалии жизни не для того, чтобы запротоколировать и «сфоткать», но чтобы открыть читателю духовные каналы общения с материями вечными, трансцендентными, чем и отличается, например, от той же науки, опирающейся исключительно на факты и анализирующей факты.

Общение с Богом в творчестве Чигрина предстает вовсе не как традиционная молитва, не как крик отчаяния, не как крик утопающего, мечтающего о вечной занюханной сакраментальной соломинке, а как напряженный диалог-поединок:

Я вещество? Я только вещество,
Субстанция Твоих забот всего лишь?..
Посмейся, Бог. И больше ничего.
И не поспоришь.

Двадцать первый век с его реалиями, которыми насыщен и подчас даже перенасыщен поэтический мир Евгения Чигрина, мир жесткий, атеистический и технократический, в котором нельзя ни на минуту расслабиться, чтобы не поймать себя на том, что плывешь по течению, заставляет автора-скептика чуть ли не физически страдать от недостатка Божественного:

Серафим, мне слишком одиноко
Шар земной на пальчиках держать,
Над моей кроватью мало Бога…
Вот и вышел зайчик умирать.

Вечная проблема взаимодействия иллюзий и реальности тяжело переживается поэтом:

Цвета манго и мускатной дыни
Снился остров. Снились острова.
Снилась жизнь таких авиалиний,
От которой лучшая халва
И во рту, и на большой тарелке,
Только вот тарелка эта где?
Я проснулся. Ни свистка, ни белки…
Только осень старая везде.

Поиски Бога в стихах Евгения Чигрина постоянны. И если не всегда они удачны в аспекте метафизическом, то в художественном аспекте удача налицо:

Видеть: несут восемь ангелов книгу печали,
радости книгу несут эти твари Тебе.
Я говорил: «Так случится…» – в неспящие дали,
я поднимался, играя на тихой трубе.

Я пионер, понимающий евангелиста,
я засвечусь, и тогда Ты увидишь меня
Точкой? Звездой? Понимающим коду флейтиста?
Тем, для кого не хватило простого огня?

Бог в стихах поэта присутствует всегда, и в моменты высшего откровения поэту становится просто необходимо, чтобы высшее существо подтвердило его мысли и чувства:

Нам выпадет на Вавель
Да под молчанье русское – кирять…
Не так ли, INRI? Так ли, Иегова?

Такое совершенно не молитвенное отношение к Христу человека страдающего и мыслящего читателю не воцерковленному (а у нас таких большинство!) очень понятно. Иногда кажется, что поэт уже готов отречься от логических схем на пороге полного приятия Бога, но этого не происходит. В отличие от героя Достоевского, который между Истиной и Христом всегда выбирает Христа, даже если знает, что Христос идет против истины, лирический герой Евгения Чигрина (не будем его идентифицировать лично с автором!) до сих пор находится в сомнении, но это сомнение как раз и есть «огонь, мерцающий в сосуде», та самая искра Божия, готовая в любой момент разгореться и превратиться в пламя несокрушимой веры.

Категория страдания вообще настолько часто обсуждалась теоретиками и практиками от отечественной словесности, что давно уже стала общим местом. Во всяком случае, во второй половине позапрошлого столетия способность к страданию воспринималась как неотъемлемый атрибут каждого пишущего. Отец Дмитрия Мережковского, пришедший с сыном к Достоевскому с целью получения консультации по поводу первых стихов своего мальчика и услышавший это вечное, так знакомое русскому сердцу «страдать надо, страдать», усомнился вообще в пользе литературы, во всяком случае, для ребенка: «А может, ему лучше вообще не писать? Я не хочу, чтобы мой ребенок страдал». Ответ Мережковского-старшего удивительно точен и поучителен как с точки зрения здорового реализма, так и с точки зрения апологета психического здоровья. В стихах Евгения Чигрина страдание никогда не перерастает в жалобы на мировую несправедливость, поскольку мир удивительно ярок и разнообразен, а жить в нем – истинное счастье, поскольку

Прекрасно утро, солнце вышло жить,
Перекатилось и давай ловить
Всё в объектив, как в жизни, ненасытно.

Объектив того чудесного микроскопа, в который смотрит на мир поэт, наверное, и есть тот самый талант, даруемый поэту Богом (или природой, в данном контексте это не имеет никакого значения). Значение для нас, читателей, имеет прежде всего то, что талант поэта позволяет нам в сотый и тысячный раз удивляться умопомрачительной красоте окружающего нас мира и способности поэта открыть для нас этот мир.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Наталия Петрищева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Оренбург)

Елена Крюкова

Александр Орлов (Москва)

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Санкт-Петербург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Елена Гаврюшова

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ
ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04
Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru
Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и биографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Подписано к печати 27.03.2025.
Выпущено в свет 25.04.2025.
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13